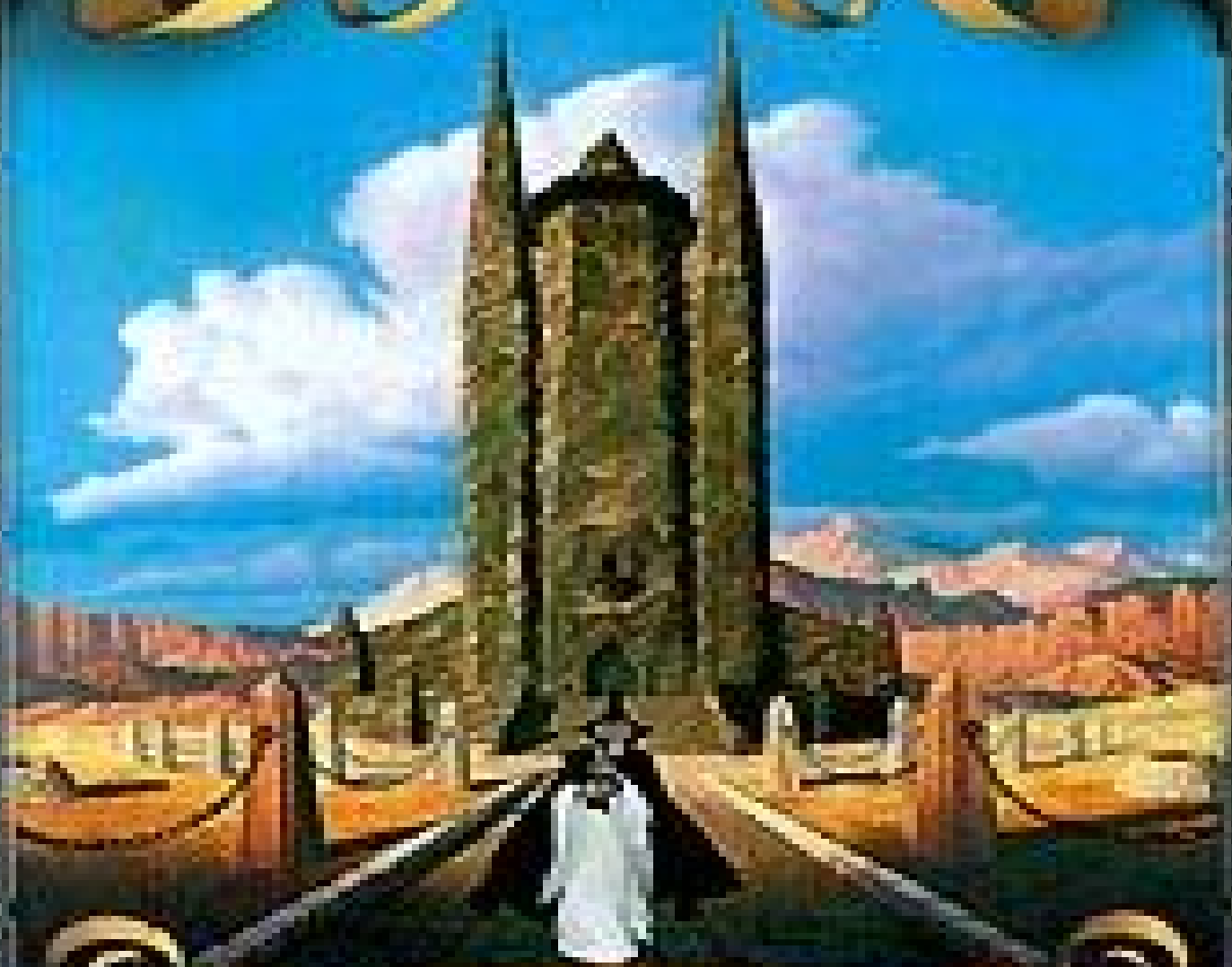


Джон Р.Р.

# ТОЛКШ



СИЛЬМАРМАМОН

## Annotation

Перед вами — «Сильмариллион».

Книга о первых Эпохах Средиземья. Книга, в которой поведана не только история великой войны меж Светом и Тьмою, тысячелетия сотрясавшей величайший мир за всю историю жанра фэнтези, но и предыстория Колец Всевластья — Колец, путь которых по Средиземью еще только начинается...

Вы читали «Властелина Колец»? Тогда читайте его предысторию!..

---

- [Сильмариллион](#)
  - [АЙНУЛИНДАЛЭ](#)
  - [ВАЛАКВЕНТА](#)
  - [КВЕНТА СИЛЬМАРИЛЛИОН](#)
    - 
    - [Глава 1 О начале дней](#)
    - [Глава 2 Об Ауле и Йаванне](#)
    - [Глава 3 О приходе эльфов и пленении Мелькора](#)
    - [Глава 4 О Тинголе и Мелиан](#)
    - [Глава 5 Эльдамар и принцы эльдалиэ](#)
    - [Глава 6 О Феаноре и освобождении Мелькора](#)
    - [Глава 7 О Сильмарилах и непокое нолдоров](#)
    - [Глава 8 О Затмении Валинора](#)
    - [Глава 9 Об исходе нолдоров](#)
    - [Глава 10 О синдарах](#)
    - [Глава 11 О Солнце, Луне и Сокрытии Валинора](#)
    - [Глава 12 О людях](#)
    - [Глава 13 О возвращении нолдоров](#)
    - [Глава 14 О Белерианде и владениях в нем](#)
    - [Глава 15 О нолдорах в Белерианде](#)
    - [Глава 16 О Маэглинне](#)
    - [Глава 17 О том, как люди пришли на Запад](#)
    - [Глава 18 О разорении Белерианда и гибели Финголфина](#)
    - [Глава 19 О Берене и Лютиэн](#)

- [Глава 20 О Пятой Битве: Нирнаэт Ариоэдиад](#)
  - [Глава 21 О Турине Турамбаре](#)
  - [Глава 22 О гибели Дориата](#)
  - [Глава 23 О Туоре и падении Гондолина](#)
  - [Глава 24 О путешествии Эрендила и Войне Гнева](#)
  - [АКАЛЛАБЕТ \(ПАДЕНИЕ НУМЕНОРА\)](#)
  - [О КОЛЬЦАХ ВЛАСТИ И ТРЕТЬЕЙ ЭПОХЕ](#)
  - [СЛОВАРЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ](#)
  - [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
-

# **Сильмариллион**

# АЙНУЛИНДАЛЭ

## *Песнь айнуров*

Был Эру, Единый, кого в Арде зовут Илúватар. Сначала он мыслью своей породил айнуров, Священных; и они были с ним, когда других созданий еще не существовало. Он говорил с ними и давал им музыкальные темы; они пели перед ним, и он радовался. Только пели они поодиночке и редко сплетали голоса: ибо каждый постигал только часть мысли Илуватара — ту, из которой возник сам, — и потому трудно было им понять друг друга. Но по мере того, как каждый из них вслушивался в пение остальных, их понимание росло, и они приходили к большей гармонии и единству.

И вот однажды Илуватар созвал всех айнуров и предложил им могущественный напев, открыв им больше чудесных тайн, чем когда-нибудь до того; и величие этого напева так поразило айнуров, что они склонились пред Илуватаром, но остались безмолвны.

Илуватар промолвил:

— Я желаю, чтобы на тот напев, что я задал вам, вы общими усилиями создали Великую Песнь. И так как я зажег вас от Неугасимого Пламени, явите теперь силы свои в создании Песни — каждый, как думается и желается ему. Я же буду слушать вас и радоваться великой красоте, пробужденной вами.

Тогда голоса айнуров, подобные арфам и лютням, флейтам и трубам, виолам и органам, и неисчислимым хорам, сплелись и претворили напев Илуватара в Великую Песнь; чудесно сплетенные мелодии поднялись до высот, и низринулись в бездны, и выплеснулись из обиталищ Илуватара в пустоту, и пустота заполнилась музыкой. Никогда больше не творили айнуры музыки, равной этой, хотя и говорят, что, когда настанет предел дням, хоры айнуров и других Детей Илуватара породят музыку более великую. Тогда замысел Илуватара будет наконец воплощен в полной мере, ибо каждый узнает свою цель и каждый будет понимать другого, а Илуватар даст их мыслям свой тайный пламень, ибо будет доволен.

А сейчас Илуватар сидел и внимал их пению. Поначалу все радовало его слух, ибо гармония была безупречна. Но тема развивалась — и в душе Мелькора запало искушение повести мелодию по-своему, не так, как задумал Илуватар: ибо так мыслил он возвысить силу и блеск партии, назначенной ему. Мелькор был превыше прочих айнуров одарен мудростью и силой, владея частицами открытого каждому из его братьев. Он часто скитался один по пустынным безднам в поисках Негасимого Пламени; ибо ему не терпелось дать Бытие собственным творениям; и казалось ему, что Илуватар не спешит обращать Ничто в Нечто, и нетерпение охватывало его при виде пустоты. Пламени он не нашел, ибо Пламя было у Илуватара. Но одиночество породило в нем думы, неведомые собратьям.

Эти помыслы и вплел он теперь в свою музыку — и сейчас же вокруг него начался разлад, и многие, что пели рядом с ним, сникли, разум их смутился, и мелодии стихли; а некоторые стали вторить Мелькору и изменили свои помыслы. Тогда разлад разросся, и прежние мелодии потонули в море неистовых звуков, но Илуватар все сидел и внимал, покуда не стало казаться, что трон его высится в сердце бури, точно темные волны борются друг с другом в бесконечной неутихающей распре.

Тогда восстал Илуватар — и увидели айнуры, что он улыбается: он поднял левую руку — и среди бури возникла новая тема, похожая и непохожая на прежнюю, и она обрела силу и новую красоту. Но разлад Мелькора вновь поднялся в волнении и шуме и заспорил с ней, и опять началась война звуков, яростнее прежнего, пока многие айнуры не смутились и не умолкли, — и Мелькор одержал верх. Тогда вновь поднялся Илуватар, и его лицо было суровым; он поднял правую руку — и среди смятения родилась третья тема, не похожая на прежние. Ибо сначала казалась она тихой и нежной, прозрачной капелью ласковых звуков; но ее нельзя было заглушить, и она вбирала в себя силу и глубину. И наконец стало казаться, что две песни звучат одновременно пред престолом Илуватара, и были они различны. Одна была широка, глубока и прекрасна, но медленна и исполнена неизмеримой скорби, из которой и выростала ее красота. Другая же, хоть и достигла теперь некоей цельности, была громкой, пустой и бесконечно повторялась; гармонии же в ней было мало — словно

множество труб выдувало в унисон всего несколько нот. Этот напев тшился заглушить другую музыку неистовством своего голоса — но самые победные звуки его вплетались, захваченные ею, в ее скорбный узор.

В высший миг этой борьбы, когда чертоги Илуватара сотряслись и трепет пронесся по дотолу непотревоженному безмолвию, Илуватар поднялся в третий раз, и ужасен был его лик. Он поднял обе руки — и единым созвучием, глубже Бездны, выше Сводов Небес, всепроникающим, словно свет очей Илуватара, Песнь оборвалась.

И молвил тогда Илуватар:

— Могучи айнуры, и самый могучий из них — Мелькор; но должно знать ему — и всем айнурам: я — Илуватар. То, о чем вы пели, я покажу вам, чтобы знали вы, что сделали. А ты, Мелькор, увидишь, что нет музыки, исходящей не от меня, равно как никто не может изменить напев вопреки мне. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется лишь моим орудием в создании дивных чудес, что он сам не способен постичь.

Айнуры утрашились. Они не поняли обращенных к ним слов, а Мелькор исполнился стыда и скрытого гнева. Илуватар же поднялся и вышел из прекрасных обиталищ айнуров, что сотворил он для них; и айнуры последовали за ним.

И когда они вышли в Ничто, молвил им Илуватар:

— Узрите свою Песнь!

И он явил им видение, одарив помимо слуха и зрением; и они увидели пред собой новый Мир, шар, укрепленный в Пустоте, но ей не принадлежащий. Они смотрели и дивились, а Мир этот раскрылся перед ними, и мнилось, что он живет и растет. И через некоторое время — айнуры же молчали — Илуватар вновь сказал им:

— Узрите свою Песнь! Это ваше пение; и каждый из вас отыщет там, среди того, что я явил вам, вещи, которые, казалось ему, он сам придумал или развил. А ты, Мелькор, откроешь все тайные помыслы своего разума и поймешь, что они лишь часть целого и данники его славы.

И о многом другом поведал в то время айнурам Илуватар, и они помнят его речи и знают, что каждый из них вложил в его Песнь; потому айнурам известно то, что было, есть и будет, и немногое сокрыто от них. Есть, однако, то, чего они провидеть не могут — ни в

одиначку, ни советуясь друг с другом; ибо никому, кроме себя самого, не раскрывает Илуватар всех своих замыслов, и в каждую эпоху появляются вещи новые и непредвиденные, так как они не исходят из прошлого. И потому, когда видение Мира раскрывалось пред айнурами, они увидали в нем вещи, о коих не думали. И с удивлением узрели они приход Детей Илуватара и жилище, что было приготовлено для них; и поняли, что сами, творя Музыку, были заняты сотворением этого дома, не зная, что в музыке их лежит иная цель, помимо собственной красоты. Ибо Дети Илуватара были задуманы им одним: они пришли с третьей темой, их не было в теме, которую задал вначале Илуватар, и никто из айнуров не участвовал в их создании. Но тем более полюбили их айнуры, увидав не похожие на них самих создания, странные и вольные, в коих дух Илуватара открылся по-новому и явил еще одну каплю его мудрости, которая иначе была бы сокрыта даже от айнуров.

Дети Илуватара — это эльфы и люди, Перворожденные и Последыши. Среди всех чудес Мира, его обширных пространств и чертогов, его кружащихся огней, Илуватар избрал им место для жилья в Глуби Времени, между бесчисленных звезд. И место это могло показаться песчинкой тем, кто видит величие айнуров, но не их устрашающую зоркость и точность в мелочах: ибо они, строя столп с основанием обширным, как поле Арды, вершину его делают острее иглы; или тем, кто видит лишь бесконечные просторы Мира, что поныне создают айнуры, и не замечают точной соразмерности мельчайших его частей. Но когда узрели айнуры в видении это жилище и увидели появление Детей Илуватара, — многие из самых могучих преломили все думы и страсти свои к тому месту. И плавой их был Мелькор — так же, как вначале он был величайшим из айнуров, создавших Песнь. И он лгал — вначале даже себе самому, — что хочет отправиться туда и привести все в порядок к приходу Детей Илуватара, смеря свои ледяные и знойные страсти. На самом же деле он желал подчинить себе эльфов и людей, завидуя дарам, коими обещал одарить их Илуватар; он жаждал иметь слуг и подданных, зваться Властелином и господствовать над чужой волей.

Прочие же айнуры смотрели на жилище, помещенное среди Мировых пространств, эльфы зовут его Арда — Земля, — и души их ликовали, и глаза, видя многоцветье ее покровов, наполнились радостью;



внимая же реву моря, ощутили они великий непокой. Видели они ветра и воздух, и все, из чего сделана Арда, — железо и камень, серебро и золото и прочие вещества; но более всего восхитила их вода. И, как говорят Эльфы, в воде осталось жить эхо Песни айнуров; а потому Дети Илуватара готовы бесконечно слушать голос моря — и, однако, не ведают, чему внемлют.

К воде обратил свои помыслы айнур, коего эльфы зовут Ульмо — по воле Илуватара он был самым сведущим в музыке. А к воздуху и ветру обратился Манвэ, благороднейший из айнуров. Об устройстве суши мыслил Ауле, коему Илуватар дал мастерства и знаний не менее, чем Мелькору; но радость и гордость Ауле — в творчестве и в сотворенной вещи, а не в обладании и господстве; и потому он дарит, а не копит, и свободен от забот, все время переходя от уже сделанного к новой работе.

И молвил Илуватар, обращаясь к Ульмо:

— Ужели не видишь ты, как там, в этом малом краю, в Глуби Времени, Мелькор объявил войну твоим владениям? Он придумал жестокий, убийственный холод — и все же не разрушил красоты твоих родников и прозрачных озер. Взгляни на снег и На искусную работу мороза! Мелькор создал зной и необоримое пламя — и не иссушил твоего желанья, не заглушил музыку моря. Взгляни на высоту и величие облаков и зыбкие туманы; услышь, как падает на землю дождь! В этих облаках ты приблизишься к Манвэ — другу, столь любимому тобой.

И отвечал Ульмо:

— Воистину, вода стала теперь прекрасней, чем представлялась моей душе, и в самых тайных думах не видел я снежинок и не пел о дожде. Я приду к Манвэ, и мы с ним вместе будем слагать песни и радовать тебя.

Так Манвэ и Ульмо с самого начала стали союзниками и преданнее всех служили помыслам Илуватара.

Но пока Ульмо говорил, а айнуры любовались видением, оно пропало и скрылось от их взоров; и показалось им, что в этот миг они познали нечто новое — Тьму, которая прежде являлась им лишь в думах. Но они были очарованы красотой видения и поглощены раскрывшимся пред ними Миром, что обретал бытие, и души их были заполнены им; ибо история не завершилась и круги времени не

замкнулись, когда видение исчезло. И говорят, что погасло оно, не успев показать Владычество людей и увядание Перворожденных; потому, хотя в Песни заключалось все, валары не увидели Поздних Эпох и Конца Мира.

Тут беспокойство охватило айнуров; но Илуватар воззвал к ним и сказал так:

— Мне ведома жажда ваших душ, чтобы то, что вы видели, было на самом деле, а не только в ваших помыслах. Потому говорю я: *Эа!* Да *будет* все это! И я бросаю в пустоту Негасимый Пламень, и он станет сердцем Мира, Что Будет; и те из вас, кто пожелает, смогут спуститься туда.

И внезапно айнуры узрели вдаль свет, будто облачко с сердцем живого пламени; и поняли они, что это не видение, но что Илуватар создал новое: Эа, Мир Суший.

Так и случилось, что некоторые айнуры по-прежнему живут с Илуватаром за гранью Мира; а иные — и среди них самые могучие и прекрасные — оставили Илуватара и спустились в Эа. Но Илуватар поставил условие — или, быть может, к этому призвала их любовь, — что сила их впредь должна пребывать в Мире и быть неразрывной с ним, покуда он существует, дабы они были жизнью Мира, а он — их жизнью.

Потому и зовутся они *валарами* — Стихиями, или Силами Мира.

Когда же валары пришли в Эа, то поразились и растерялись, ибо не было там ничего, что узрели они в видении, и все было предначально и бесформенно — и повсюду царила тьма. Ибо Великая Песнь была лишь ростком и цветением мысли в Чертогах Безвременья, а Видение — лишь прозрением; а сейчас они пришли в начало Времен; и, поняли валары, что мир предначертан и предпёт и им должно создать его. Так начались их великие труды в пустотах неизмеренных и неизведанных и в веках бесчисленных и позабытых, покуда в Глуби Времен среди обширных чертогов Эа не настал час и возникло место для сотворения жилища Детям Илуватара. Главными в этой работе были Манвэ, и Ульмо, и Ауле; но Мелькор тоже был там и с самого начала вмешивался во все, что делалось, переиначивая это, если мог, на свой лад; и он разжег великие огни. И когда юная Земля была полна пламени, Мелькор возжаждал ее и сказал прочим валарам:

— Это будет мое владение; я объявляю его своим!

Манвэ был братом Мелькора в думax Илуватара и главным голосом второй темы, что поднял Илуватар против разлада Мелькора; и он призвал многих духов, великих и малых, и они спустились в поля Арды и помогали Манвэ, дабы Мелькор не помешал их трудам и Земля, вместо цветения, не иссохла. И сказал Манвэ Мелькору:

— Владение это не будет твоим, ибо другие трудились здесь не менее твоего.

Так началась борьба между Мелькором и прочими валарами; Мелькор на время отступил и ушел в иные области Мира, и делал там, что хотел; но жажда царить в Арде не оставила его сердца.

А валары приняли видимый образ; и так как их привела в Мир любовь к Детям Илуватара, они выбрали обличье, которое узрели в Видении Илуватара — лишь более могучее и прекрасное. Кроме того, в облике своем они исходят больше от знаний Зримого Мира, чем от Мира, каков он есть; и они нуждаются в плоти не больше, чем мы в платье — ведь мы можем ходить обнаженными, не теряя своей сути. Так и валары могут, если хотят, ходить неодетыми, и тогда самим эльдарам трудно разглядеть их, даже будь они рядом. Одеваясь же, иные валары принимают мужской облик, а некоторые — женский; ибо таково изначальное различие их характеров, и оно лишь выражается в выборе каждого, как у нас мужской и женский пол различаются по платью, но не определяются им. Но не всегда Силы подобны обличьем властителям Детей Илуватара; временами они выбирают иной облик, если им вздумается, и являются в образах величественных и наводящих трепет.

Валары привели с собой много соратников. Одни были слабее, а кое-кто почти равен им по могуществу, и они вместе трудились над сотворением Земли и усмирением ее бурь. Тогда увидел Мелькор, как валары шествуют по Земле, облекшись в одежды Зримого Мира, прекрасные и блаженные, а Земля на радость им стала садом, ибо все ее бури укрощены. Тут ненависть разгорелась в нем сильнее прежнего; и он также принял зримый облик, но по его нраву и злобе, что кипела в нем, был тот облик ужасен и темен. И он низвергся на Арду в величии и мощи больших, нежели у любого валара, подобный горе, что, стоя в море, увенчанной огнем и дымом главою пронизывает тучи, и свет глаз Мелькора был пламенем, что опаляло зноем и пронзало хладом.

Так началась первая битва валаров с Мелькором за владение Ардой; но о тех бурях эльфы знают немного. Ибо то, что было рассказано здесь, исходит от самих валаров, наставлявших *эльда́лиэ* в Валиноре, — а валары мало поведали им о войнах, что велись до появления эльфов. Однако говорилось среди эльдаров, что валары всегда стремились, вопреки Мелькору, править Землей и подготовить ее к приходу Первородных; и они создавали земли, а Мелькор разрушал их; выравнивали долины — Мелькор вздымал их вверх; воздвигали горы — Мелькор низвергал их; заполняли моря — Мелькор иссушал их; и не было нигде ни покоя, ни мира, ибо, едва начинали валары какой-нибудь труд, Мелькор разрушал содеянное или портил его. И все же труды их были не напрасны; и хотя ни в одном деле их воля и помыслы не свершились полностью и все имеет иной облик, чем хотелось вначале валарам, — тем не менее, хоть и медленно, Земля обрела вид и форму. Так наконец в Глуби Времени, среди бесчисленных звезд, было создано жилище Детей Илуватара.

# ВАЛАКВЕНТА

*Рассказ о валарах и майарах, как о них повествуют Книги Знаний эльдаров*

В начале Эру, Единый, что у эльфов зовется Илуватар, создал айнуров; и они сотворили пред ним Великую Песнь. Этой Песнью положено было начало Миру; ибо Илуватар сделал зримой песнь айнуров, и они узрели ее светом во тьме. И многие из них возлюбили красоту и историю Мира, что развернулась пред их взором. А потому Илуватар дал Видению Бытие и поместил его среди Пустоты, и вложил Тайный Пламень в сердце Мира; и Мир был наречен Эа.

Тогда те айнуры, кто желал того, восстали и пришли в Мир в Начале Времен; и делом их было трудами своими воплотить видение, им явленное. Долго трудились они в просторах Эа, которые шире всего, что могут представить эльфы и люди, пока в урочный час не создали Арды, Царства Земного. Тогда они облачились в одежды Земли, сошли на нее и поселились там.

## *О валарах*

Величайших среди духов Арды эльфы называют валарами, Силами Арды, — люди часто звали их богами. Владык валаров семь; и вал, владычиц валаров, также семь. Вот как звались они на языке эльфов Валинора — ибо эльфы Белэрианда звали их иначе, а люди давали им свои имена, в разных местах разные. Владыки валаров звались (в надлежащем порядке): Манвэ, Ульмо, Ауле, Оромэ, Мандос, Лóриэн и Тóлкас; а владычицы именовались: Вáрда, Йавáнна, Ниэ́нна, Эсте, Вáйрэ, Вáна и Нэ́сса. Мелькор более не считается валаром, и имя его не произносится на Земле.

Манвэ и Мелькор были братьями в думах Илуватара. Самым могучим из айнуров, что пришли в Мир, был изначально Мелькор; но Манвэ ближе Илуватару и яснее понимает его. Ему было

предначертано стать первым из всех владык: Повелителем Арды и всего, что живет там. В Арде ему милее всего ветра, облака и все токи воздуха — от высот до глубин, от верхних границ Покрывала Арды до ветерков, шуршащих в траве. За это он прозван Сулимо — Вейтель, Владыка Дыхания Арды. Он любит всех быстрокрылых птиц, и они покорны его воле.

Супруга Манвэ — Варда, Владычица Звезд, кому ведомы все уголки Эа. Краса ее столь велика, что не описать ее словами эльфов или людей; ибо свет Илуватара сияет в ее лице. Ее сила и радость — в свете. Из глубин Эа примчалась она на помощь Манвэ; ибо знала Мелькора еще до создания Песни и отвергла его, а он ненавидел ее и боялся более всех, кого создал Эру. Манвэ и Варда разлучаются редко и пребывают в Валиноре. Чертоги их над Вечными Снегами, на Ойолóссе, вершине Танíкветиль, высочайшей из гор земных. Когда Манвэ восходит на трон и озирает Мир, то, если Варда подле него, он видит дальше всех — сквозь туманы, и тьму, и просторы морей. И если Манвэ с Вардой, она слышит яснее всех — голоса, что звучат на востоке и на западе, в долинах и на холмах, и в темных теснинах, что сотворил на Земле Мелькор. Из всех духов Мира эльфы более всего любят и почитают Варду. Они зовут ее Элберет и взывают к ней из мглы Средизёмья, и возносят ей песни при восходе звезд.

Ульмо — владыка Вод. Он одинок. Он нигде не живет подолгу, но странствует где хочет — по всем глубинам, на земле и под землей. По могуществу он уступает лишь Манвэ и до сотворения Валинóра был его ближайшим другом; но после редко появлялся на советах валаров — только если обсуждались вещи великой важности. Ибо он думает обо всей Арде и не нуждается в месте для отдыха. Кроме того, он не любит ходить по Земле и редко облекается плотью, как то делают иные духи. Если Дети Эру видят Ульмо — они исполняются великим страхом; ибо явление Морского Короля ужасно, он подобен исполинскому валу, что обрушивается на берег в черном шлеме с пенным султаном и кольчуге, блестящей серебром и мглистой зеленью. Громки трубы Манвэ, но голос Ульмо глубок, как глубины океана, что ему лишь доступны.

Но Ульмо любит эльфов и людей и никогда не отворачивался от них — даже когда над ними тяготел гнев валаров. По временам он невидимо приходит к берегам Средиземья или углубляется далеко в

пределы земли, по заливам моря, и трубит там в свой большой рог, Улумури, сделанный из белой раковины; у тех, кто слышал эту музыку, она всегда звучит в сердце, и тоска по морю не покидает их. Но чаще Ульмо говорит с жителями Средиземья голосами вод. Ибо все моря, озера, реки, ручьи и родники подвластны ему — эльфы говорят, что дух Ульмо течет во всех жилах Земли. Так к Ульмо приходят вести — даже в глубины — обо всех нуждах и печалях Арды, которые иначе были бы сокрыты от Манвэ.

Ауле по могуществу немногим уступает Ульмо. Он владеет всеми веществами, из которых сотворена Арда. В начале начал он сделал многое в содружестве с Манвэ и Ульмо; и облик суши земной — творение его рук. Он кузнец и знаток всех ремесел, и искусен во всем — как малом, так и великом. Все драгоценные камни созданы им, и дивное золото, и величественные стены гор, и глубокие чаши морей. Нолдоры учились у него и переняли многое; он всегда был им другом. Мелькор завидовал ему, и между ними была долгая борьба, когда Мелькор портил и разрушал все, что создавал Ауле, и Ауле устал восстанавливать и исправлять разрушенное Мелькором. Каждый из них желал творить по собственному замыслу, удивляя других, и оба любили хвалы своему мастерству. Но Ауле оставался верным Эру и подчинял свои труды его воле; и не завидовал другим, но искал советов и давал их, — а Мелькор истощал свой дух в ненависти и злобе и под конец не мог создавать ничего, кроме подражания замыслам других, а их творения он разрушал, если мог.

Подруга Ауле — Йаванна, Дарительница Плодов. Она любит все, что растет на Земле, и хранит в памяти все бесчисленные формы живого: от деревьев, что высились, как башни, в древних лесах, до мха на камнях или крохотных болотных растений. Среди владычиц валаров лишь Варду почитают больше Йаванны. В женском своем облике она высока и одета в зеленое, но по временам она принимает другие обличья. Видели ее стоящей, как дерево, в солнечном венце; с ветвей его на нагую землю падала золотая роса, и земля зеленела ростками; а корни дерева омывались водами Ульмо, и ветра Манвэ шептались с листвой. Кементарн, Владычицей Земной, зовется она на языке эльфов.

Феантури, владыки душ, — братья и чаще всего зовутся Мандос и Лориэн. Но это лишь названия мест, где они живут, а истинные их

имена — Намо и Ирмо.

Намо, старший, живет в Мандосе, на Западе Валинора. Он — владетель Палат Мертвых и собиратель душ убитых в бою. Он ничего не забывает; и ему известно все, что будет, — кроме того, что осталось в воле Илуватара. Он — Вершитель Судеб валаров, но объявляет свои пророчества и приговоры лишь по велению Манвэ.

Его подруга — Вайрэ — Ткачиха, что вплетает все, когда-либо происшедшее, в свои ткани, и чертоги Мандоса, которые все ширятся с уходом веков, увешаны ими.

Ирмо, младший, — господин видений и снов. Его сады в Лориэне, в земле валаров, и нет в Мире равных им по красоте.

Нежная Эсте, целительница ран и усталости, — подруга Ирмо. Серы ее одежды; дар ее — отдых. Днем она ходит, но спит на острове в Лесном озере Лóреллин. Из источников Ирмо и Эсте все, кто живет в Валиноре, черпают бодрость; и часто сами валары приходят в Лориэн и находят там отдых и облегчение от бремени Арды.

Сильнее Эсте — Ниэнна, сестра Феантури; она одинока. Она знакома с печалью и скорбит по каждой ране, что нанес Арде Мелькор. Скорбь ее велика, и, когда звучала Песнь, напев Ниэнны обратился в плач задолго до завершения, и звук рыданий вплелся в темы Мира еще до его начала. Но Ниэнна печалится не о себе, а те, кто внимает ей, познают жалость и учатся терпению и надежде. Чертоги Ниэнны на Западе Валинора, на границах Мира; и редко приходит она в город Вáлимар, где царит радость, но охотнее идет в чертоги Мандоса, что рядом с ее собственными; и те, кто ждет в Мандосе, взывают к ней, ибо она приносит силу духа и обращает скорбь в мудрость. Окна ее дома плядут за пределы Мира.

Самый сильный и удалой из валаров — Тулкас, прозванный Аста́льдо, Доблестный. Он явился на Арду, чтобы помочь вал арам в первых битвах с Мелькором. Тулкас любит борьбу и состязания в силе; верхом он не ездит, ибо и пешим может обогнать любого. Он неутомим. Волосы и борода у него золотистые, а тело — медно-красное, и его оружие — руки. Его не заботит ни прошлое, ни будущее, и он плохой советчик — но верный друг.

Подруга Тулкаса — Несса, сестра Оромэ, легконогая и гибкая. Она любит оленей, и они следуют за ней в дебрях. Но Несса опережает их, быстрая, как стрела, с ветром в волосах. Еще она любит



танцы и танцует в Валимаре на полянах, поросших неувядающей травой.

Оромэ — могучий владыка. Он менее силен, чем Тулкас, но более страшен в гневе. Тулкас всегда смеется, и в состязании, и в брани, он смеялся даже пред ликом Мелькора в битвах, сотрясших Мир прежде рождения эльфов. Оромэ любит Средиземье и неохотно расстался с ним — он последним пришел в Валинор; в древности он часто переходил восточные хребты и возвращался со свитой к своим холмам и степям. Он охотник на чудищ и лихих тварей и любит собак и коней; еще он любит деревья и прозван за то Альдарон (а сіндары зовут его Таурон) — Владыка Лесов. Коня его зовут Нахар. На солнце он белый, а в ночи сияет серебром. Звук валарóмы, его большого рога, подобен алому солнечному восходу или молнии, рассекающей тучи. Громче всех прочих рогов звучит он в лесах, что вырастила Йаванна; ибо Оромэ и его охотники истребляют там лиходейских тварей Мелькора. Подруга Оромэ — Вана, Вечноюная, младшая сестра Йаванны. Цветы прорастают там, где она проходит, и расцветают, если она взглянет на них; и птицы поют при ее приближении.

Таковы имена валаров и вал; здесь кратко рассказано об их нраве и внешности — какими их видели в Амане эльдары. Но хоть обличье, в котором являлись валары Детям Илуватара, прекрасно и благородно — оно лишь тень их истинной красоты и мощи. Здесь рассказана лишь малая толика того, что некогда знали эльдары, — и это ничто в сравнении со знаниями валаров, уходящими в глубины и века, для нас невысказанные. Девятеро из них были самыми могучими и почитаемыми; но один отделился от них, и осталось восемь — Аратáры, Властители Арды: Манвэ и Варда, Ульмо, Йаванна и Ауле, Мандос, Ниэнна и Оромэ. Хотя Манвэ и стоит над ними, отвечая за них перед Эру, в могуществе Аратары равны и намного превосходят других — валаров ли, майаров или иных духов, которых Илуватар послал в Эа.

### *О майарах*

С валарами пришли другие, менее могучие духи, чье бытие также началось до начала Мира. Это *майары* — подданные валаров, их

слуги и помощники. Число их неизвестно эльфам, и немногие имеют имена в языках Детей Илуватара; ибо — хоть в Амане это и не так — в Средиземье майары редко являлись в зримом обличье.

Главными среди майаров Валинора, чьи имена упоминаются в хрониках Предначальной Эпохи, являются Ильмарэ, майя, приближенная Варды, и Эонвэ, знаменосец и вестник Манвэ, непревзойденный во владении оружием. Однако самые известные среди майаров — Оссе и Уинен.

Оссе — вассал Ульмо и господин морей, что омывают берега Средиземья. Он не уходит в глубины, а любит побережье и острова и радуется ветрам Манвэ; он наслаждается бурей и хохочет среди рева волн. Его подруга — Уинен, Владычица Морей, чьи распущенные волосы струятся по всем водам. Она любит все, что живет в соленой воде, и все, что растет там; к ней взывают моряки, ибо она может успокоить волны, смилив буйство Оссе. Нуменорцы долго жили под ее защитой и почитали ее наравне с валарами.

Мелькор ненавидел Море, ибо не мог покорить его. Говорят, что при сотворении Арды ему удалось переманить Оссе на свою сторону, посулив ему владения и могущество Ульмо. Так и случилось, что в давние дни начались в Море великие бури, разрушающие берега. Но Уинен, по просьбе Ауле, смирила Оссе и привела его пред очи Ульмо; и он был прощен, вернулся к своему господину и с тех пор оставался ему верен. Правда, неистовство не покинуло его, и иногда он ярится по своей воле, без приказа Ульмо. Поэтому те, кто живет у Моря или ходит на кораблях, любят Оссе, но не верят ему.

Мелиан звали майю, что служила и Ване, и Эсте; она долго жила в Лориэне и ухаживала за деревьями, что цветут в садах Ирмо, прежде чем пришла в Средиземье. Куда бы она ни шла, соловьи пели вокруг нее.

Мудрейший из майаров — Олорин. Он тоже жил в Лориэне, но часто уходил в чертоги Ниенны и научился у нее жалости и терпению.

О Мелиан многое сказано в *Квента Сильмариллион*. Но об Олорине эта повесть не говорит ничего; ибо, хотя он любил эльфов и бродил среди них незримо или в обличье одного из них, они не знали, откуда шли дивные видения и мудрость, которые вкладывал он в их души. Позже Олорин был другом всех Детей Илуватара и

сочувствовал их бедам; и те, кто внимал ему, пробуждались от отчаяния и отбрасывали думы о тьме.

### *О врагах*

Последним стоит имя Мелькора, Восстающего в Мощи. Но этого имени он лишился, и нолдоры, более всех эльфов пострадавшие от его злобы, прозвали его Морготом, Черным Врагом Мира. Великая сила была дана ему Илуватаром, и он был сверстником Манвэ. Могуществом и знаниями не уступал он никому из валаров, но он обратил свои силы на злые цели и растратил их в неистовстве и тиранстве. Ибо он домогался Арды и всего, что было на ней, возжелав трона Манвэ и господства над владениями равных себе.

От величия он пал к высокомерию, а от него — к презрению ко всем, кроме себя самого, и стал духом расточительным и безжалостным. Понимание он обратил к искусному извращению всего, что хотел использовать, — и сделался бесстыдным лжецом. Начал он с жажды Света, но когда не смог завладеть им единолично, низвергся сквозь огонь и ярость во тьму. И тьмою пользовался он более всего в своих лиходейских трудах на Арде и наполнил ее страхом для всех живущих.

Однако столь велика была мощь его бунта, что в давние века он соперничал с Манвэ и всеми валарами и долгие годы властвовал над большей частью Земли. И был он не один, ибо многих майаров привлек его блеск во дни его величия, и они остались верны ему во тьме; а других он после сманил к себе на службу ложью и предательскими дарами. Ужаснейшими из этих духов были *валар'аукары*, Огненные Бичи, что в Средиземье звались *бáлрогами*, демонами страха.

Среди тех его слуг, чьи имена известны, величайшим был дух, которого эльдары звали *Саур'он*, или Гортх'аур Жестокий. Вначале он был одним из майаров Ауле и остался велик в преданиях своего народа. Во всех делах Мелькора Моргота, в его огромных трудах и хитросплетениях коварства участвовал Саурон; лишь немногим был он слабее своего господина и потому долго служил другому, а не себе.

Но прошли годы — он восстал, как тень Моргота и призрак его злобы,  
и повторил его разрушительный путь в Пустоту.

# КВЕНТА СИЛЬМАРИЛЛИОН

*Повесть о Сильмарилах*

## Глава 1 О начале дней

Мудрые говорят, что Первая Война началась, когда творение Арды еще не было завершено и ничто не росло на земле и не бродило по ней; и долгое время Мелькор одерживал верх. Но в разгар войны, услышав в глубли Небес о битвах в Малом Владении, на помощь валарам пришел дух великой силы и смелости; и Арду наполнили раскаты его хохота. Так явился Тулкас Сильный, чей гнев налетает как ураган, разгоняя тучи и тьму; и Мелькор отступил перед его гневом и смехом и покинул Арду, и долгие годы там царил мир. А Тулкас остался и стал одним из валаров Предела Земного; Мелькор же томился в кромешной Тьме, и возненавидел он Тулкаса навеки.

И вот валары обустроили моря, и земли, и горы, и Йаванна посеяла наконец семена, которые давно создала. И так как пламя пожаров было погашено или погребено под первобытными горами, возникла нужда в свете — и Ауле по просьбе Йаванны сделал два ярких Светильника для освещения Средиземья, сотворенного им среди морей. Потом Варда зажгла Светильники, а Манвэ благословил их, и валары укрепили их на высоких столпах, выше всех гор поздних эпох. Один Светильник они подняли на севере Средиземья и назвали его Иллуин; а второй был поднят на юге и назван Ормал; и сияние Светильников валаров струилось над Землей, и все было освещено незакатным светом.

Тогда семена, что посеяла Йаванна, стали быстро прорастать и тянуться к свету, и поднялось множество растений, великих и малых — мхи и папоротники, травы и деревья, чьи вершины, будто горы, венчались облаками, а подножия укрывались в зеленом сумраке. И пришли звери и поселились на лугах, в озерах и реках и в тени лесов. Однако ни один цветок не цвел еще, и ни одна птица не пела — они ждали своего часа на груди Йаванны; но все бурно росло, и пышнее всего — в центральных областях Земли, где свет обоих Светильников смешивался. И там, на острове Альмарен, посреди Великого Озера, было первое жилище валаров. Все было юным тогда, и зелень казалась прекрасной создавшим ее; и долго валары жили в покое. И случилось так, что, когда они отдыхали от трудов и смотрели,

как растет и развивается все, что они создали, Манвэ задал великий пир; и все валары, каждый со своей свитой, отправились туда. Но Ауле и Тулкас были утомлены, ибо искусность Ауле и сила Тулкаса приходили на помощь всем во время трудов. А Мелькор знал обо всем, что творилось, ибо даже тогда имел тайных друзей и соглядатаев среди майаров; и вдали, во тьме, он исполнился ненависти, завидуя свершенному собратями, коих жаждал подчинить себе. Он призвал из обиталищ Эа духов, которых ранее привлек к себе на службу, и решил, что сил у него достаточно. И возомнив, что время его настало, он вновь подобрался к Арде и взглянул на нее сверху, и красота Вешней Земли еще более разожгла его ненависть.

А валары собрались на Альмарепе. Они не боялись зла, и свет Иллуина был ярок, — и потому не увидели они на севере тени, что отбрасывал Мелькор; ибо он стал темен, как Кромешный Мрак. И поется в песнях, что на пиру Вешней Земли Тулкас взял в жены Нессу, сестру Оромэ, и она плясала перед валарами на зеленой траве Альмарена.

Потом Тулкас, усталый и спокойный, уснул — и Мелькор решил, что пришел его час. Потому он со своим войском перешел через Стены Ночи и явился в Средиземье, на его дальний север; и валары не узнали о том.

Мелькор начал рыть и строить в глубинах Земли, под темными горами, где лучи Иллуина холодны и тусклы, могучую крепость. Эта твердыня звалась Утумно. И хотя валары пока не знали о ней, злоба Мелькора и вредоносные пары его ненависти уже изливались оттуда — и Весна Арды затмилась. Зелень заболела и сохла, реки заросли тростником, а озера забил ил — и возникли болота, смрадные и ядовитые, где множились мухи; леса стали темны и опасны, и страх поселился в них; звери превратились в чудовищ, рогатых и клыкастых, и оросили землю кровью. Тогда поняли валары, что Мелькор снова взялся за свое, и начали разыскивать его укровище. А Мелькор, веря в несокрушимость Утумно и мощь своих слуг, начал войну и первым нанес удар, когда валары не были еще готовы, — подступил к Иллуину и Ормалу, повалил столпы и разбил Светильники. При низвержении столпов земли разрушились и моря вышли из берегов; а когда разбились Светильники — губительное пламя потекло по земле. И

облик Арды исказился, равновесие ее вод и земель, задуманное валарами, нарушилось и впоследствии не восстановилось.

Тьма и общее смятение позволили Мелькору спастись, хотя великий ужас объял его; ибо громче морской бури возопил Манвэ, и земля задрожала под ногами Тулкаса. Но Тулкас не нагнал Мелькора, и тот укрылся в Утумно и затаился там. И в то время валары не смогли захватить его, ибо большая часть их сил ушла на усмирение морей и на спасение того, что можно было еще спасти из их трудов; а после они боялись расколоть Землю на куски, ибо знали, что на ней будет жилище Детей Илуватара, время прихода коих сокрыто от валаров.

\*\*\*

Так окончилась Весна Арды. Жилище валаров на Альмарене было разрушено, и у них не стало пристанища на Земле. А потому они ушли из Средиземья и отправились в Аман — самую западную из земель в пределах Мира, чьи берега омываются Внешним Океаном, который эльфы зовут Экка́йя, океан, окружающий Предел Земной. Сколь велик тот океан, не ведомо никому, кроме валаров; а за ним стоят Стены Ночи. А восточный берег Амана омывает Белегаэр, Великое Западное Море; и так как Мелькор вернулся в Средиземье и не был еще побежден, валары укрепили свое жилище и воздвигли на берегах моря Пелоры, Горы Амана, высочайшие на Земле. И выше всех высот Пелоров была вершина, где воссел на троне Манвэ. Эльфы зовут ту священную гору Таникветиль, и Ойолоссе — Нетускнеющая Белизна, и Элэррина — Увенчанная Звездами, и многими другими именами. А синдары на своем языке нарекли ее Эмон Уилос. Из чертогов на Таникветиль Манвэ и Варда озирают Землю до самого восточного ее края.

За стенами Пелоров валары основали свое владение, что зовется *Валинором*; там были их дома, сады и крепости. В этом укрепленном краю валары собрали свет и то прекрасное, что сумели спасти от разрушения; и многое еще более прекрасное было создано заново, и Валинор стал более красив, чем Средиземье во дни Весны Арды, и благословен, ибо Бессмертные жили там, и ничто не увядало и не



сохло в том краю, цветы и листья были безупречны, и живущие не старели и не болели; ибо в самых камнях и водах жил благой дух.

\*\*\*

А когда Валинор был создан и жилища валаров построены, они возвели за горами, в центре равнины, свой город — Вáлмар Многозвенный. Перед его западными воротами был зеленый курган — Эзéллохор, что зовется еще Короллáйре; и Йаванна благословила его и долго сидела на зеленой траве и пела Песнь Веления, в которую вложила все думы о том, что растет на земле. А Ниэнна молчала и орошала курган слезами. В то время валары собрались вместе послушать песнь Йаванны и молча сидели на тронах совета в Маханаксáре, Кольце Судьбы, близ золотых врат Валмара, и Йаванна Кементари пела перед ними, а они слушали.

И вот на вершине кургана пробились два гибких ростка; и молчание в тот час объяло весь мир, и не было других звуков, кроме песни Йаванны. Под звуки этой песни ростки вытянулись и стали высоки и прекрасны, и зацвели; так пришли в Мир Два Древа Валинора, самые прославленные создания Йаванны. Все предания Предначальной Эпохи переплетены с их судьбой.

У одного дерева листья были темно-зеленые, а снизу сияли серебром, и с каждого из бесчисленных цветов стекала серебристая свет-роса, а землю под деревом пестрили тени трепещущих листьев. Листва другого была нежно-зеленой, как у молодой березы, и каждый лист окаймляло мерцающее золото. Цветы свисали с ветвей гроздьями желтого пламени, и каждый цветок был подобен блестящему рогу, изливающему на землю золотой дождь. И от дерева исходили тепло и яркий свет. Первое дерево звалось в Валиноре Тельпéрионом, и Сйльпионом, и Нйнквелоте, и многими другими именами; а второе — Лаурелин, и Мáлинальдой, и Кúлуриэн.

За семь часов каждое дерево разгоралось и угасало; и каждое начинало сиять вновь за час до того, как тускнело другое. Потому в Валиноре дважды в день наступал дивный час, когда свет обоих деревьев был слаб и их золотистые и серебристые лучи смешивались. Тельперион был старшим из деревьев и первым достиг полного роста

и цветения; и первый час его сияния — серебристо-белый рассвет — валары не внесли в счет часов, а назвали Часом Открытия и отсчитывают от него века своего правления в Валиноре. Потому в шестой час Первого Дня — и всех последующих дней до Затмения Валинора — Тельпериион умерял свой блеск, а на двенадцатый — Лаурелин свое цветение. И каждый день валаров в Амане состоял из двенадцати часов и кончался со вторым смещением цветов, когда Лаурелин угасала, а Тельпериион разгорался, но свет, что стекал с деревьев, жил долго, покуда не растворялся в воздухе и не впитывался в почву. И свет-росу Тельперииона и дождь Лаурелин Варда собирала в большие чаши, подобные сияющим озерам, что для всей земли валаров стали источниками воды и света. Так начались Благие Дни Валинора — и Счет Времени.

\*\*\*

Шли века, и приближалось время, назначенное Илуватаром для прихода Первородных — а Средиземье лежало в сумерках под звездами, что создала Варда в незапамятные годы ее трудов в Эа. Во тьме жил Мелькор, и часто бродил там в обличьях могучих и ужасных, и владел горами и безднами, и повелевал огнем и морозом, и всем, что было в то время жестокого, неистового и страшного.

Валары же отдали любовь и заботу землям за Пелорами и редко переходили горы и являлись в Средиземье. В сердце Благословенного Края был чертог Ауле, и там он трудился без отдыха, ибо во всем, что создали в той земле, его участия было больше всего, и явно, и тайно сделал он множество вещей прекрасных и удивительных. От него исходят науки о Земле и обо всем, что есть в ней; знания тех, кто сам не творит, а лишь стремится понять сущее; и знания всех умельцев — ткачей, плотников и металлургов; даже земледельцев и садоводов, хотя тем, кто возделывает землю и растит плоды, покровительствует также подруга Ауле, Йаванна Кементари. Ауле прозван другом нолдоров, ибо они многому научились у него и стали искуснейшими из эльфов; и, по-своему пользуясь тем, чем одарил их Илуватар, многое прибавили к тому, чему научились, — любили языки и письмена, вышивки, рисунки и ваяние. Нолдоры первыми научились

обделывать драгоценные камни; а самыми дивными из драгоценностей были Сильмарилы — но они сгинули.

Но Манвэ, самый могучий и благой из валаров, не забывал в своих думах Покинутую Землю. Ибо трон его утвержден на вершине Таникветиль, высочайшей горы Мира, что стоит на границе моря. Духи в облике соколов и орлов то и дело влетают в чертоги Манвэ и вылетают из них; взор их видит глубины морей и пронзает толщу гор, проникая в тайные бездны. Так ему приносили вести обо всем, что творилось в Арде; кое-что, однако, было сокрыто от глаз Манвэ и его слуг, ибо там, где восседал объятый черной думой Мелькор, царила непроглядная тьма.

Манвэ не думает о собственной славе и не стремится угнетать, но правит в мире. Больше прочих эльфов любит он ваниаров, и от него они научились пению и слаганию стихов, ибо поэзия чарует Манвэ, а песня радует его слух. Одежды у него голубые, и голубым огнем сияют глаза, а скипетр его, сработанный нолдорами, — из сапфиров; он — наместник Илуватара, Король валаров, эльфов и людей и главный защитник от лиха Мелькора. Супруга его — Варда, Прекраснейшая, что на языке синдаров зовется Элберет, Королева валаров, Создательница Звезд; и с ними — великое множество благих духов.

А Ульмо был один и не жил в Валиноре, но приходил туда, и то лишь, когда наступала нужда в Великом Совете; с сотворения Арды обитал он во Внешнем Океане, и по сей день живет там. Он направляет течение всех вод, правит приливами, реками и вешним половодьем, росами и дождями. В глубинах создает он музыку прекрасную и грозную; и отзвук ее в веселии и скорби струится по всем жилам мира; ибо хоть и весело бежит под солнцем родник, но исток его в колодцах скорби у корней Земли. Тэleri многому научились от Ульмо, и потому в музыке их звучат и печаль, и радость. С ним в Арду пришел Салмар, сделавший Рога Ульмо, музыку которых не может забыть никто из слышавших ее; а также Оссе и Уинен, которым он отдал во владения Внутренние Моря, и много других духов. И так могуществом Ульмо, даже во тьме Мелькора, жизнь продолжала струиться по тайным жилам и Земля не умерла; и для тех, кто терялся во мраке и блуждал вдали от света валаров, слух Ульмо всегда был открыт; он никогда не отворачивался от Средиземья, и,

какие бы беды и перемены ни случались после, он не переставал думать о нем и не перестанет до конца дней.

И Йаванна в годы тьмы не забыла о Покинутых Землях; все, что растет, дорого ей, и она скорбела о делах, начатых в Средиземье и испорченных Мелькором. Покинув дом Ауле и цветущие луга Валинора, она иногда приходила и исцеляла нанесенные Мелькором раны и, вернувшись, всегда убеждала валаров начать войну против его лиходейской власти, войну, которую следует завершить до прихода Первородных И укротитель зверей Оромэ порой наезжал в темные леса; он являлся туда могучим охотником с копьем и луком, уничтожал чудовищных и жутких тварей, подвластных Мелькору, и его белый конь Нахар серебром сиял в сумерках. Тогда дремлющая земля дрожала под ударами золотых копыт, и во тьме Мира Оромэ трубил над равнинами Арды в свой рог Валарому; эхом отзывались горы, а призраки зла бежали, и сам Мелькор содрогался в Утумно, боясь грядущей расплаты. Но едва Оромэ уезжал — прислужники Мелькора собирались вновь, и земля наполнилась мраком и коварством.

\*\*\*

Теперь все сказано об устройстве Земли и ее правителях в Начале Дней, когда Мир еще не стал таким, каким узнали его Дети Илуватара. Ибо Дети Илуватара — это эльфы и люди, и поскольку никто из айнуров не понял до конца той темы Илуватара, с которой Дети пришли в Песнь, — никто из духов не дерзнул добавить что-либо к их облику. Потому валары стали скорее старейшинами и наставниками этих народов, чем их господами. И если айнурам и приходилось иной раз прибегать к принуждению — когда эльфы и люди не прислушивались к советам, — это редко оборачивалось добром, какими бы добрыми ни были цели. Больше всего айнуры общались с эльфами, ибо Илуватар создал их по нраву весьма близкими айнурам, хотя и не столь могучими и прекрасными; дары же его людям странны.

Ибо говорят, что после ухода валаров наступило молчание и целый век Илуватар сидел один, погруженный в думы. Потом он заговорил и молвил так:

— Зрите, как люблю я Землю, что станет домом для квенди и атани! Квенди будут прекраснейшими из живых существ, они получат, познают и создадут более красоты, чем все мои Дети, и будут жить в великом блаженстве. Атанам же дам я иной дар.

И повелел он, дабы людские сердца не довольствовались Миром и не находили в нем покоя. Зато получают люди власть самим прокладывать свой путь среди красот и опасностей Мира — тогда как судьбы других существ предопределила Песнь айнуров; и становление Мира завершится человеческими деяниями, будет мир принадлежать последним и младшим.

Но Илуватар знал, что в бурях и треволнениях Мира люди будут часто сбиваться с пути и не смогут полностью использовать дарованного им; и сказал он:

— Окажется в свое время, что все, что бы ни совершали они, послужит в конце концов к славе моих трудов.

Эльфы, однако, знают, что люди часто печалят Манвэ, которому открыты многие думы Илуватара; и кажется эльфам, что из всех айнуров люди больше всего напоминают Мелькора, хотя он всегда боялся и ненавидел их — даже тех, кто служил ему.

Еще один из Даров Свободы — то, что люди лишь малое время живут живой жизнью и не привязаны к Миру, а после смерти уходят — куда, эльфам неведомо. Эльфы же остаются до конца дней, и потому их любовь к Земле и всему Миру более сильна и горька — и с годами все горше. Ибо эльфы не умирают, пока жив Мир, если не убиты или не истомлены скорбью (а они подвержены этим мнимым смертям); и годы не уносят их сил, просто некоторые устают от десятков тысячелетий жизни. А умерев, они собираются в чертогах Мандоса в Валиноре, откуда могут в свое время возвратиться. Но сыновья людей умирают по-настоящему и покидают Мир; потому они зовутся Гостями или Скитальцами. Смерть — их судьба, дар Илуватара, которому с течением времени позавидуют даже Стихии. Но Мелькор извратил его и смешал с мраком, и обратил добро во зло, а надежду в страх. Однако давным-давно в Валиноре валары открыли эльфам, что люди вступят во Второй Хор айнуров; тогда как мыслей своих об эльфах Илуватар не являл никому, и Мелькор их не знает.

## Глава 2 Об Ауле и Йаванне

Говорят, что первых гномов создал Ауле во тьме Средиземья. Столь сильно желал он прихода Детей, чтобы иметь учеников, кому мог бы передать свои знания и ремесла, что не по силам ему было ждать исполнения замыслов Илуватара. И Ауле сотворил гномов — такими, каковы они и сегодня, потому что облик Детей, которые должны прийти, был неведом ему, а власть Мелькора все еще тяготела над Землей; и оттого желал Ауле, чтоб они были сильны и неутомимы. Но, боясь, что прочие валары осудят его работу, он делал ее втайне и создал Семерых Праотцев Гномов в подгорном чертоге в Средиземье.

Но Илуватару ведомо все, и в тот самый час, когда труд Ауле был окончен и он, радостный, стал учить гномов языку, что придумал для них, Илуватар обратился к нему; и в молчании внимал ему Ауле. И молвил Илуватар:

— Зачем сотворил ты это? Зачем пытался создать то, что, как сам ты знаешь, превыше твоих сил и твоей власти? Ибо ты получил от меня в дар лишь свое собственное бытие, и ничего более; а потому создания рук твоих и разума могут жить лишь этим бытием, двигаясь, когда ты пожелаешь, в другое же время — застывая. Этого ли хотел ты?

Тогда Ауле отвечал:

— Не этого хотел я. Я желал существ иных, чем я сам, чтоб любить и учить их, чтобы и они могли зреть красоту Эа, которой ты дал бытие. Ибо казалось мне, что в Арде много места и много созданий могло бы жить на ней — однако она почти пуста и бесплодна. И в нетерпении своем я впал в безумие. Однако жажда творить живет в моем сердце с того мига, как ты сотворил меня; а дитя, мало понимающее промыслы отца своего, может играть, подражая его делам не в насмешку, а лишь следуя своей природе. Но что, сделать мне теперь, чтобы ты более не гневался на меня? Как дитя отцу, я предлагаю тебе эти создания — дело рук, сотворенных тобой. Делай с ними, что пожелаешь. Но не лучше ли мне уничтожить самонадеянно созданное?

И Ауле, заплакав, схватил огромный молот, чтобы разбить гномов. Но Илуватар увидел смирение Ауле и сжалился над ним; а гномы испугались и увернулись от молота, и, склонив головы, взмолились о милосердии. Тогда молвил Илуватар:

— Дар твой я принял в тот миг, когда он был мне предложен. Разве не видишь ты, что создания эти живут теперь собственной жизнью и говорят собственными голосами? Иначе они не уклонились бы от твоего удара.

Тогда Ауле отбросил молот и возрадовался, и возблагодарил Илуватара, говоря:

— Да благословит Эру мой труд и примет его!

Но Илуватар заговорил снова и сказал так:

— Как дал я Бытие думам айнуров в начале Мира, так теперь принял я твое желание и нашел ему место; и не буду я ничего менять в твоём создании — так, как ты создал его, пусть и будет. Но не потерплю я, чтобы эти существа пришли прежде, чем Первородные моей мечты, и не награжу нетерпения. Спать им отныне во тьме Под камнями и не выйти из-под них, покуда на Земле не пробудятся Первородные; а до тех пор ты и они станете ждать — хоть ожидание и покажется вам долгим. Но придет время — и пробужу их, и станут они детьми тебе; и часты будут раздоры меж детьми твоими и моими; детьми моего милосердия и детьми моих дум.

Тогда Ауле взял Семерых Праотцев Гномов и отвел их в дальние и темные места, и уложил на покой; а после вернулся в Валинор и ждал — долгие годы.

Поскольку гномы должны были явиться во дни владычества Мелькора — Ауле сделал их очень сильными и выносливыми. Они тверды, как камень, стойки, скоры на дружбу и вражду и выносят тяжкий труд, голод и телесные раны лучше, чем все иные владеющие даром речи народы; живут они долго, много дольше людей — но не вечно. Среди эльфов Средиземья бытовало поверье, что, умерев, гномы возвращаются в землю и в камни, из которых созданы; но сами гномы говорят другое. Они верят, что Ауле—Создатель, которого они зовут Махал, заботится о них и собирает в Мандосе, в отдельном чертоге; и что в древности он открыл их Праотцам, что перед Концом Мира Илуватар благословит гномов и даст им место среди Детей. Тогда делом их будет служить Ауле и помогать ему в восстановлении

Арды после Последней Битвы. Еще говорят, что Семь Праотцев Гномов возвращаются в жизнь в своих потомках, принимая свои древние имена; самым почитаемым из них в поздние Эпохи был Дарин, отец народа, дружившего с эльфами, — царствовал он в Кхазад–Думе.

\*\*\*

Когда Ауле трудился над созданием гномов, он хранил свой труд в тайне от прочих валаров; однако в конце концов открылся Йаванне и поведал ей обо всем, что случилось. И Йаванна сказала ему:

— Эру милостив. Я вижу, сердце твое радуется, и по праву — ибо ты получил не только прощение, но и дар. Но так как ты таил от меня свои замыслы, дети твои не будут любить того, что люблю я. Им, как и тебе — их отцу, — будут милее дела собственных рук. Они будут строить под землей — и не замечать того, что растет и живет на ней. Не одно дерево ранят удары их безжалостного железа.

Но Ауле отвечал:

— Это же можно сказать и о Детях Илуватара: ибо они должны будут что–то есть и из чего–то строить.

И, хотя ценность твоих созданий — в них самих, а не в пользе, что могут они принести кому–то другому, Эру даст превосходство Детям, и они будут пользоваться всем, что есть в Арде, — хотя, по промыслу Эру, не без почтения и благодарности.

— Если только Мелькор не затемнит их сердца, — молвила Йаванна.

И она не успокоилась, но печалилась сердцем, боясь того, что может случиться в Средиземье в грядущие дни. Потому она пошла к Манвэ и не повторила слов Ауле, но сказала так:

— Владыка Арды, верно ли, как Ауле сказал мне, что Дети, когда придут, будут властвовать над созданиями моих рук и делать с ними, что хотят?

— Это так, — отвечал Манвэ. — Но почему спрашиваешь ты о том?

Йаванна умолкла и задумалась.



— Сердце мое тревожат думы о грядущих днях, — наконец молвила она. — Все, что создано мной, дорого мне. Не довольно ли, что Мелькор извратил столь многое? Ужели никто из моих созданий не будет свободен от чужого владычества?

— Будь на то твоя воля — кого бы ты охранила? — спросил Манвэ. — Кто из подвластных тебе созданий милей всего?

— Все хороши по-своему, — сказала Йаванна. — И каждый помогает оценить других. Но *кэлвар* могут убежать или защитить себя, а *олвар* — те, что растут — не могут, а из них более всего милы мне деревья. Растут они долго, а умирать станут быстро, и, если только не будут богато плодоносить, мало кто пожалеет об их гибели. Я провижу это в думах своих. Если бы деревья могли говорить от имени всего, что растет, и карать тех, кто чинит им зло!..

— Странна твоя дума, — заметил Манвэ.

— Однако так было в Песни, — возразила Йаванна. — Ибо, покуда ты был в небесах и вместе с Ульмо создавал тучи, что проливались дождем, я вздымала ветви дерев, чтобы они пили, и некоторые пели для Илуватара под ветром и ливнем.

Манвэ умолк, а думы Йаванны, что вложила она в его сердце, все росли — и переполняли его; и это увидел Илуватар. И показалось Манвэ, что вокруг него вновь звучит Песнь, и он заметил в ней множество вещей, которые, хотя он слышал их прежде, остались незамечены им. И наконец Видение открылось вновь, но теперь оно было бледно, ибо он сам был в нем — и, однако, видел, что все держится рукою Илуватара; но вот рука проникла внутрь — и из нее вышли многие дива, что были прежде сокрыты в думах айнуров.

Тогда Манвэ очнулся и сошел к Йаванне на Эзеллохар, и сел рядом с ней под Двумя Древами. И молвил:

— О Кементари, Эру сказал свое слово: «Ужели думает кто-то из валаров, что я не слышал *всей* Песни, до слабейшего звука слабейшего голоса? Знайте же: когда Дети проснутся, сбудутся думы Йаванны, и издалека соберутся духи, и поселятся в некоторых *кэлвар* и *олвар* — и их будут почитать и бояться их праведного гнева. На время: покуда Первородные сильны, а Последыши юны». Но разве ты забыла, Кементари, что думы твои не всегда пелись одни? Разве не встречались твои думы с моими и не обретали крыльев, подобно птицам, парящим под облаками? Это также сбудется по мысли

Илуватара — и еще до прихода Детей взлетят на сильных, как ветер, крыльях Орлы Западных Владык.

Тогда Йаванна возрадовалась и встала; и, протянув к небесам руки, воскликнула:

— Высоко поднимутся деревья Кементари, чтобы Орлы могли поселиться там!

Но Манвэ тоже встал, и казалось, стоит он на такой высоте, что голос его спускается к Йаванне, как горный ветер в долину.

— Нет, — промолвил он, — лишь деревья Ауле будут достаточно высоки. В горах станут гнездиться Орлы и внимать голосам тех, кто взывает к нам. Но в лесах будут бродить Пастыри Дерев.

Тут Манвэ и Йаванна расстались, и Йаванна вернулась к Ауле; он был в своей кузне и выливал в форму расплавленный металл.

— Эру щедр, — молвила она. — Теперь остерегутся твои дети! Ибо в лесах будет жить сила, чей гнев они пробудят к великой опасности для себя.

— И все же им понадобится дерево, — сказал Ауле и вернулся к горну.

## Глава 3 О приходе эльфов и пленении Мелькора

Долгие века жили валары в блаженстве в свете Древ за Горами Амана — Средиземье же лежало в сумерках под мерцанием звезд. Пока горели Светильники, все пошло в рост, но теперь не росло, ибо всюду опять была тьма. Однако древнейшие из живых существ уже пробудились: в морях — гигантские водоросли, на земле — тени огромных деревьев; а в долинах и окутанных мраком холмах таились темные твари — древние и сильные. В те поля и леса не приходил никто из валаров, кроме Йаванны и Оромэ. И Йаванна бродила в сумерках, печалась, потому что весеннее цветение Арды окончилось. И она погрузила в сон многое из того, что проснулось Весной, — дабы создания ее не старились, а ждали пробуждения в грядущие века.

А на севере собирал силы Мелькор — не спал, наблюдал и трудился; и появились лиходейские твари, и темные дремлющие леса наполнились чудовищами и ужасными призраками. А в Утумно он собрал своих демонов — тех духов, что предались ему во дни величия и стали подобны ему в падении; сердца их были из пламени, но обличье — тьма, и ужас несли они с собою; у них были огненные бичи. Позже в Средиземье их звали балрогами. И Мелькор породил во тьме много других чудищ разных форм и видов, что долго тревожили мир; и границы его владений в Средиземье все далее продвигались на юг.

А еще Мелькор выстроил близ северо-западных берегов Моря укрепленную твердыню, чтобы отразить любое нападение из Амана. Командовал той крепостью Саурон, наместник Мелькора; а звалась она Ангбанд.

\*\*\*

Однажды валары держали совет, ибо обеспокоили их вести, принесенные Йаванной и Оромэ из Покинутых Земель; и Йаванна вышла вперед и, обратясь к вал арам, молвила так:

— О повелители Арды, Видение Илуватара было кратким и быстро исчезло, так что мы не сумеем точно исчислить в бегущей череде дней Назначенный Час. Однако будьте уверены: Час близится, и в этот век исполнятся наши надежды и Дети пробудятся. Так ужели оставим мы земли, где им жить, бесплодными и полными лиха? Ужели будут они бродить во тьме, когда мы радуемся свету? Ужели будут звать Властелином Мелькора, когда Манвэ восседает на Таникветиль?

И Тулкас вскричал:

— Нет! Давайте скорее начнем войну! Разве не довольно отдохнули мы от борьбы, разве не восстановились наши силы? Неужто один всегда будет противостоять всем?

Но, по велению Манвэ, заговорил Мандос и молвил так:

— Истинно, в этот век придут Дети Илуватара, но они еще не пришли. Более того, суждено, чтобы Первородные пробудились во тьме и первый свой взгляд бросили на звезды. Яркий свет погубит их. К Варде станут взывать они в нужде.

Тогда Варда ушла с совета и, взглянув с высот Таникветиль, узрела тьму Средиземья и бессчетные звезды над ним — далекие и тусклые. И она начала великий труд, величайшее из всех дел валаров со дня их прихода в Арду. Она взяла серебряную росу Тельперииона и создала из нее новые яркие звезды к приходу Первородных; потому—то Варда, чье древнее прозвание было Тинтáлле, Возжигательница, звалась эльфами Элентари, Королева Звезд. Сотворила она в то время Кáрнил и Лúинил, Нéвар и Лáмбар, Алькаринквэ и Элеммире, и множество других дивных звезд собрала вместе и поместила маяками в небесах Арды: Вíльварин, Тéлумендил, Сóронумэ и Анарриму; и Мéнельмакар с его сверкающим поясом поднялся, как предвестник Последней Битвы, что будет в Конце Дней. А высоко на севере, как вызов Мелькору, зажгла Варда венец из семи ярких звезд — Вáлакирку, Серп валаров, знак рока.

Говорят, что в тот самый час, когда Варда окончила свои труды (а были они долги), когда Менельмакар впервые поднялся в небо и синий пламень Хéллиуина вспыхнул в тумане над гранью Мира — в тот самый час пробудились Дети Земли, Первородные Илуватара. У озаренного звездами залива Кúйвиэнен, Вод Пробуждения, очнулись они ото сна; и пока они — еще в молчании — жили у Куйвиэнена,

глаза их видели звезды, и звездный свет стал им милее всего, и впоследствии более всех валаров почитали они Варду.

В возмущениях Мира облик земель и морей ломался и восстанавливался; реки не сохраняли своих русел, а горы рушились: и к Куйвиэнену возврата нет. Но говорят эльфы, что лежал он далеко на северо-востоке Средиземья и был заливом Хёлкара — Внутреннего моря; а море то образовалось на месте Светильника Иллуин, низвергнутого Мелькором. Многие воды стекали туда с восточных возвышенностей, и первыми звуками, которые услышали эльфы, были плеск и журчание бегущих струй.

Долго жили они в первом своем доме под звездами и в удивлении бродили по Земле; и они начали говорить и давать имена всему, что видели. Себя они называли *квенди* — «те, что говорят», ибо не встречали еще других существ, обладавших даром речи или пения.

И случилось, что Оромэ, охотясь, заехал на восток и у берегов Хелкара свернул к северу, под тень Орокарни — Гор Востока. Тут Нахар внезапно заржал и остановился, а Оромэ в удивлении сидел молча, и казалось ему, что в тиши подзвездных земель доносится издали песня.

Так валары нашли наконец — как будто случайно — тех, кого столь долго ждали. И Оромэ, взглянув на эльфов, исполнился изумления, словно они были созданиями странными, дивными и непредвиденными; и так всегда будет с валарами. Ибо из-за грани Мира можно прозревать нечто в Песни или в Видении, но для пришедших в Эа оно, когда явится в свое время, всегда будет чем-то неожиданным и непредвиденным.

Изначально Старшие Дети Илуватара были сильнее и выше, чем стали теперь; но не более прекрасны, ибо, хотя красота квенди во дни их юности была превыше красоты всего, созданного Илуватаром, она не исчезла, но живет на Земле, а печаль и мудрость обогатили ее. Оромэ полюбил квенди и нарек их на их же наречии *эльдарами*, народом звезд; но имя это потом носили лишь те, кто последовал за ним по западному пути.

Однако многие квенди испугались его появления — то было делом рук Мелькора. Впоследствии Мудрые поняли, что Мелькор, будучи всегда настороже, первым узнал о пробуждении квенди и послал призраков и духов зла следить за ними и подстергать их. И

бывало за несколько лет до прихода Оромэ, что если эльфы поодиночке или в небольшом числе уходили далеко от залива, они пропадали и никогда не возвращались; и квенди со страхом говорили, что это Охотник поймал их. И в самых древних эльфийских песнях, отголоски которых еще звучат на Западе, поется о призрачных тенях, что бродят в холмах вокруг Куйвиэнен и затмевают звезды; и о черном Всаднике на диком коне, который преследовал ушедших, чтобы схватить и пожрать их: Мелькор так ненавидел и боялся Оромэ, что рассылал своих прислужников в его обличье и распускал лживые слухи о нем, чтобы квенди отшатнулись от Оромэ, если им доведется встретиться.

Так и вышло, что, когда Нахар заржал и Оромэ на самом деле появился среди них, некоторые из квенди спрятались, а другие убежали и потерялись. Но те, кто был мужествен и остался, быстро увидели, что Великий Всадник — не призрак из Тьмы; ибо светом Амана сияло его лицо, и благороднейшие из эльфов потянулись к нему.

А о тех несчастных, кого захватил Мелькор, мало что известно доподлинно. Ибо кто из живущих спускался в подземелья Утумно или проникал во тьму Мелькоровых дум?.. Однако Мудрые в Эрессеа считают неоспоримым, что квенди, попавшие в лапы к Мелькору, вверглись в узилище; и там он чарами и жестокостью постепенно извратил и поработил их; так, в ненависти своей вывел он в насмешку и подражание эльфам мерзкое племя орков, злейших их врагов. Ибо орки живут и множатся, как Дети Илуватара; а Мелькор после своего восстания во время Айнулиндалэ не мог создать ничего живого — или хотя бы подобия живого; так говорят Мудрые. И глубоко в темных сердцах орков живет ненависть к тому, кому они служат из страха — Господину, создавшему не их самих, но лишь их гнусность. Это, быть может, самое отвратительное из дел Мелькора — и самое противное Илуватару.

Оромэ побыл немного среди квенди — и быстро поскакал назад, через землю и море, в Валинор, и принес весть в Валмар; и поведал он о тенях, что тревожат Куйвиэнен. Тогда валары обрадовались — и все же сомненья тревожили их; и они долго спорили, что предпринять, чтобы оградить квенди от Мелькорова мрака. А Оромэ сразу вернулся в Средиземье и жил среди эльфов.

Манвэ долго сидел в раздумье на Таникветиль и искал совета Илуватара. А потом, спустившись в Валмар, созвал валаров в Кольцо Судьбы; и даже Ульмо явился туда из Внешнего Океана.

Тогда Манвэ сказал валарам:

— Вот совет, что вложил в мое сердце Илуватар: мы должны снова овладеть Ардой, чего бы это ни стоило, и избавить квенди от мрака Мелькора.

Тулкас возрадовался, но Ауле опечалился, провидя раны, которые могут быть нанесены миру в этой борьбе. А валары приготовились и выступили из Амана на войну — штурмовать крепости Мелькора и уничтожить их. Никогда не забывал Мелькор, что война эта была развязана во имя эльфов и что они стали причиной его поражения. Однако эльфы не принимали участия в тех делах и мало что знали о могучей коннице Запада, завоевавшей Север в начале их дней.

Первое сражение Мелькора с валарами произошло на северо-западе Средиземья, и весь тот край был сильно разрушен. Но первую победу войска Запада одержали быстро, и прислужники Мелькора бежали пред ними в Утумно. Тогда валары перешли Средиземье и выставили стражу вокруг Куйвиэнен; и позже квенди мало что знали о Великой Битве — лишь тряслась и стонала земля у них под ногами, волны захлестывали берег, да полыхали зарницами на севере сполохи гигантских пожаров. Долгой и трудной была осада Утумно, и много сражений, о которых до эльфов дошли лишь слухи, произошло перед ее воротами. В то время облик Средиземья изменился; и Великое Море, что отделяет его от Амана, расширилось и углубилось; оно взломало берега и образовало глубокий, идущий на юг залив. И много меньших заливов образовалось между Великим Заливом и Хелкараксэ далеко на севере, где Средиземье и Аман сближаются друг с другом. Самый крупный из этих заливов был Б́алар; в него со вновь поднявшихся северных нагорий — Дортóниона и гор, окружавших Хйфлум — текла могучая река Сйрион. Все земли на дальнем севере пришли в те дни в запустение; ибо там была вырыта Утумно, и в ее подземельях пылал огонь и крылись рати прислужников Мелькора.

Но в конце концов врата Утумно пали, и крыши с подземелий были сорваны, а Мелькор нашел убежище в самой глубокой из ям. Тогда вперед вышел Тулкас, как сильнейший из валаров, и схватился с Мелькором, и, одолев, повергнул его ниц. И Мелькор был пленен и

связан цепью Ангайнор, что отковал Ауле; и на долгие века земля обрела покой.

Однако валары не обшарили всех бездн и пещер, хитроумно скрытых под бастионами Ангбанда и Утумно. Много лиходейских тварей затаилось там, а иные были рассеяны, бежали во тьму и скитались в пустошах Мира, дожидаясь более лихих времен; и Саурана валары не нашли.

А когда битва закончилась и над руинами Севера поднялись великие тучи, затмив звезды, валары доставили Мелькора — руки и ноги его были скованы, а глаза завязаны — в Валинор; и он был поставлен в Кольцо Судьбы, и там, лежа ниц у ног Манвэ, молил о прощении. Но мольба его была отвергнута, и он был брошен в темницу Мандоса, откуда не спастись никому — ни валару, ни эльфу, ни смертному: обширны и крепки чертоги, что построены на Западе Амана. Там Мелькор был обречен жить три долгих века, прежде чем будет судить снова — или дозvoлят вновь молить о прощении.

Потом валары вновь собрались на совет, и спор разделил их. Ибо одни — главой их был Ульмо — стояли за то, чтобы оставить квенди жить в Средиземье по своей воле — дабы владели они той землей и врачевали ее раны. Но большая часть валаров боялась за квенди в опасностях мира, среди неверных подзвездных сумерек; и кроме того, они были очарованы красотой эльфов и жаждали их дружбы. А потому в конце концов валары призвали эльфов в Валинор — вечно жить у колен Стихий в свете Древ; и Мандос нарушил молчание, сказав: «Так суждено». От этого решения впоследствии произошли многие горести.

Но эльфы вначале не пожелали внять призыву, ибо до тех пор видели валаров — всех, кроме Оромэ — лишь в гневе, когда те шли на войну; и были исполнены страха. Посему Оромэ вновь послали к ним, и он избрал из квенди послов, которые отправились бы в Валинор и говорили за свои племена: то были Ингвэ, Фйнве и Эльвэ, после ставшие королями. И, придя в Валинор, они исполнились благоговения пред величием и мощью валаров, возжаждали света и красоты Древ. Потом Оромэ доставил их назад, к Куйвиэнен, и они говорили перед своим народом и советовали внять призыву валаров и переселиться на Запад.



Так произошло первое разделение эльфов. Ибо племя Ингвэ и большая часть племен Финвэ и Эльве поколебалась, слушая рассказ вождей, и пожелала уйти и следовать за Оромэ; и после они были известны как *эльдары* — по имени, что дал им Оромэ на их языке. Но многие отказались идти, предпочтя звездный свет и просторы Средиземья рассказу о Древах; это были *авари*, Отказавшиеся. Так отделились они от эльдаров — и не встречались, покуда не минуло много веков.

Эльдары готовились покинуть свои первые жилища на востоке; они образовали три дружины. Меньшую — и первую из тех, что вышли в путь — вел Ингвэ, величайший владыка эльфов. Он вошел в Валинор и сидит у ног Стихий, и все эльфы чтут его имя; он не возвращался назад и никогда не оглядывался на Средиземье. Его народ — *в́аниары*, Дивные Эльфы; их более всего любят Манвэ и Варда. Немногие из людей говорили с ними.

За ними шли *нолдоры* — род Финвэ. Это Премудрые Эльфы, друзья Ауле; о них сложено множество песен, ибо в древности они много и тяжело бились в северных землях.

После всех двигалось самое многочисленное племя, звались они *тэлери*, Последние, ибо мешкали в пути, долго не решаясь покинуть сумерки ради света Валинора. Более всего они любили воду, и те из них, что пришли в конце концов к западным берегам, были зачарованы морем. Потому в Амане они стали зваться Морскими Эльфами, *ф́алмари*, ибо играли и пели близ бушующих волн. У тэлери было два вождя — ибо число их велико — Эльвэ С́инголло (что значит Серебристый Плащ) и его брат Ольвэ.

Таковы три рода *эльдалиэ*, пришедшие на Заокраинный Запад во дни Древ и нареченные потому *калаквенди* — Эльфами Света. Были, однако, и другие эльфы, что вышли в путь на запад, но потерялись в дороге, свернули в сторону или остались на берегах Средиземья — большей частью, как говорилось потом, тэлери. Они жили у моря и бродили в лесах и горах, однако сердца их были обращены к Западу. Этих эльфов калаквенди зовут *ум́аниарами*, ибо они никогда не бывали в Амане; но как их, так и авари называют еще *м́ориквенди*, Эльфами Сумерек, ибо те не видели Света, что был до Солнца и Луны.

Говорят, что, когда племена эльдалиэ уходили от Куйвиэнен, Оромэ ехал во главе их на своем златоподкованном коне Нахаре; и, обогнув море Хелкар, они повернули к западу и увидели, что в небе клубятся, закрывая звезды, черные тучи, а земля разорена войной. Тогда кое-кто испугался и отступил, и повернул назад — и позабыт ныне.

Долог и медленен был поход эльдаров на запад, ибо бессчетны лиги Средиземья и утомительно бездорожье. Да и не хотели эльдары спешить, ибо дивились всему, что видели, и многие земли и реки манили их; и, хотя все по-прежнему желали продолжить путь, многие скорее страшились конца похода, чем надеялись на него. Потому, когда бы ни отлучался Оромэ, отвлеченный по временам другими делами, — они останавливались и не шли дальше, покуда он не возвращался к ним. И вот, после долгих лет странствий, эльдары миновали некий лес и вышли к великой реке, шире всех, какие они до сих пор видели. А за ней вставали горы, чьи острые пики, казалось, пронзали чертоги звезд. Река эта, говорят, — та самая, что впоследствии звалась Андуин Великий, рубеж западных земель Средиземья. А горы те были хребет Хитаэглир, Оплот Тьмы, на границе Эриадора; в те дни, однако, он был страшнее и выше — его воздвиг Мелькор, дабы помешать путешествиям Оромэ. Тэлери долго жили на восточном берегу реки и пожелали остаться там, но ваниары и нолдоры перешли реку, и Оромэ повел их к горным перевалам. И когда Оромэ скрылся из глаз, тэлери взглянули на мрачные вершины — и уstraшились.

Тогда восстал один из дружины Ольвэ, что всегда шла позади; звали его Ленвэ. Он отрекся от западного пути и увел некоторых за собой на юг, вниз по реке, — и долгие годы их родичи ничего не знали о них. То были *нандоры*; они сделались сторонним народом, не похожим на сородичей — разве что так же любили воду и жили всегда у водоемов и бегущих ручьев. Они знали и любили все живое — зверя и птицу, траву и дерево — более прочих эльфов. В последующие годы Денетор, сын Ленвэ, снова повернул к западу и, незадолго до появления Луны, привел часть этого народа через горы в Белерианд.

Наконец ваниары и нолдоры перевалили Эред-Лу́ин — Синие Горы, отделявшие Эриадор от Крайнего Запада Средиземья; те земли

эльфы звали Белериандом; и первые отряды перешли Долину Сириона между Дренгистоном и заливом Балар. Но когда они узрели Великое Море, страх объял их, и многие отступили в леса и нагорья Белерианда. Тогда Оромэ оставил их и вернулся в Валинор спросить совета Манвэ.

А дружина тэлери перешла Мглистые Горы и пересекла дебри Эриадора, побуждаемая своим вождем Эльвэ Синголло, ибо он хотел вернуться в Валинор — к Свету, который видел, и не хотел разлучаться с нолдорами, с вождем которых, Финвэ, был в большой дружбе. Так, спустя много лет, тэлери тоже перевалили Эред-Луин и вступили в восточные земли Белерианда. Там они остановились и некоторое время жили за рекой Гэлион.

## Глава 4 О Тинголе и Мелиан

Мелиан была майя из народа валаров. Она жила в садах Лориэна, и не было там никого прекраснее, мудрее и искуснее в Заклинательных Песнях, чем Мелиан. Говорят, валары оставляли свои труды, а птицы Валинора — щебет, что колокола Валмара стихали и источники переставали струиться, когда в час смещения света пела Мелиан. Ее повсюду сопровождали соловьи, и она научила их петь; она любила глубокую тень больших деревьев. Еще до создания Мира она была подобна самой Йаванне; и когда квенди пробудились у вод Куйвиэнена, она оставила Валинор и пришла в Покинутые Земли, и безмолвие Предрассветного Средиземья наполнилось ее голосом и пением птиц.

Как уже говорилось, когда поход тэлери близился к концу, они надолго поселились в Белерианде, за рекой Гелион; а многие нолдоры находились тогда в лесах, позже названных Нэлтдореф и Рэгион. Эльвэ, вождь тэлери, часто ходил через лес к селениям нолдоров, навещать своего друга Финвэ; однажды случилось ему проходить одному по роще Нан-Эльмо́т в свете звезд — и вдруг он услышал пение соловьев. Он застыл, очарованный; и далеко, за голосами *лómелинди*, услышал он голос Мелиан — и сердце его исполнилось изумления и страсти. Забыл он свой народ и все свои замыслы и, войдя под сень деревьев, углубился в Нан-Эльмо́т — и заблудился. Но в конце концов вышел на поляну, открытую звездам; там стояла Мелиан. Он взглянул на нее из тьмы и увидел на ее лице сияние Амана.

Она не сказала ни слова; но Эльвэ, исполняясь любви, приблизился и взял ее за руку — и чары сковали его. Бессчетные годы стояли они так, не говоря ни слова, и звезды кружились над ними, и деревья Нан-Эльмота росли все выше, а тень их делалась все гуще.

Потому-то народ Эльвэ, искавший своего вождя, не нашел его, и Ольвэ принял на себя правление тэлери и, как рассказывали потом, увел их. Эльвэ Синголло до конца своей жизни более не приходил через Море в Валинор, и Мелиан не возвращалась туда, пока он был с нею; но через нее перешла к эльфам и людям частица духа айну́ров —

тех, кто прежде Эа был с Илуватаром. В последующие дни Эльвэ стал прославленным вождем; народом его были эльфы Белерианда — *сіндары*, Сумеречные Эльфы, а сам он звался Владыка Серебристый Плащ, Элу Тінгол на языке той земли.

А Мелиан была его Владычицей, более мудрой, чем любое дитя Средиземья; и их тайные чертоги, что звались Мэнегрот, Тысяча Пещер, были в Дóриате. Огромное могущество дала Мелиан Тинголу, кто и без того был велик среди эльдаров: ибо из всех синдаров он один видел собственными глазами Древа во дни цветения, и, хотя был владыкой уманиаров, он причислен не к мориквенди, а к Эльфам Света.

И от любви Тингола и Мелиан пришла в мир прекраснейшая из всех Детей Илуватара, что жили на земле или будут когда-нибудь жить.

## Глава 5 Эльдамар и принцы эльдалиэ

Пришло время, и дружины ваниаров и нолдоров подошли к самым западным берегам Внешних Земель. В древние времена, после Битвы Сил, берега эти заворачивали на запад, покуда — на самом севере Арды — узкий пролив не отделял их от Амана, где лежал Валинор; но весь тот пролив был, из-за лютых морозов Мелькора, забит вздыбленным льдом. А потому Оромэ не повел дружины эльдалиэ на дальний север, но увлек их в прекрасные земли вокруг реки Сирион, что после были наречены Белериандом; а те берега, с которых взглянули на Море, отделял от Гор Амана широкий, глубокий и темный океан.

И Ульмо, по решению валаров, пришел к берегам Средиземья и заговорил там с эльдарам, что ожидали, глядя на темные волны; он играл на своих рогах из раковин, и благодаря речам его и музыке их страх перед Морем обратился в тягу к нему. Тогда Ульмо вырвал с корнем остров, стоявший со времен падения Иллуина посреди моря, вдали от всех берегов; и с помощью своих слуг он сдвинул тот остров, как могучий корабль, и пригнал его в залив Балар, куда стремится свои воды Сирион. Тогда ваниары и нолдоры ступили на остров, и он перевез их через море. Так достигли они побережья у подножия Гор Амана. Они вошли в Валинор и были встречены с радостью. Но восточная коса острова застряла на мелководе близ устья Сириона, отломилась и осталась в заливе; так, говорят, возник остров Балар, куда после часто являлся Оссе.

Но тэлери все еще оставались в Средиземье, ибо жили в восточном Белерианде, вдали от моря, и не слышали призывов Ульмо; и многие искали своего вождя Эльвэ и не хотели уходить без него. Но, узнав, что Ингвэ и Финвэ со своим народом ушли, многие тэлери двинулись к побережью Белерианда и после жили близ устья реки Сирион, тоскуя по ушедшим друзьям; и они избрали своим вождем Ольвэ, брата Эльвэ. Долго оставались они у западных берегов моря, а Оссе и Уинен приходили к ним и подружились с ними; и Оссе наставлял их, сидя на скале у берега, и от него научились они мореходству и песням морей. И вышло так, что тэлери, которые

изначально любили воду и были лучшими певцами среди эльфов, возлюбили море, и песни их наполнились отзвуками прибоя.

Минуло много лет — и Ульмо внял мольбам нолдоров и Финвэ, их владыки, что скорбели от долгой разлуки с тэлери и просили его перевезти их в Аман, если они того пожелают. И воистину, многие тэлери желали теперь этого; но велика была печаль Оссе, когда Ульмо вернулся к берегам Белерианда, чтобы унести их в Валинор, ибо его заботой были моря Средиземья и берега Внешних Земель, и он был огорчен, что голоса тэлери не зазвучат более в его владениях. Некоторых он уговорил остаться — то были *фáлафримы*, Береговые Эльфы, что в последующие дни жили в гаванях Бритомбар и Эпларест, первые мореходы Средиземья. Вождем их был Кирдан Корабел.

Родичи и друзья Эльвэ Синголло тоже остались в Средиземье, по-прежнему разыскивая его, хотя и рады были бы уйти в Валинор, к свету Древл, если б Ульмо и Ольвэ пожелали задержаться. Но Ольвэ стремился уйти; и в конце концов большинство тэлери вошло на остров, и Ульмо повлек их прочь. Так друзья Эльвэ остались одни и назвали себя Эплат — Позабытый Народ. Они жили большей частью в лесах и холмах Белерианда, а не у моря, наполнявшего их скорбью; но тоска по Амону всегда жила в их сердце.

Но когда Эльвэ очнулся от долгого забвения, они с Мелиан вышли из Нан-Эльмота и жили с тех пор в лесах, в сердце этого края. И хотя велико было его желание вновь увидеть блеск Древл, в лице Мелиан ему сиял свет Амана, как в незамутимом зеркале, и свет этот дарил ему покой. Народ его в радости собрался вокруг него и дивился; ибо, хотя Эльвэ и прежде был прекрасен и благороден, ныне походил он на владыку майаров — ростом выше, чем прочие Дети Илуватара, с глазами как лунное серебро; и высокая судьба ожидала его.

\*\*\*

А Оссе последовал за дружиной Ольвэ и, когда они входили в залив Эльдамар (что значит Дом Эльфов), воззвал к ним; и они узнали его голос и взмолились к Ульмо, прося прекратить плавание. И Ульмо внял их просьбе, и по его велению Оссе остановил остров и укоренил его в основании моря. Ульмо сделал это тем охотней, что он понимал

души тэлери и на Совете валаров был против призвания квенди, считая, что им лучше оставаться в Средиземье.

Мало радости было валарам в том, что он сделал; и Финвэ опечалился, когда тэлери не пришли, а пуще — когда узнал, что Эльвэ покинут и никогда им не увидеться, кроме как в чертогах Мандоса. Но остров не двигался более и стоял одиноко в заливе Эльдамарском; и был он назван Тол-Эрессеа, Одинокий Остров. Там тэлери жили как им желалось — под звездами небес и все же близ Амана и бессмертного берега. Этим долгим житьем врозь объясняется отличие языка обитателей Одинокого Острова от языка ваниаров и нолдоров.

Им валары дали земли и место, чтобы жить. Даже среди сияющих цветов в древосветных садах Валинора жаждали они видеть порой звезды; а потому в гигантской стене Пелоров был сделан проход, и там, в глубокой долине, что сбегала к морю, эльдары подняли высокий холм: звался он Туна. С запада на него падал свет Дерев, и тень его лежала на востоке; и на восток смотрел он — на Эльдамарский залив, и Одинокий Остров, и Тенистые Моря. Тогда сквозь Калакíрию, Ущелье Света, вырвался свет Благословенного Края, расцветившая темные волны серебром и золотом, и коснулся Одинокого Острова, и его западный берег стал прекрасен и зелен, и распустились там цветы — первые, что расцвели восточнее Гор Амана.

На вершине Туны поднялись белые стены и террасы Тйриона — города эльфов; и высочайшей из башен того города был Маяк Ингвэ, Мíндон Эльдáлиэва, чей серебряный фонарь виден далеко в туманах моря. Мало кому из смертных довелось узреть его тонкий луч. Ваниары и нолдоры долго жили вместе в Тирионе. А так как изо всех творений в Валиноре более всего любили они Белое Дерево, Йаванна сотворила для них дерево, подобное Тельперииону; только оно не светило собственным светом. Галатíлион звалось оно на языке синдаров. Это дерево посадили в саду у подножия Миндона, и там оно цвело, и от него пошло множество подобных деревьев в Эльдамаре. Одно из них высадили потом в Тол-Эрессеа и нарекли Кéлеборном; от него со временем произошел, как рассказано в другом месте, Нймлот, Белое Дерево Нуменора.

Манвэ и Варда более всего любили ваниаров, Дивных Эльфов; а нолдоры были милы Ауле, и он со своим народом часто приходил к ним; и знания и искусство нолдоров стали поистине велики — но



тем больше была их жажда знания, и во многом они вскоре превзошли учителей. Язык их был изменчив, ибо они любили слова и всегда стремились найти наиболее подходящие названия всему, что знали или задумывали. Случилось так, что каменщики дома Финвэ, добывая в горах камень (ибо более всего любили строить высокие башни), впервые нашли самоцветы — и добыли их бесчисленное множество; и они изобрели инструменты, чтобы обрабатывать их, придавая неповторимые формы. Они не копили камни, но щедро дарили, и трудами их богател Валинор.

Нолдоры впоследствии вернулись в Средиземье, и в повести этой говорится большей частью об их делах; посему здесь надо сказать об именах и родстве принцев нолдоров — в той форме, в которой эти имена произносились эльфами Белерианда.

Финвэ был королем нолдоров. Сыновьями Финвэ были Феанор, Фйнголфин и Финарфин; но матерью Феанора была Мйриэль Сэринде, тогда как матерью Финголфина и Финарфина — Индис из ваниаров.

Феанор был искуснейшим из братьев в речах и мастерстве: дух его пылал огнем. Финголфин был сильнейшим, самым стойким и доблестным; Финарфин — самым прекрасным и мудрым; впоследствии он сдружился с сыновьями Ольвэ, вождя тэлери, и взял в жены Э́рвен, деву-лебедь из Альквалондэ, дочь Ольвэ.

У Феанора было семеро сыновей: Маэдрас Высокий, Ма́глор Песнопевец, чей голос разносился далеко над морем и сушей; Кéлегорм Прекрасный и Ка́рантир Темный; Ку́руфин Искусник, унаследовавший мастерство отца в рукотворном ремесле; и младшие — Амрод и Амрас, близнецы, схожие лицом и духом. Позже, в Средиземье, они стали великими охотниками; охотником был и Келегорм, в Валиноре друживший с Оромэ и часто следовавший за пением его рога.

Сыновьями Финголфина были Фйнгон, впоследствии верховный король нолдоров на севере мира, и Тургон, владыка Гóндолина; их сестрой была Аредэль Светлая. Она была младше братьев и, когда достигла полного расцвета, стала прекрасна, высока и сильна и полюбила верховую езду и охоту в лесах. Там она часто бывала с сыновьями Феанора, своей родней; но сердце ее не принадлежало никому. Ар-Фейниэлью звалась она, Белой Девой Нолдоров, ибо была

бледна, хоть и с темными волосами, и одевалась всегда в белое с серебром.

Сыновьями Финарфина были Фйнрод Верный (позже прозванный Фэлагундом, Владыкой Пещер), Ородрет, Ангрод и Аэгнор; эти четверо так крепко дружили с сыновьями Финголфина, словно те были их родными братьями. Сестра их, Галадриэль, считалась прекраснейшей из всего рода Финвэ; волосы ее сияли золотом, будто впитали свет Лаурелин.

\*\*\*

Здесь должно рассказать, что тэлери пришли наконец в Аман. Долгие века жили они на Тол-Эрессеа: но постепенно души их стали тянуться к свету, что струился через море к Одинокому Острову. Они разрывались между любовью к музыке волн и желанием вновь увидеть своих родичей и узреть величие Валинора; и в конце концов жажда света победила. Потому Ульмо, покорный воле валаров, послал к ним Оссе, их друга, и тот, хоть и скорбя, обучил их искусству кораблестроения; и когда корабли были построены, Оссе принес им, как прощальный дар, множество крепкокрылых лебедей. Те лебеди повлекли белые корабли тэлери через спокойное море — и так, последними, пришли они в Аман, к берегам Эльдамара.

Там и жили они и, если хотели, могли любоваться светом Древ, гулять по золотым мостовым Валмара или всходить по хрустальной лестнице Тириона на зеленую Туну; но чаще всего они бороздили на своих быстрых судах воды Залива или бродили по берегу в пенных волнах, и волосы их искрились в свете, льющемся из-за гор. Нолдоры дали им много камней — опалов, алмазов и бледного хрусталя, и они усыпали ими берег и дно озер; дивным было побережье Эленде в те дни. И много жемчуга добыли они себе из моря, и из жемчуга были их чертоги и дворец Ольвэ в Альквалондэ, Лебязьей Гавани, озаренной множеством светильников. Ибо то был город тэлери и гавань для их судов; а суда тэлери строили по образу лебедей, с золотыми клювами и глазами из черного янтаря. Вратами той гавани служила арка, промытая морем в живом утесе; лежала она на границе Эльдамара, к северу от Калакирии, где свет звезд был ярок и чист.

Шли века — и любовь ваниаров к земле валаров и свету Древ росла. Они ушли из Тириона на Туне и обитали с тех пор на горе Манвэ или на равнинах и в лесах Валинора, отделившись от нолдоров. В душах нолдоров жила память о звездах Средиземья, и они жили в Калакирии и в горах и долинах, куда достигал шум западного моря; и хотя многие из них бродили по землям валаров, совершая дальние походы, постигая тайны земли, вод и всего живого, — именно в те дни сблизилась народы Туны и Альквалондэ. Королем в Тирионе был Финвэ, а в Альквалондэ — Ольвэ; но владыкой всех эльфов от веку считался Ингвэ. Впоследствии он жил на Таникветиль, у ног Манвэ.

Феанор и его сыновья редко жили подолгу в одном месте, но бродили по Валинору, подходя даже к границам Мрака и холодным берегам Внешнего Моря в поисках непознанного. Часто гостили они в чертогах Ауле; но Келегорм охотнее заходил в дом Оромэ, где стал великим знатоком зверей и птиц и всех их наречий. Ибо все живые создания, что есть или были в Арде, кроме только лиходейских тварей Мелькора, жили тогда в Амане; и было там много прочих существ, невиданных в Средиземье — и которых теперь уж не будет в нем, ибо Мир изменился.

## Глава 6 О Феаноре и освобождении Мелькора

И вот три рода эльдаров собрались наконец в Валиноре, а Мелькор был скован. Наступил полдень Благословенного Края во всей полноте его величия и блаженства, долгий в Повести Лет, но слишком краткий в воспоминаниях. В те дни эльдары достигли полного расцвета тела и духа, и нолдоры преуспевали во всех ремеслах и знаниях; и долгие годы были заполнены их радостным трудом. Именно тогда впервые задумались они о письменах, и вскоре Румиль из Тириона изобрел знаки, годные для запечатления речей и песен: одни — для изображения на камне или металле, другие — для письма пером или кистью.

В это время в Эльдамаре, в доме короля Тириона на вершине Туны, родился старший и самый любимый сын Финвэ. Нарекли его Куруфинвэ, но мать назвала его Феанор — Пламенный Дух; и под этим именем вошел он в сказания нолдоров.

Имя его матери было Мириэль, а прозвали ее Сериндэ, ибо никто из нолдоров не умел ткать и шить чудесней; руки ее были искусны в самой изящной и мелкой работе. Великой и радостной была любовь Мириэль и Финвэ, ибо зародилась в Благословенном Краю и в Благие Дни. Но рождение сына истощило тело и дух Мириэль; и после его рождения она возжаждала освобождения от бремени жизни. И, дав имя сыну, сказала Финвэ: «Никогда более мне не понести дитя; ибо впитал Феанор силу, которая могла бы вскормить многих». Финвэ опечалился, ибо нолдоры были еще юны и он хотел породить много детей в блаженстве Амана; и сказал он: «Неужели нет исцеления в Амানে? Здесь любой усталый найдет отдохновение». Но Мириэль чахла день ото дня, и Финвэ испросил совета у Манвэ, и Манвэ поручил ее заботам Ирмо в Лориэне. Расставаясь с ней (ненадолго, как он надеялся), Финвэ печалился, ибо несчастьем казалось ему, что мать расстанется с сыном и не увидит его детства.

— Это воистину несчастье, — молвила Мириэль, — и я плакала бы, не будь я столь истомлена. Но не вини меня в том — как и во всем, что может случиться после.

Она удалилась в сады Лориэна и легла там; и, хотя казалась спящей, дух ее покинул тело и в безмолвии отошел в чертоги Мандоса. Девы Эсте ухаживали за телом Мириэль, и оно оставалось нетленным; но она не ожила. С тех пор Финвэ жил в скорби; и часто приходил он в сады Лориэна и, сидя под серебристыми ивами у тела жены, взывал к ней. Но она не пробуждалась; и, единственный во всем Благословенном Краю, он был лишен радости. И спустя годы он перестал ходить в Лориэн.

Всю свою любовь отдал он сыну; а Феанор рос быстро, словно тайный огонь пылал в нем. Был он высок, прекрасен лицом и властен; в достижении своих целей — нетерпелив и тверд; взгляд пронзительно ясен, волосы — чернее воронова крыла. Немногим удавалось изменить его решения советом, и никому — силой. Из всех нолдоров — и до, и после него — он был самым хитроумным и искусным. В юности, улучшив труд Румиля, он изобрел письмена, названные его именем, — ими после того всегда пользовались эльдары; именно он, первым из нолдоров, открыл, как делать рукотворные самоцветы, крупнее и краше камней земли. Первые камни, сделанные Феанором, были бесцветны, но, попадая в лучи звезд, искрились голубым и серебристым пламенем, ярче огня Хеллуина; и другие кристаллы создал он — в них ясно виднелись далекие вещи, будто орлы Манвэ сверху рассматривают их. Редко отдыхали разум и руки Феанора.

В ранней юности он женился на Нёрданэли, дочери великого кузнеца Махтана, изо всех кузнецов нолдоров более всего любимого Ауле; и многому научился Феанор у Махтана в сотворении вещей из металла и камня. Воля у Нерданэли тоже была тверда, но она обладала большим терпением и желала понимать сердца, но не покорять их; и сперва она сдерживала Феанора, когда пламень его духа разгорался слишком жарко, но его дальнейшие дела опечалили ее, и они отдалились друг от друга. Семерых сыновей родила она Феанору. Кое-кто из них унаследовал ее нрав, но не все.

Случилось так, что Финвэ взял себе вторую жену — Индис Ясную. Она была ваниа, близкая родственница Ингвэ Владычному, золотоволосая и статная, ни в чем не схожая с Мириэль. Финвэ очень любил ее и снова стал радостен. Но тень Мириэль не покинула ни дома Финвэ, ни его сердца; и более всех любил он Феанора.

Женитьба отца не обрадовала Феанора; и мало любви питал он к Индис и к Финголфину и Финарфину, ее сыновьям. Он жил отдельно от них, исследуя земли Амана или занимаясь науками и ремеслами. В тех несчастьях, которые произошли после, многие усматривали плоды разлада в доме Финвэ, считая, что, если б Финвэ смирился с утратой и удовольствовался рождением одного могучего сына, путь Феанора стал бы иным и великое лихо было бы отведено; ибо скорбь и усобица в доме Финвэ запечатлены в памяти эльфов–нолдоров. Но дети Индис и их потомки были велики и славны, и не будь их, история эльдаров потускнела бы.

В то самое время, когда Феанор и другие мастера нолдоров работали в свое удовольствие, не видя конца трудам, а сыновья Индис росли и мужали, Полдень Валинора близился к концу. Ибо, по решению Манвэ, Мелькор триста лет был заключен в темнице Мандоса. Наконец, как и обещал Манвэ, он был вновь приведен пред троны валаров. Тогда взглянул Мелькор на их величие и благодать, и зависть охватила его сердце; и взглянул он на Детей Илуватара, что сидели у ног Стихий, и исполнился ненависти; и взглянул он на блеск и богатство алмазов — и возжелал их; но скрыл свои помыслы и отложил месть.

Перед Вратами Валмара Мелькор простерся у ног Манвэ и молил о прощении, обещая всюду, где только сможет, помогать трудам валаров — даже если он будет последним в Валиноре. Более же всего станет он трудиться над исцелением ран, что некогда нанес Миру. И Ниэнна вторила его мольбам, но Мандос молчал.

Манвэ даровал Мелькору прощение; но валары не желали, чтобы он до срока ушел из–под их присмотра, и повелели ему жить в стенах Валмара. Но прекрасны казались в те дни все дела Мелькора, и валарам, и эльдарам помогал он трудом и советом, когда бы ни обратились к нему за помощью; а потому с течением времени ему дозволили вольно бродить по краю, и мнилось Манвэ, что Мелькор излечился от зла. Ибо сам Манвэ был свободен от зла и не мог распознать его; да и помнил он, что изначально, в думах Илуватара, Мелькор был подобен ему; он не прозревал всех глубин Мелькорова сердца и не знал, что любовь навеки оставила его. Но Ульмо не был обманут, и Тулкас сжимал кулаки каждый раз, как Мелькор проходил мимо, — ибо Тулкас медленно гневается, но забывает еще медленней.

Но они подчинились суду Манвэ; те, кто защищает Право от бунтовщика, не должны бунтовать.

Надо сказать, что в душе своей Мелькор более всего ненавидел эльдаров, потому что они были прекрасны и радостны, а еще потому, что в них он видел причину вознесения валаров — и собственного низвержения. Тем больше любви выказывал он им, искал их дружбы и сулил им помощь как знаниями, так и делом — какой бы великий труд они ни замыслили. Ваниары никогда не доверяли ему, ибо жили в свете Древ и были блаженны; на тэлери он сам не обращал внимания, сочтя их слишком слабыми для исполнения его замыслов. Но нолдоры с радостью приняли тайное знание, которое он явил им; и кое-кто внимал речам, которых лучше бы никогда не слышать. Мелькор объявлял потом, что и Феанор многому тайно учился у него и что он наставлял его в величайшем из трудов; но он лгал в вожделении и злобе, ибо никто из эльдалиэ не ненавидел Мелькора больше, чем Феанор, сын Финвэ, первый, кто назвал его Морготом; и хотя запутался он в тенетах Мелькоровой ненависти к валарам — никогда Феанор не беседовал с ним и не слушал его советов. Ибо Феанора влекло лишь пламя его собственной души, он был быстр в деяниях и решал все сам, и не искал ни совета, ни помощи ни у кого в Амане — ни у великих, ни у малых, разве что — и то недолго — у Нерданэли Мудрой, своей жены.

## Глава 7 О Сильмарилах и непокое нолдоров

В те времена были созданы самые знаменитые из творений эльфов. Ибо к Феанору, достигшему высот мастерства, пришел новый замысел — или, быть может, призрак близкого рока посетил его; и задумался он, как сохранить нетленным свет Дерев — славу Благословенного Края. Тогда начал он долгий и тайный труд, собрал все свои знания, мастерство и искусность рук — и сотворил Сильмарилы.

По виду были они подобны огромным алмазам. Но до тех пор, покуда не вернется Феанор, что погиб до создания Солнца и томится теперь в Чертогах Ожидания, а не живет среди своих родичей; покуда не померкнет Солнце и Луна не сойдет с небосвода, — никто не узнает, из чего они сотворены. Их вещество подобно алмазным кристаллам, но много крепче, так что никакой силе в Арде не замутить и не уничтожить его. Но кристаллы Сильмариллов были для них лишь тем, чем является тело для Детей Илуватара: пристанищем внутреннего пламени, сокрытого в них и по ним разлитого, — этот пламень и есть жизнь. Внутренним огнем Сильмариллов Феанор сделал благой свет Дерев, что все еще живет в них, хоть сами Древа давно исчахли и не сияют более. Потому даже во тьме глубочайшей сокровищницы Сильмарилы сверкают сами, подобно звездам Варды. Но так как они поистине живые существа, они любят свет, вбирают его — и возвращают лучами еще более прекрасными.

Все, кто жил в Амане, дивились творению Феанора и восторгались им. И Варда благословила Сильмарилы, так что после никогда ни смертная плоть, ни нечистые руки, ни лихо не могли, коснувшись их, не обжечься и не иссохнуть; а Мандос предрек, что судьбы Арды — суши, моря и воздуха — заключены в них. Сердце Феанора крепко привязалось к этим творениям его рук.

Тогда Мелькор возжелал Сильмариллов — одно лишь воспоминание об их сиянии палило огнем его сердце. С этого времени, подстегиваемый вожделением, все более нетерпеливо искал он способа уничтожить Феанора и навек поссорить валаров и эльфов; но он искусно прятал свои мысли и скрывал злобу. Долго трудился он,



и медлен и бесплоден был поначалу тот труд. Но тот, кто сеет ложь, в конце соберет богатый урожай и сможет отдохнуть от трудов — другие будут сеять и жать за него. И Мелькор всегда находил уши, что внимали ему, и языки, что повторяли услышанное и добавляли к нему: ложь его переходила от одного к другому, как тайна, и те, кто владел ею, мнили себя мудрецами. Жестоко поплатились нолдоры в грядущие дни за глупость и доверчивость.

Когда Мелькор увидал, что многие потянулись к нему, он стал часто появляться среди них, и в его благостные речи вплетались иные — столь искусно, что многие, кто слышал их, могли бы поклясться, что то были их собственные думы. Он пробуждал в душах нолдоров видения огромных владений на востоке, где они могли бы править по собственной воле, сильные и свободные. И поползли слухи, что валары привели эльдаров в Аман из зависти, боясь, что красота квенди и искусность, данная им Илуватаром, станут слишком велики, и, если эльфы умножатся и расселятся в просторах Арды, они перестанут подчиняться валарам.

Кроме того, хотя в те дни вал арам было известно о грядущем приходе людей, эльфы о нем ничего не знали, ибо Манвэ не открыл им этого. Мелькор же, видя, как молчание Манвэ можно обратить во зло, тайно поведал эльфам о Смертных. Однако он и сам мало знал о людях, ибо, захваченный собственным напевом Песни, не вслушался в Третью Тему Илуватара; но теперь среди эльфов прошел слух, что Манвэ держит их в плену, дабы люди могли прийти и занять их место в Средиземье; ибо валары поняли, что сумеют легче покорить этот короткоживущий и более слабый народ, обманом лишив эльфов наследства Илуватара. Не было в этом правды, и никогда валары не желали повелевать людьми; но многие эльфы поверили — или почти поверили — лиходейским словам.

Так, прежде чем валары узнали о том, спокойствие Валинора было отравлено. Нолдоры возроптали, и многие исполнились гордыни, позабыв о том, сколько умений и знаний получили они в дар от валаров. Ярче же всего вспыхнула жажда свободы и новых владений в страстной душе Феанора; и Мелькор втайне смеялся, ибо именно к этому была направлена его ложь, потому что он ненавидел Феанора и вождедел Сильмариллов. Но их ему было не достать; ибо, хотя Феанор и носил камни на празднествах, и они сияли у него на

челе, в другое время они хранились под стражей, запертые в глубоких подвалах сокровищницы Тириона. Ибо Феанор любил Сильмарилы ревнивой любовью и не показывал их свет никому, кроме отца и своих семерых сыновей; редко вспоминал он теперь, что свет, сияющий в них, ему не принадлежит.

Высокими владыками были Феанор и Финголфин, старшие сыновья Финвэ, и все почитали их в Амане; но теперь они исполнились гордыни и завидовали правам и достоянию друг друга. Тут Мелькор пустил в ход новую ложь; и до Феанора дошли слухи, что Финголфин и его сыновья замыслили свергнуть Финвэ и обманом лишить власти Феанора с сыновьями, и с дозволения валаров занять их место; ибо не по нраву валарам, что Сильмарилы заперты в Тирионе, а не отданы им во владение. А Финголфину и Финарфину было сказано: «Остерегайтесь! Не питает любви гордый сын Мириэль к сыновьям Индис. Сейчас он возвысился и держит отца в своих руках. Недолго осталось ждать, покуда он изгонит вас с Туны!»

Когда Мелькор узрел, что пламя его лжи разгорается и гнев с гордостью проснувшись в нолдорах, он завел с ними речь об оружии; и нолдоры принялись ковать мечи, топоры и копья. Делали они и щиты, изображая на них гербы многих семей и родов, что соперничали друг с другом. Ими они хвалились, а об ином оружии молчали, ибо каждый считал, что лишь он один был предупрежден. И Феанор выстроил тайно кузню, о которой не знал даже Мелькор, и закалил там острые мечи для себя и своих сыновей, и отковал высокие шлемы с алыми гребнями. Горько раскаялся Махтан в том дне, когда открыл мужу Нёрданэли секреты работы с металлом, перенятые у Ауле.

Так ложью, слухами и вероломными советами Мелькор склонил нолдоров к распрям; и от их ссор пришел в конце концов закат благих дней Валинора, и иссяк его древний блеск. Ибо Феанор теперь открыто подбивал на мятеж против валаров, объявляя, что покинет Валинор и избавит нолдоров от рабства — тех, кто пойдет с ним.

Великое смятение началось в Тирионе, и Финвэ встревожился и созвал приближенных на Совет. А Финголфин поспешил во дворец и, встав перед троном, сказал:

— Король и отец мой, ужели не усмиришь ты гордыню нашего брата Куруфинвэ, называемого — и не напрасно — Пламенным Духом? По какому праву говорит он за весь наш народ, будто он —

король? Ты, а не кто другой, говорил некогда с квенди, советуя им внять призыву валаров и идти в Аман. Ты вел нолдоров трудным и долгим путем через опасности Средиземья к свету Эльдамара. Если сейчас ты не раскаиваешься в своих речах — по крайней мере два твоих сына будут чтить их.

В тот самый миг, когда Финголфин произнес эти слова, в залу шагнул Феанор — в полном вооружении: на голове высокий шлем, у пояса долгий меч.

— Так я и знал, — сказал он. — Мой единокровный братец опередил меня — как в этом деле, так и в других. — Потом, повернувшись к Финголфину, он обнажил меч и крикнул: — Убирайся и займи место, положенное тебе!

Финголфин поклонился отцу и, не сказав ни слова Феанору, даже не взглянув на него, вышел из залы. Но Феанор последовал за ним и у дверей королевского дворца остановил его; приставив острие сияющего меча к груди Финголфина, он молвил:

— Смотри, братец! Этот клинок острее твоего языка. Хоть раз еще попробуй занять мое место в помыслах и любви отца — и, быть может, мой меч избавит нолдоров от того, кто жаждет стать господином рабов.

Слова эти слышали многие, ибо дом Финвэ был на большой площади у подножия Миндона; но Финголфин снова ничего не ответил и, молча пройдя через толпу, пошел искать своего брата Финарфина.

Непокой нолдоров не был тайной для валаров, но семя его скрывалось во тьме; а потому, так как Феанор первым возроптал против них, они рассудили, что, хотя гордыня обуяла всех нолдоров, зачинщиком всего был он, движимый своеволием и надменностью. И Манвэ скорбел, но взирал молча. Эльдары по своей воле пришли в земли валаров и вольны были остаться или уйти; и пусть валары считали уход неразумием — помешать ему они не могли. Но сейчас на дела Феанора нельзя было взирать безучастно; и валары огорчились и разгневались. Феанора призвали предстать у Врат Валмара и ответить за свои слова и дела. Были призваны также все те, кто хоть как-то связан с его делами или знал хоть что-нибудь; и Феанору, стоявшему перед Мандосом в Кольце Судьбы, велено было отвечать на вопросы. Тогда наконец обнажился корень смуты и

злое хитроумие Мелькора стало явным; и Тулкас тут же покинул Совет, чтобы наложить на врага руки и вновь привести на суд. Но и Феанор был признан виновным, ибо это он нарушил мир Валинора и поднял меч на родича; и Мандос сказал ему:

— Ты говорил о рабстве. Если б то было рабство, ты не смог бы избежать его, ибо Манвэ — владыка всей Арды, не одного Амана. А твои дела незаконны, в Амане свершились они или нет. И посему приговор таков: на двенадцать лет должен ты оставить Тирион, где грозил брату. За это время посоветуйся с собой и вспомни, кто ты и что ты. А после этих лет деянье твое должно быть забыто и не помянуто более — если другие простят тебя.

— Я прощу моего брата, — молвил тогда Финголфин. Но Феанор не ответил и молча стоял перед валарами. Потом повернулся, покинул Совет и ушел из Валмара.

С ним в изгнание отправились его семь сыновей, и возвели они на севере Валинора, в горах, твердыню и сокровищницу; и там, в Фórменосе, груды лежали оружие и драгоценные камни, Сильмарилы же были заперты в железной палате. Туда из любви к сыну пришел также король Финвэ; а Финголфин в Тирионе правил нолдорами. Так ложь Мелькора, казалось, обернулась правдой, хотя произошло это из-за деяний Феанора; и рознь, что посеял Мелькор, осталась и долго жила после меж сыновей Финголфина и Феанора.

Мелькор, узнав, что его замыслы раскрыты, укрылся в горах и облаком переплывал с места на место; и Тулкас напрасно искал его. И народу Валинора казалось, что свет Дерев померк, а все тени удлинились и почернели.

Говорят, что долгое время Мелькора не видели в Валиноре и ничего не слышали о нем, пока он нежданно не явился в Форменос и не вызвал Феанора к воротам для беседы. Хитроумно доказывал он свою притворную дружбу, убеждая его вернуться к мысли о бегстве из теней валаров.

— Ты видишь, как я был прав, — говорил он, — и как ты несправедливо наказан. Но если душа Феанора по-прежнему свободна и отважна, как его речи в Тирионе, — я помогу ему и унесу далеко от тесной этой земли. Разве сам я не валар? валар, и больший, чем гордо восседающие в Валиноре; и я всегда был другом нолдоров — самого искусного и доблестного народа Арды.

Сердце Феанора было ожесточено унижением перед Мандосом, и он молча смотрел на Мелькора, размышляя, можно ли доверять ему настолько, чтобы принять его помощь и бежать. Мелькор же, видя, что Феанор колеблется, и зная, что душа его в рабстве у Сильмариллов, закончил так:

— Твердыня твоя крепка и хорошо охраняется, но не надейся, что во владениях валаров какая-нибудь сокровищница спасет Сильмарилы!

Но его хитроумие на сей раз обернулось против него же; слова его коснулись самого сокровенного и пробудили пламя более жаркое, чем он рассчитывал; и взгляд Феанора пронизал притворство Мелькора, проник под покровы его дум и узрел его неумемную жажду обладания Сильмарилами. Тут ненависть превзошла страх Феанора, он проклял Мелькора и прогнал его прочь, крича:

— Убирайся от моих врат, ты, тюремная крыса Мандоса! — и с этими словами захлопнул ворота перед самым могучим из живущих в Эа.

И Мелькор ушел с позором, ибо опасность грозила ему и он знал, что не пришло еще время мстить; но сердце его почернело от гнева. А Финвэ исполнился великого страха и спешно послал гонцов в Валмар.

Валары сидели в Кольце Совета у своих врат, страшась удлинившихся теней, когда прибыли гонцы из Форменоса. Оромэ и Тулкас вскочили — но едва они собрались в погоню, как из Эльдамара примчались вестники: Мелькор пронесся через Калакирию, и эльфы видели с Туны, как он мчался, разгневанный, подобный грозовой туче. А оттуда, сказали они, он повернул к северу, ибо тэлери в Альквалондэ видели его тень, что накрыла их гавань и унеслась к Араману.

Так Мелькор ушел из Валинора, и Два Древа долго сияли незамутненно, и земли наполнились светом. Но напрасно ждали валары вестей о враге; и тучей, отдаленной, но неумолимо растущей, гонимой все ближе неспешным северным ветром, наплывало на живших в Амане сомнение — и радость увядала, и страх неведомого, но близкого лиха вползал в сердце.

## Глава 8 О Затмении Валинора

Когда Манвэ услышал, куда направился Мелькор, показалось ему несомненным, что тот замыслил укрыться в старых своих твердынях на севере Средиземья; и Оромэ с Тулкасом поспешили на север, чтобы, если удастся, перехватить его — но не нашли ни следа, ни слуха о нем за берегами тэleri, в незаселенных пустошах у границ Льдов. Потому стража на северных рубежах Амана была удвоена, — но напрасно, ибо еще до начала погони Мелькор повернул назад и тайно перенесся далеко на юг. Он все еще был одним из валаров и мог изменять облик или ходить без покровов, как его братья; хотя близилось время, когда он лишится этой возможности навсегда.

Так, невидимым, пришел он наконец в мглистый Аватар. Край этот узкой полосой протянулся к югу от Эльдамарского залива, у подножия восточных Пелоров, и его долгий сумрачный берег был неизведан. Между отвесными горными стенами и черным холодным морем залегли самые глубокие и непроглядные тени в мире; и там, в Аватаре, в тайне и неизвестности жила в своем логове Унголианта. Эльдары не знают, откуда она взялась, но кое-кто говорит, что бессчетными веками раньше, когда Мелькор впервые с завистью взглянул на Владения Манвэ, ее породила тьма, окружающая Арду, и она была одной из тех, кого Мелькор растлил и привлек к себе на службу. Но она отреклась от своего Господина, ибо желала быть хозяйкой своих вождений, поглощая все, дабы насытить свою пустоту; и бежала на юг, спасаясь от валаров и охотников Оромэ, потому что их бдительность была направлена к северу, а на юг они долгое время не обращали внимания. Оттуда она подбиралась к свету Благословенного Края, ибо жаждала света и ненавидела его.

Она жила в глубоком ущелье, приняв облик чудовищного паука, и плела в расселинах черную паутину. В нее ловила она весь свет, какой могла, — и вплетала в темные сети удушающей мглы, покуда свет не перестал проникать в ее логово; и она голодала.

Мелькор пришел в Аватар и нашел Унголианту; и вновь принял образ, что носил тираном в Утумно, — обличье Владыки Тьмы, высокого и ужасного. В этом облике он и остался навек. Там, в черных

теньях, коих не прозревал даже Манвэ со своего высокого трона, Мелькор с Унголиантой измыслили месть. Поняв замысел Мелькора, Унголианта разрывалась между вожделением и великим страхом, ибо не желала она испытывать мощь владык и оставлять свое укryвище ради опасностей Амана. А потому Мелькор сказал ей: «Делай, как я велю. И если, когда все исполнится, голод твой не уймется, я дам тебе полной горстью все, чего пожелает твое вожделение».

Он поклялся легко, как клялся всегда; и смеялся в глубине души. Так старый вор соблазняет новичка.

Перед выступлением Унголианта окутала себя и Мелькора покровом тьмы: Бессветием, которого не прозреть ничьим глазам, ибо оно — пустота. Потом медленно стала плести сети — вервие за вервием, с обрыва на обрыв, со скалы на утес, все выше и выше — покуда не добралась наконец до вершины Хи́арментира, высочайшего пика в той области мира, далеко на юге от великой Таникветиль. За тем краем валары не следили; западнее Пелоров земли были пусты и сумрачны, а восточнее гор, кроме позабытого Аватара, лежало лишь безбрежное море.

Но сейчас на вершине горы залегла Унголианта; она сотворила лестницу из сплетенного вервия и сбросила вниз — и Мелькор поднялся и встал рядом с ней на вершине, глядя на Хранимый Край. Под ними лежали леса Оромэ, а западнее золотилась высокая пшеница полей Йаванны и мерцали травы ее пастбищ. Но Мелькор взглянул на север — и увидел вдали сияющую равнину, где серебряные крыши Валмара блистали в смешенье лучей Тельперииона и Лаурелин. Тут Мелькор громко захохотал и помчался вниз по долгим западным склонам, и Унголианта неслась рядом, тьмою своей прикрывая их обоих.

А надо сказать, что то было время праздника, и Мелькор знал это. Хотя все времена года во власти валаров и в Валиноре нет ни зимы, ни смерти, жили они, тем не менее, в Арде, а это лишь малая песчинка в Чертогах Эа, чья жизнь — Время, текущее неостановимо от первой ноты до последнего хора Эру. И поскольку валары любили тогда облачаться, как в платье, в обличье Детей Эру — так сказано в Айнулиндалэ, — равно они ели и пили, и собирали плоды Йаванны, выросшие на Земле, сотворенной по воле Эру.

Потому Йаванна установила время цветения и созревания всего, что росло в Валиноре; и каждый раз в начале сбора плодов Манвэ устраивал великое празднество во славу Эру, когда все народы Валинора пели и веселились на Таникветиль. Теперь был тот самый час, и Манвэ объявил праздник более пышный, чем все бывшие со времени прихода эльдаров в Аман. Ибо, хотя бегство Мелькора предвещало грядущие труды и печали и воистину никто не мог сказать, какие еще раны могут быть нанесены Арде, прежде чем Врага одолеют снова, — в то время Манвэ решил исцелить лихо, родившееся среди нолдоров; и все были приглашены в его чертоги на Таникветиль, дабы отбросить рознь, что легла между их вождями, и навсегда позабыть об уловках Врага.

Были там и ваниары, и нолдоры Тириона, и майары собрались вместе, а валары облачились в красу и величие; они пели пред Манвэ и Вардой в их высоких чертогах и плясали на зеленых склонах Горы, обращенных к Древам. В тот день улицы Валмара были пусты и сходы Тириона безмолвны: земли дремали в мире. Лишь тэлери за горами по-прежнему пели на морских берегах; ибо времена года мало трогали их, они не задумывались ни о заботах Правителей Арды, ни о Тени, что пала на Валинор, — ведь покуда она не коснулась их.

И лишь одно омрачало замысел Манвэ. Феанор пришел, ибо ему — единственному — Манвэ *повелел* прийти, но ни Финвэ, ни кто иной из нолдоров Форменоса не явился. Ибо сказал Финвэ: «Покуда сын мой Феанор в изгнании и не может войти в Тирион, я считаю себя лишенным трона и не стану встречаться с моим народом». А Феанор не надел праздничных одеяний — ни вышивок, ни серебра, ни золота, ни драгоценных камней не было на нем; и он лишил валаров и эльдаров света Сильмариллов, оставив их под замком в Форменосе, в железной палате. Тем не менее он встретился с Финголфином пред троном Манвэ и был дружелюбен — на словах; а Финголфин предал забвению обнаженный меч и протянул руку, говоря так:

— Что я обещал — то и делаю. Я прощаю тебя и не помню обид. — Феанор молча пожал ему руку, но Финголфин промолвил: — Полубрат по крови, истинным братом по духу буду я. Ты станешь вести, а я следовать. И да не разделят нас впредь никакие печали!

— Я слышал твое Слово, — отвечал Феанор. — Быть по сему. — Но не ведали оба, чем обернутся их речи.



Говорят, что в тот самый час, когда Феанор и Финголфин стояли пред Манвэ, настало смешенье света, когда сияли оба Древа, и безмолвный Валмар был залит золотым и серебряным блеском. И в тот самый час Мелькор и Унголианта пронеслись по–над полями Валинора, подобные тени от черной тучи, что ветер гонит над залитой солнцем землей; и остановились у зеленого холма Эзеллохар. Тут Бессветие Унголианты поднялось до корней Дрeв, и Мелькор вступил на холм; и черным копьeм он пронзил оба Древа, нанеся им глубокие раны. Сок их лился, как кровь, и орошал землю. Унголианта же слизывала его, а потом стала переходить от Древа к Древу, погружая черный хобот в их раны, пока не осушила их; и яд Смерти, что жил в Унголианте, проник в их тела и ветви, в крону и корни, и они умерли. А ее все томила жажда, и, подползши к Прудам Варды, она выпила их до дна; пока же Унголианта пила, она выдыхала испаренья столь черные, и рост ее стал столь огромен, а облик так ужасен, что Мелькор устранился.

\*\*\*

Так великая тьма пала на Валинор. О делах того дня много сказано в *Альдудэниэ*, Плаче по Древам, что сложен ваниаром Элеммире и известен всем эльдарам. Однако ни песня, ни повесть не передаст всей скорби и всего ужаса, что настали тогда. Свет погас, но наставшая Тьма была больше, чем просто потерей света. В тот час родилась Тьма, что казалась не пустотой, а живой тварью — ибо она порождена была злой силой из Света и владела мощью пронизать взор, входить в сердце и душу и покорять волю.

Варда взглянула с Таникветиль и увидела Тень, воздвигающуюся внезапно бастионами мрака; Валмар погрузился в глубокое море ночи. Вскоре Благая Гора стояла одна — последний остров в затонувшем мире. Песни смолкли. В Валиноре царила тишь, ниоткуда не доносилось ни звука, лишь издали, из–за гор, сквозь ущелье приносил ветер рыдания тэлери, подобные леденящим воплям чаек. Ибо с востока потянуло холодом и морская мгла накатывалась на высокие берега.

Но Манвэ с высокого трона обозревал дали, и взор его — единственный — проникал в ночь и узрел Тьму чернее ночи, непроницаемую, огромную, но далекую, быстро мчащуюся на север; и понял Манвэ, что Мелькор приходил и ушел.

Тогда началась погоня; землю сотрясали кони воинства Оромэ, и огонь, что высекли копыта Нахара, был первым светом, вернувшимся в Валинор. Но едва достигнув Тучи Унголианты, всадники валаров ослепли, растерялись, рассеялись и поскакали, сами не зная куда; и глас валаромы захлебнулся и смолк. А Тулкас словно запутался в черных тенетах ночи — силы оставили его, и он тщетными ударами осыпал воздух. Когда же Туча ушла, стало поздно: Мелькор наслаждался местью и ушел невредимо.

## Глава 9 Об исходе нолдоров

Прошло время — и великая толпа собралась вокруг Кольца Судьбы: валары восседали во тьме, ибо была ночь. Но звезды Варды сияли в небесах, и воздух очистился: ибо ветры Манвэ развеяли испарения смерти и отогнали морские туманы. И поднялась Йаванна и встала на Эзеллохаре, Зеленом Кургане, ныне пустом и черном; и она возложила руки на Древа, но те были темны и мертвы, и какой бы ветви ни коснулась она — ветвь ломалась и безжизненно падала к ее ногам. Тогда поднялся многоголосый плач; и казалось скорбевшим, что они осушили до дна чашу горя, налитую для них Мелькором. Но это было не так.

Йаванна обратилась к валарам:

— Свет Древ ушел и живет ныне лишь в Сильмарилах Феанора. Провидцем оказался он! Даже для самых могучих чад Илуватара существуют деяния, которых нельзя повторить. Свету Древ подарила жизнь я — и никогда более в Эа не совершу подобного. Однако, имей я хоть каплю этого света, я смогла бы вернуть жизнь Древам, прежде чем корни их иссохнут; и тогда наши раны затянутся и злоба Мелькора будет посрамлена.

Тогда спросил Манвэ:

— Слышал ли ты, Феанор, сын Финвэ, речи Йаванны? Дашь ли ты, о чем она просит?

Долго молчали все, но Феанор не ответил. И вскричал тогда Тулкас:

— Говори, о нолдор, да или нет! Но кто откажет Йаванне? Не из ее ли трудов вышел свет Сильмарилов?

Но Ауле—Создатель возразил:

— Не спеши! Мы просим о большем, чем ты думаешь. Дайте ему время — и покой, чтобы решить.

Тут заговорил Феанор — и горечь была в его словах:

— Для малых, как и для великих, есть дела, что сотворить они могут лишь единожды; и в этих делах живет их сердце. Возможно, я смогу расщепить свои алмазы, но никогда не сотворю я подобных им;

и если я разобью их, то разобью свое сердце и погибну — первым из эльдаров в Амане.

— Не первым, — молвил Мандос, но его слов не поняли; и снова упала тишь, пока Феанор размышлял во тьме. Ему казалось, что он окружен кольцом врагов; ему вспомнились речи Мелькора, что Сильмарилы не будут сохранены, завладей ими валары. «Или он не валар, — говорил он себе, — или не читает в их душах? Вор выдает воров!» — и он горько вскричал:

— По своей воле я не сделаю этого! Если же валары принудят меня — я увижу, что Мелькор поистине сродни им.

— Ты сказал, — произнес Мандос.

И встала Ниэнна, вошла на Эзеллохар и, отбросив серый капюшон, слезами омыла грязь Унголианты; и пела она, скорбя о жестокости мира и об Искажении Арды.

Но когда Ниэнна рыдала, явились посланники — нолдоры из Форменоса, неся лихие вести. Они поведали, как слепящая Тьма нахлынула на север, и в сердце той Тьмы шла сила, коей не было имени, и Тьма изливалась из нее. А еще там был Мелькор, он подступил к дому Феанора и у дверей его сразил короля нолдоров Финвэ, пролив первую в Благословенном Краю кровь; ибо Финвэ — единственный — не бежал пред ужасом Тьмы. И еще сказали посланцы: Мелькор разрушил твердыню Форменоса, забрав все камни, что хранились там; и Сильмарилы сгинули.

Тут встал Феанор и, подняв руку, пред лицом Манвэ проклял Мелькора и нарек его *Морготом*, Черным Врагом Мира; и лишь этим именем звали его впредь эльдары. Проклял он также и призыв Манвэ, и час, когда он, Феанор, вступил на Таникветиль, решив в безумии гнева и скорби, что, будь он в Форменосе, сил его хватило бы на большее, чем тоже погибнуть, как замыслил Мелькор. А после того Феанор вышел из Кольца Судьбы и бежал в ночь, ибо отец был ему дороже Света Валинора и беспримерного деяния собственных рук. Кто из сыновей эльфов или людей больше ценил своих отцов?

Многие сострадали муке Феанора, но то, что он утратил, утратил не он один; и Йаванна плакала на кургане в страхе, что Тьма навек поглотит последние лучи Света Валинора. Ибо, хотя валары не осознали еще полностью, что случилось, они видели, что Мелькор призвал себе помощь из-за пределов Арды; Сильмарилы сгинули, и,

казалось, уже все равно, ответил ли Феанор Йаванне «нет» или «да». Однако скажи он вначале, до того, как пришли вести из Форменоса: «да», — быть может, после деянья его были бы иными. Ныне же рок навис над нолдорами.

Тем временем Моргот, уйдя от погони валаров, явился в пустоши Арамана. Земли эти лежат на севере, меж Пелорами и Великим Морем, как Аватар на юге; но Араман обширнее: меж берегом и морем раскинулись пустынные равнины, где царит холод — и чем ближе ко Льду, тем холоднее. В спешке пронеслись Моргот и Унголианта через этот край и, миновав великую мглу Ойомурэ, вышли к Хелкараксэ, где в проливе меж Араманом и Средиземьем лежал вздыбленный лед; Враг пересек пролив и вернулся на север Внешних Земель. Вместе двинулись они дальше, ибо Моргот не мог избавиться от Унголианты, ее туча все еще окружала его, и все ее глаза были устремлены на него; и так пришли они в земли, что лежат к северу от залива Дренгист. Моргот стремился к развалинам Ангбанда, своей древней западной твердыни; Унголианта, почуяв его надежду и поняв, что здесь он попытается ускользнуть от нее, остановила его, требуя, чтобы он отдал обещанное.

— Черносердый! — молвила она. — Я исполнила твою просьбу. Но я еще не насытилась.

— Чего же еще хочешь ты? — спросил Моргот. — Ужели весь мир должен уйти в твоё брюхо? Я не давал обета скормить его тебе. Владыка его — я.

— Так много мне не надо, — отвечала Унголианта. — Но ты забрал из Форменоса великие сокровища; я хочу получить их. Полной горстью ты насыплешь их.

И Моргот принужден был отдать ей камни, что нес с собой — по одному; с великой неохотой делал он это, а она пожирала их, и красота их навеки покидала мир. Все огромней и темнее делалась Унголианта, но жажда ее была ненасытна.

— Лишь левой рукой давал ты, — сказала она. — Открой теперь правую.

В правой руке Моргот держал Сильмарилы — даже запертые в хрустальном ларце, они начали жечь его ладонь. Боль терзала его руку, но разжать ее он не желал.

— Нет! — ответил он. — Ты получила свое. Ибо лишь благодаря силе, что я вложил в тебя, сумела ты исполнить дело. Более ты не нужна мне. Этих творений ты не увидишь и не получишь. Они — мои навеки.

Но Унголианта стала громадной, а он уменьшился, так как потратил много сил; и она восстала на него, окутала тучей, обвила липкой паутиной, желая задушить. Тут Моргот испустил ужасающий, вопль, что отозвался в горах. Потому и зовется этот край Ламмот — отзвуки этого крика навсегда поселились в нем, и каждый громкий крик в том краю пробуждает их, и все побережье до самых гор полнится воплями яростной муки. Крик Моргота был самым страшным и громким из всех, звучавших когда-либо на севере Мира: горы затряслись, земля содрогнулась, скалы треснули и разошлись. Глубоко и далеко был слышен этот крик. Под развалинами чертогов Ангбанда, в безднах, куда в спешке не заглянули валары, все еще таились балроги, дожидаясь возвращения своего Властелина; теперь они проснулись и, перенесясь через Хитлум, огненным смерчем примчались в Ламмот. Пламенными бичами они разбили сети Унголианты, она отступила и обратилась в бегство, изрыгая клубы черного дыма, скрывающего ее. Бежав с севера, она пробралась в Белерианд и поселилась у подножия Эред-Горгорота, в темной долине, что после, из-за порожденного Унголиантой страха, звалась Нан-Дунгортеб, Долиной Ужасной Смерти. Ибо там, со времен разрушения Ангбанда, жили мерзкие твари в том же паучьем обличье; и она сочеталась с ними, а потом пожирала; и даже когда сама Унголианта сгнула неведомо куда, потомство ее жило там и плело свои мерзкие сети. О судьбе Унголианты не говорит ни одно предание. Однако кое-кто считает, что она давным-давно исчезла, в неутолимом своем голоде пожрав саму себя.

Так страхи Йаванны, что Сильмарилы будут поглощены Тьмой и канут в ничто, не сбылись; но они остались во власти Моргота. А он, освободившись, вновь собрал всех своих слуг, кого смог найти, и пришел в развалины Ангбанда. Он заново отрыл обширные подземелья и казематы, а над воротами поднял трехголовые пики Таигородрима, и темный дым всегда клубился вокруг них. Бесчисленны стали воинства его тварей и демонов, а порода орков, порожденная прежде, росла и множилась во чреве Земли. Черная тень

простерлась над Белериандом, Моргот же отковал в Ангбанде железный венец и нарек себя Владыкой Мира, в знак чего вставил в свой венец Сильмарилы. Руки его были сожжены дочерна прикосновением к этим благим алмазам, и черными остались они навек; и никогда не оставляла его боль от ожогов и ярость от боли. Никогда не снимал он венца, хоть вес его и был ему тяжким бременем. Никогда не покидал он глубинных залов своей твердыни, направляя войска с северного своего трона; лишь раз тайно покинул он свои владения. И лишь раз за время своего владычества брал он в руки оружие.

Ибо теперь ненависть плодала его куда сильнее, чем во дни Утумно, когда гордыня его еще не была посрамлена, и ныне он вкладывал свой дух во владычество над своими прислужниками, в возжигание в них жажды зла. И все же величие его, как одного из валаров, до времени оставалось при нем, хоть и обращенное в ужас, и пред ликом его все, кроме самых могущественных, низвергались в темную бездну страха.

Когда стало известно, что Моргот бежал из Валинора и погоня была напрасной, валары долго сидели в раздумье среди тьмы в Кольце Судьбы, и майары и ваниары, рыдая, стояли вокруг; нолдоры же большей частью вернулись в Тирион и оплакивали свой затмившийся город. Через погруженную во мрак Калакирию с темных морей врывались туманы и окутывали башни, и светильник Миндона тускло светил во тьме.

Нежданно появился в городе Феанор и призвал всех к королевскому двору на вершине Туны. Но приговор к изгнанию все еще тяготел над ним, и он восстал против валаров. А потому сбежалась большая толпа — послушать, что он скажет; холм и все лестницы, и улицы, ведущие к нему, были залиты светом факелов, что собравшиеся держали в руках. Феанор был красноречив, и язык давал ему огромную власть над сердцами, когда он хотел того; и в ту ночь сказал он нолдорам Слово, что запомнилось им навек. Пламенна и ужасна была его речь, исполнена гордыни и ярости; и, внимая ей, нолдоры потеряли разум. Большую часть своего гнева и ненависти обрушил он на Моргота, и все же почти все его речи выросли из лжи Моргота; Феанор обезумел от скорби по убитому отцу и от потери

Сильмариллов. Он требовал владычества над всеми нолдорами — раз Финвэ умер — и отвергал установления валаров.

— Почему, о нолдоры, — вопрошал он, — почему должны мы и дальше служить алчным валарам, которые не могут уберечь от Врага ни нас, ни свои собственные владения? И хотя теперь *Он* их враг, не одной ли они с ним крови? Месть гонит меня отсюда — но и без этого я не стал бы жить в одном краю с родичами того, кто убил моего отца и похитил мои сокровища. И не единственный я храбрец в народе отважных. Или не все вы лишились короля? И чего еще не лишились вы, запертые в теснине между горами и морем? Прежде здесь был свет, в котором валары отказали Средиземью, но теперь тьма уравнила все. Будем ли мы вечно скорбеть здесь — сумеречный народ, задавленный мглою, — роняя напрасные слезы в неблагодарное море? Или вернемся в свой дом? Сладки воды Куйвиэнен под ясными звездами, и широки земли, что простерлись вокруг него — земли, где есть место для вольного народа. Страны эти ждут нас — а мы по глупости покинули их. Идем к ним! Пусть трусы сторожат город!

Долго говорил он так, убеждая нолдоров следовать за ним и, пока не поздно, доблестью своей завоевать свободу и великие владения на востоке; он вторил лжи Мелькора, что валары заманили их сюда и будут держать в плену, дабы люди могли править Средиземьем. Многие эльдары тогда впервые услышали о Последышах.

— Пусть трудна дорога, — говорил он, — дивным будет конец ее! Проститесь с оковами! Но проститесь и с беззаботностью! Проститесь со слабыми! Проститесь со своими сокровищами! Мы создадим большие! Идите налегке, но возьмите мечи! Ибо нам идти дальше, чем Оромэ, терпеть дольше, чем Тулкасу: мы никогда не откажемся от погони. За Морготом — до края Земли! Война станет нашим уделом — и непримиримая ненависть. Но когда победим и вернем Сильмарилы — тогда мы и только мы будем владеть Меркнушим Светом и царить над блаженством и красотой Арды. Никто не лишит нас этого!

И Феанор поклялся ужасной клятвой. Семеро его сыновей бросились к нему и, стоя бок о бок, дали тот же обет; и кроваво блестя в мерцании факелов клинки их обнаженных мечей. Этой клятвы никто не может нарушить, и никто не должен произносить ее: именем Илуватара клялись они, призывая на свою голову Извечный



Мрак, если не сдержат обета; и Манвэ призывали в свидетели, и Варду, и благую гору Таникветиль, клянясь ненавидеть и преследовать до конца Мира валара, демона, эльфа или нерожденного еще человека, или иную тварь, большую или малую, добрую или злую, когда бы ни пришла она в мир — любого, кто захватит, или получит, или попытается укрыть от Феанора или его наследников Сильмарилы.

Так говорили Маэдрос, Маглор и Келегорм, Куруфин и Караитир, Амрод и Амрас — принцы нолдоров; и многие уstraшились, слыша ужасные речи. Ибо от такой клятвы нельзя освободиться, и будет она преследовать до конца света и того, кто нарушит ее, и того, кто сдержит. Посему Финголфин и его сын Тургон воспротивились Феанору — и прозвучали злые слова, и снова гнев прилил к остриям мечей. Но вот тихо, как всегда, заговорил Финарфин — он старался успокоить нолдоров, заставить их остановиться и задуматься, пока не содеяно то, чего не изменишь; и так же говорил один из его сыновей, Ородрет. Финрод был на стороне своего друга Тургона; а Галадриэль, воинственная и статная, единственная женщина среди спорящих принцев, желала идти в поход. Она не давала клятвы, но слова Феанора о Средиземье пылали в ее сердце. Не терпелось ей увидеть безграничные просторы и править в них — в собственном владении и по собственной воле. То же думал и сын Финголфина, Фингон: ему тоже запали в душу слова Феанора, хотя самого Феанора он не любил; а за Фингоном, как всегда, пошли Ангрод и Аэгнор, сыны Финарфина. Однако они хранили спокойствие и не перечили отцам.

Наконец, после долгих споров, Феанор взял верх и зажег большую часть собравшихся нолдоров жаждой увидеть новые дивные земли. Потому, когда Финарфин вновь стал призывать помешкать и задуматься, поднялся громкий крик: «Нет, идем, идем тотчас!» И Феанор с сыновьями начали готовиться к уходу.

Немногое видели впереди те, кто решился вступить на темный этот путь. Однако все было сделано в величайшей спешке: Феанор влек их вперед, боясь, что сердца их остынут и слова его пропадут втуне; и, как бы ни были горды его речи, он помнил о мощи валаров. Но из Валинора не приходило вестей, и Манвэ безмолвствовал. Он не хотел ни препятствовать Феанору, ни запрещать ему действовать. Ибо валаров опечалили упреки в злых намерениях против эльдаров и не хотели они удерживать никого против воли. Сейчас они наблюдали и

ждали, ибо не верилось им, что Феанор сможет подчинить всех нолдоров своей воле.

И впрямь, когда Феанор взялся руководить выступлением нолдоров, начались раздоры. Ибо, хотя Феанор и подвигнул всех на уход, далеко не все согласны были признавать его королем. Куда больше любили они Финголфина с сыновьями — и множество жителей Тириона отказались подчиниться Феанору, даже если и пойдут с ним; так что в конце концов нолдоры пустились в горький свой путь двумя воинствами. Феанор и его сторонники шли впереди, но воинство Финголфина было больше; сам он шел против воли, по просьбе своего сына Фингона, и еще потому, что не хотел оставлять свой народ, страстно желавший уйти, на произвол поспешных решений Феанора. Финголфин не забыл о словах Феанора перед тронем Манвэ. Вместе с Финголфином — по тем же причинам — шел Финарфин, но уходил он очень неохотно. Из всех нолдоров Валинора, ставших теперь поистине многочисленным народом, едва десятая часть отказалась отправиться в путь: кое-кто из любви к валарам (прежде всего к Ауле), кое-кто из любви к Тириону и дивным творениям своих рук — но никто из страха перед грозными опасностями пути.

Едва пропела труба и Феанор вышел из врат Тириона, посланец Манвэ принес его слово:

«Неразумию Феанора могу я противопоставить лишь совет. Не уходите! Настал недобрый час, и путь ваш ведет к скорби, коей вам не дано провидеть. В этом походе валары не станут помогать вам, но не станут они и удерживать вас. Знайте: как вольны вы были прийти сюда, так вольны и уйти. Ты же, Феанор, сын Финвэ, клятвой своей изгнал себя сам. В горестях распознаешь ты ложь Мелькора. Он валар, сказал ты. Тогда клятва твоя неисполнима, ибо никого из валаров не одолеть тебе — ни теперь и никогда впредь в чертогах Эа, пусть даже Эру, коего ты призывал, сделает тебя втрое сильнее, чем ты есть».

Но рассмеялся Феанор и, обращаясь не к вестнику, а к нолдорам, сказал:

— Так! Значит, сей доблестный народ отпустит наследника своего короля в изгнание одного, лишь с сыновьями, сам же вернется в оковы? Но если кто и пойдет со мной — вот что скажу я им: вам предрекли скорбь? Но мы познали ее в Амане. В Амане низверглись

мы от блаженства к скорби. Попытаемся же теперь взойти через скорбь к радости — или хотя бы к свободе.

Потом, обратясь к посланцу, воскликнул:

— Так скажи Манвэ Сулимо, Высокому Властителю Арды: если Феанор не сможет низвергнуть Моргота, он, во всяком случае, не станет откладывать погони и медлить, скорбя. И быть может, Эру вложил в меня пламя куда большее, нежели ведаешь ты. Такую рану нанесу я Врагу валаров, что даже Могучие в Кольце Судьбы удивятся, узнав о том. О да, в конце концов они пойдут за мною. Прощайте!

В тот час голос Феанора был столь могуч и властен, что даже вестник валаров поклонился ему, словно получил достойный ответ, и удалился. Нолдоры продолжали путь, и род Феанора, торопясь, вел их вперед вдоль берегов Эленде. Не единожды обращался их взор назад, к Тириону на зеленой Туне. Медленнее и не так охотно двигалось сзади воинство Финголфина. Первым шел Фингон, а в конце Финарфин, и Финрод, и многие благороднейшие и мудрейшие нолдоры; и часто оглядывались они, дабы увидеть дивный город свой, покуда свет Миндон Эльдалиева не исчез в ночи. Они уносили оттуда больше воспоминаний о блаженстве, нежели все другие, и кое-кто даже захватил с собою некоторые сделанные там вещи — утешение и бремя в пути.

\*\*\*

Феанор вел нолдоров на север, ибо намеревался преследовать Моргота. Кроме того, Туна у подножья Таникветиль лежала у самой границы Арды, и Великое Море было там неизмеримо широко, тогда как на севере, где пустыня Арамана и берега Средиземья сближались, разделяющие их воды становились уже. Но рассудок Феанора остыл, и понял он, хоть и поздно, что всему их огромному воинству никогда не преодолеть долгих лиг до севера и не пересечь морей, кроме как на судах; однако постройка столь большого флота заняла бы слишком много времени, будь даже нолдоры искушены в этом ремесле. Потому он решил уговорить тэлери, всегдашних друзей нолдоров, присоединиться к ним; и в бунтарстве своем думал, что так можно преуменьшить блаженство Валинора и приумножить силы для борьбы

с Морготом. И он поспешил в Альквалондэ и там держал перед тэлери ту же, что и в Тирионе, речь.

Но тэлери не тронули его слова. Они печалились об уходе своих родичей и давних друзей и скорее стали бы отговаривать их, чем помогать. И не желали они ссужать корабли или помогать строить их против воли валаров. Сами же они не хотели иного дома, кроме берегов Эльдамара, и иного владыки, кроме Ольвэ, короля Альквалондэ. Он никогда не внимал Морготу и не звал его в свои земли, и верил, что Ульмо и прочие валары залечат раны, нанесенные Морготом, и что за ночью снова придет рассвет.

Тогда Феанор разгневался, ибо все еще боялся задержки, и в сердцах объявил:

— Вы отрекаетесь от дружбы с нами в час нужды, однако вы рады были получить нашу помощь, когда — робкие, неумелые и неимущие — явились на этот берег. В прибрежных хижинах ютились бы вы по сей день, если б нолдоры не построили вам гавани и не трудились на ваших стенах.

Но отвечал Ольвэ:

— Мы не отрекаемся от дружбы. Однако дело друга — разубедить заблудшего. Когда нолдоры приветили нас и помогли нам, иные звучали речи: «В землях Амана жить нам вечно как братьям, чьи дома стоят рядом». Что же до кораблей — не вы дали их нам. Не у нолдоров научились мы этому искусству, но у Владык Моря. И белое дерево обрабатывали мы своими руками, а белые паруса ткали наши жены и дочери. А потому мы не отдадим и не продадим корабли ни другу, ни союзнику. Ибо говорю тебе, Феанор, сын Финвэ; они для нас то же, что камни для нолдоров, — труд наших сердец, и второй раз нам подобного не совершить.

Феанор оставил его и в мрачных думах сидел под стенами Альквалондэ, покуда не собралось его воинство. Тогда рассудил он, что сил у него довольно, и, войдя в Лебязью Гавань, послал воинов на стоявшие у причалов корабли, дабы взять их силой. Но тэлери дали ему отпор и сбросили многих нолдоров в море. Обнажились мечи, и началась жестокая сеча на судах, на освещенных светильнями набережных и причалах Гавани, и даже на высокой арке ее врат. Трижды отбрасывали от кораблей воинов Феанора, и многие пали с обеих сторон; но тут нолдоров поддержал Фингон, и передовые

отряды воинства Финголфина, которые, подоспев и увидев, что идет бой и родичи их погибают, кинулись в битву прежде, чем узнали, что было причиной розни; кое-кто решил даже, что тэлери хотят помешать исходу нолдоров по велению валаров.

Так тэлери были в конце концов побеждены и большинство мореходов Альквалондэ лиходейски убиты. Ибо нолдоры сражались отчаянно и яростно, а тэлери были слабее и вооружены лишь легкими луками. И нолдоры взошли на их белые корабли, сели на весла и поплыли вдоль берегов на север. И Ольвэ воззвал к Оссе — но тот не явился, ибо не позволили валары силой задерживать нолдоров; но Уинен оплакивала погибших мореходов-тэлери — и море в гнев поднялось на убийц. Многие корабли разбились, а все, кто был на них, — потонули. О Резне в Альквалондэ много сказано в *Нолдолантэ*, Падении нолдоров — плаче, что перед смертью своей сложил Маглор.

И все же большинство нолдоров уцелело, и, когда буря кончилась, они двинулись прежним путем, кто по морю, кто по земле; но путь был долог, и чем дальше, тем становился труднее. Долго шли они в непроглядной ночи, покуда не пришли наконец к северным пределам Благословенного Края — холодным гористым пустошам Арамана. Там они увидели темную фигуру на высокой скале, что нависала над берегом. Говорят, что то был сам Мандос, посланный Манвэ. И услышали нолдоры громкий голос, мрачный и устрашающий, что велел им остановиться и слушать. Все застыли — и над воинством нолдоров из конца в конец разнеслись тяжкие слова проклятия и приговора, названного позднее Пророчеством Севера и Проклятием нолдоров. Много было предсказано в туманных речах, коих нолдоры не понимали, пока беды не настигли их; но все услышали проклятье, наложенное на тех, кто не остановится и не обратится за прощением к валарам.

«Слезы бессчетные прольете вы; и валары оградят от вас Валинор, исторгнут вас, дабы даже эхо ваших рыданий не перешло гор. Гнев валаров лежит на доме Феанора, и ляжет он на всех, кто последует за ним, и настигнет их, на западе ли, на востоке. Клятва поведет их — и предаст, и вырвет у них из рук сокровище, добыть которое они поклялись. Все начатое в добре завершится лихом; брат

будет предавать брата и сам страшиться измены. Изгоями станут они навек.

Несправедливо пролили вы кровь своих братьев и запятнали землю Амана. За кровь вы заплатите кровью и будете жить вне Амана под тенью Смерти. Ибо, хотя промыслом Эру вам не суждено умирать в Эа и никакой болезни не одолеть вас, вы можете быть сражены и сражены будете — оружием, муками и скорбью; и ваши бесприютные души придут тогда к Мандосу. Долго вам жить там, и тосковать по телам, и не найти сочувствия, хотя бы все, кого вы погубили, просили за вас. Те же, кто останется в Средиземье и не придет к Мандосу, устанут от Мира, как от тяжкого бремени, истомятся и станут скорбными тенями печали для юного народа, что придет позже.

Таково слово валаров».

Многие устрашились; но Феанор ожесточил свое сердце и молвил:

— Мы поклялись, и не шутя. Клятву мы эту сдержим. Нам сулят многие беды и предательство — в первую голову; об одном лишь сказано не было: что нас погубит страх, трусость или боязнь трусости. Потому говорю я, что мы пойдем вперед, и предрекаю: дела, свершенные нами, будут воспеты в песнях — и не забудутся до последних дней Арды.

Но Финарфин в тот час презрел поход и возвратился назад, исполняясь печалью и гневом на дом Феанора, ибо был в родстве с Ольвэ Альквалондским; и многие из его народа шли с ним, в скорби повернув вспять, покуда не узрели вновь на Туне дальний луч Миндона, все еще горевшего в ночи, и не вернулись в Валинор. Они получили прощение валаров, и Финарфину было доверено править остатками нолдоров в Благословенном Краю. Но сыновья его не пошли с ним, ибо не хотели покинуть сыновей Финголфина; и все Финголфиново воинство по-прежнему двигалось вперед, влекомое узами родства, волей Феанора и страхом встретиться лицом к лицу с валарами; ибо не все они невинными вышли из Рэзни. К тому же Фингон и Тургон были отважны и пламенны душой и не хотели отказываться от начатого, решив идти до конца, пусть горького — если ему суждено быть горьким. Так что воинство шло и шло — и вскоре предсказанное лихо начало сбываться.

К тому времени нолдоры зашли далеко на север Арды: увидев первые глыбы льда, плававшие в море, они поняли, что приблизились к Хелкараксэ. Ибо между Аманом, что на севере изгибался к востоку, и Эндором (что значит «Средиземье») был узкий пролив, в котором сливались стывшие воды Окружающего Моря и волны Бёлегаера, там висели густые туманы и смертнохолодная мгла, а в море сталкивались обломки льда и ледовые горы. Таков был Хелкараксэ; и до сих пор никто, кроме валаров и Унголианты, не осмеливался им пройти.

Феанор остановился, и нолдоры стали думать, как им идти дальше. Но они жестоко страдали от холодов и липких туманов, которых не могли пронзить лучи звезд; многие — особенно среди воинства Финголфина — пожалели, что вышли в путь, и начали роптать, проклиная Феанора и называя его причиной всех бед эльдаров. А Феанор, зная все это, посоветовался со своими сыновьями; лишь два способа нашли они, чтоб уйти из Арамана и попасть в Эндор: по льду или на судах. Но Хелкараксэ считали непроходимым, а кораблей было слишком мало. Много их погибло в долгом походе, а оставшихся не хватило бы, чтобы перевезти все воинства сразу; однако никто не хотел дожидаться на западном берегу, пока другие будут переправляться: страх предательства уже жил среди нолдоров.

И вот Феанор и его сыновья замыслили захватить все корабли и отплыть внезапно, ибо они командовали флотом со дня битвы в Гавани и на судах были лишь те, кто бился там и был предан Феанору. И, словно повинувшись его желанию, задул ветер с северо-запада — и Феанор с теми, кого считал верными себе, тайно взошел на корабль и вышел в море, оставив Финголфина в Арамане. Держа на восток и чуть-чуть на юг, он пересек узкий пролив без потерь и первым из нолдоров вновь ступил на берега Средиземья; высадился же Феанор в устье залива Дренгист, что глубоко врезался в Дор-Лóмин.

Когда они высадились, Маэдрос — старший его сын и в былые дни, прежде чем ложь Мелькора разделила их, друг Фингона, — спросил Феанора:

— Кого из гребцов и на каких судах пошлешь ты теперь назад, и кого им перевезти первыми? Фингона Отважного?

Тут захохотал Феанор, как безумный.

— Никого и ничего! — вскричал он. — То, что бросил я, не потеря — ненужный груз в пути, не более. Пусть те, кто проклинал мое имя, клянут его и впредь, пусть возвращаются в тенета валаров. Пусть горят корабли!

Тогда Маэдрос отошел поодаль и стоял там один. А Феанор велел поджечь корабли тэлери. Так в месте, называвшемся Лóсгар, при входе в залив Дренгист, погибли прекраснейшие из судов, когда-либо бороздивших моря, — их поглотило яростное пламя. А Финголфин и его спутники увидели издали на небе алое зарево, отблеск огня — и поняли, что преданы. Таковы были первые плоды Проклятия Нолдоров.

Тут Финголфин, видя, что Феанор бросил его погибать в Арамане либо со стыдом возвращаться в Валинор, исполнился горечи; но теперь, как никогда прежде, хотелось ему любым путем достигнуть Средиземья и вновь встретиться с Феанором. И вот долго он и его народ шли, терпя нужду, — но чем труднее был путь, тем храбрей и выносливей становились они, ибо были могучим племенем — старшие, бессмертные дети Эру Илуватара, вышедшие из Благословенного Края и не познавшие еще земной усталости. Огонь их сердец был юн, и, ведомые Финголфином, его сыновьями, Финродом и Галадриэлью, они отважились идти по жестокому Северу и, не найдя иного пути, ступили на вздыбленный лед Хелкараксэ. Немногие деянья нолдоров в грядущем превзошли в тягостях и скорби этот отчаянный переход. Там погибли жена Тургона, Эленвэ, и многие другие эльфы; и когда Финголфин ступил на Внешние Земли, воинство его истаяло. Мало любви питали к Феанору те, кто шел за его братом и чьи трубы услышало Средиземье при первом восходе Луны.



## Глава 10 О синдарах

Как уже говорилось, власть Эльвэ и Мелиан упрочилась в Средиземье, и все эльфы Белерианда, от мореходов Кирдана до бродячих охотников с Синих Гор за рекой Гелион, признавали Эльвэ своим владыкой; Элу Тинголом звался он, что значит Король Серебряный Плащ. А народ его звался *сіндарами*, Сумеречными Эльфами озаренного звездами Белерианда; и хотя были они мориквенди, под владычеством Тингола, учась у Мелиан, они стали прекраснейшим и самым мудрым и умелым народом Средиземья. В конце первого века Пленения Мелькора, когда земля жила в мире и благодать Валинора была в расцвете, в мир пришла Лютиэн, единственное дитя Тингола и Мелиан. Хотя большая часть Средиземья дремала во Сне Йаванны, в Белерианде, под властью Мелиан, царили жизнь и радость, и ясные звезды пылали, подобно серебряным кострам; там, в рощах Нелдорета, родилась Лютиэн, и белые цветы *ни́фредиля* взошли ей навстречу, как звезды земли.

\*\*\*

Случилось так, что во второй век Пленения Мелькора гномы перевалили Эред-Луин — Синие Горы — и пришли в Белерианд. Они называли себя *казад*, а синдары звали их *наугримами*, Низкорослым Народом, и *гóинхирримами*, Господами Камня. Самые древние поселения наугримов были далеко на востоке, но они высекли для себя, как то было у них в обычае, величественные чертоги и твердыни в восточных склонах Эред-Луина; звались те города на их языке Габилгатхóл и Тумунзахáр: севернее, на большой горе Долмед, был Габилгатхол, который эльфы на своем языке звали Бэлегост, Велиград; а южнее был высечен Тумунзахар, называвшийся эльфами Нóгрод, Пещеры Гномов. Величайшей из всех твердынь гномов было Подгорное Королевство, Кхазад-Дум, или, на языке эльфов, Хáдхондронд, что во дни своего затмения звалось Мóрией; но оно было

далеко, за просторами Эриадора, в Мглистом Хребте, и до эльфов доходили лишь слухи о нем от гномов Синих Гор.

Из Ногрода и Белегоста гномы пришли в Белерианд; и эльфы изумились, ибо считали себя единственными существами в Средиземье, владевшими речью и ремеслом, и думали, что вокруг живут лишь звери да птицы. Но они не могли понять ни слова на языке наугримов, казавшемся им неуклюжим и неприятным для слуха; и немногие из эльфов достигли в нем совершенства. Гномы, однако, учились легко и охотнее перенимали чужой язык, нежели обучали чужаков своему. Мало кто из эльфов бывал в Ногроде и Белегосте, кроме Эола из Нан-Эльмота и его сына Маэглина; но гномы приходили в Белерианд и проложили широкий тракт, что, пройдя под склонами горы Долмед, бежал вдоль реки Аскар и пересекал Гелион у Сарн Артада, Каменистого Брода, где впоследствии была битва. Дружба между наугримами и эльфами всегда была холодна, хотя и весьма выгодна тем и другим; но в те времена взаимные обиды еще не разделили их, и король Тингол привечал гномов. Из всех людей и эльфов наугримы впоследствии более всего дружили с нолдорами, потому что любили Ауле и преклонялись перед ним; а самоцветы нолдоров ценились наугримами более всех богатств.

Во тьме Арды гномы создавали уже свои творения, ибо с самых первых дней Праотцы их были удивительно искусны в работе с металлом и камнем; но в те древние времена они больше любили работать с железом и бронзой, чем с серебром и золотом.

А надо сказать, что Мелиан, как все майары, владела даром провидения; и когда второй век Пленения Мелькора был на исходе, она открыла Тинголу, что Мир Арды не будет длиться вечно. Потому он задумался, как построить себе королевские чертоги и укрепить их, если вправду лихо проснется в Средиземье, и обратился за помощью и советом к гномам Белегоста. Те отозвались охотно, ибо не устали еще и любили новые дела. И хотя гномы всегда требовали награды за свой труд, был он им в радость или нет, на сей раз они сочли себя вознагражденными сполна. Ибо Мелиан многому научила их, а Тингол одарил жемчугами. Жемчуг дал ему Кирдан, ибо его было великое множество на отмелях Балара; но наугримы не видели прежде ничего подобного и высоко оценили дар. Одна жемчужина была

размером с голубиное яйцо и блистала, как звездный свет на пене морской; звалась она Нймфелос, и царь гномов Белегоста ценил ее превыше горы сокровищ. Посему наугримы долго и радостно трудились для Тингола и строили для него подземные — по своему обычаю — чертоги. Там, где тек Эсгалдуин, разделяя Нелдорет и Дориат, возвышалась среди густых лесов гора, и река струилась у ее подножия. Там и поставили гномы врата Тинголова дворца, а взойти туда можно было лишь по каменному мосту, что воздвигли гномы через реку. От ворот этих шли переходы в глубь горы, где выбили гномы в живом камне высокие палаты и обширные обители. Звались эти чертоги Менегрот — Тысяча Пещер.

Но эльфы тоже трудились там и вместе с гномами — каждый по-своему — запечатлели видения Мелиан, дивные и прекрасные образы Валинора Заморского. Колонны Менегрота были подобны букам Оромэ — крона, ветви и ствол — и освещались золотыми светильниками. Соловьи пели там, как в садах Лориэна; фонтаны были из серебра, бассейны из мрамора, а полы — из многоцветного камня. Высеченные фигуры зверей и птиц бежали по стенам, карабкались на колонны или смотрели с усыпанных цветами ветвей. И с течением лет Мелиан и ее девы заполнили залы ткаными коврами, где изображены были деяния валаров и многое, что случилось в Арде с ее основания, и — смутно — то, что грядет. То было прекраснейшее из королевских жилищ к востоку от моря.

А когда строительство Менегрота было завершено и во владениях Тингола и Мелиан царил покой, наугримы время от времени переходили горы и бродили по их землям; но никогда не появлялись они в Фаласе, ибо ненавидели шум моря и боялись его вида. Только они и приносили в Белерианд вести и слухи из внешнего мира.

Но когда пошел третий век Пленения Мелькора, гномы забеспокоились и обратились к королю Тинголу, говоря, что валары не выкорчевали всего северного лиха и теперь остатки его порождений, долго плодившиеся во тьме, появляются снова. «Жуткие твари бродят к востоку от гор, — говорили они, — и ваши древние родичи, что живут там, бегут с равнин в холмы».

А вскоре лиходейские твари через горные перевалы или сумрачные южные леса начали проникать в Белерианд. То были волки — или существа в волчьем облике — и другие порождения

тьмы; были среди них и орки, позже разорившие Белерианд. Но куда они, немногочисленные и слабые, лишь разведывали путь, дожидаясь возвращения своего господина. Откуда они пришли и кто они — эльфы тогда не знали, полагая, что это, должно быть, авари, одичавшие в глуши. Догадка эта, как говорят, близка к истине.

И Тингол задумался об оружии, которое прежде не было нужно его народу; сначала оружие это ковали ему наугримы, большие мастера в этом деле — и самыми искусными среди них были кузнецы Ногрода, первым из которых — и непревзойденным — считался Телхар. Наугримы издревле были народом воинственным и могли яростно биться со всяким, кто обидит их, — будь то прислужники Мелькора, эльдары, авари и даже нередко их родичи, гномы других городов. Кузнечному делу синдары скоро выучились у них; лишь в закалке стали гномов не могли превзойти даже нолдоры, и в плетении кольчуг, придуманных кузнецами Белегоста, работа их не имела себе равных. И вот синдары хорошо вооружились и изгнали всех лиходейских тварей, и снова стали жить в мире; а в оружейнях Тингола хранились топоры, копья и мечи, высокие шлемы и длинные рубахи из сверкающей стали, ибо доспехи гномов не ржавели и всегда блестели, как новые. И в грядущие дни это оказалось весьма полезным Тинголу.

Как уже было сказано, некий Ленвэ из воинства Ольвэ отказался от похода эльдаров в те дни, когда тэлери стояли на берегах Великой реки, на границах западных земель Средиземья. Мало что известно о скитании нандоров, которых он увел вниз по Андуну: кое-кто из них, говорят, веками жил в лесах Долины Великой реки, кое-кто пришел в конце концов к ее устью и поселился у Моря, а третьи, перейдя Эред-Нимрас, Белые Горы, снова пришли на север — в дебри Эриадора меж Эред-Луином и дальним Мглистым Хребтом. А надо сказать, что они были лесным народом и не знали оружия из стали; потому приход лихих тварей с севера, как рассказали наугримы в Менегроте королю Тинголу, наполнил их великим страхом. Посему Денетор, сын Ленвэ, прослышав о мощи и величии Тингола и о мире в его владениях, собрал всех, кого смог сыскать из бродячего своего племени, и перевел их через горы в Белерианд. Тингол приветствовал их с радостью, как потерянных и вновь обретенных родичей, — и поселились они в Оссирианде, Краю Семи Рек.

О долгих годах мира, что последовали за приходом Денетора, известно немного. Говорят, что в те дни Даэрон Песнопевец, самый ученый из мужей в королевстве Тингола, изобрел Руны; и наугримы, приходившие к Тинголу; выучили их и радовались изобретению, оценив искусство Даэрона куда выше, чем сами синдары. Наугримы перенесли эти руны, *Кирт*, через горы и сделали достоянием многих народов; однако сами синдары до Войны мало пользовались ими и не вели летописей, а многое, что хранилось в памяти, погибло при разорении Дориата. Мало рассказывали о блаженстве и радости жизни в Дориате, покуда он не погиб; так творения прекрасные и дивные, пока они существуют и радуют взор, говорят сами о себе, и лишь когда они в опасности или гибнут, о них слагают песни.

В Белерианде тех дней бродили эльфы, струились реки, сияли звезды и благоухали ночные цветы; и краса Мелиан была подобна полдню, а краса Лютиэн — вешнему рассвету. Король Тингол на своем троне подобен был владыкам майаров, могучим и безмятежным, что дышат блаженством, словно воздухом, а думами проникают с высот до глубин. В Белерианде еще наезжал время от времени Оромэ Великий, ветром проносясь над горами, и звук его рога далеко разносился в подзвездных землях, и эльфы трепетали перед величием его облика и громом копыт Нахара; но когда голос валаромы отдавался в горах, они знали, что все лихо бежит без оглядки.

Но прошло время, когда блаженство убыло, и полдень Валинора затмился. Ибо, как говорилось уже и известно всем, потому что о том повествуют Книги Знаний и поют песни, Мелькор убил Древа валаров с помощью Унголианты, бежал и вернулся в Средиземье. Далек на севере произошла битва между Морготом и Унголиантой; и вопль Моргота пронесся над Белериандом; и все народы содрогнулись от страха, ибо они, хоть и не знали, что этот вопль предвещает, услышали в нем предвестие смерти. А вскоре Унголианта бежала с севера и явилась во владения короля Тингола, и ужас Тьмы окружал ее; но сила Мелиан остановила ее, и она не вошла в Нелдорет, но долго жила в тени скал, которыми обрывается на юге плато Дортонион. И те горы стали известны как Эред-Горгорот, Горы Ужаса, и никто не осмеливался подниматься туда или проходить близко: жизнь и свет там погибли, а воды были отравлены. Моргот же, как

было сказано, вернулся в Ангбанд, и вновь отстроил его, и возвел над его вратами курящиеся пики Тангородрима; врата Моргота были лишь в ста пятидесяти лигах от моста Менегрота: далеко — и все же слишком близко.

А орки, которые множились во тьме под землей, стали сильны и жестоки, Черный Властелин наполнил их жаждой разрушения и убийства; и они под покровом туч, посланных для этого Морготом, ринулись из врат Ангбанда и тайно перешли северные горы. И вот внезапно огромное войско вторглось в Белерианд и ударило по королю Тинголу. А в его обширных владениях многие эльфы вольно бродили в дебрях или жили отдельно, разбившись на роды и семейства. Многочислен народ был лишь в сердце края, близ Менегрота, да еще вдоль Фаласа, в землях мореходов. Но орки обошли Менегрот с двух сторон — и разорили земли меж Кéлоном и Гелионом на востоке и равнины меж Сирионом и Нарогом на западе; и Тингол был отсечен от Кирдана в Эгларесте. Тогда Тингол воззвал к Денетору; и эльфы, вооружась, пришли из Рэгиона и из Оссíрианда — и бились в первой битве Войн Белерианда. Восточную орду орков окружили рати синдаров севернее Андрама, на полпути между Аросом и Гелионом, и наголову разбили, а те, кто вырвался из тисков и бежал на север, пали под топорами наугримов, вышедших из-под горы Долмед; мало кто вернулся в Ангбанд.

Но эльфы заплатили за победу дорогой ценой. Ибо вооружены были эльфы Оссирианда легко, не то что орки, обутые в железо, с железными щитами и длинными копьями. Они отсекали Денетора от войска и окружили на холме Эмон-Эреб. Там пали он и все его близкие родичи — прежде чем войско Тингола подросло им на помощь. И, хотя Тингол отомстил оркам, напав на них с тыла и уложив их всех, нандоры горько оплакивали смерть Денетора и никогда больше не избирали себе короля. После битвы кое-кто вернулся в Оссирианд, и рассказы их наполнили оставшихся нандоров таким страхом, что впредь они никогда не вступали в сражение, но держались осторожно и скрытно; и они стали зваться *лáйквенди*, Зелеными Эльфами — по одежде цвета весенней листвы. Многие из них ушли на север, в огражденные владения Тингола, и смешались с его народом.

Когда Тингол возвратился в Менгрот, он узнал, что на западе орочья орда победила и оттеснила Кирдана к морю. Потому он собрал весь народ, какой только мог прийти на его зов, в Нелдорете и Рэгионе, и Мелиан оградила своей силой весь тот край — вокруг него встала будто стена из теней и чар, завеса Мелиан, сквозь которую никто не мог пройти против воли ее или Тингола, если только он не превосходил в мощи майю Мелиан. И укрытые земли, что долго звались Эпладором, стали называться Дóриатом, огражденным королевством, Землей Завесы. Внутри ее был бдительный мир, снаружи — опасности и великий страх, и прислужники Моргота бродили свободно повсюду, кроме окруженных стенами гаваней Фаласа.

Но приближались события, коих не провидел никто в Средиземье — ни Моргот в своих подземельях, ни Мелиан в Менегроте, ибо после гибели Дре́в из Амана не приходило вестей — ни наяву, ни во сне. В это самое время Феанор на белых кораблях тэлери пристал в заливе Дренгист и сжег корабли в Лосгаре.

## Глава 11 О Солнце, Луне и Сокрытии Валинора

Рассказывают, что после бегства Мелькора валары долго сидели недвижно на своих тронах в Кольце Судьбы, но не бездействовали, как в безумии своем заявил Феанор. Ибо валары могут создать многое трудом мысли, а не рук, и без слов, в молчании советоваться друг с другом. Так безмолвно бдили они во тьме Валинора, уносясь мыслями назад, к началу Эа, и вперед — к Концу; но ни могущество, ни мудрость не умеряли их горя, ибо ведали они о свершающемся зле. И не меньше, чем о смерти Древ, скорбели они о падении Феанора — самом злом деле Мелькора. Ибо Феанор был создан самым доблестным, выносливым, прекрасным и умным, самым умелым, сильным и искусным среди Детей Илуватара. Лишь Манвэ мог представить себе дивные творения, которые способен был создать Феанор к вящей славе Арды. По словам ваниаров, которые бодрствовали вместе с валарами, когда посланцы передали Манвэ ответ Феанора, Владыка Арды зарыдал и склонил голову; но при последних словах Феанора — что дела нолдоров навеки войдут в песни — он поднял голову, словно услышав отдаленный глас, и молвил:

— Быть по сему! Дорого будут оплачены те песни — но тем прекраснее прозвучат они. Ибо иной награды не ждать. Так, как и говорил нам Эру, краса, дотоле не виданная, явится в Эа, и лихо обернется во благо.

— И все же останется лихом, — сказал Мендос. — Скоро Феанор придет ко мне.

\*\*\*

Но когда валары узнали, что нолдоры ушли из Амана и вернулись в Средиземье, они поднялись и начали воплощать в жизнь замыслы, что родились в их думах, дабы излечить причиненное Морготом зло. И повелел Манвэ Йаванне и Ниэнне приложить все силы ко



вращению и исцелению; и все могущество двух вал обратилось на Древа. Но слезы Ниэнны не могли залечить их смертельных ран, и долго Йаванна пела одна во тьме. Однако в миг, когда надежда угасла и песнь умолкла, у Тельперииона на безлистой ветви родился огромный серебряный цветок, а у Лаурелин — единственный золотой плод.

Йаванна взяла их, и тогда Древа умерли. Их безжизненные остовы по сей день стоят в Валиноре в память о погибшей радости. А цветок и плод Йаванна передала Ауле, и Манвэ благословил их, и Ауле со своим народом создал ладьи — сосуды, чтобы хранили их, пропуская сияние, — так повествует *Нарсильион*, Песнь о Солнце и Луне. Эти ладьи валары отдали Варде, ибо надлежало им стоять светочами небес, более яркими, чем древние звезды, так как будут они ближе к Арде; и она дала им силу пересекать низшие области Ильмена и повелела им свершать назначенный путь вокруг Земли с запада на восток и возвращаться назад.

Все это валары совершали, думая о лежащих во тьме землях Арды; решили они осветить Средиземье и тем воспрепятствовать Мелькору. Ибо они помнили об авари, что остались у вод пробуждения, и не хотели до конца оставлять изгоев-нолдоров; и к тому же Манвэ знал, что близок час прихода людей. И говорят, что как некогда валары пошли войной на Мелькора во имя квенди, так теперь отказались от войны во имя *хилдоров*, Последышей, младших Детей Илуватара. Ибо столь тяжки были раны, нанесенные Средиземью в войне против Утумно, что опасались валары нанести еще более страшные, в то время как хилдоры будут смертны и слабее квенди — слишком слабы, чтобы вынести бури и ужас. Кроме того, не открыто Манвэ, где явятся люди — на севере, юге или востоке. Потому валары выслали в небеса свет, но укрепили землю, где жили.

Итил Сияющий — так звали в древности ваниары Луну, цветок Тельперииона; и Анаром, Златым Огнем, нарекли они Солнце, плод Лаурелин. Нолдоры звали их еще Рана, Бродяга, и Васа, Дух Огня, что пробуждается и пожирает; ибо Солнце было создано как знак пробуждения людей и увядания эльфов, а Луна лелеяла их воспоминания.

Дева, избранная валарами из майаров править ладьей Солнца, звалась Ариэн; а лунный остров должен был направлять Тилион.

Ариэн во дни Древ ухаживала в садах Ваны за золотыми цветами и поила их росой Лаурелин; Тилион же ездил охотником в дружине Оромэ, и лук его был из серебра. Он любил серебро и, когда хотел отдохнуть, покидал леса Оромэ, уходил в Лориэн и дремал у озер Эсте в мерцании лучей Тельперииона; и он попросил дозволения вечно ухаживать за последним Серебряным Цветком. Дева Ариэн была более могуча, чем он, и ее избрали, потому что она не боялась жара Лаурелин и не обжигалась, будучи изначально духом огня, которого Мелькор не смог ни обмануть, ни привлечь к себе на службу. Даже эльдаров слепило сияние ее глаз. Уйдя из Валинора, она сбросила облик — одеяние, что носила, подобно валарам, — и стала обнаженным пламенем, ужасающим в полноте своего блеска.

Итил был готов первым, и первым поднялся во владения звезд, и стал старшим из новых светочей, как Тельпериион был старшим из Древ. Тогда в озаренном Луной мире проснулось и шевельнулось многое, что ждало своего часа во сне Йаванны. Прислужники Моргота смутились, но эльфы Внешних Земель с восторгом смотрели вверх; и когда Луна, рассеяв мглу, поднялась на западе, Финголфин протрубил в серебряные трубы и начал переход в Средиземье, и тени его воинов, длинные и черные, бежали впереди.

Тилион пересек небо семь раз и был на краю востока, когда вышла в путь ладья Ариэн. Анар поднялся в блеске, и первый восход Солнца, подобно гигантскому пожару, озарил пики Перолов; тучи, застилавшие Средиземье, вспыхнули, и послышался плеск множества водопадов. Тут Моргот пришел в смятение, укрылся в плубочайшем чертоге Ангбанда и отозвал с Земли своих слуг, мглой и облаками тьмы укрыв свое обиталище от света Дневной Звезды.

По замыслу Варды, обе ладьи должны плавать в Ильмене, и всегда рóзно, а не вместе; каждая должна была проходить из Валинора на восток и возвращаться — одна отплывать с запада тогда же, когда другая — с востока. Так первый новый день, подобный дням Дерев, начался с часа смещения света, когда Ариэн и Тилион, плывя своими путями, разминутись над центром Земли. Но Тилион был бродягой и не сохранял скорости, не держался назначенного пути; он стремился приблизиться к Ариэн, ибо ее блеск и краса влекли его, хотя пламя Анара обжигало его, и остров Луны затемнялся.

Потому, из-за бродяжничества Тилиона, а более того — по просьбе Лориэна и Эсте, которые сказали, что сон и отдых покинули Землю, а звезды сокрыты, Варда изменила свое решение и назначила время, когда в мире по-прежнему будут тень и полусвет. Потому Анар какое-то время отдыхал в Валиноре, прильнув к прохладной груди Внешнего Моря; и Вечер, время отдыха Солнца, был часом наиярчайшего света и радости в Амане. Но вскоре слуги Ульмо уносили Солнце в глубину, и оно спешило пройти под Землей, незримо явиться на восток и там вновь взойти на небо, чтобы ночь не затягивалась и лихо не бродило под Луной. Однако Анар согревал воды Внешнего Моря, и они мерцали цветным огнем, и после ухода Ариэн в Валиноре еще оставался свет. Но когда она проходила под землей, зарево меркло, и Валинор погружался во тьму, и особенно скорбели тогда валары о гибели Лаурелин. На рассвете тени Охранных Гор тяжело ложились на Благословенный Край.

Варда повелела Луне ходить так же и, проходя под Землей, вставать на востоке, но лишь когда Солнце сойдет с небес. Однако скорость Тилиона непостоянна, и его, как прежде, влечет к Ариэн; так что часто можно видеть над Землей обоих, а иногда случается, что Тилион приближается к ней настолько, что тень его пересекает ее сияние и наступает тьма среди дня.

Потому, с тех пор и до Изменения Мира, валары считали дни с восхода до заката Анара. Ибо Тилион редко мешкал в Валиноре — чаще всего он быстро проносился над западными землями, над Аватаром, Араманом или Валинором, с разбегу кидался в бездну под Внешним Морем и пролагал там путь среди гротов и пещер у корней Арды. Там он часто бродил подолгу и возвращался поздно.

И все же после долгой Ночи свет Валинора был ярче и прекрасней, чем в Средиземье, ибо там отдыхало Солнце, и небесные огни в том краю были ближе к Земле. Но ни Солнцу, ни Луне не воскресить памяти о древнем свете, что исходил от Древ, прежде чем яд Унголианты коснулся их. Тот свет живет ныне лишь в Сильмарилах.

Моргот же ненавидел новые светила и был какое-то время смущен. Потом он напал на Тилиона, настав на него духов тьмы, и они бились в Ильмене, под путями звезд; но Тилион победил. Ариэн же внушала Морготу великий страх, но не рисковал он приближаться

к ней, так как силы его истощились, ибо злоба его возрастала; и он изрыгал лихо, порождая ложь и лиходейских тварей — и мощь его переходила в них и рассеивалась, а он сам оказывался все прочнее прикованным к земле и не желал покидать своих темных твердынь. Мглою окутал он себя и своих прислужников от Ариэн, чьего взгляда не мог вынести, и земли близ его обиталища крылись в туманах и тучах.

\*\*\*

Но нападение на Тилиона смутило валаров — они испугались, что злоба и хитроумие Моргота могут обратиться против них. Они не желали идти на него войной в Средиземье, но, помня разрушение Альмарена, решили, что судьба эта не должна постигнуть Валинор. Потому они заново укрепили свои земли и подняли горы на востоке, севере и юге на ужасную высоту, и сделали их отвесными. Внешние склоны были темными и гладкими, без уступов и трещин, они спадали гигантскими обрывами, стеклянными стенами, и возносились башнями,, увенчанными сияющим льдом. Бессонный дозор стоял на них, и не было в них ни одного прохода, кроме Калакирии: этот проход валары не закрыли ради эльдаров, сохранивших верность, и в городе Тирионе, на зеленом холме, Финарфин правил оставшимися нолдорами. Ибо все эльфы, даже ваниары и их вождь Ингвэ, должны по временам вдыхать свежий воздух и ветер, что прилетает из-за моря, из края, где они родились; да и не хотели валары совсем отделять тэлери от их родни. Но они воздвигли в Калакирии множество крепких башен со стражами, а при выходе из ущелья в долину Валмара встало лагерем большое войско — и ни эльфу, ни человеку, ни птице, ни любой другой твари из Средиземья не миновать его.

А еще в то время — песни зовут его *Нурталэ Валинóрева*, Сокрытие Валинора — были созданы Зачарованные Острова, и моря вокруг них наполнились тенями и смятением. Острова эти протянулись, подобно сети, через Мглистые Моря с севера на юг, и плывущему на запад должно было перед Тол-Эрессеа, Одиноким Островом, миновать их. Но едва ли могла какая-либо ладья проплыть

меж ними, ибо вечно с угрозой вздыхали там волны, разбиваясь об окутанные туманами скалы. Сонливость охватывала мореходов в тумане и великая усталость, и не хотелось им плыть дальше; те же, кто ступал на острова, уже не могли их покинуть и засыпали до Изменения Мира. Так и случилось, что, как предсказал в Арамане Мандос, Благословенный Край был закрыт для нолдоров; и из множества вестников, что отплывали позже на запад, никто не пришел в Валинор — кроме одного, самого могучего морехода, воспетого в песнях.

## Глава 12 О людях

Валары сидели теперь покойно за горами, дав Средиземью свет, они надолго оставили край этот без присмотра, и никто, кроме нолдоров, не оспаривал власть Моргота. Лишь Ульмо думал об Изгоях — ему приносила вести вода.

С этого времени начался счет по годам Солнца. Короче были они долгих Лет Дерев Валинора. В то время воздух Средиземья стал тяжек, дыша ростом и увяданием, и все сменялось и старело быстрее. Пришла Вторая Весна Арды — жизни тесно было на земле и в водах, и эльдары множились, и прекрасный Белерианд зеленел под молодым солнцем.

\*\*\*

С первым же восходом солнца на востоке Средиземья, в краю Хилдориэн, проснулись младшие Дети Илуватара. Но впервые солнце взошло на западе, и глаза людей обратились туда, и ноги их, когда они бродили по земле, чаще всего несли их на запад. Эльдары звали их *átани*, Вторые; а еще — *хíлдоры*, Последыши, и многими другими именами: *апанóнары* — Послерожденные, *энгвары* — Болезненные, и *фиримары* — Смертные; называли они их и Захватчиками, и Чужаками, и Непостижимыми, Носящими в Себе Проклятье, Тяжкорукими, Боящимися Ночи, Детьми Солнца. В преданиях Предначальной Эпохи о людях сказано мало — лишь об Отцах Людей, *атанáтарах*, в первые годы Солнца и Луны пришедших на север мира. Никто из валаров не явился в Хилдориэн, дабы наставить людей или призвать их в Валинор; и люди не так любили валаров, как боялись их, и не понимали замыслов Стихий, будучи отчуждены от них в борьбе с миром. Ульмо тем не менее думал о людях в согласии с волей Манвэ; и его послания часто приходили к ним с рекой или дождем. Но люди и сейчас не понимают таких вещей — а в те годы, до смешения с эльфами, и вовсе ничего в них не понимали. Потому они любили воду, и песня струй трогала их сердца, но смысл ее оставался

темен. Однако, говорят, вскоре они встретили Эльфов Ночи и подружились с ними. И в детстве своем люди стали товарищами и учениками этого древнего народа, эльфов–странников, никогда не стремившихся в Валинор, а о валарах знавших лишь понаслышке.

Моргот вернулся в Средиземье незадолго до того, и власть его еще не распространилась; да и внезапное явление двух новых светил сдерживало его. В холмах и лугах не таилась опасность; и новые растения, рожденные много лет назад в думках Йаванны и посеянные во тьме, пошли в рост и зацвели. На запад, север и юг направляли свой путь дети людей, и радость их была радостью утра, когда каждый лист еще зелен, а роса не просохла.

Но рассвет краток, а день часто нарушает его обещания; близилось время великих северных войн, когда нолдоры, синдары и люди вышли на бой с полчищами Моргота Бауглира — и были разбиты. К этому концу неуклонно вели их и хитроумная ложь Моргота, что он сеял издревле, и проклятье за резню в Альквалондэ, и клятва Феанора. Лишь малая толика рассказана здесь о деяньях тех дней — и более всего сказано о Сильмарилах и нолдорах и о тех Смертных, что оказались замешаны в их судьбе. В те дни люди и эльфы были внешне похожи и одинаково сильны, но эльфы искуснее, мудрее и красивей; и те, кто жил в Валиноре и видел Стихии, настолько же превосходили Сумеречных Эльфов, насколько те превосходили Смертных. Лишь в Дориате, где правила Мелиан из рода валаров, приблизились синдары к калаквенди Благословенного Края.

Бессмертными были эльфы, и мудрость их прибывала с веками, и ни недуг, ни скорбь не несли им смерти. Тела их, правда, принадлежали Земле, и их можно было уничтожить; и в те дни они были более схожи с телами людей, ибо пламенный дух эльфов, что с течением времени сжигает их изнутри, недолго еще жил в них. Но люди были хрупкими, оружие и неудачи легче убивали их, а исцелялись они хуже, они старели и умирали. Что происходит с их душами после смерти — эльфы не знают. Кое–кто говорит, что они также приходят в чертоги Мандоса; но их чертог ожидания не тот, что у эльфов, и по воле Илуватара лишь Мандос — не считая Манвэ — знает, куда уходят они из безмолвных палат на берегу Внешнего Моря. Никто не возвращался из жилищ мертвых, кроме Берена, сына

Барахира, чья рука коснулась Сильмарила; но он после того не говорил со Смертными. Быть может, после смерти люди уходят из воли валаров, и не все предпето в Песни айнуров.

Позже, когда победа Моргота, как он и замышлял, разделила людей и эльфов, те эльфы, что остались в Средиземье, начали слабеть, и люди захватили свет Солнца, а квенди бродили при свете луны и звезд по пустынным землям и островам, уйдя в леса и пещеры и став лишь воспоминаниями и тенями — кроме тех, кто время от времени отплывал на Запад и навеки покидал Средиземье. Но в начале лет эльфы и люди были союзниками и почитали друг друга родичами, и были среди людей такие, кто постигал мудрость эльдаров и становился величием и доблестью подобен вождям нолдоров. И славу и красоту эльфов, и судьбу их по праву делят потомки людей и эльфов — Эарендил и Эльвинг, и сын их Элронд.



## Глава 13 О возвращении нолдоров

Как уже говорилось, Феанор и его сыновья первыми из изгоев в Средиземье высадились на пустоши Ламмот, что значит Великое Эхо, на внешних берегах залива Дренгист. И едва нолдоры ступили на берег, клики их были подхвачены холмами и умножились, голосами бесчисленного могучего войска наполнив берега Севера. И гул пламени, пожиравшего корабли в Лосгаре, унесся в море гневным ревом великой бури, и все, кто слышал его, исполнились изумления.

Сполохи пожара видел не только Финголфин, брошенный Феанором в Арамане, но и другие соглядатаи Моргота. Ни одно предание не говорит, какие думы родились в душе Моргота при вести, что Феанор, его злейший враг, привел с запада войско. Но едва ли он испугался, ибо не верил тогда еще в силу нолдорских мечей; а вскоре стало ясно, что он замыслил сбросить нолдоров в море.

Под холодными звездами перед восходом луны воинство Феанора двинулось наверх по долгому заливу Дренгист, что пронзал Эред-Ломин — Зычные Горы, — и вошло в обширные земли Хитлума; и в конце концов подошли они к длинному озеру Мйтрим и разбили лагерь на северном берегу его, в краю, носившем то же название. Но орды Моргота, пробужденные шумом в Ламмоте и пожарами в Лосгаре, просочились через перевалы Эред-Ветрин, Теневого Хребта, и обрушились на Феанора внезапно, прежде чем лагерь успели укрепить как должно. И там, в седых полях Митрима, разыгралась Вторая Битва Войн Белерианда. Дагор-нуин-Гилиат зовется она, Битва-под-Звездами, ибо луна тогда еще не взошла; и прославлена эта битва в песнях. Нолдоры, немногочисленные и захваченные врасплох, тем не менее быстро победили: свет Амана не погас еще в их очах, они были сильны и скоры, гнев их гибелен, а мечи — длинны и смертоносны. Орки бежали пред ними, их выбили из Митрима с большими потерями и гнали через Теневой Хребет до великой равнины Ард-Гален, что лежит к северу от Дортониона. Те отряды Моргота, что проникли в долину Сирита и осаждали Кирдана в Фаласских гаванях, двинулись на помощь оркам — и тоже были разбиты. Ибо сын Феанора Целегорм, прознав о них, устроил засаду и,

обрушившись на врага с холмов близ Эйтель–Сириона, оттеснил орков в топи Сёрех. Воистину, дурные вести пришли в Ангбанд, и из всего воинства, подготовленного им для завоевания Белерианда, возвратилась лишь жалкая горстка.

Однако, хоть до поры Моргот и не знал этого, была у него причина для величайшей радости. Ибо Феанор, в гневе своем на Врага, не остановился, но продолжал гнать остатки орков, думая добраться так до самого Моргота. И он хохотал, играя мечом, радуясь, что не отступил перед гневом валаров и трудностями пути и узрел час мести. Ничего не знал он об Ангбанде и о тех огромных силах, что столь быстро собрал Моргот; но хоть бы и знал — его бы это не удержало, ибо он был безрассуден и пылал гневом. И вышло так, что он далеко опередил свое войско. Увидя это, прислужники Моргота повернули назад, и на помощь им вышли из Ангбанда балроги. Там, близ пределов Дор–Даэделос, края Моргота, Феанор с немногими друзьями был окружен. Бился он долго и неустрашимо, хотя был объят огнем и изранен; но в конце концов его поверг Готмог, предводитель балрогов, которого после сразил в Гондолине Эктелион. Там Феанор и погиб бы, не приди ему в это время на помощь сыновья с войском. Балроги оставили его и отступили в Ангбанд.

Сыновья же подняли отца и понесли к Митриму. Но когда подошли к Эйтель–Сириону и готовы были ступить на тропу, ведущую к перевалу, чтобы перейти горы, Феанор велел остановиться: раны его были смертельны, и он знал, что час его близок. И, бросив последний взгляд со склонов Эред–Ветрина, он узрел вдали пики Тангородрима, мощнейшей из твердынь Средиземья, и осознал в прозрении смерти, что никогда не достанет у нолдоров силы сокрушить их; но трижды проклял он имя Моргота и оставил сыновьям завет хранить клятву и отомстить за отца. Затем он умер; но нет у него ни могилы, ни гробницы, ибо столь пламенным был его дух, что, едва он отлетел, — тело Феанора стало золой и развеялось, как дым. Подобных ему никогда больше не появлялось в Арде, а дух его не покидал чертогов Мандоса. Так закончил жизнь величайший из нолдоров, чьи дела принесли им огромную славу и гибельнейшую беду.

А надо сказать, что в Митриме жили Сумеречные Эльфы, народ Белерианда, перешедший горы, и нолдоры встретились с ними

радостно, как с давно потерянными родичами. Но беседовать между собой им сперва было трудно, ибо в долгой разлуке языки калаквенди Валинора и мориквенди Белерианда стали очень различны. От эльфов Митрима узнали нолдоры о могуществе Элу Тингола, короля Дориата, и завесе чар, что ограждала его владения; а вести о великих деяньях на Севере дошли до Менегрота и гаваней Бритомбар и Эларест. И все эльфы Белерианда исполнились изумления и надежды на могучих родичей, нежданно вернувшихся с Запада в час нужды; и верилось им вначале, что нолдоры пришли как посланцы валаров, чтобы освободить их.

В самый час смерти Феанора к его сыновьям явился посланец Моргота. Тот признавал поражение и предлагал условия — вплоть до возвращения одного из Сильмариллов. Тогда Маэдрос Высокий, старший из сыновей, убедил братьев притвориться, что они согласны на переговоры, и поехать в назначенное место. Но нолдоры были не честней Моргота. Потому оба посольства прибыли с силами большими, чем было договорено; но Моргот прислал больше войска, и там были балроги. Товарищей Маэдроса перебили, а его самого — по приказу Моргота — захватили живым и отвели в Ангбанд.

Тогда братья Маэдроса отступили и стали укрепленным лагерем в Хитлуме. Но Моргот взял Маэдроса заложником и прислал сказать, что не освободит его, покуда нолдоры не откажутся от войны и не возвратятся на Запад — или не уйдут из Белерианда далеко на юг. Но сыновья Феанора знали, что Моргот обманет их и не отпустит Маэдроса, что бы они ни сделали; к тому же они были связаны клятвой и не могли прекратить войны против Врага. А потому Моргот повесил Маэдроса на утесах Тангородрима, приковав его к скале за кисть правой руки.

\*\*\*

До лагеря в Хитлуме дошли слухи о походе Финголфина и тех, кто вслед за ним перешел Вздыбленный Лед, — было это, когда мир в удивлении замер перед восходом Луны. А когда воинство Финголфина явилось в Митрим, Солнце, пылая, взошло на западе; и Финголфин развернул голубые с серебром стяги, велел протрубить в рога — и

цветы расцветали под ногами воинов. Так кончалась эпоха звезд. С восходом великого светоча прислужники Моргота бежали в Ангбанд, и Финголфин без помех миновал укрепления Дор–Даэделоса, покуда враги его прятались под землей. А после эльфы ударили в ворота Ангбанда, и звуки труб сотрясли башни Тангородрима; и Маэдрос в муках своих услышал их — и громко закричал, но голос его потерялся в каменном эхе.

Но Финголфин, будучи иного нрава, чем Феанор, и помня о коварстве Моргота, отступил от Дор–Даэделоса и повернул назад к Митриму, ибо получил вести, что там найдет сыновей Феанора. К тому же он хотел укрыться за щитом Теневых Гор, пока народ его будет отдыхать, и не надеялся, что твердыня падет от одного лишь звука труб. Потому, придя в Хитлум, он встал лагерем у северных берегов озера. В сердцах тех, кто шел за Финголфином, не было никакой любви к дому Феанора, ибо великие муки испытали выжившие во Льду, а Финголфин считал сыновей соучастниками отца. Тут возникла опасность схватки между воинствами; но, хотя и огромны были их потери в пути, спутников Финголфина и Финрода, сына Финарфина, оказалось все же больше, чем сторонников Феанора — и те отступили и перенесли лагерь на южный берег; и озеро разделило их. Многие в войске Феанора сожалели о пожаре в Лосгаре и были исполнены изумления перед мужеством, что провело друзей, ими отвергнутых, через Леды Севера; и они с радостью приветили бы их, но не осмелились — от стыда.

Так, из–за проклятия, наложенного на них, нолдоры ничего не достигли, пока Моргот сомневался и страх света был еще нов оркам и сковывал их. Моргот же очнулся от дум и рассмеялся, видя рознь между своими врагами. В глубинах Ангбанда сотворил он густой дым и мглистый туман, и они изверглись с курящихся пиков железных Гор — и далеко в Митриме увидели, что чистый воздух первых рассветов замутился. С востока налетел ветер и понес мглу на Хитлум, затмевая молодое Солнце; и опустилась мгла, клубясь, на луга и ущелья, ядом и ужасом наполнив воды Митрима.

Тогда Фингон Отважный, сын Финголфина, решил исцелить вражду, разделившую нолдоров, прежде чем Враг их будет готов к войне; ибо земли Севера содрогались от грома в подземных кузнях Моргота. Давным–давно, в благости Валинора, прежде чем с Моргота

сняли оковы и ложь разделила нолдоров, Фингон был близким другом Маэдроса; и хоть он и не знал еще, что Маэдрос помнил о нем при сожжении кораблей, мысль о прежней дружбе терзала сердце Фингона. Потому он решился на дело, справедливо почитаемое высочайшим из сотворенного принцами нолдоров: один, ни с кем не посоветовавшись, отправился на поиски Маэдроса. Сама тьма, порожденная Морготом, помогла ему — он невидимо пробрался в твердыню своих врагов. Высоко на склоны Тангородрима поднялся Фингон и в отчаянии оглядывал пустынные земли; но не нашел ни ущелья, ни трещины, по которым мог бы попасть в крепость Моргота, бросая вызов оркам, что все еще прятались в темных подземельях. Фингон взял арфу и запел песнь Валинора, сложенную нолдорами в древности, когда вражда еще не разделяла сынов Финвэ; и голос его звенел в мрачных теснинах, дотоле не слышавших ничего, кроме воплей страха и скорби.

Так нашел Фингон того, кого искал. Потому что внезапно вверху песню подхватили и голос, отдаленный и слабый, окликнул его. То, забыв о муке, пел Маэдрос. Но Фингон, вскарабкавшись к подножию скалы, на которой висел его родич, не смог подняться выше; и рыдал он, видя жестокое дело Моргота. А Маэдрос, страдая без надежд, молил Фингона убить его; тогда Фингон натянул тетиву и согнул лук и, не видя иного выхода, воззвал к Манвэ, говоря: «О ты, кому милы все птицы, направь же теперь это оперенное древко и возврати хоть каплю жалости нолдорам в их нужде!»

Ответ пришел тотчас. Ибо Манвэ, кому милы все птицы, кому они приносят на Таникветиль вести из Средиземья, создал породу Орлов, повелев им жить в скалах Севера и следить за Морготом, — Манвэ еще жалел эльфов–изгнанников. И о многом, что творилось в те дни, приносили Орлы вести печальному слуху Манвэ. Теперь же, в миг, когда Фингон натянул тетиву, с заоблачных высот слетел вниз Торондор, Владыка Орлов, мощнейший среди птиц. Его простертые крылья были размахом в тридцать локтей. Остановив руку Фингона, он поднял его и понес к отвесной скале, где висел Маэдрос. Но Фингон не смог ни разжать зачарованные оковы на его кисти, ни разрубить их, ни вырвать из камня. И Маэдрос в муках вновь стал молить родича убить его, но Фингон отрубил ему руку выше кисти, и Торондор отнес их назад к Митриму.

Там Маэдрос со временем исцелился, ибо пламень жизни ярко горел в нем и силы его были силами древнего мира, как у тех, кто возвращен в Валиноре. Тело его оправилось и выздоровело, но память мук осталась в сердце; и меч в левой руке косил врагов больше, чем некогда в правой. Фингон подвигом своим заслужил великую славу, и все нолдоры восхваляли его; а ненависть между домами Финголфина и Феанора была предана забвению. Ибо Маэдрос просил прощения за Араман и отказался от прав на владычество над нолдорами, сказав Финголфину: «Если бы никакие беды не разделили нас, — правление, по справедливости, перешло бы к тебе, старейшему в роде Финвэ и одному из самых мудрых». Но не все его братья в душе согласились с ним.

И вот, как и предсказывал Мандос, наследники Феанора стали зваться Отлученными, ибо верховное владычество и в Эленде, и в Белерианде перешло от них, старших, к дому Финголфина, также и из-за потери Сильмарилов. Нолдоры, вновь объединившись, выставили стражу на границах. Дор-Даэделоса, и обложили Ангбанд с запада, юга и востока, и разослали повсюду гонцов — исследовать пределы Белерианда и вступать в союзы с народами, жившими там.

А надо сказать, что короля Тингола не обрадовал приход с Запада стольких могучих принцев, жаждущих новых земель. И он не открыл своего царства и не поднял с его границ завесы чар, ибо, мудрый мудростью Мелиан, не верил, что Моргота удастся сдержать надолго. Единственными нолдорами, кого впускал он в пределы Дориата, были принцы дома Финарфина — родичи короля Тингола, дети Эарвен из Альквалондэ, дочери Ольвэ.

Первым из изгоев, пришедших в Менегрот, был Ангрот, сын Финарфина, — он явился гонцом своего брата Финрода и долго говорил с королем Тинголом, рассказывая ему о делах нолдоров на севере, об их числе и силе. Но, будучи верен и мудр душой и почитая все вины прощенными, он ни словом не обмолвился ни о резне, ни о том, почему нолдоры стали изгнанниками, ни о клятве Феанора. Король выслушал речи Ангрота и, прежде чем тот ушел, сказал ему: «Передай от меня тем, кто послал тебя. В Хитлуме я позволяю жить нолдорам, и в нагорьях Дортониона, и в землях восточнее Дориата, что пусты и дики; но в других местах много моего народа, и я не потерплю, чтобы их лишили свободы или изгнали из жилищ. Посему

думайте, о принцы с Запада, как держать себя! Ибо я Владыка Белерианда, и слово мое услышат все, кто живет в нем. В Дориат не войдет никто, кроме тех, кого я приглашу как гостей или кто станет взывать ко мне в нужде».

Властители нолдоров держали совет в Митримере, и туда из Дориата пришел Ангрод, неся послание короля Тингола. Холодным показался нолдорам его привет, и сыновья Феанора вспыхнули гневом; но Маэдрос засмеялся. «Тот и король, кто может охранить свое, иначе титул его ничего не стоит, — сказал он. — Тингол лишь отдал нам земли, куда не может дотянуться сам. Воистину, одним Дориатом правил бы он сейчас, не приди сюда нолдоры. А посему пусть правит Дориатом и радуется, что соседи его — сыновья Финвэ, а не орки Моргота, с которыми мы покончили. Во всех других местах будет так, как сочтем нужным мы».

Но Карантир, который не любил сыновей Финарфина и был самым резким и вспыльчивым из братьев, вскричал: «Это не все! Не бывать тому, чтобы сыновья Финарфина вольно разъезжали повсюду и доносили о нас этому Темному Эльфу в его пещере! Кто сделал их нашими глашатаями? И хотя они и вошли в Белерианд — не худо бы им помнить, что пусть мать их одной крови, но отец был принцем нолдоров. Не слишком ли быстро забыли они это?»

Тут Ангрод рассердился и покинул Совет. Маэдрос оборвал и устыдил Карантира, но большинство нолдоров с обеих сторон, слыша эти слова, встревожились, опасаясь свирепого нрава сыновей Феанора, что, казалось, всегда будет прорываться в резком слове или гневливости. Но Маэдрос смирил братьев, они оставили совет и вскоре покинули Митрим, уйдя за Арос, на восток, в обширные земли вокруг холма Химринг. Впоследствии область эта стала зваться Пределом Маэдроса, ибо севернее не было ни гор, ни реки, чтобы ослабить натиск Ангбанда. Там Маэдрос с братьями несли стражу, собирая весь народ, что шел к ним, и лишь в нужде общаясь со своей западной родней. Говорят, что измыслил это сам Маэдрос, дабы уменьшить опасность усобицы и еще потому, что страстно желал вызвать на себя главный удар; сам он оставался в дружбе с сыновьями Финголфина и Финарфина и время от времени сходил к ним на общие советы. Однако и он был связан клятвой, хотя до поры до времени она спала.

Народ Карантира поселился дальше на востоке — в верховьях Гелиона, вокруг озера Хелеворн под горой Рерир и к югу от нее. Они поднимались на высоты Эред—Луин и с удивлением вглядывались в восточные земли, ибо пустынным и диким лежало пред ними Средиземье. Так и вышло, что народ Карантира наткнулся на гномов, которые после нападения Моргота и прихода нолдоров перестали ходить в Белерианд. Но, хотя оба народа ценили мастерство и охотно обучались, они не любили друг друга. Гномы были скрытны и легко обижались, Карантир же по надменности не скрывал презрения к безобразию наугримов, а его народ вторил своему владыке. Но, так как оба народа ненавидели и боялись Моргота, они заключили союз, что принес обоим немалые выгоды: наугримы в те дни владели многими тайнами мастерства, кузнецы и каменщики Ногрода и Белегоста славились повсюду — а когда гномы начали снова наведываться в Белерианд, все их пути проходили через земли Карантира, а все их изделия — через его руки, и таким образом он изрядно обогатился.

\*\*\*

Когда с первого восхода солнца минуло двадцать лет, Финголфин, владыка нолдоров, устроил великий праздник; было то весной у подножия Теневого Хребта, близ озера Иврин, откуда берет начало быстрый Нарог, где луга, защищенные горами от северных ветров, зелены и прекрасны. Долго помнилась радость того празднества в грядущие годы скорби; и было оно названо Мерет Адертад — Праздник Воссоединения. Туда пришли многие вожди и эльфы Финголфина и Финрода, а из сыновей Феанора — Маэдрос и Маглор с воинами восточного Предела; пришло также множество Сумеречных Эльфов: лесные странники Белерианда и народ Гаваней со своим владыкой Кирданом. Пришли даже Лесные Эльфы из Оссирианда, Края Семи Рек, под дальней стеной Синих Гор; но из Дориата явились лишь два вестника, Маблунг и Даэрон, с приветом от короля.

В эти дни Мерет Адертад эльфы держали много советов и много принесли клятв в дружбе и союзничестве; и рассказывают, что на том празднестве даже нолдоры говорили на Сумеречном языке, так как быстро выучили наречие Белерианда, а синдарам язык Валинора



давался с трудом. Нолдоры были веселы и полны надежд, и многим тогда казалось, что справедливы речи Феанора, призывавшие их искать свободы и владений в Средиземье; и действительно, за тем последовали долгие годы мира, когда мечи нолдоров защищали Белерианд от ударов Моргота, и сила того таилась за воротами Ангбанда. В те дни веселье царило под Луною и Солнцем, и все вокруг радовалось; но на севере по-прежнему клубилась Завеса Тьмы.

Прошло еще тридцать лет — и сын Финголфина Тургон покинул Невраст, где жил тогда, и отыскал своего друга Финрода на острове Тол-Сирион; и они вместе отправились на юг вдоль реки, так как устали от северных гор; и вот за Полусветными Водами, близ Сириона, их застигла ночь, и они легли на берегу под летними звездами. Ульмо же, поднявшись по реке, погрузил их в глубокий сон и тяжкие грезы; тревога осталась с ними и после пробуждения, но они ничего не сказали друг другу, ибо воспоминания были смутны и каждый думал, что Ульмо послал весть ему одному. Но не было им после покоя, сомненья в грядущем терзали их, и они часто бродили одни в нехоженных землях, ища повсюду тайные урочища, ибо казалось каждому, что ему велено подготовиться к дням лиха и основать твердыни, дабы Моргот, выйдя из Ангбанда, не сокрушил северных воинств.

А надо сказать, что время от времени Финрод и его сестра Галадриэль гостили у своего родича Тингола в Дориате. Финрод дивился мощи и величию Менегрота, его сокровищницам, оружейням и многоколонным залам из камня; и пришла ему мысль построить просторные подгорные чертоги за всегда охраняемыми воротами в каком-нибудь глубоком и никому не ведомом месте. Поэтому он открылся Тинголу, поведав ему о своих снах. И Тингол рассказал ему об узком ущелье Нарога и пещерах под Большим Фаросом в крутом западном берегу, а когда Финрод уходил — дал ему проводников, чтобы отвести его в то место, о котором еще мало кто знал. Так пришел Финрод в Гроты и стал строить там залы и оружейни по образу твердынь Менегрота; и крепость эта была названа Нарготронд. В этих трудах Финроду помогали гномы Синих Гор; и их хорошо одарили, ибо Финрод принес из Тириона больше, сокровищ, чем любой принц нолдоров. В те времена был сделан для него и Наугламир, Ожерелье Гномов, — самое прославленное гномье изделие

Предначальной Эпохи. На его золотой основе сияли бесчисленные самоцветы Валинора, сила же, заключенная в нем, делала его невесомым для того, кто его носил, и на любой шее лежало оно изящно и красиво.

Там, в Нарготронде, и поселился со своим народом Финрод, и гномы дали ему прозвище Фелагунд, Властитель Пещер; имя это он носил до самой смерти. Но Финрод Фелагунд был не первым, кто обитал в пещерах у реки Нарог.

Галадриэль, сестра его, не ушла с ним в Нарготронд, ибо в Дориате жил Келеборн, родич Тингола, и они полюбили друг друга. Поэтому она осталась в Потаенном Королевстве, с Мелиан, и многое узнала от нее о Средиземье.

Тургон же помнил город на холме, Тирион Прекрасный, с его маяком и деревом, а потому не нашел, что искал, и, возвратившись в Невраст, покойно сидел в Виниамаре близ берега моря. И на следующий год Ульмо сам явился ему и повелел вновь идти одному в Долину Сириона. Тургон отправился в путь и, ведомый Ульмо, отыскал потаенную долину Тумладен в Окружных Горах, в центре которой стоял каменный холм. О той долине он до поры никому не сказал, но еще раз вернулся в Невраст и начал на тайных советах создавать план города, подобного Тириону на Туне, по которому в изгнании томилась его душа.

\*\*\*

А тем временем Моргот, поверив донесениям соглядатаев о том, что владыки нолдоров странствуют по Белерианду, не помышляя о войне, решил испытать силу и бдительность своих врагов. Еще раз внезапно двинулась его мощь: содрогнулись земли Севера, и из трещин вырвался огонь, и Железные Горы изрыгнули пламя, и орки двинулись через Ард-Гален. Оттуда они ринулись на западе вниз по Сириону, а на востоке — через земли Маглора, в ущелье меж холмами Маэдроса и отрогами Синих Гор, но Финголфин и Маэдрос не дремали, и покуда другие выслеживали ряды орков, что проникли в Белерианд и творили в нем лихо, они с двух сторон обрушились на главное войско, штурмовавшее Дортонион: победили прислужников

Моргота, обратили их в бегство и наголову разбили, уничтожив всех до единого у самых врат Ангбанда. Такова была третья великая битва в Войнах Белерианда, которую называли потом Дагор Аглареб, Достославной Битвой.

Это была победа — но и предостережение; принцы вняли ему и упрочили свой союз, укрепили и усилили заставы, начав осаду Ангбанда, длившуюся почти четыреста лет. Долгие годы после Дагор Аглареб никто из слуг Моргота не осмеливался выйти за врата Ангбанда, страшась владык нолдоров; и Финголфин похвалялся, что, если не будет среди них предательства, Моргот никогда не скроется от союзных эльдаров и не захватит их врасплох. Однако нолдоры не могли ни взять Ангбанд, ни вернуть Сильмарилы, и в годы Осады война никогда полностью не прекращалась, ибо Моргот измышлял новые козни и время от времени испытывал силу своих врагов. К тому же кольцо вокруг твердыни Моргота никогда полностью не замыкалось — Железные Горы, из которых выдавались пики Тангородрима, защищали крепость с обеих сторон, а снег и лед делали их неприступными для нолдоров. Поэтому с тыла, на севере, Моргот не имел врагов, и его шпионы время от времени пользовались тем путем и окольными тропами пробирались в Белерианд. И, более всего желая сеять страх и рознь меж эльдарами, он велел оркам захватывать живыми и доставлять связанными в Ангбанд всех, кого удастся схватить; и иных эльдаров он так запугал жутью своего взгляда, что им не нужно было цепей — они жили в постоянном страхе пред ним и исполняли его волю, где только могли. Так Моргот узнал о многом из того, что случилось после бунта Феанора, и радовался, ибо видел семена разлада меж своих врагов.

Пробежала почти сотня лет с Дагор Аглареб — и Моргот замыслил захватить Финголфина врасплох, а так как знал о бдительности Маэдроса, то послал войско на снежный север, и оно повернуло на запад, а после — на юг и спустилось к берегам залива Дренгист, тем путем, которым Финголфин шел со Вздыбленного Льда. Так проникли они в Хитлум с запада, но их вовремя выследили, и Фингон ударил на них в горах близ устья залива, и большинство орков было сброшено в море. Бой тот не числится среди великих битв, ибо орков было немного, и лишь часть народа Хитлума билась там. А после настал долгий мир, и Ангбанд не нападал открыто, ибо Моргот

понял, что оркам без поддержки не выстоять против нолдоров; и он стал искать новых путей.

И вот прошло еще сто лет, и из врат Ангбанда выполз в ночь Глаурунг, первый из Урулоки, огненных драконов Севера. Он был еще юн и не достиг полного роста, ибо долга и медленна жизнь драконов, но эльфы в смятении бежали пред ним к Эред-Ветрину и Дортониону; и он опустошил степи Ард-Галена. Тогда Фингон, принц Хитлума, выехал против него с конными лучниками; окружив дракона, они засыпали его стрелами, и Глаурунг не мог вынести этого, ибо шкура его не была еще достаточно крепка, — он бежал в Ангбанд и долгие годы не выползал оттуда. Фингон прославился, а нолдоры радовались, ибо не многие провидели в этой новой твари грядущую опасность. Моргот, однако, был недоволен, что Глаурунг раскрыл себя раньше времени. И после того настал Долгий Мир, длившийся почти двести лет. В то время случались лишь стычки на границах, и Белерианд процветал и богател. Под охраной своих северных воинств нолдоры строили жилища и крепости, и много дивного было сделано в те дни, и сложены стихи, и повести, и книги знаний. Во многих землях нолдоры и синдары стали смешиваться в единый народ и говорить на одном языке, хотя различия меж ними оставались: нолдоры были крепче телом и духом, более стойкие воины, прозорливы и мудры; они строили из камня и любили горные склоны и просторы степей. А синдары лучше играли и пели, и голоса у них были красивы — но не красивей, чем у сына Феанора, Маглора, — и они любили леса и берега рек; некоторые же Сумеречные Эльфы все еще бродили, нигде не задерживаясь подолгу, и пели на ходу.

## Глава 14 О Белерианде и владениях в нем

Здесь рассказано, каков был в древности облик земель на севере и западе Средиземья, куда пришли нолдоры, а также каким образом держали владыки эльдаров свои земли, и о союзе против Моргота после Дагор Аглареб, Третьей Битвы в Войнах Белерианда.

\*\*\*

На севере Мира Мелькор в прошедшие века воздвиг Эред-Энгрин, Железные Горы — ограду своей цитадели Утумно. Горы эти стояли на границе вечного холода, огромной дугой изогнувшись с запада на восток. За стенами Эред-Энгрин, на западе, там, где хребет сворачивал на север, Мелькор построил другую крепость как защиту от возможного нападения из Валинора; и когда он возвратился в Средиземье, то, как уже говорилось, поселился в бесконечных подземельях Ангбанда, в Железной Преисподней, ибо в Войне Стихий валары, торопясь низвергнуть Мелькора и его твердыню Утумно, не разрушили до конца Ангбанд и не обыскали его глубин. Под Эред-Энгрином Мелькор прорыл ход на южную сторону гор, прикрыв выход мощными воротами. А над воротами и за ними до самых гор — поднял огромные пики Тангородрима, сотворенные из золы и шлака его подземных горнов и земли, что осталась после прорытия хода. Пики те были черны, наги и немислимо величественны, а вершины их курились мглистым и смрадным дымом, затемняя северное небо. От врат Ангбанда на много лиг к югу простиралась пыльная пустошь, Ард-Гален, но с появлением Солнца она поросла пышной травой, и, пока Ангбанд был осажден, а его врата захлопнуты, зелень покрыла даже ямы и обломки скал перед дверьми преисподней.

К западу от Тангородрима лежит Хйсиломэ, Туманный Край. Так называли его нолдоры на своем языке из-за мглы, насланной на него Морготом во времена их первой стоянки. На языке живущих там синдаров он зовется Хитлум. В дни Осады Ангбанда это были прекрасные земли, хотя воздух там холоден, а зима сурова. С запада

они ограждались Эред–Ломином, Зычными Горами, шедшими близ моря; а с востока и юга — большой петлей Эред–Ветрин, Теневого Хребта, что глядит на Ард–Гален и пойму Сириона.

Хитлум держали Финголфин и его сын Фингон, и большая часть народа Финголфина жила в Митримере, по берегам великого озера, Фингону же дан Дор–Ломин, что западнее Митримского Кряжа. Но главная крепость нолдоров была у Эйтель–Сириона, на востоке Эред–Ветрина, где они бдительно стерегли Ард–Гален; и конница по степи добегала до самой тени Тангородрима, ибо кони множились быстро, а трава Ард–Галена была высокой и сочной. Предки тех коней пришли из Валинора и были отданы Финголфину Маэдросом как вира за потери, ибо их кораблями привезли в Лосгар.

К западу от Дор–Ломина, за Зычными Горами, что южнее залива Дренгист уходят в глубь суши, лежит Невраст, Ближний Берег на языке синдаров. Имя это носили сначала все земли к югу от залива, а после — лишь те, что лежат меж Дренгистом и горой Тарас. Там много лет правил Тургон Мудрый, сын Финголфина; владения его ограничивали море, Эред–Ломин и холмы, продолжающие стену Эред–Ветрин от Иврина на мысу горы Тарас. Иные считали, что Невраст принадлежит скорее Белерианду, чем Хитлуму, ибо то был теплый край, увлажняемый дыханием моря и прикрытый от холодных северных ветров, что продували Хитлум. Невраст — низменный край, окруженный горами, и рек там нет; в центре его лежит большое озеро без четких берегов, окруженное болотами. Лина́эвен, Птичье, звалось оно, потому что множество птиц гнездилось там, из тех, что любят высокий тростник и мелкие заводи. Когда пришли нолдоры, в Неврасте жили Сумеречные Эльфы — близ берега моря и особенно на юго–западе, у горы Тарас, ибо в минувшие дни сюда любили приходить Оссе и Ульмо. Весь этот народ признал Тургона своим владыкой, и вскоре синдары и нолдоры там смешались; и Тургон долго жил у подножья горы Тарас на морском берегу, во дворце, нареченном Виниамар.

К югу от Ард–Гален протянулось на шестьдесят лиг с запада на восток великое нагорье, прозванное Дортонион. Его покрывал сосновый бор, особенно густой по северному и западному краю. Пологие склоны подымались с равнины к высокой суровой земле, где бесчисленные озера лежали у подножий скалистых холмов, чьи

вершины вздымались выше пиков Эред–Ветрин; но на юге, там, где нагорье смотрело на Дориат, оно внезапно обрывалось зловещими пропастями. С северных склонов Дортониона любовались степями Ард–Галена сыновья Финарфина Ангрод и Аэгнор — вассалы своего брата Финрода, владыки Нарготронда. Народ их был малочислен, ибо земли те довольно пустынно, а великое нагорье считалось преградой, взять которую Морготу будет нелегко.

Между Дортонионом и Теневым Хребтом тянулась узкая долина, крутые склоны которой скупо поросли соснами; но в самой долине зеленела пышная растительность, ибо Великий Сирион тек там, торопясь в Белерианд. Теснину Сириона держал Финрод; он выстроил на острове посреди реки могучую сторожевую крепость Мйнас–Тйрит; но, когда был создан Нарготронд, передал эту твердыню своему брату Ородрету.

А великий и дивный край Белерианд лежал по обе стороны от воспетого в песнях Сириона, что брал начало из Эйтель–Сириона и струился по краю Ард–Гален, покуда не прорывался сквозь ущелье, становясь все полноводнее от питающих его горных рек. Оттуда он тек на юг, собирая воды многих притоков, покуда, пробежав сто тридцать лиг, могучим потоком не достигал широкого песчаного устья в заливе Балар. И по течению Сириона лежали справа, в Западном Белерианде, леса Бретила меж Сирионом и Тейглином, а дальше — край Нарготронд меж Тейглином и Нарогом. Река же Нарог брала начало в водопадах Иврина на южных склонах Дор–Ломина и текла отсюда восемьдесят лиг, соединяясь с Сирионом в Нан–татрене, Краю Ив. Южнее Нан–татрена лежала малонаселенная область заливных лугов, усыпанных цветами, а за ними простирались болота с островками камыша вдоль рукавов Сириона и пески его дельты, где не жил никто, кроме морских птиц.

Нарготронд протянулся также и к западу от Нарога до реки Нэннинг, что встречалась с морем у Эглареста; и Финрод стал владыкой всех эльфов Белерианда между Сирионом и морем — если не считать Фаласа. Там жили те синдары, что любили корабли, и владыкой их считался Кирдан Корабел. Однако Кирдан и Финрод были друзьями и союзниками, и с помощью нолдоров гавани Бритомбар и Эгларест отстроились заново. За их высокими стенами расцвели прекрасные города и пристани с набережными и пирсами из

камня. На мысу к западу от Элареста Финрод воздвиг башню Б́арад-Н́имрас — дабы следить за западным морем, хоть в этом, как выяснилось позднее, и не было нужды, ибо Моргот никогда не пытался ни строить корабли, ни воевать на море. Все его слуги чурались воды, и ни один своей охотой не приблизился бы к морю, кроме как в крайней нужде. С помощью эльфов Гаваней кое-кто из народа Нарготронда построил новые корабли и отправился на них исследовать большой остров Балар, задумав устроить там последнее прибежище, если придет лихо; но им не суждено было поселиться там.

Таким образом, держава Финрода была самой большой, хотя сам он — младший среди великих владык нолдоров — после Финголфина, Фингона и Маэдраса. Финголфин считался Верховным Владыкой нолдоров, а Фингон первым после него, хоть владели они лишь севером Хитлума; однако народ их был самым стойким и доблестным, его более всех боялись орки и ненавидел Моргот.

Слева по течению Сириона лежал Восточный Белерианд, протянувшийся в самом широком месте на сотню лиг от Сириона до Гелиона и границ Оссирианда. И первым, между Сирионом и М́индебом, у подножия Ќриссаэгрима, где гнездились орлы, лежал пустынный край Д́имбар. Между Миндебом и верховьями Эсгáлдуина лежали ничейные земли Нан-Дунгортеб; край тот полнился страхом, ибо, хотя с одной стороны сила Мелиан ограждала северный предел Дориата, с другой гибельными обрывами ниспадали с высот Дортониона Эред-Горгорот — Горы Ужаса. Туда, как было сказано раньше, бежала от бичей балрогов Унголианта, и там она жила какое-то время, наполняя ущелья смертоносной мглой; там и ныне, когда она сгнула, таились ее мерзкие отродья, плетя лиходейские сети, и ручьи, что сбегали с Эред-Горгорота, были ядовиты. Стоило лишь пригубить их воду, и душа окутывалась мраком безумия и отчаяния. Все живое избегало тех мест, и нолдоры проходили через Нан-Дунгортеб только в великой нужде и лишь по тропам, что теснились к границам Дориата, подальше от зловещих холмов. Путь этот был проложен давным-давно, прежде чем Моргот вернулся в Средиземье; и если кто-нибудь проходил там, то оказывался восточнее Эсгалдуина, где во время Осады стоял каменный мост Иант-И́аур. По нему путник переходил в Дор-Д́инен, Безмолвный Край, и, миновав Ароссиях (что



означает Брод Ароса), попадал к северным границам Белерианда, где жили сыновья Феанора.

На юге лежали охраняемые леса Дориата — владения Потаенного Короля Тингола, в чью державу против его воли не мог проникнуть никто. Ее северную — и меньшую — часть, лес Нелдорет, ограничивала с востока река Эсгалдуин, что сворачивала на запад в самом центре края; а между Аросом и Эсгалдуином, там, где он поворачивал к Сириону, были Пещеры Менегрота; и весь Дориат лежал восточнее Сириона, кроме узкой полоски леса между слиянием Сириона и Тейплина и Полусветными Водами. Народ Дориата звал тот лес Нйврим, или Западный Предел; там росли дубы-великаны, и его также прикрывала Завеса Мелиан, так что часть Сириона, который она, почитая Ульмо, любила, была под властью Тингола.

На юго-западе Дориата, где Арос сливается с Сирионом, по обе стороны реки лежали большие озера и топи — и река замедляла там свой бег, дробясь на множество рукавов. Эта область звалась Аэлин-Уиал, Полусветные Воды, ибо ее окутывали туманы, и чары Дориата лежали там. Северная часть Белерианда спускалась на юг к этому месту, а дальше простиралась ровно, и течение реки замедлялось. Но южнее Аэлин-Уиал земли обрывались внезапно и круто; и нижние луга Сириона отделялись от верхних этим обрывом, который глядящему с юга представлялся бесконечной цепью холмов, бегущих от Элареста за Нарог на западе до Эмон-Эреба на востоке, откуда был виден Гелион. Нарог прорезал эти холмы глубоким ущельем и тек по перекатам, но водопадов на нем не было, и на западном его берегу вздымались лесистые нагорья Таурэн-Фароса. На западной стороне ущелья, где маленькая пенная речка Рингвил спадает в Нарог с Большого Фароса, Финрод основал Нарготронд. А лигах в двадцати пяти восточнее ущелья Нарготронд могучим водопадом низвергался с севера Сирион — и вдруг уходил под землю, в подземное русло, пробитое силой его струй; снова он возникал тремя лигами южнее — и, шумя и дымясь, вырывался из-под скальных арок у подножия холмистой гряды; место это звалось Врата Сириона.

Тот порог, называвшийся Андрам, то есть Долгая Стена, тянулся из Нарготронда в Восточный Белерианд, к Рамдалу, Концу Стены. Но на востоке крутизна его умерялась, потому что долина Гелиона неуклонно понижалась к югу, и Гелион, не имея в своем русле

порогов, тек быстрее Сириона. Между Рамдалом и Сирионом стояла одинокая гора с пологими склонами; она казалась выше, чем есть, потому что стояла одна. Гора эта звалась Эмон–Эреб. На ней умер Денетор, владыка нандоров, живших в Оссирианде, что пришел на помощь Тинголу в дни, когда орки Моргота впервые явились с оружием и уничтожили сиянный звездами мир Белерианда; на этой горе после великого поражения жил Маэдрос. А южнее Андрама, между Сирионом и Гелионом, земли поросли густыми и дикими чащами, где не жил никто, лишь изредка забредали темные эльфы; звались те чащобы Таур–им–Дуинат, Лес–меж–Реками.

\* \* \*

Гелион был большой рекой: он брал начало из двух ключей и делился в верховьях на два рукава — Малый Гелион, что тек из–под Холма Химринг, и Большой Гелион, что тек из–под горы Рерир. От слияния рукавов он пробегал к югу сорок лиг, прежде чем встречал свои притоки; а до встречи с морем он был вдвое длинней Сириона, хотя не столь широк и полноводен, так как в Хитлуме и Дортонионе, откуда питаются воды Сириона, выпадает больше дождей, чем на востоке. От Эред–Луина в Гелион текло шесть притоков — Аскар (позднее названный Ратлоризэл), Талос, Леголин, Брилтор, Дуилвен и Адрант — быстрые и порожистые реки, бегущие с гор; и между Аскаром на севере, Адрантом на юге, Гелионом и Эред–Луином лежал дальний зеленый Оссирианд, Край Семи Рек. Адрант же в среднем течении разделялся, а потом сливался вновь; и остров, омываемый его водами, звался Тол–Гален, Зеленый Остров. Там по возвращении жили Берен и Лютиэн.

В Оссирианде жили Зеленые Эльфы под защитой своих рек, ибо после Сириона Ульмо любил Гелион больше всех вод западного мира. Сродство эльфов Оссирианда с лесом было столь велико, что путник мог пройти их владения из конца в конец — и не увидеть ни одного из них. Весной и летом они одевались в зеленое, а звуки их песен долетали даже на другой берег Гелиона; потому нолдоры и называли ту землю Линдон — земля музыки, а горы нарекли Эред–Линдон, ибо впервые увидели их из Оссирианда.

\*\*\*

К востоку от Дортониона границы Белерианда были уязвимы для нападения — одни лишь невысокие холмы ограждали с севера долину Гелиона. В тех краях, вдоль Предела Маэдроса и за ним, жили сыновья Феанора со своими народами; и всадники их часто пересекали обширную северную равнину к востоку от Ард–Галена — пустынный и дикий Лóтланн — на случай, если бы Моргот попытался вторгнуться в восточный Белерианд. Главная цитадель Маэдроса стояла на холме Химринг — Вечностуденом. Был он широким, безлесным, с плоской вершиной, и много меньших холмов окружало его. Химринг и Дортонион разделялись перевалом, особенно крутым с западной стороны — то был перевал Аглон, вход в Дориат; резкий ветер всегда дул в него с севера. Келегорм и Куруфин укрепили Аглон и держали там большое войско — как и во всех землях Химлада между Аросом, что брал начало в Дортонионе, и его притоком Келоном, что тек из–под Химринга.

Область меж рукавами Гелиона опекал Маглор, и было там место, где цепь холмов разрывалась; именно тем путем перед Третьей Битвой орки проникли в Восточный Белерианд. Поэтому нолдоры держали на равнине большую конницу, а народ Карантира укрепил горы к востоку от Маглоровых Врат. Там от хребта Эред–Линдон отходили на запад гора Рерир и много меньших вершин, а меж Рериром и Эред–Линдоном лежало озеро, со всех сторон, кроме южной, затененное горами. То было озеро Хелеворн, глубокое и темное, и рядом с ним жил Карантир; нолдоры же звали весь большой край между Гелионом, горами, Рериром и рекой Аскар — Таргелион, что означало Земля–за–Гелионом, или Дор–Карантир, Земля Карантира. Именно там нолдоры впервые встретили гномов. А Таргелион Сумеречные Эльфы прежде называли Тáлат Рúнен, Восточная Долина.

Итак, сыновья Феанора под водительством Маэдроса были владыками Восточного Белерианда, но народы их жили в то время большей частью в северных его землях, а на юг ездили, только чтобы поохотиться в зеленых дубравах. Жили, однако, на юге Амрод и Амрас, во время Осады редко появлявшиеся на севере; туда же по временам наезжали и другие эльфийские владыки, даже издалека, ибо были те земли хоть и дики, но красивы. Чаще всего появлялся Финрод Фелагунд, любитель странствий, — он заходил даже в Оссирианд, и

Зеленые Эльфы дарили его своей дружбой. Но никто из нолдоров, пока владения их были целы, не пересекал Эред-Линдон; и в Белерианд почти не доходило вестей о том, что творится в восточных землях.

## Глава 15 О нолдорах в Белерианде

Уже говорилось о том, как, ведомый Ульмо, Тургон из Невраста нашел тайную долину Тумладен; та долина (как стало известно позже) лежала к востоку от верховьев Сириона в кольце гор, высоких и крутых, и ни одна живая тварь не забредала туда — лишь залетали орлы Торондора. Но был там глубинный путь, пробитый в подгорной тьме водами, что стремились к струям Сириона; и Тургон отыскал тот путь и вышел на зеленую равнину меж гор, и увидел посреди ее каменный холм, возвышающийся словно остров, — на месте этой долины в древности было великое озеро. Понял Тургон, что нашел место, о котором грезил, и решил построить там прекрасный город в память о Тирионе на Туне; однако он возвратился в Невраст и жил там покойно, хотя все мысли его были посвящены задуманному.

И вот после Дагор Аглареб непокой, что Ульмо вложил в сердце Тургона, возвратился к нему. Он собрал самых стойких и умелых из своего народа и тайно повел их в скрытую долину, и там начали они строить город, который замыслил Тургон. Они выставили стражу вокруг долины, и никто не мог узнать о их трудах, и силы Ульмо, объявшие Сирион, защищали их. Тургон, однако, жил большей частью в Неврасте, пока наконец, через пятьдесят два года тайных трудов, город не был построен. Говорят, что Тургон хотел назвать его на языке эльфов Валинора Ондолинде, Утес Поющей Воды, ибо холм изобиловал источниками; но в наречии синдаров имя его изменилось и превратилось в Гондолин, Тайный Утес. Тургон готовился уйти из Невраста и покинуть чертоги в Виниамаре у моря; и Ульмо вновь явился к нему и говорил с ним. И сказал так: «Теперь ты пойдешь наконец в Гондолин, Тургон; я же утвержу свою власть в долине Сириона и во всех окрестных водах, так что никто не заметит твоего пути, как никто не отыщет тайного хода против воли твоей. Дольше всех держав эльдалиэ будет Гондолин противостоять Морготу. Но не давай чрезмерной любви к делу рук твоих и к мечтам твоим овладеть тобой и помни, что истинная надежда нолдоров лежит на Западе и грядет из-за Моря».

И предостерег Ульмо Тургона, что на нем лежит приговор Мандоса, который Ульмо не в силах отвести. «А потому, — сказал он, — может случиться, что проклятие нолдоров отыщет тебя до срока и измена родится в стенах твоих. Тогда им будет грозить огонь. Но если опасность эта станет воистину близка — придет из Невраста некто и упредит тебя, и через него вопреки гибели и пламени родится надежда людей и эльфов. Посему оставь в этом доме меч и доспехи, дабы в грядущие дни он мог найти их; по ним ты узнаешь его и не обманешься». И Ульмо объяснил Тургону, каковы должны быть оставляемые здесь шлем, кольчуга и меч.

Потом Ульмо вернулся в море, а Тургон выслал вперед весь свой народ, почти треть нолдоров, следовавших за Финголфином, и еще большее число синдаров; тайно уходили они отряд за отрядом, прячась под сенью Эред-Ветрин, и незамеченными приходили в Гондолин, и никто не знал, куда они делись. Последним поднялся сам Тургон, тихо прошел со своими приближенными сквозь холмы, миновал горные врата — и они захлопнулись за ним.

И после долгие годы никто не проходил там — одни только Хурин и Хуор; и никогда не выступало оттуда воинство Тургона — до Года Скорби и Слез, что настал более трехсот пятидесяти лет спустя. Но за кольцом гор народ Тургона рос и процветал, и росло в неутомимых трудах его мастерство, так что Гондолин на Эмон-Гварет стал воистину прекрасен и достоин равняться даже с Тирионом Заморским. Высоки и белы были стены его, гладки лестницы, величественна, стройна и мощна Башня Владыки. Там, играя, сияли фонтаны, а во дворах Тургона стояли изваяния Дерев древности, исполненные с эльфийским мастерством самим Тургоном; то Древо, что он сделал из золота, звалось Глínгал, другое же, с цветами из серебра, — Бэльтиль. Но прекраснее всех див Гондолина была Идриль, дочь Тургона, прозванная Среброножка, чьи волосы были как золото Лаурелин перед приходом Мелькора. Так в блаженстве долго жил Тургон; Невраст же опустел и оставался пустым до самого разорения Белерианда.

\*\*\*

Покуда тайно возводился город Гондолин, Финрод Фелагунд трудился в недрах Нарготронда; сестра же его Галадриэль жила, как было сказано прежде, в царстве Тингола, в Дориате. Порой Мелиан беседовала с нею о Валиноре и блаженстве прежних дней; но о том, что случилось после гибели Древо, Галадриэль не говорила никогда. И вот однажды Мелиан сказала: «Какое-то горе постигло тебя и твоих родичей. Это я понимаю, но все остальное от меня скрыто — ибо ни зрением, ни мыслью не могу я увидеть то, что произошло или происходит на Западе; тенью накрыты земли Амана, и тень легла на воды морские. Почему ты скрываешь что-то от меня?»

— Потому, что горе это миновало, — отвечала Галадриэль, — и я хочу радоваться здесь, а не тревожить радость воспоминаниями. Ведь, возможно, еще много горя ждет впереди, хоть сейчас и сияет надежда.

Тут Мелиан взглянула ей в глаза и молвила так:

— Не верю я, что нолдоры пришли посланцами валаров, как говорилось вначале, хоть и явились они в час нашей нужды. Ибо никогда не поминают они валаров, а их верховные владыки не принесли Тинголу вести ни от Манвэ, ни от Ульмо, ни даже от Ольвэ — королевского брата — и его народа, что ушел за море. За что, о Галадриэль, был высокий народ нолдоров изгнан из Амана? Или какое-то лихо лежит на сыновьях Феанора, что они столь надменны и люты? Не близка ли я к правде?

— Близка, — сказала Галадриэль, — разве что мы не были изгнаны, а ушли по своей воле и против воли валаров. А вела нас через великие опасности одна цель: отомстить Морготу и отобрать похищенное им.

И Галадриэль поведала Мелиан о Сильмарилах и убийстве короля Финвэ в Форменосе; но ни словом не обмолвилась она ни о Клятве, ни о Резне, ни о сожжении кораблей в Лосгаре. Мелиан, однако, сказала:

— О многом теперь рассказала ты мне — и все же я прозреваю большее. Ты опустила завесу на долгий путь из Тириона, но видится мне там зло, о котором Тингол ради безопасности своей должен знать.

— Возможно, — вздохнула Галадриэль. — Но не от меня.

И Мелиан более не говорила с ней об этом, но открыла Тинголу все, что узнала о Сильмарилах.

— Великое это дело, — сказала она, — поистине, более великое, нежели мнится самим нолдорам. Ибо Свет Амана и судьба Арды

заклочены ныне в этих творениях Феанора; и предрекаю я — никакими усилиями эльдаров не обрести их вновь, и прежде чем их вырвут у Моргота, мир будет разрушен в грядущих битвах. Узнай же: они сгубили Феанора и, полагаю, еще много других, но первой из смертей, что принесли они и еще принесут, была смерть Финвэ, твоего друга. Моргот убил его пред тем, как бежать из Амана.

Долго молчал Тингол, исполненный предчувствий и скорби, но наконец промолвил:

— Ныне ясен мне исход нолдоров с Запада, которому прежде я много дивился. Не на помощь к нам пришли они, ибо тех, кто остался в Средиземье, валары предоставили их судьбе и разве лишь в смертельной нужде помогут. Мстить и возвращать утраченное пришли нолдоры. Но тем более верными союзниками против Моргота будут они, ибо можно отныне не опасаться, что они заключат с ним союз.

Однако Мелиан возразила:

— Истинно, что пришли они за мезтью — но не только. Остерегайся сынов Феанора! Гнев валаров тенью лежит на них; они сотворили лихо в Амане и причинили зло своей родне. Рознь меж князьями нолдоров лишь дремлет.

И ответил Тингол:

— Что мне до того? О Феаноре я лишь слышал — и в рассказах тех он истинно велик. О сынах его слышал я мало приятного, но они — злейшие враги нашего врага.

— Их мечи и советы могут быть обоудоострыми, — молвила Мелиан, и больше они не говорили об этом.

\*\*\*

Вскоре, однако, среди синдаров поползли слухи о делах нолдоров до их прихода в Белерианд. Нет сомнений, откуда исходили они, и злая правда была в них раздута и отравлена ложью; но синдары были еще доверчивы и беспечны, и (как можно догадаться) Моргот именно их избрал для своих первых злобных нападков, ибо они еще не знали его. Кирдан же, услышав эти мрачные рассказы, обеспокоился, ибо был мудр и быстро понял, что, правда они или ложь, распущены эти слухи



по злобе; хотя злобу эту он считал исходящей от принцев нолдоров — от зависти их домов друг к другу. Потому он послал к Тинголу гонца с вестями обо всем услышанном.

Случилось так, что в это время сыновья Финарфина вновь гостили у Тингола, так как хотели повидаться с сестрой своей Галадриэлью. И Тингол, опечаленный, в гневе сказал Финроду:

— Зло причинил ты мне, родич, скрыв от меня столь важные события. Ибо теперь я узнал о всех лиходейских деяниях нолдоров.

Финрод же отвечал:

— Какое зло причинил я тебе, владыка? И какие лиходейства нолдоров, совершенные в твоих владениях, печалят тебя? Ни твоей родне, ни твоему народу они не чинили зла — и не замышляли его.

— Я дивлюсь тебе, сын Эарвен, — промолвил Тингол. — Ты явился ко двору родича с руками, обагрёнными кровью родичей твоей матери, — и не ищешь оправдания, не просишь прощенья!

Велики были боль и страдание Финрода, но он молчал, ибо не мог защититься, иначе как обвинив других принцев нолдоров; этого же не хотел делать перед Тинголом. Но в душе Ангрота вспыхнуло вновь воспоминание о злых словах Карантира, и он вскричал:

— Владыка, я не знаю, что за ложь и откуда услышал ты, но на наших руках нет крови! Невинновыми пришли мы, и лишь в неразумии можно упрекнуть нас — мы внимали речам безумного Феанора и опьянели от них, как от вина, но ненадолго. Мы не творили зла по пути, но сами много страдали и простили эти страдания. За это названы мы твоими наушниками и предателями нолдоров; несправедливо, как ты знаешь, ибо мы из верности молчали перед тобой и тем заслужили твой гнев. Но не будем мы больше терпеть обвинений, и ты узнаешь правду!

И тут Ангрод без жалости рассказал о сыновьях Феанора, поведав о крови в Альквалондэ, Пророчестве Мандоса и сожжении кораблей в Лосгаре. И воскликнул:

— Почему должны мы, выжившие на Взыбленном Льду, носить имя убийц и предателей?

— Однако и на вас лежит тень Мандоса, — сказал Мелиан. А Тингол долго молчал, прежде чем заговорить вновь.

— Уходите! — велел он наконец. — Сердце мое пылает. Позже вы возвратитесь, если пожелаете, ибо я не затворю дверей перед вами, о

родичи, попавшие в лиходейскую ловушку, которой не могли избежать. С Финголфином и его народом я также останусь в дружбе, ибо стократ оплатили они содеянное ими зло. И в ненависти нашей к Силе, что породила все это зло, наша рознь должна быть забыта. Но внемлите моим словам! Отныне никогда не должен звучать в моих ушах язык тех, кто убивал моих родичей в Альквалондэ. И во всей моей державе не прозвучит он открыто, пока длится мое владычество. Да услышат все синдары мое повеление — не говорить на языке нолдоров и не отвечать ему. Те же, кто им воспользуется, будут считаться братоубийцами и предателями нераскаянными.

С тяжелым сердцем сыновья Финарфина покинули Менегрот, видя, как сбываются слова Мандоса. Поняли они, что никому из нолдоров, пошедших за Феанором, не вырваться из тени, что накрыла его дом. И случилось все так, как велел Тингол, ибо синдары слышали его слова и во всем Белерианде отказались от языка нолдоров, и чурались тех, кто вслух говорил на нем; а Изгои приняли язык синдаров для своих повседневных нужд, и Высокое Наречие Запада звучало лишь среди владык нолдоров. Однако повсюду, где жил тот народ, наречие это осталось языком знаний.

Нарготронд был наконец достроен (а Тургон жил еще в чертогах Виниамара), и сыны Финарфина собрались туда на пир; и Галадриэль прибыла из Дориата и какое-то время жила в Нарготронде. А король Финрод Фелагунд не имел жены, и Галадриэль спросила его, долго ли еще будет так. И прозрение снизошло на Финрода, и ответил он:

— Дам и я обет. Должен я быть свободен, чтобы исполнить его и уйти во тьму. А от моих владений не останется ничего, что мог бы наследовать сын.

Говорят, однако, что не всегда мысли его были столь холодны. Он любил Амáриэ, одну из ваниаров, но она не последовала за ним в изгнание.

## Глава 16 О Маэглинне

Аредэль Ар–Фейниэль, Белая Дева нолдоров, дочь Финголфина, жила в Неврасте со своим братом Тургоном и ушла с ним в Тайное Королевство. Но она соскучилась в охраняемом граде Гондолине, и все больше желалось ей вновь скакать по зеленым лугам и бродить в лесах, как привыкла она в Валиноре; и когда со времени воздвижения Гондолина минуло две сотни лет, она обратилась к Тургону с просьбой позволить ей уйти. Тургон не хотел соглашаться на это и долго отказывался, но наконец сдался и сказал так:

— Ступай, если желаешь, хоть сердце мое и противится этому; я провижу, что злом обернется это для нас обоих. Но уйдешь ты лишь навещить нашего брата Фингона, те же, кого я пошлю с тобой, возвратятся оттуда в Гондолин.

Аредэль, однако, возразила:

— Я сестра твоя, а не служанка, и ты не запретишь мне идти, куда я хочу. Если же отказываешь мне в свите — я уйду одна.

— Я не отказываю тебе ни в чем, что имею, — отвечал Тургон. — Однако я желаю, чтобы никто из знающих дорогу сюда не жил вне этих стен. Тебе я верю, сестра моя, но я не верю, что другие тоже смогут уследить за своими речами.

И Тургон велел троим из своей свиты сопровождать Аредэль и, если они сумеют уговорить ее, отвезти ее к Фингону, в Хитлум.

— Будьте бдительны! — добавил он. — Ибо, хотя Моргота еще сдерживают на севере, есть много опасностей в Средиземье, о коих сестра ничего не знает.

Потом Аредэль покинула Гондолин, и с ее отъездом тяжесть легла на сердце Тургона.

А она, подъехав к броду Брйтиах на Сирионе, сказала спутникам:

— Повернем теперь на юг, а не на север, ибо я не желаю ехать в Хитлум; сердце мое жаждет отыскать моих давних друзей, сыновей Феанора.

И так как переубедить ее не удалось, они повернули на юг и попытались войти в Дориат. Но стражи не пустили их, ибо Тингол не потерпел бы, чтобы нолдоры — кроме его родичей из рода

Финарфина — проникли за Завесу, и менее всего друзья сыновей Феанора. Потому стражи границ сказали Аредэль: «В земли Келегорма, куда стремишься ты, дева, нельзя проехать через владения Тингола; придется тебе объехать Завесу Мелиан с севера или с юга. Быстрейший путь — по тропе, что ведет на восток от Бритиаха через Димбар и вдоль северных границ Дориата, пока не минует Моста через Эсгалдуин и не приведет в земли за Холмом Химринг. Там, как нам известно, и живут Келегорм и Куруфин, и, возможно, ты отыщешь их. Но путь этот опасен».

Тогда Аредэль повернула назад и вышла на полную угрозы тропу меж зловещими долинами Эред–Горгорот и северными границами Дориата. Попав в жуткий край Нан–Дунгортеб, всадники заплутали в тенях, и Аредэль отбилась от спутников и потерялась. Они долго и напрасно искали ее, боясь, что она попала в ловушку или напилась из здешних ключей; но жуткие порождения Унголианты, что жили в ущельях, растревоженные, погнались за ними, и они едва спаслись. Когда же они возвратились, Гондолин узнал печальную весть, и Тургон долго сидел одни, молча переживая скорбь и гнев.

Между тем Аредэль, безуспешно проискав спутников, поскакала дальше, ибо была, как все дети Финвэ, бесстрашна и тверда духом; она продолжала путь и, переправившись через Эсгалдуин и Арос, попала в Химлад, между Аросом и Келоном, где в те дни, до прорыва Осады Ангбанда, жили Келегорм и Куруфин. В то время они отсутствовали — ускакали с Карантиром на восток, в Таргелион; но народ Келегорма встретил ее с почетом и просил остаться у них и дожидаться возвращения их властелина. Там она какое–то время жила спокойно и радовалась, вольно бродя по лесам, но время шло, Келегорм не возвращался — и непокой вновь овладел ею, и она стала уезжать все дальше, ища новых троп и нетоптанных полян. И однажды, в конце года, Аредэль отправилась на юг Химлада, переправилась через Келон и, не успев понять, что случилось, заблудилась в Нан–Эльмоте.

В этом лесу в давние годы, когда молоды были деревья, в сумерках Средиземья бродила Мелиан, и чары жили в нем до сих пор. Но теперь чащи Нан–Эльмота стали выше и гуще всех лесов Белерианда, и солнце никогда не заглядывало туда; и там жил Эол, прозванный Темным Эльфом. Некогда он был родичем Тингола, но

ему было неуютно и беспокойно в Дориате, и когда Завеса Мелиан накрыла лес Регион, где он жил, Эол бежал оттуда в Нан–Эльмо́т. Там и жил он в глубокой тьме, любя ночь и подзвездные сумерки. Нолдором он сторонился, виня их в возвращении Моргота и нарушении покоя Белерианда; зато гномов любил больше, чем все эльфы древности. От него гномы узнали о многом, что происходило в землях эльдаров.

А надо сказать, что, приходя в Белерианд с Синих гор, гномы пользовались двумя дорогами через Восточный Белерианд, и северный путь, ведя к Аросским Бродам, проходил мимо Нан–Эльмо́та; там Эол встречал наугримов и беседовал с ними. Когда же дружба их упрочилась, он время от времени уходил в глубинные крепости Ногрод и Белегост и гостевал там. Многое узнал он о работе с металлами и стал в ней весьма искусен; он создал металл прочный, как гномья сталь, но столь ковкий, что мог делаться тонким и гибким — и все же отводил любое копье или стрелу. Эол назвал его *гáлворн*, ибо был этот металл черен и блестящ, как гагат; и куда бы ни отправлялся Эол, он неизменно облачался в доспехи из галворна. И хотя кузнечный труд согнул его плечи, был Эол не гном, но статный эльф из славного рода тэлери, с лицом благородным, хотя и мрачным; вздор его проницал тени и мрак, и случилось так, что он увидел Аредэль Ар–Фейниэль, когда она брела по опушке Нан–Эльмо́та, подобная светлому лучу среди темных земель. Дивно прекрасной показалась она ему, и он возжелал ее; и опутал он ее чарами так, что она не могла найти дороги назад и подходила все ближе к его жилищу в сердце леса. Там были его кузня, и его темные чертоги, и слуги, скрытые и безмолвные, как их господин. И когда Аредэль, утомленная дорогой, подошла к его дверям, он явился ей и, приветствовав, ввел в дом. Там она и осталась, ибо Эол взял ее в жены, и прошло немало времени, прежде чем родичи вновь услышали о ней.

\*\*\*

Нигде не сказано, что Аредэль оставалась в Нан–Эльмо́те против своего желания или что жизнь там была ей ненавистна. Ибо, хоть по велению Эола ей и приходилось избегать солнца, они часто гуляли

под бледной луной; либо она одна шла куда хотела — Эол запретил ей только искать сыновей Феанора и других нолдоров. И во мраке Нан-Эльмота Аредэль родила сына и в душе дала ему имя на запретном языке нолдоров — Лбмион, Сын Сумерек. А отец никак не называл сына, пока ему не исполнилось двенадцать лет; тогда Эол нарек его Маэглин — Островзор, ибо увидел, что глаза сына зорче его собственных, а мысль способна проникать в тайны сердец, скрытые словесным туманом.

Когда Маэглин вырос, он оказался нолдор лицом и телом, но нравом и духом — сын своего отца. Говорил он мало, но если дело близко его трогало, голос его наливался силой, способной подвигать тех, кто его слушал, и низвергать тех, кто ему противостоял. Был он высок и черноволос, с белой кожей и глазами темными, но зоркими и лучистыми, как у нолдоров. Часто ходил он с Эолом в города гномов на востоке Эред-Линдона и охотно учился у них всему, чему они могли научить, в особенности же — искусству отыскивать в горах рудные жилы.

Говорят, однако, что Маэглин больше любил мать и, если Эол бывал в отлучке, подолгу сидел с ней, слушая ее рассказы о родичах, их делах в Эльдамаре, о мощи и доблести принцев дома Финголфина. Все это лелеял он в сердце, более же всего то, что слышал о Тургоне и о том, что у него нет наследника, ибо жена Тургона Эленве погибла при переходе Хелкараксэ, и единственным его ребенком была Идриль Келебриндал.

Эти разговоры зажгли в душе Аредэль желание вновь увидеть родных, и удивительным показалось ей, что она могла устать от света Гондолина и сверкания Фонтанов на солнце, и зеленых лугов Тумладена под весенним ветренным небом; к тому же она слишком часто оставалась одна во мраке, когда ее сын и муж уходили вдвоем. Эти же рассказы повели к первым ссорам между Маэглином и Эолом. Ибо ни за что на свете не открыла бы Маэглину мать, где живет Тургон, и он выжидал, надеясь выпытать у нее тайну или догадаться по случайной обмолвке; но прежде хотел он взглянуть на нолдоров и поговорить с сыновьями Феанора, своими родичами, что жили неподалеку. Но когда он поведал о своих желаниях Эолу, отец разгневался.

— Ты из дома Эола, сын мой, а не из голодримов, — сказал он. — Все эти земли — земли тэлери, а я не стану якшаться с убийцами нашей родни, пришельцами и захватчиками, и не потерплю, чтобы мой сын якшался с ними. В этом ты должен повиноваться мне, или я закую тебя в цепи.

Ничего не ответил Маэглин, остался безмолвен и холоден; но никогда уже не ходил с Эолом, и Эол не доверял ему.

Вышло так, что на Венец Лета гномы, как то было у них в обычае, пригласили Эола на празднества в Ногрод; и он уехал. Теперь Маэглин и его мать могли какое-то время бродить где хотят, и часто они, томясь по солнечному свету, подъезжали к опушкам леса; и в сердце Маэглина зрело желание покинуть Нан-Эльмо́т навеки. Потому-то и сказал он Аредэль: «Госпожа, давай уйдем, покуда есть время! На что надеяться нам — мне и тебе — в этом лесу? Здесь мы пленники, мне же нечего делать, ибо я научился всему, что знает мой отец и что соизволили открыть наугримы. Не отправимся ли мы в Гондолин? Ты будешь моим проводником, а я твоей стражей!» Аредэль обрадовалась и с гордостью взглянула на сына; и, сказав Эоловым слугам, что едут искать сыновей Феанора, они помчались и прискакали к северной опушке Нан-Эльмо́та. Там они переправились через малоструйный Келон в земли Химлада и направились дальше, к Бродам Ароса и на запад, вдоль границ Дориата.

А Эол возвратился с востока быстрее, нежели предполагал Маэглин, и узнал, что жена его и сын два дня как бежали. Так велик был его гнев, что он помчался за ними при свете дня. Но, въехав в Химлад, он сдержал ярость и скакал осторожно, помня об опасности, ибо могучие владыки Келегорм и Куруфин не любили Эола, а Куруфин к тому же был вспыльчивого нрава. Но разведчики Аглоиа видели, как Маэглин и Аредэль проскакали к Аросу, и Куруфин, поняв, что творится странное, вышел из Аглона и встал лагерем возле Бродов, и не успел Эол пересечь Химлад, как всадники Куруфина подстерегли его и отвезли к своему владыке.

Тогда Куруфин обратился к Эолу:

— Куда едешь ты по моим землям, Темный Эльф? Неотложное дело, должно быть, днем погнало в путь такого солнцenenавистника?

И Эол, понимая, что ему грозит, сдержал резкие слова, что поднялись в его душе.

— Мне стало известно, Владыка Куруфин, — отвечал он, — что сын мой и моя жена, Белая Дева нолдоров, отправились навестить тебя, покуда я был в отлучке; и показалось мне пристойным присоединиться к ним в этой поездке.

Тут засмеялся Куруфин и сказал:

— Будь ты с ними, быть может, они встретили бы здесь прием не столь теплый, как надеялись. Но это неважно, ибо ехали они не сюда. Двух дней не прошло, как они миновали Ароссиях, а оттуда быстро помчались к западу. Кажется, ты пытаешься обмануть меня, если только сам не был обманут.

И Эол ответил:

— Тогда, Владыка, вероятно, ты согласишься мне уехать и разузнать правду.

— Ты получишь мое дозволение — но не мою любовь, — молвил Куруфин. — Чем быстрее покинешь ты мои земли, тем больше обрадуешь меня.

Эол вскочил в седло, говоря:

— Отрадно, Владыка Куруфин, встретить в нужде родича столь доброго. Я вспомню об этом, когда вернусь.

— Впредь не щеголай передо мною именем своей жены, — отвечал Куруфин, мрачно взглянув на него, — ибо те, кто похищают дочерей нолдоров и женятся на них без дара и дозволения, не становятся родней их родне. Я дал тебе дозволение уехать. Пользуйся этим и убирайся. На сей раз, по законам эльдаров, я не могу убить тебя. И вот еще какой совет добавлю я: возвращайся в свое жилище во тьме Нан-Эльмота, ибо сердце упреждает меня, что, если отправишься ты вдогон за теми, кто более не любит тебя, никогда тебе не вернуться домой.

Эол поспешно отъехал, и ненависть ко всем нолдорам переполняла его, ибо он понял, что Маэглин и Аредэль бежали в Гондолин. Влекомый гневом и стыдом унижения, он переправился через Броды Ароса и погнал коня по пути, которым раньше скакали те двое; но, хотя они не знали, что их преследуют, а его скакун был очень быстр, Эол ни разу не увидел их до самого Бритиаха, где они оставили коней. Там злая судьба предала их: кони громко заржали, и скакун Эола, услышав зов, поспешил к ним; и Эол увидел издалека белое



одеяние Аредэль и заметил, каким путем она шла, отыскивая тайную тропу в горы.

А Маэслин с Аредэль подошли к Внешним Вратам Гондолина, и Темные Стражи под горами радостно встретили Аредэль; и, миновав Семь Врат, она вошла с Маэглином на Эмон–Гварет, к Тургону. Там король с удивлением выслушал ее повесть; и с приязнью смотрел он на племянника своего Маэглина, видя, что тот достоин зваться принцем нолдоров.

— Воистину рад я, что Ар–Фейниэль воротилась в Гондолин, — молвил он. — И теперь мой град вновь станет прекраснее, чем в те дни, когда я считал ее пропавшей. Маэглину же в моей державе будут воздаваться высочайшие почести.

Тут Маэглин поклонился и признал Тургона своим владыкой и королем, и дал обет исполнять его волю; но после он стоял молча и смотрел, ибо пышность и краса Гондолина превосходили все, что представлялось ему по рассказам матери; мощь и многолюдство города поразили юношу, и много невиданного и дивного узрел он. Но сильнее всего притягивала его взор Идриль, дочь короля, сидевшая подле отца, ибо волосы ее были золотыми, как у всех ваниаров, родичей ее матери, и она казалась Маэглину солнцем, озарявшим королевский чертог.

Тем временем Эол, последовав за Аредэль, нашел Сухую Реку и тайную тропу и, крадясь по руслу, был схвачен стражей и допрошен. Слыша, что он называет Аредэль женой, Стражи удивились и послали в город быстрого гонца; и он явился во дворец короля.

— Владыка! — воскликнул он. — Стража схватила пленника, подкравшегося к Темным Вратам. Он зовет себя Эолом; это эльф, он мрачен и темноволос, и синдар по крови, однако он заявил, что Владычица Аредэль — его жена, и требует, чтобы его привели к тебе. Гнев его велик, и усмирить его трудно; но мы не убили его, как велит твой закон.

— Увы! — вздохнула Аредэль. — Эол последовал за нами, как я и боялась. И был он хитер: мы не видели и не слышали погони, когда вступали на Тайную Тропу. — Она обратилась к гонцу: — Все это правда. Он Эол, а я его жена, и он отец моего сына. Не убивайте его, а ведите сюда, на суд короля — если будет на то королевская воля.

Так и сделали. Эола привели в чертог Тургона, и он встал пред высоким тронем, гордый и мрачный. Хотя он не меньше сына дивился тому, что видел, это только переполняло его душу гневом и ненавистью к нолдорам. Но Тургон встретил его с почетом, поднялся и взял его за руку.

— Добро пожаловать, родич — ибо родичем я считаю тебя. Здесь будешь ты жить в довольстве, но ты должен поселиться в моих владениях и не покидать их, ибо таков мой закон: всякий, нашедший дорогу сюда, не может уйти.

Но Эол отдернул руку.

— Я не признаю твоего закона, — сказал он, — ни у тебя, ни у твоей родни нет прав владеть в наших краях землей и накладывать запреты — здесь ли, там ли. Это земли тэлери, куда вы принесли войну и непокой, гордыню и несправедливость. Мне нет дела до твоих тайн, и не шпионить за тобой пришел я, но потребовать свое: жену и сына. Однако, если сестру свою, Аредэль, ты не хочешь отпустить, — пусть она остается; пусть птица вернется в клетку, где скоро захворает опять, как хворала прежде. Но не то — Маэглин. Сына моего ты у меня не отнимешь. Идем, Маэглин, сын Эола! Отец приказывает тебе. Покинь дом врагов и убийц нашей родни — или будь проклят!

Маэглин, однако, смолчал.

Тут Тургон воссел на трон, сжимая судебный жезл, и голос его был суров:

— Я не стану спорить с тобой, Темный Эльф. Лишь мечи нолдоров защищают твои бессолнечные леса. Свободой бродить в них ты обязан моей родне; если бы не они — давным-давно был бы ты рабом в подземельях Ангбанда. А здесь король — я. И, хочешь ты того или нет, — воля моя здесь закон. Лишь один выбор есть у тебя: поселиться здесь или здесь умереть. И тот же — для твоего сына.

Тогда Эол взглянул в глаза Тургона и не смутился, но долго молчал и не шевелился, пока мертвая тишь не окутала зал; и Аредэль испугалась, ибо знала, что он опасен. Вдруг, быстрый, как змея, он выхватил кинжал, что скрывал под плащом, и метнул его в Маэглина, крича:

— Смерть выбираю я — за себя и за сына! Ты не получишь того, что принадлежит мне!

Но Аредэль бросилась под клинок, и он вошел ей в плечо, Эола же связали и увели, пока прочие хлопотали вокруг Аредэль. Но Маэглин, глядя на отца, не проронил ни слова.

Было решено, что на другой день Эол вновь предстанет перед королевским судом; Аредэль и Идриль молили Тургона о милости. Но вечером, хотя рана и казалась легкой, Аредель стало хуже; она лишилась чувств и ночью умерла: лезвие кинжала было отравлено, хотя никто не знал этого, пока не стало поздно.

И потому, когда Эол предстал перед Тургоном, он не нашел милости; его повели на Карагдур, уступ на черной скале с северной стороны Гондолинского холма, чтобы сбросить с отвесных стен города. И Маэглин стоял там и молчал. Но перед смертью Эол крикнул:

— Ты отказался от отца и родни, злополучный сын! Да обратятся в прах все твои надежды, и да погибнешь ты тою же смертью, что и я!

Тут Эола столкнули с Карагдура, и он погиб. Все в Гондолине сочли это справедливым, однако Идриль была потрясена и с тех пор не доверяла новоявленному родичу. А Маэглин процветал и стал величайшим из гондолинцев, и все прославляли его; Тургон же высоко ценил, ибо, если Маэглин легко и быстро обучался, чему мог, многому мог он и научить. Он собрал вокруг себя всех, кто имел склонность к кузнечному и горному делу, и, обыскав Эккориат (что значит Окружные Горы), нашел богатые залежи разных металлов. Более всего ценил он твердое железо ангабарских копей на севере Эккориата и оттуда добывал металл, пригодный для стали, так что оружие гондолинцев делалось все острее и крепче, и в грядущие дни это сослужило им добрую службу. Маэглин был мудрым и осторожным советником, а в нужде — стойким и доблестным воином. Это увиделось после, когда в год Нирнает Арноэдиад Тургон выступил на север, на помощь Фингону. Маэглин не остался в Гондолине наместником короля, но пошел на войну и бился рядом с Тургоном, показав себя яростным и бесстрашным в бою.

Итак, казалось, судьба улыбалась Маэглину, ставшему одним из самых могучих среди принцев нолдоров, а по славе — вторым в их державах. Однако он был замкнут, и хотя не все шло так, как ему хотелось, он сносил это молча, скрывая свои мысли, так что немногие могли прочесть их; но Идриль Келебриндал — могла. Ибо с первых

дней в Гондолине жила в его сердце печаль, что росла с годами и прогоняла радость: он любил красу Идриль и желал ее — безнадежно. Неслыханным делом было у эльдаров, чтобы столь близкие родичи вступали в брак. И к тому же Идриль совсем не любила Маэглина, а зная его мечты о ней — не могла полюбить. Ибо эта любовь казалась ей извращенной и странной, и так же думали о ней и все эльдары. Считалась она лихим плодом Резни, через который проклятие Мандоса затмило последнюю надежду нолдоров. Но годы текли, Маэглин глядел на Идриль — и ждал, и любовь в его сердце становилась тьмой. И тем более старался он настаивать на своем в других делах, не отвергая никакого труда или бремени, если мог таким образом стать сильнее.

Вот что случилось в Гондолине: среди благости этой державы, в сиянии ее славы было посеяно темное семя зла.

## Глава 17 О том, как люди пришли на Запад

Когда со времени прихода нолдоров в Белерианд минуло свыше трех сотен лет, во дни Долгого Мира Финрод Фелагунд, владыка Нарготронда, поехал как-то на восток от Сириона — поохотится с Маглором и Маэдросом, сынами Феанора.

Но, устав от гоньбы, он отправился один к хребту Эред-Линдон, чьи вершины сияли вдали, и, вступив на Гномий Тракт, переправился через Гелион у брода Сарн Артад, свернул к югу у верховьев Аскара и вошел в северный Оссирианд.

В долине у подножий гор, ниже истоков Талоса, увидел он под вечер огни и услышал далекое пенье. Это удивило его, ибо Зеленые Эльфы, населявшие этот край, не жгли костров и по ночам не пели. Сперва он опасался, что это орда орков миновала северных стражей, но, подойдя ближе, понял, что ошибся: языка певцов он никогда прежде не слышал — он был не гномий и не орочий. Тогда Фелагунд, безмолвно стоя в тени деревьев, заглянул со склона в лагерь — и увидел там неведомый народ.

То был клан Беора Старого, как звали его позднее, вождя людей. После долгих лет скитаний он привел соплеменников с востока к Синим Горам. Они перевалили хребет — и первыми из людей пришли в Белерианд. Они пели, радуясь и веря, что спасены ото всех опасностей и пришли наконец в край, где нет страха.

Долго смотрел на них Фелагунд, и любовь к ним шевельнулась в его сердце; однако он оставался под укрытием леса, пока они все не заснули. Тогда он прошел между спящими и, сев подле умирающего костра, где никто не нес стражи, поднял отложенную Беором грубую арфу — и полилась музыка, которой никогда не слышали люди, ибо в пустынных землях у них не было в этом других учителей, кроме Эльфов Тьмы.

И люди проснулись и слушали, как поет и играет Фелагунд, и думал каждый, что ему снится дивный сон, пока не замечал, что его товарищи тоже слушают; но пока Фелагунд играл, они молчали и не шевелились — столь прекрасной казалась музыка и столь дивной песня. Мудры были слова эльфийского владыки, и мудрость вливалась

в души тех, кто внимал ему; ибо то, о чем он пел — сотворение Арды и блаженство Амана за мглою Моря, — ясными видениями проходило перед их взором, и его эльфийская речь отзывалась в душе каждого так, как было тому доступно.

Так И вышло, что люди прозвали короля Фелагунда, первого из встреченных ими эльдаров, — Ном, что на их языке значит Мудрость, и после звали весь его народ нóминами, Мудрыми. Они думали вначале, что Фелагунд — один из валаров, которые, по слухам, живут далеко на Западе; это и было (говорят некоторые) причиной их похода. Но Фелагунд жил среди них и наставлял их в истинном знании, а они полюбили его и почитали своим властителем, и после были всегда верны дому Финарфина.

А надо сказать, что из всех народов эльдары наиболее искусны в языках; к тому же Фелагунд обнаружил, что может читать в умах людей те мысли, которые они хотели выразить словами, так что речь их легко было понять. Говорят также, что те люди давно, еще на Востоке, встречались с Темными Эльфами и переняли многое из их языка; а так как все наречия квенди одного корня, язык Беора и его народа во многом походил на эльфийский. Так что очень скоро Фелагунд мог говорить с Беором; и пока он жил среди людей, Финрод и Беор часто беседовали. Однако, когда Финрод спрашивал Беора о пробуждении людей и об их блужданиях, Беор мало что мог поведать ему; действительно, известно ему было немного, ибо праотцы его племени почти не рассказывали преданий о прошлом и память их молчала. «Тьма лежит за нами, — молвил Беор, — мы же обратились к ней спиной и не желаем возвращаться туда даже в мыслях. Сердца наши обращены к Западу, и мы верим, что найдем Свет».

Позднее, однако, эльдары говорили, что, когда люди пробудились в Хилдориэн при появлении солнца, за ними следили соглядатаи Моргота, и весть эта быстро дошла до него; дело же это показалось ему столь важным, что он самолично отправился в Средиземье, покинув Ангбанд и передоверив ведение войны Саурону. О том, что творил он с людьми, эльдары в то время ничего не знали, да и позже узнали немного; однако то, что тьма лежит на сердцах людей (как на нолдорах лежала тень Рзни и Проклятия Мандоса), они прозрели даже в людях из племен Друзей Эльфов, которых узнали первыми. Извратить либо уничтожить все новое и прекрасное, что ни

появлялось на свет, всегда было главным желанием Моргота; несомненно, что ту же цель преследовал он и на сей раз: страхом и ложью сделать людей врагами эльдаров и повести их с Востока войной на Белерианд. Однако замысел этот созрел долго и никогда не был полностью осуществлен, ибо (как говорят) людей вначале было слишком мало, в то время как Моргот опасался растущей мощи объединенных эльдаров и вернулся в Ангбанд, оставив в Средиземье лишь несколько слуг, да и то не слишком хитрых и могущественных.

\*\*\*

Фелагунд узнал от Беора, что были также и другие люди, похожие на него; они тоже отправились на Запад. «Мои соплеменники, — сказал Беор, — перешли Горы и ныне бродят неподалеку отсюда, халадины же — племя, чье наречие отлично от нашего — все еще стоят в долинах у восточных отрогов, ожидая вестей, чтобы двигаться дальше. Есть еще и другие люди, чье наречие сходно с нашим; с ними мы встречались время от времени. Они шли перед нами по дороге на Запад, но мы обогнали их, ибо племя это многочисленно, держатся они вместе и движутся медленно; ведет их вождь, которого называют Марах».

Зеленые Эльфы Оссирианда были обеспокоены появлением людей и, узнав, что среди пришельцев находится один из владык Заморских Эльфов, послали к Фелагунду.

— Господин, — сказали послы, — если ты властвуешь над этими существами, вели им вернуться туда, откуда они явились, или пойти куда-нибудь еще. Мы не желаем, чтоб чужаки нарушали наш покой в этих землях. К тому же это племя лесорубов и охотников, потому мы не можем быть им друзьями, и если они не уйдут, мы им не дадим покоя.

Тогда, по совету Фелагунда, Беор собрал своих разбежавшихся сородичей, и они переправились через Гелион и поселились во владениях Амрода и Амраса, на восточном берегу Келона, к югу от Нан-Эльмота, недалеко от границ Дориата; и позднее этот край назвали Эстолад, то есть Стойбище. Однако, когда по прошествии года Фелагунд захотел вернуться в свои владения, Беор испросил

дозволения сопровождать его и до конца своей жизни оставался на службе у короля Фелагунда. Так он получил свое имя — Беор; прежде его звали Балан, «Беор» же в наречии его соплеменников означало «вассал». Править своим племенем он доверил старшему сыну, Бэрану, и уже не вернулся в Эстолад.

\*\*\*

Вскоре после ухода Фелагунда появились в Белерианде иные люди, о которых поминал Беор. Вначале пришли халадины; однако, столкнувшись с недружественностью Зеленых Эльфов, они повернули на север и поселились в Таргелионе, в землях Карантира, сына Феанора; там они некоторое время жили в мире, а подданные Карантира не обращали на них внимания. На следующий год спустилось с гор племя, ведомое Марахом; были то люди рослые и воинственные, шли стройными дружинами, и эльфы Оссирианда скрылись и не стали их трогать. Марах, узнав, что племя Беора живет в зеленом и плодородном краю, прошел по Гномьему Тракту и поселился к юго-западу от селений Барана, сына Беора; между этими двумя племенами была великая дружба. Сам Фелагунд часто навещал людей, и многие другие эльфы с западных земель, нолдоры и синдары, приходили в Эстолад, желая увидеть *аданов*, чей приход был предсказан издревле. В провидении их явления в Валиноре людям было дано имя *атáni*, Вторые, в наречии же Белерианда это имя превратилось в *эдайн*, или *адány*, и называли так только три племени Друзей Эльфов.

Финголфин, как подобало королю всех нолдоров, послал им дружественных послов; и тогда много молодых и отважных аданов поступило на службу к королям и владыкам эльдоров. Среди них был Малах, сын Мараха, он четырнадцать лет жил в Хитлуме, научился языку эльфов и получил прозвание Арадан.

Недолго аданы довольствовались жизнью в Эстоладе, ибо многие все еще желали идти на Запад, только не знали дороги. Перед ними лежал огражденный Дориат, а к югу — Сирион с его непроходимыми топями. И вот главы трех высших родов нолдоров, надеясь на силу сынов людских, объявили, что всякий адан, если пожелает, может



поселиться среди их подданных. Так началось переселение аданов; вначале немногие, а после целые семьи и роды покидали Эстолад, так что лет через пятьдесят во владениях королей появились многие тысячи аданов. Большинство избирало длинный северный тракт, пока дороги еще не стали им знакомы. Племя Беора пришло в Дортонион и поселилось в землях, где правил род Финарфина. Племя Арадана (Марах, его отец, оставался в Эстоладе до самой своей смерти) большей частью направилось на Запад, и многие осели в Хитлуме; однако Магор, сын Арадана, и с ним другие переправились через Сирион в Белерианд и некоторое время жили в долинах у северных отрогов Эред-Ветрин.

Рассказывают, что обо всех этих делах никто, кроме Финрода Фелагунда, не посоветовался с Владыкой Тинголом, и он был недоволен — во-первых, по этой причине, а во-вторых, оттого, что еще задолго до того, как разошлись первые слухи о приходе людей, его тревожили сны. Посему он велел, чтобы люди селились лишь на Севере и чтобы принцы, которым они служат, отвечали за все их поступки; и молвил он так: «Пока властвую я в Дориате, ни один человек не войдет сюда, будь то даже отпрыск рода Беора, что служит славному Фелагунду». Мелиан тогда промолчала, но позднее сказала Галадриэли: «Близятся великие события. Явится человек из дома Беора, кого не остановит Завеса Мелиан, ибо он будет послан роком, что сильнее меня; и песни о том, что случится, будут жить и тогда, когда изменится облик всего Средиземья».

\*\*\*

Много людей, однако, осталось в Эстоладе. Долго еще жило там смешанное племя, и только гибель Белерианда вынудила уцелевших бежать назад, на восток. Кроме стариков, считавших, что дни их странствий кончены, были еще те, кто хотел сам распорядиться своей судьбой, кто опасался эльдаров и света их глаз; и среди аданов начался разброд, в котором явно различалась рука Моргота, ибо достоверно известно, что он знал о приходе людей в Белерианд и о растущей их дружбе с эльфами.

Вели недовольных Берег из рода Беора и Амлах, один из внуков Мараха, и они говорили открыто: «Мы пустились в далекий путь, чтобы избежать опасностей Средиземья и спастись от обитающих там злых тварей; ибо слышали мы, что на Западе Свет. Теперь же мы узнаем, что Свет за Морем. Мы не можем прийти туда, где в блаженстве обитают Божества, — все, кроме одного; ибо вот перед нами Черный Властелин и эльдары, мудрые, но жестокие, беспрестанно воюющие с ним. Говорят, что он обитает на севере, а там боль и смерть, от которых мы бежали. Мы не пойдём туда».

Был тогда созван большой совет людей, и собралось их много. И так Друзья Эльфов отвечали Берегу:

— Истинно, от Черного Владыки исходит все зло, от которого мы бежали; но он жаждет власти над всем Средиземьем, и есть ли уголок, куда мы могли бы бежать и где он нас не достигнет — покуда его не уничтожат или, по крайней мере, не возьмут в осаду? Лишь доблесть эльдаров сдерживает его, и, быть может, лишь для того, чтоб помочь им, провидение привело нас в этот край.

Берег на то сказал:

— Пусть это заботит эльдаров! Наша жизнь слишком коротка.

И встал тогда некто, кого все приняли за Амлаха, сына Имлаха, и бросил злобные слова, потрясшие всех, кто внимал ему:

— Все это лишь эльфийские хитрости, басни, сплетенные, чтобы обмануть легковверных пришельцев. Море безбрежно. Света на Западе нет. Блуждающий огонек эльфов довел вас до края света. Кто из вас видел хоть тень Божества? Кто зрел на Севере Черного Владыку? Это эльдары жаждут завладеть Средиземьем! Жадность побудила их копаться в земле, и это разгневало существа, обитающие в ее глубинах; то же делали они раньше, и то же будут делать впредь. Пусть орки живут на своей земле, а мы будем жить на своей. Места в мире достаточно, если только эльдары оставят нас в мире!

Внимавшие на мгновение оцепенели, и тень ужаса пала на них; и решили они уйти из владений эльдаров. Позднее, однако, явился меж ними Амлах и отрицал, что присутствовал при этом споре или что говорил нечто подобное, и сомнения и растерянность овладели людьми. Говорили Друзья Эльфов: «Теперь—то вы верите? Черный Властелин существует, и его посланцы и соглядатаи таятся среди нас, ибо он боится нас и той силы, которую мы можем дать его врагам».

И все же многие отвечали: «Скорее он ненавидит нас и тем больше будет ненавидеть, чем дольше мы будем жить здесь, мешаясь в его вражду с владыками эльдаров без всякой пользы для себя». Потому многие из тех, кто еще оставался в Эстоладе, решились уйти. Берег увел на Юг тысячу людей из племени Беора, и предания молчат о них. Амлах, однако, сокрушался, говоря так: «У меня теперь своя вражда с Владыкой Лжи, и продлится она до конца моей жизни»; он отправился на Север и поступил на службу к Маэдросу. Те же его соплеменники, кто был на стороне Берега, избрали себе нового вождя, через горы вернулись в Эриадор и теперь забыты.

\*\*\*

Между тем халадины счастливо жили. Моргот, однако, видя, что обманом и ложью ему не удалось рассорить людей и эльфов, взъярился и решил причинить людям столько зла, сколько сможет. Потому он выслал отряд орков, которые, направляясь на восток, проскользнули сквозь осадное кольцо, перебрались назад через Эред-Линдон по Гномьему Тракту и в южных лесах владений Карантира напали на халадинов.

У халадинов не было вождей, и жили они не кучно. Каждая усадьба стояла сама по себе, и не было у них общих законов. Их трудно было собрать вместе. Был среди них некто по имени Халдад, бесстрашный и властный; он собрал всех смельчаков, каких мог найти, и отступил в угол, образованный слиянием Аскара и Гелиона, и там от берега до берега построил крепкую загородь; за нее они отвели всех детей и женщин, кого удалось спасти. Там и отбивались они, пока не кончились припасы.

У Халдада были дети-близнецы, дочь Халет и сын Халдар; и оба сражались доблестно, ибо Халет была сильная женщина с мужественным сердцем. И вот Халдад почил в вылазке против орков, а Халдар пытавшийся отбить его тело, пал рядом с ним. Тогда Халет возглавила соплеменников, хоть они и отчаялись, и многие бросались в реки, и тонули. Однако семью днями позже, когда орки бросились на последний приступ и почти разрушили загородь, вдруг запели трубы, и с севера с войском пришел Карантир и загнал орков в реку.

Милостиво взирал на людей Карантир и оказал Халет великий почет, и предложил возместить ей гибель отца и брата. И, узрев доблесть аданов, молвил ей:

— Если вы пожелаете переселиться севернее, то будут у вас собственные владения, а также дружба и защита эльдаров.

Халет, однако, была горда и не желала ни подчиняться, ни слушать советы, и большинство халадинов были с нею согласны. Потому она поблагодарила Карантира, но ответила ему так:

— Лишь одного хочу я сейчас, господин, — покинуть тени гор и уйти на запад, куда ушли уже прочие наши сородичи.

И потому, когда халадины собрали уцелевших, что скрывались от орков в делях, и все то имущество, что осталось в их сожженных усадьбах, они избрали Халет предводительницей племени, и она увела их в Эстолад, где они и жили некоторое время.

Они, однако, оставались нелюдимы. Люди и эльфы знали их как племя Халет. Халет правила ими до конца дней своих, но мужа у ней не было, и главенство потом перешло к Халдану, сыну ее брата Халдара. Вскоре, однако, Халет пожелала двинуться далее на запад, и хотя большинство ее сородичей было против этого, она все же повела их; шли они без помощи и совета эльдаров и, переправясь через Келон и Арос, очутились в опасных краях меж Горами Ужаса и Завесой Мелиан. Тогда этот край еще не был так страшен, как позднее, но трудно пришлось там смертным без помощи, и лишь силой воли своей сумела Халет заставить сородичей пройти, с лишениями и потерями, эти земли. Наконец они переправились через Бритиах, и многие горько сожалели о том, что пустились в путь; однако возврата не было. Потому в новых землях они вернулись, насколько могли, к старой жизни; жили они вольными селениями в лесах Талат–Дирнен, за Тейглином, а кое–кто забредал и на земли Нарготронда. Прочие, однако, любили Водительницу Халет и готовы были следовать за нею, куда бы она ни пошла, и жить под ее властью; тех она привела в лес Бретил, что меж Тейглином и Сирионом. Туда в наступившие позже недобрые времена вернулись многие из разрозненного ее племени.

Король Тингол объявил Бретил частью своих владений, хотя лес и находился вне Завесы Мелиан. Король никогда не дозволил бы Халет селиться там, но Фелагунд, которого Тингол дарил своей дружбой, услышав обо всем, что случилось с племенем Халет, испросил для нее

милость: пусть она вольно живет в Бретиле, но с тем, чтобы ее племя защищало Перекрестье Тейплина от всех врагов эльдаров и не допускало орков в эти леса. Халет на то отвечала: «Где отец мой Халдад и брат мой Халдар? Если король Дориата опасается дружбы между Халет и пожирателями ее родичей, то мысли эльдаров для людей непостижимы». И до самой смерти Халет жила в Бретиле, а когда умерла, соплеменники воздвигли над нею в глубли леса зеленый курган Тур Харета, Могила Владычицы, а в наречии синдаров — Ход-эн-Арвен.

Итак, аданы жили на землях эльдаров, здесь и там, иные бродили вольно, иные селились родами или небольшими племенами; большинство их вскоре выучило язык сумеречных эльфов — они общались на нем между собой, и к тому же многие жаждали перенять эльфийские науки. Однако по прошествии некоторого времени владыки эльфов, понимая, что не годится людям и эльфам жить вместе безо всякого порядка и что у людей должны быть правители одной с ними крови, отделили земли, где люди могли жить в особицу, и назначили вождей, что должны держать эти земли. Эти люди были союзниками эльдаров в войне, но шли в бой под водительством своих владык. Однако многие аданы наслаждались дружбой с эльфами и жили среди них так долго, как только могли; юноши же часто поступали на службу к королям.

Хадор Лóриндол, сын Хáтола, сына Магора, сына Малаха Арадана, в юности поступил на службу к королю Финголфину и был любим им. Потому Финголфин даровал ему право владеть Дор-Ломином, и в той земле Хадор собрал бóльшую часть своих соплеменников и стал могущественнейшим из аданских вождей. В доме его говорили лишь на языке эльфов; однако наречие людей не было забыто, и из него позднее образовался язык Нуменора. В Дортонионе же править племенем Беора и Лáдросом дано было Борону, который был внуком Беора Старого.

Сыновьями Хадора были Гáлдор и Гúндор; а сыновьями Галдора — Хúрин и Хúор; сыном же Хурина был Турин Погибель Глаурунга, сыном Хуора — Тúор, отец Эарендила Благословенного. Сыном Боромира был Брéгор, отец Брéголаса и Бáрахира, а сыновей Бреголаса звали Бáрагунд и Бéлегунд. Дочерью Барагунда была Мórвен, мать Турина, а дочерью Белегунда — Рíан, мать Туора.

Сыном же Барахира был Бёрен Однорукий, что завоевал любовь дочери Тингола Лютиэн и воскрес из мертвых; от них произошли Эльвинг, жена Эарендила, и все будущее короли Нуменора.

Всех их постигло Проклятие Нолдоров, но они совершили великие деяния, что и поныне вспоминают эльдары в преданиях о древних владыках. В те дни сила людей объединилась с мощью нолдоров, надежда воспряла, а Моргот был взят в осаду, ибо подданные Хадора, закаленные и легко переносящие холод и долгий путь, не боялись время от времени заходить далеко на север и там следить за передвижениями Врага.

Три Дома росли и множились, самым же великим среди них был род Хадора Златовласа, равного эльфийским владыкам. Люди его племени были сильны и рослы, разумны, храбры и преданны, быстро гневались и охотно смеялись — могучие Дети Илуватара на заре человечества. Большею частью они были золотоволосые и синеглазые; но не Турин, чьей матерью была Морвен из рода Беора. Люди этого рода, темноволосые и сероглазые, изо всех людей более всего походили на нолдоров и были ими более всего любимы; ибо у них был острый ум и ловкие руки, они быстро постигали и долго помнили и были склонны скорее к жалости, нежели к смеху. Люди лесного племени Халет походили на них, только были они меньше ростом и не столь жадны до знаний. Говорили они мало и не любили больших сборищ; большею частью предпочитали одиночество, бродя вольно в зелени лесов, а чудеса земель эльдаров были неведомы им. Однако в краях Запада век их был короток, а дни горьки.

Годы аданов, по людскому счету, удлинились после их прихода в Белерианд; и все же в конце концов Беор Старый умер, прожив на свете девяносто три года, из них сорок четыре он служил Фелагунду. Когда же он умер, сраженный не раной и не болезнью, но возрастом, эльдары впервые узрели быстрое увядание людей и смерть от усталости, которой они не знали в себе. Велика была их печаль при потере друзей. Беор, однако, отрекся от жизни по своей воле и отошел в мире; и много дивились эльдары странному людскому жребию, ибо в их преданиях не говорилось о подобном и конец людской был сокрыт от них.

И все же древние аданы скоро научились у эльдаров всем знаниям и искусствам, какие только могли перенять, и сыны их обрели

искусность и мудрость, превзойдя всех прочих людей, что еще обитали за горами, на востоке, не видели эльдаров и не смотрели в лица тех, кто зрел свет Валинора.

## Глава 18 О разорении Белерианда и гибели Финголфина

Финголфин, Владыка Севера и верховный король нолдоров, видя, что народ его многочислен и силен, а союзные ему люди доблестны, вновь задумал атаку на Ангбанд, ибо знал, что не жить им в безопасности, пока не замкнуто кольцо Осады и Моргот волен создавать в своих подземных копиях творения зла, коих ничто не может предугадать, пока сам он не обнаружит их. Мудрость этого решения была соразмерна знанию Финголфина; ибо нолдоры не постигли еще всего могущества Моргота, не поняли они также, что бороться с ними без помощи безнадежно, поторопятся они или промедлят. Однако земли нолдоров были прекрасны, владения их обширны, и большинство нолдоров довольствовались тем, что есть, считая, что счастье продлится вечно, и не желая вступать в битву, которая для многих была бы губительна, чем бы она ни завершилась, победой или поражением. Потому они не склонны были прислушиваться к словам Финголфина, и менее всех в то время — сыновья Феанора. Среди принцев нолдоров лишь Ангрот и Аэгнор были одного мнения с королем, ибо оттуда, где жили они, виден был Тангородрим, и, опасность, исходившая от Моргота, была для них слишком зрима. Таким образом, замыслы Финголфина окончились ничем, и некоторое время страна жила в мире.

Но когда не вошло еще в пору зрелости шестое поколение людей со времен Беора и Марах — было это через четыреста пятьдесят лет после прихода Финголфина, — лихо, которого он так опасался, стало явью, и оказалось оно еще более внезапно и ужасно, нежели предполагал он в самых черных своих мыслях. Ибо Моргот долго втайне копил силы, и долго росла его злоба, и ненависть к нолдорам становилась все ожесточеннее: жаждал он не только покончить со своими врагами, но и разорить и опустошить их земли, которые они украшали. Говорят, что ненависть его взяла верх над разумом, ибо, найди он в себе терпение подождать дольше, нолдоры погибли бы окончательно. Но и он недооценил эльфов, а людей и вовсе не счел достойными своего внимания.



Стояла зима. Ночи были темны и безлунны, и равнина Ард–Гален простиралась во мраке под льдистыми звездами от горных крепостей холдоров до подножий Тангородрима. Неярко пылали сторожевые костры. Стражей было немного, и немногие бодрствовали в станах всадников Хитлума. И внезапно из Тангородрима вырвались реки пламени, что бежали быстрее балрогов, и затопили они всю равнину; и Железные Горы изрыгнули ядовитые испарения, наполнившие воздух, и были они смертельны. Так погиб Ард–Гален, и огонь пожрал его травы, и стал он выжженной пустошью, покрытой удушающей пылью, бесплодной и голой. С тех пор изменилось его имя, и был он наречен Анфауглит, Удушающая Пыль. Там осталось лежать без погребения множество обугленных костей, ибо все холдоры, кто не успел бежать в горы и был захвачен врасплох огнем, погибли в пламени. Горы Дортониона и Эред–Ветрин сдержали натиск огненных потоков, но леса на обращенных к Ангбанду склонах выгорели, а дым затуманил зрение защитников. Так началась четвертая из великих битв — Дагор Браголлах, Битва Внезапного Пламени.

Впереди огня шел Глаурунг Золотой, пращур драконов, во всей своей мощи, а за ним следовали балроги, и по их следам катились волны орков, и было их больше, чем доселе видели или представить себе могли холдоры. Все эти силы обрушились на укрепления холдоров и прорвали Осаду Ангбанда, и всюду где только попадались им холдоры, Сумеречные Эльфы и люди, убивали их. Многие могущественные враги Моргота были в первые дни этой битвы разбиты, рассеяны и лишены возможности собрать силы. Война с тех пор не прекращалась в Белерианде, но считается, Битва Внезапного Пламени кончилась с наступлением весны, когда натиск Моргота ослаб.

Так пришла к концу Осада Ангбанда, и враги Моргота были разрознены и разъединены друг с другом. Сумеречные Эльфы большей частью бежали на юг и отказались от войны на Севере: многих приняли в Дориате, и в то время королевство Тингола возвысилось, а могущество его возросло, ибо чары Мелиан хранили границы, и зло не могло до времени проникнуть в пределы скрытого королевства. Иные нашли убежище в приморских твердынях и в Нарготронде, некоторые же сокрылись в Оссирианде или, перейдя

горы, бродили бесприютно по диким землям. И слух о войне и о конце Осады достиг людей на востоке Средиземья.

Сыновья Финарфина, Ангрод и Аэгнор, приняли на себя главный удар Моргота и погибли; рядом с ними пал Бреголас, глава рода Беора, а с ним полегло и множество его воинов. Барахир же, брат Бреголаса, бился западнее, недалеко от ущелья Сириона. Там поспешавший с юга король Финрод Фелагунд был отрезан от своего войска и с небольшой свитой окружен в топи Серех; и он был бы убит или захвачен в плен, не подоспей Барахир с храбрейшими своими воинами и не огради его стеной из копий: и, потеряв многих, они пробились из битвы. Так спасся Фелагунд и вернулся в подземную крепость Нарготронда; но перед тем поклялся в вечной дружбе с Барахиром, и обещал свою помощь в любой нужде ему и его родичам, и в знак этой клятвы дал Барахиру свое кольцо. Барахир теперь был по праву главой рода Беора; и он вернулся в Дортонион, но очень многие его соплеменники покинули свои дома и нашли убежище в твердынях Хитлума.

Так велик оказался натиск Моргота, что Финголфин и Фингон не смогли прийти на помощь сыновьям Финарфина; войска Хитлума были отброшены с большими потерями к крепостям Эред–Ветрин и там с трудом отбивались от орков. У стен Эйтель–Сириона погиб, прикрывая отступление господина своего Финголфина, Хадор Златовлас — было ему тогда шестьдесят шесть лет, а при нем, пронзенный множеством стрел, пал его младший сын Гундор; и эльфы оплакивали их. Тогда Галдор Высокий принял власть своего отца. Благодаря высоте и неприступности Теневого Хребта, выстоявшего перед огнем, а также мужеству людей и эльфов Севера, которых не смогли одолеть ни орки, ни балроги, Хитлум остался непокоренным, по–прежнему угрожая наступлению Моргота с фланга, но море врагов отрезало Финголфина от родичей.

Ход войны был неблагоприятен для сыновей Феанора, и под натиском Моргота пали почти все восточные рубежи. Ущелье Аглон попало в руки врага, хоть и досталось ему дорогой ценой; Келегорм же и Куруфин, потерпев поражение, бежали на юг и вдоль западных границ Дориата пришли в Нарготронд, найдя приют у Финрода Фелагунда. Эти воины увеличили силы Нарготронда, хотя, как показало будущее, лучше бы им остаться на Востоке со своими сородичами. Маэдрос совершал чудеса храбрости, и орки бежали

перед ним, ибо с тех пор как его пытали в Тангородрине, дух его был подобен ослепительно белому пламени, и казался он возрожденным из мертвых. Потому твердыня на Холме Химринг устояла, и многие уцелевшие храбрецы из Дортониона и с восточных рубежей присоединились к Маэдросу. Ненадолго вновь овладел он ущельем Аглон, так что орки этой дорогой не могли пройти в Белерианд. Но они сокрушили витязей Лотланна, сородичей Феанора, ибо туда пришел Глаурунг и прополз в Маглоровы Врата, и истребил все живое меж рукавами Гелиона. Орки захватили также крепость на западных склонах горы Рерир, опустошили Таргелиои, владения Карантира и осквернили озеро Хелеворн. Затем они, сея огонь и ужас, переправились через Гелион и ворвались в Восточный Белерианд. Маглор присоединился к Маэдросу на Химринге, Карантир же бежал и с остатками своего народа пристал к разрозненным дружинам охотников Амрода и Амраса; вместе они отступили на юг, к Рамдалу. На Эмон–Эреб они установили стражу и собрали воинов; зеленые эльфы поддержали их, и орки не прорвались ни в Оссирианд, ни в Таур–им–Дуинат, ни в южные дебри.

Пришли в Хитлум вести о том, что Дортонион пал и сыновья Финарфина разбиты, а сыновья Феанора лишились своих владений. Так — почудилось Финголфину — узрел он крушение нолдоров и полную погибель их родов; и вот, исполнясь гнева и отчаяния, оседлал он могучего своего коня Рохаллора и поскакал один вперед, и никто не мог удержать его. Подобно вихрю, взметающему пепел, пересек он Дор–ну–Фауглит, и всякий, кто видел его приближение, бежал, пораженный, думая, что то сам Оромэ: столь бешеная ярость была в нем, что глаза его сверкали, как у валаров. Так он оказался один у врат Ангбанда и затрубил в рог, и ударил в бронзовые врата, вызывая Моргота на единоборство. И Моргот вышел.

В последний раз в этих войнах перешагнул он порог своей твердыни и, говорят, принял вызов неохотно: ибо, хоть и был он могущественнее всех в этом мире, ему единственному из валаров ведом был страх. Но не мог он отказаться от вызова в присутствии своих военачальников, ибо звонкое пение Финголфинова рога сотрясало горы, и звук его, чистый и ясный, проник в глубины Ангбанда; и Финголфин назвал Моргота трусом и повелителем рабов. Потому и вышел Моргот, нехотя покинув свой подземный трон, и звук

его шагов был подобен грому, доносящемуся из недр земных. Он был закован в черные доспехи и башней возвышался над королем, увенчанный железной короной, а громадный черный щит, не имеющий герба, затенял его, как грозовая туча. Финголфин же сиял перед ним, как звезда, — его доспехи покрывало серебро, а голубой щит был изукрашен кристаллами. И вот он выхватил свой меч, льдисто сверкавший Рингил.

А Моргот занес над ним Гронд, Молот Подземного Мира, и обрушил его, как удар грома. Но Финголфин отскочил, а Гронд расколол своей тяжестью землю, и расщелина извергла дымный пламень. Много раз пытался Моргот поразить Финголфина, но тот избегал удара, проносясь подобно молнии меж черных туч. Семь раз ранил он Моргота, и семь раз Моргот испускал крик боли, слышав который орды Ангбанда в ужасе падали ниц, и эхо прокатывалось по северным землям.

Но вот силы короля истошились, и Моргот нанес ему удар щитом. Трижды Финголфин падал на колени и трижды поднимался вновь, в изломанном шлеме, с разбитым щитом.

Земля под его ногами была вся изрыта и покрыта трещинами, и вот он, оступившись, упал под ноги Моргота, и Моргот поставил на его шею левую ногу: тяжесть ее была подобна тяжести рухнувшей горы, однако Финголфин последним, безнадежным ударом вонзил Рингил в ногу Моргота, и черная кровь хлынула, дымясь, в расщелины, оставшиеся от ударов Гронда.

Так пал Финголфин, верховный король нолдоров, самый доблестный и величавый из древних эльфийских владык. Орки не похвалялись исходом единоборства у врат; и не сложили песен о нем эльфы, ибо слишком велика была их скорбь. И все же повесть о нем осталась в памяти, ибо Торондор, Владыка Орлов, принес вести в Гондолин и Хитлум. Моргот хотел швырнуть тело короля волкам, но тут примчался Торондор из своих владений на Криссаэгриме и, бросившись на Моргота, изодрал ему лицо. Шум его крыльев подобен был голосу ветров, которыми повелевает Манвэ. Схватив тело мощными когтями, он взмыл, недостижимый для стрел и копий орков, и унес короля прочь. Он положил его тело на вершине горы, что возвышалась с севера над скрытой долиной Гондолина; и Тургон, придя туда, возвел погребальный курган над своим отцом. Ни один

орк не осмеливался с тех пор пройти мимо горы Финголфина либо приблизиться к его могиле, пока не свершился рок Гондолина и не зародилось предательство в народе его. Моргот же с тех пор стал хром на одну ногу, и раны его не залечивались, а на лице его остался шрам от когтей Торондора.

Велика была скорбь в Хитлуме, когда пришла весть о гибели короля; и в печали Фингон принял главенство в доме Финголфина и верховное владычество над нолдорами; юного же своего сына Эрэйниона (прозванного позднее Гил-Гэладом) он отослал в Гавани.

Власть Моргота простерлась на северные земли, но Барахир не покинул Дортониона и сражался с врагами за каждую пядь своей земли. Потому Моргот нещадно преследовал его соплеменников, и немногие уцелели; и лес на северных холмах Дортониона мало-помалу стал средоточием смертного ужаса и черных чар, так что даже орки не осмеливались войти в его пределы, разве что подгоняемые крайней нуждой. Этот лес был назван Делдуват, или Таур-ну-Фуйн, Лес Ночного Мрака. Деревья, выросшие на пожарище, были черны и мрачны, и корни их сплетались, шаря во тьме, как лапы чудовищ; и те, кто бродил меж них, теряли свой путь, слепли, и призраки ужаса мучили их и сводили с ума. И так безнадежно казалось дело Барахира, что жена его, Эмелдйр Мужественное Сердце (которой под стать было скорее сражаться бок о бок со своим мужем и сыном, нежели спасаться бегством), собрала всех еще уцелевших женщин и детей, вооружила тех, кто пожелал носить оружие, и опасными тропами повела их через горы, и так, терпя лишения и бедствия, они наконец пришли в Бретил. Многие остались среди халадинов, иные же, перейдя горы, достигли Дор-Ломина, где обитало племя Галдора, сына Хадора, среди них были Риан, дочь Белегунда, и Морвен, называемая еще Эледвен, Эльфийское Сияние, дочь Барагунда. Но никто не видел больше мужчин, которых они оставили, ибо те гибли один за другим, и вот лишь двенадцать воинов осталось у Барахира: Берен, его сын, и Барагунд и Белегунд, его племянники, сыновья Бреголаса, а также девять преданных слуг его рода, чьи имена долго еще хранила память нолдоров. Были то Радруин и Дайруин, Дагнир и Рагнор, Гилдор и Горлим Злосчастный, Артад и Уртел, и Хаталдир Юный. Изгнанниками стали они, ватагой отчаянных, что не могли ни бежать, ни сдаться, потому что жилища их были разрушены, а жены и

дети убиты, бежали либо попали в рабство. Ни вестей, ни подмоги не пришло из Хитлума, а за Барахиром и его воинами охотились, как за дикими зверями, и они ушли на пустынное плоскогорье неподалеку от леса и бродили там среди озер и каменистых торфяников, вдали от соглядатаев и чар Моргота. Вереск служил им постелью, а крышей — туманное небо.

Почти два года прошло после Дагор Браголлах, а нолдоры все еще держали западное ущелье у истоков Сириона, ибо сила Ульмо была сокрыта в этой воде, а Минас–Тирит сдерживал натиск орков. Но вот после гибели Финголфина Саурон, сильнейший и ужаснейший среди слуг Моргота, в наречии синдаров именовавшийся Гортхаур, вышел против Ородрета, возглавлявшего твердыню на Тол–Сирион. Саурон стал к этому времени чародеем со зловещей силой, властелином теней и призраков, волколаков и оборотней. Был он подл в своей мудрости и жесток в силе, извращая все, к чему ни прикасался, и всех, кем правил. Владычество его означало муку. Он взял Минас–Тирит, наслав черную тучу страха на его защитников, и Ородрет был выбит из крепости и бежал в Нарготронд. Саурон превратил Минас–Тирит в сторожевую крепость Моргота, твердыню зла и средоточие опасности: и прекрасный остров Тол–Сирион стал проклят и получил имя Тол–ин–Г’аурхот — Остров Оборотней. Ни одно живое существо не могло пройти долиной, чтобы Саурон его не заметил из своей башни. Западное ущелье оказалось в руках Моргота, и ужас наводнил равнины и леса Белерианда. За пределами Хитлума Моргот нещадно преследовал своих врагов, отыскивал их укрытия и одну за другой захватывал крепости. Орки, осмелев, бродили повсюду, от Сириона на западе до Келона на востоке; они взяли в кольцо Дориат и несли с собой разорение, так что звери и птицы бежали от них и безмолвие и запустение двигались с севера. Многих нолдоров и синдаров орки захватили в плен и обратили в рабов в Ангбанде, принуждая служить Морготу знанием и искусством. Моргот рассылал шпионов и соглядатаев под чужими обличьями, и обманна была их речь: они лживо сулили сокровища и хитроумными словами сеяли страх и зависть среди племен и народов, обвиняя в жадности их владык и вождей и говоря о предательстве. И лжи этой часто верили, ибо таково было проклятье Резни в Альквалондэ; да и в самом деле, темные наступили времена, и во лжи этой была часть правды, ибо сердца и

мысли эльфов Белерианда затемнились страхом и отчаянием. Более всего, однако, опасались нолдоры предательства своих сородичей, попавших в рабство в Ангбанде, так как Моргот часто использовал их для своих черных целей, притворно давая им свободу; однако воля их была его волей, и где бы они ни бродили, они возвращались к нему. Так что, если кому из его пленников и удавалось бежать взаправду и вернуться к своим сородичам, их встречали враждебно, и они бродили в одиночестве отчаявшимися изгоями.

Моргот притворно жалел людей, которые прислушивались к его словам, говоря, что беды их произошли лишь от службы мятежным нолдорам, но буде они покинут мятежников, то под властью Истинного Владыки обретут почет и подлинную награду за мужество. Немногие из Трех Родов аданов, однако, внимали ему, даже если их пытали в Ангбанде. Потому Моргот преследовал их с особенной ненавистью, и он отправил своих посланцев по ту сторону гор.

Говорят, что в это время впервые появились в Белерианде Смуглолицые. Иные из них уже были тайно подданными Моргота и прибыли на его зов; не все, однако, ибо повсюду шел слух о Белерианде, его землях и водах, о сражениях и богатствах; и где бы ни бродили в те дни люди, пути их вели на запад. Смуглолицые были невысокого роста и плотного телосложения, с длинными сильными руками; кожа их была изжелта-смуглой, а глаза и волосы черны. У них было много племен, и иные предпочитали эльфам гномов. Однако Маэдрос, зная слабость нолдоров и аданов, в то время как подземелья Ангбанда, казалось, содержали неистощимые силы, — заключил союз с пришельцами и одарил дружбой их главных вождей, Бора и Ульфанга. И Моргот был доволен, ибо это совпадало с его тайными замыслами. Сыновьями Бора были Борлад, Бóрлах и Бóртанд; они служили Маэдросу и Маглору и остались верны им, обманув надежды Моргота. Сыновья Ульфанга Черного были Ульфаст, Ульварт и Ульдор Проклятый; они служили Карантиру, принеся ему клятву верности, и предали его.

Аданы и пришельцы с Востока относились друг к другу без особой приязни и встречались редко — пришельцы обосновались в Восточном Белерианде, племя Хадора было отрезано в Хитлуме, а род Беора почти уничтожен. Племя Халет вначале не было затронуто северной войной, потому что обитало южнее, в лесу Бретил; но когда

вторглись орки, воины племени вступили в сражение, ибо были мужественны и не могли так легко отдать врагам любимые свои леса. Среди поражений этого времени славные свершения халадинов помнились долго, ибо после взятия Минас–Тирита орки прошли через западное ущелье и опустошили бы земли до самого Сириона, но Халмир, вождь халадинов, послал вестника к Тинголу, потому что дружил с эльфами, охранявшими рубежи Дориата. Тогда Белег Могучий Лук, предводитель граничной стражи Дориата, привел в Бретил большой отряд синдаров, вооруженных боевыми секирами; и, выйдя из лесных дебрей, Халмир и Белег захватили орков врасплох и перебили их. Так прегражден был путь черной волне с севера, и еще многие годы спустя орки не осмеливались переправляться через Тейглин. Племя Халет осталось в лесу Бретил и жило в непрочном мире. Нарготронд, охраняемый им, получил передышку и собирал силы.

В то время сыновья Галдора из Дор–Ломина, Хурин и Хуор, жили среди халадинов, ибо были в родстве с ними. Эти два рода объединились в годы перед Дагор Браголлах, когда Галдор, сын Хадора Златовласого, взял в жены Харет, дочь Халмира, вождя халадинов, а Халдир, брат Харет, стал мужем Глоредэль, сестры Галдора. И согласно тогдашним обычаям, сыновья Галдора были воспитаны Халдиром, братом их матери; и оба были в той битве с орками, даже Хуор, которого невозможно было удержать, хоть и было ему всего тринадцать. Но они оказались в отряде, который был отрезан и оттеснен к броду Бритиах, и там были бы схвачены или убиты, если б в водах Сириона не была еще сильна власть Ульмо. Туман поднялся от реки и скрыл юношей, и они через Бритиах бежали в Димбар и бродили меж холмов под отвесными стенами Криссаэгрима, пока не заблудились в обманых этих местах и не знали, как вернуться. Там увидел их Торондор и послал на помощь двух своих орлов; и орлы перенесли их через Окружные Горы в тайную долину Тумладен, в сокрытый город Гондолин, которого доселе не видел ни один смертный.

Тургон, владыка Гондолина, узнав, кто они такие, принял их дружелюбно, ибо от вод Сириона с Моря дошли до него видения, посланные Ульмо, Властелином Вод; они предостерегали Тургона о надвигающейся беде и советовали ему отнестись с добром к потомкам



Хадора, ибо с их стороны придет помощь. Почти год гостили Хурин и Хуор в доме Тургона, и тогда, говорят, Хурин перенял многое из искусства эльфов и постиг многие замыслы и цели короля. Тургону пришлось по душе сыновья Галдора, и он часто говорил с ними и желал навсегда оставить их при себе, ибо полюбил их, а не только из-за закона, по которому всякий чужеземец, будь он эльфом или человеком, если он нашел дорогу в сокровенное королевство и увидел город, не мог покинуть его, покуда король не снимет запрета и потаенное племя не выйдет на свет.

Но Хурин и Хуор хотели вернуться к своим сородичам и разделить с ними все войны и бедствия, что выпали на их долю, и сказал Хурин Тургону:

— Государь, мы лишь смертные люди, а не эльдары. Они могут долгие годы терпеливо ждать, пока не наступит день битвы с врагом; но наше время кратко, а надежды и силы быстро иссякают. Кроме того, мы не сами отыскали путь в Гондолин и до сих пор не знаем наверняка, где стоит этот город; удивленные и испуганные, были мы принесены сюда по воздуху, и глаза наши, по счастью, закрывала пелена.

Тогда Тургон согласился исполнить его просьбу и сказал так:

— Вы покинете мои владения тем же путем, каким появились в них, если будет на то воля Торондора. Печалит меня эта разлука, но, может быть, очень скоро — по счету эльдаров — мы свидимся вновь.

Однако Маэплин, сын королевской сестры, обладавшей немалой властью в Гондолине, не печалился их уходу; он завидовал тому, что король к ним расположен, ибо не терпел людей, какого бы происхождения они ни были; и сказал он Хурину:

— Великодушие короля больше, нежели ты можешь себе представить, да и закон сейчас не так суров, как прежде; иначе бы не было у тебя иного выбора, как только остаться здесь до конца дней своих.

Хурин отвечал ему:

— Великодушие короля и впрямь велико, но если слова нашего недостаточно, мы дадим тебе клятву.

И братья поклялись никогда не открывать замыслов короля и сохранить в тайне все, что они видели в его владениях. Затем они удалились, и орлы, прилетев ночью, унесли их и пред рассветом

доставили в Дор—Ломин. Соплеменники рады были видеть их, ибо весть пришла из Бретила, что они сгинули, но даже отцу своему не открыли они, где были, сказав лишь, что орлы спасли их в диких землях и принесли домой. Галдор, однако, возразил:

— Так вы провели этот год в дебрях? Или орлы приютили вас в своих гнездах? У вас были пропитание и одежда, и вернулись вы похожими более на юных принцев, чем на бродяг.

И Хурин ответил:

— Будь же доволен тем, что мы вернулись, ибо стало это возможным лишь потому, что мы дали клятву молчать.

Галдор более не спрашивал их ни о чем, но и он, и многие другие угадали истину, и в свое время слух о странной судьбе Хурина и Хуора достиг ушей слуг Моргота.

Когда Тургон узнал, что осадное кольцо вокруг Ангбанда разорвано, он не позволил ни одному своему воину выйти в битву, ибо считал, что, хоть и могущественен Гондолин, время раскрыть его тайну еще не пришло. Считал он также, что конец Осады означает начало гибели нолдоров — если только к ним не придут на помощь; и вот он тайно отправил отряды гондолинцев к устью Сириона и на остров Балар. Там они строили корабли и по приказанию Тургона отплывали на Заокраинный Запад, чтобы отыскать Валинор и молить у валаров прощения и помощи; и просили они морских птиц указывать им путь. Но моря были бескрайни и пустынно, чародейские тени сомкнулись над ними, и Валинор сокрылся. Потому никто из посланцев Тургона не достиг Запада, многие сгинули и немногие вернулись; рок же Гондолина был близок к свершению.

Слух об этом достиг Моргота, и он, несмотря на свои победы, забеспокоился и пожелал получить известия о Тургоне и Фелагунде. Ибо о них он не знал ничего, хоть они были и живы; и опасался Моргот, что они могут объединиться против него. Он знал лишь, как называется Нарготронд, но не знал ни где он находится, ни каковы его силы; о Гондолине же ему вовсе ничего не было известно, и мысль о Тургоне тревожила его куда больше. Потому он выслал в Белерианд новых соглядатаев; главные же силы орков призвал назад, в Ангбанд, ибо понял, что не сможет начать последнюю, победную битву, не собрав свежих сил; понял он также, что недооценил мужество нолдоров и воинскую доблесть сражавшихся рядом с ними людей.

Хоть и велики были его победы в Дагор Браголлах и в последующие годы, хоть и тяжел был урон, нанесенный его врагам, — его собственные потери были не меньше; и хотя в руках его были Дортонион и Ущелье Сириона, эльдары, опомнясь от первой растерянности, начали вновь отвоевывать то, что они потеряли. Юг Белерианда на несколько кратких лет обрел подобие мира, но кузни Ангбанд а трудились без устали.

Когда прошло семь лет после Четвертой Битвы, Моргот вновь начал войну и послал многочисленную войска против Хитлума. Яростной была битва на тропах Теневого Хребта, а в осаде Эйтель-Сириона был убит стрелой Галдор Высокий, владыка Дор-Ломина. Он защищал эту крепость именем Верховного Владыки Фингона, и там же незадолго до того погиб его отец, Хадор Лориндол. Хурин, сын Галдора, тогда только еще вступил в пору зрелости, но был крепок телом и духом; он, перебив множество орков, отбросил остальных от Эред-Ветрина и преследовал в песках Анфауглита.

Но королю Фингону пришлось отбиваться от хлынувших с севера войск Ангбанд, и битва завязалась на самых равнинах Хитлума. Силы были неравны, но в залив Дренгист вошел флот Кирдана с могучим войском, а эльфы Фаласа в урочный час обрушились на войско Моргота с запада. Орки были разбиты и бежали, и победа досталась эльдарам, а конные лучники преследовали врагов даже в Железных Горах.

Впоследствии Хурин, сын Галдора, возглавил род Хадора в Дор-Ломине и служил Фиигону. Хурин был не таким рослым, как его предки или сын, но зато вынослив и неутомим, быстр и гибок, подобно сородичам своей матери, Харет из племени халадинов. Его женой была Морвен Эледвен, дочь Барагунда из рода Беора, та, что бежала из Дортониона вместе с Риан, дочерью Белегунда, и Эмелдир, матью Берена.

В то же время — об этом будет рассказано позже — изгнанники Дортониона были разбиты, и лишь Берен, сын Барахира, чудом избежав гибели, пробрался в Дориат.

## Глава 19 О Берене и Лютиэн

Среди преданий о поражениях и скорби, что дошли до нас из тьмы тех дней, есть и такие, в которых сквозь рыдания проступает радость, а под тенью смерти таится бессмертный свет. Из них более всего любима эльфами повесть о Берене и Лютиэн. Об этих двоих была сложена песня под названием Лейтиан — Освобождение от Рабства, которая длиной своей превосходит все, кроме одной, песни о Предначальном Мире; здесь же эта история пересказана много короче и без песенного склада.

Уже сказано было, что Барахир не покинул Дортонион и Моргот нещадно преследовал его, пока у него не осталось лишь двенадцать спутников. На юге к лесам Дортониона примыкали гористые вересковые пустоши, а на востоке от них лежало озеро Тарн–Аэлуил, чьи берега поросли диким вереском; и все эти земли были бездорожны и дики, потому что даже в дни Долгого Мира никто не жил там. Но воды Тарн–Аэлуи почитались высоко, ибо днем они были ясны и сини, а ночами в них отражались звезды; говорили, что сама Мелиан освятила их некогда. Туда отступили Барахир и его спутники и там устроили свое обиталище, и Моргот не смог их найти. Но слухи о деяниях Барахира и его воинов расходились повсюду, и вот Моргот велел Саурону отыскать их и уничтожить.

Среди спутников Барахира был Горлим, сын Ангрима. Жену его звали Эйлинэль, и велика была их любовь, пока не грянула беда. Однажды Горлим, вернувшись с порубежных стычек, увидел, что дом его разграблен и пуст, а жена исчезла; и не знал он, убили ее или увели в рабство. Тогда он ушел к Барахиру и среди его воинов был самым отчаянным и жестоким; но сомнение грызло его сердце, ибо думал он, что Эйлинэль, быть может, жива. Порой он тайно уходил один и приходил к своему дому, что все еще стоял среди равнин и рощ, которые когда-то принадлежали ему; и это стало известно слугам Моргота.

Однажды осенью, в сумерках, Горлим пришел туда, а когда подошел к дому, почудилось ему, что в окне мелькнул свет. Подкравшись, он заглянул в окно и увидел Эйлинэль. Лицо ее было

измождено голодом и страданиями, и послышался ему ее голос, сетующий на то, что он покинул ее. Горлим громко крикнул; и в то же мгновение порыв ветра задул огонь, завyli волки, и на плечи его легли руки ищек Саурона. Так был схвачен Горлим: его приволокли в лагерь и пытали, чтобы вызнать, где скрывается Барахир и какими путями бродит. Но Горлим ничего не сказал. Тогда обещали ему, что если он покорится, то его освободят и вернут ему Эйлинэль; и, измучась болью и тоской по жене, он дрогнул. Тогда его немедленно доставили к Саурону, и Саурон сказал: «Я слышал, что ты хочешь поторговаться со мной. Какова же твоя цена?»

И Горлим ответил, что хочет обрести Эйлинэль и быть освобожденным вместе с нею, ибо думал, что она, как и он, в плену.

Рассмеялся тогда Саурон: «Уж слишком ничтожна цена для столь великого предательства! Что ж, пусть будет так. Говори!»

Горлим попытался было отступить, но, устранный взглядом Саурона, он в конце концов рассказал все, что знал. И захохотал Саурон и, измываясь над Горлимом, открыл ему, что видел он лишь призрак, сотворенный чарами, чтобы заманить его в ловушку, ибо Эйлинэль давно мертва. «Тем не менее я исполню твою просьбу, — сказал Саурон. — Ты будешь освобожден и отправишься к Эйлинэль». И он предал Горлима мучительной смерти.

Так было обнаружено укрытие Барахира, и Моргот сплел вокруг него свои тенета; и орки, напав в предрассветной тиши, застали дортонионцев врасплох и убили всех, кроме одного. Ибо Берена, сына Барахира, послал отец на опасное дело — следить за тайными тропами Врага: и когда захватили лагерь, Берен был далеко. Но когда спал он, застигнутый ночью в лесу, ему привиделось, что стервятники густо, как листья, облепили обнаженные деревья над озером и с клювов их каплет кровь. Затем Берен увидел во сне фигуру, что приблизилась к нему по воде, и была это тень Горлима. Призрак объявил ему о своем предательстве и умолял поспешить, чтобы предостеречь отца.

Тогда Берен пробудился и бежал всю ночь, и на второе утро был в лагере изгнанников. Но когда он приблизился к лагерю, стервятники поднялись с земли и расселись на деревьях, окружавших Тарн-Аэлуил, и закаркали, насмехаясь.

Похоронил Берен тело отца своего, и возвел над ним курган из камней, и над его могилой поклялся отомстить. Вначале он пошел по следу орков, что убили его отца и сородичей, и к ночи отыскал их стан у истока Ривилия, недалеко от топи Серех; будучи умелым следопытом, он незаметно подкрался к их костру. Там предводитель орков похвалялся своими делами и показывал руку Барахира, которую отрубил, дабы доказать Саурону, что все исполнено, а на мертвом пальце было кольцо Фелагунда. Тогда Берен спрыгнул со скалы, что была за их спинами, убил предводителя и, вырвав руку с кольцом, бежал, хранимый судьбой: ужас объял орков, и стрелы их не попали в цель.

Свыше четырех лет после того скитался Берен одиноким изгнанником в Дортонионе. Он стал другом зверей и птиц, и они помогали ему и его укрывали; с тех пор он не ел мяса и не убил ни одно живое существо, если только оно не служило Морготу. Он боялся не смерти, а плена, но благодаря безрассудной своей отваге избежал и гибели, и оков, и слухи о совершенных им в одиночку отчаянных подвигах разошлись по всему Белерианду, дойдя до Дориата. Наконец Моргот назначил за его голову награду не меньшую, чем за голову Фингона, верховного короля нолдоров; но орки скорее бежали без памяти, заслышав о его приближении, нежели пытались схватить его. Потому Моргот, чтобы изловить Берена, выслал войско под водительством Саурона; и вел с собой Саурон волколаков, свирепых зверей, в чьи тела заключил он злых духов.

Зло заполнило этот край, и все, что было там доброго, бежало; и Берену пришлось так тяжело, что в конце концов он принужден был покинуть Дортонион.

Снежной зимой оставил он родину и могилу своего отца и, поднявшись высоко в Горы Ужаса, увидел вдали Дориат. Тогда запала в его сердце мысль, что он должен достичь Потаенного Королевства, куда не ступала еще нога смертного.

Страшен был путь на юг. Отвесны склоны Эред-Горгорота, а у подножия их клубится древний мрак, рожденный прежде Луны. За ними лежала пустыня Дунгортеб, где чары Саурона сталкивались с могуществом Мелиан: ужас и безумие наполняли эту землю. Там обитали пауки из мерзкого племени Унголианты и плели незримые сети, которых ничто живое не могло избежать; там бродили чудища,

появившиеся еще в долгой тьме, предшествовавшей восходу Солнца, и выслеживали добычу множеством глаз. Не было в этой земле, населенной призраками, пропитания ни для людей, ни для эльфов, а была лишь смерть. Пройдя по этому пути, Берен совершил один из величайших своих подвигов, но он никому не рассказывал о тех днях, чтобы испытанный ужас вновь не затемнил ему сердце; и никто не знает, как отыскал он дорогу и прошел по тропам, на которые не осмеливался ступить ни эльф, ни человек, до самых рубежей Дориата. Как и предсказывала Мелиан, он преодолел лабиринты судьбы, сплетенной ее волшебством, ибо велика была его судьба.

Говорится в *Лейтиан*, что Берен пришел в Дориат нетвердым шагом, поседевший и сгорбленный, словно бы под тяжестью долгих мучительных лет, — так тяжел был его путь. Но, бродя в разгаре лета по лесам Нелдорета, он повстречал Лютиэн, дочь Тингола и Мелиан, когда в вечерний час, при восходе луны, танцевала она на неувядающих травах прибрежных полян Эсгалдуина. Тогда память о перенесенных муках покинула его, и был он очарован, ибо Лютиэн была прекраснейшей среди Детей Илуватара. Ее одеяние было голубым, как ясное небо, а глаза темны, как звездная ночь, плащ усеян золотыми цветами, волосы же черны, как ночные тени. Свету, играющему на листьях деревьев, пеню чистых вод, звездам, встающим над туманной землей, подобна была ее красота, а в лице ее был сияющий свет.

Но она исчезла, а Берен потерял дар речи, словно кто-то наложил на него заклятие; и он долго бродил в лесах, подобно дикому зверю, разыскивая ее. В душе он называл ее Тинувиэль, что означало Соловей, Дитя Сумерек в наречии Сумеречных Эльфов, ибо другого имени он не знал для нее. Он видел ее издалека, словно лист на осеннем ветру, словно звезду над зимней вершиной, но незримые цепи сковывали его.

Близился исход зимы, и как-то на заре Лютиэн танцевала на зеленом холме и вдруг запела. Ее песня пронзала сердце, подобно песне жаворонка, что взлетает над воротами ночи и рассыпает трель свою среди гаснущих звезд, видя, как из-за пределов мира встает солнце. Песнь Лютиэн разбила оковы зимы, и заговорили скованные морозом воды, а там, где ступала дева, проросли цветы.

Тогда заклятие безмолвия спало с Берена, и он громко закричал, называя ее Тинувиэль; и лесное эхо вторило ему. Лютиэн замерла, изумленная, и не убежала, и Берен подошел к ней. Едва она взглянула на него, жребий ее свершился, и она полюбила Берена. Однако она выскользнула из его объятий и исчезла в наступающем рассвете. Тогда Берен рухнул без чувств, словно сраженный единым ударом блаженства и муки, и погрузился в сон, как в черную бездонную яму; и был он холоден, как камень, а сердце его опустело. И в мысленных своих скитаниях он бродил на ощупь, подобно внезапно ослепшему, что протягивает руки, пытаясь обрести потерянный свет. Так он начал платить болью за дарованную ему судьбу. Суждено ему было обрести свет — Лютиэн; будучи бессмертной, она разделила с ним смерть, будучи свободной, приняла его оковы. Ни один из эльдаров не ведал страданий больших, чем выпали ей.

Хоть Берен и не надеялся на это, Лютиэн пришла к нему туда, где он пребывал во тьме, и вложила свою руку в руку Берена. В давние времена было это в Потаенном Королевстве. Потом она часто приходила к нему, и они бродили в лесах, скрываясь ото всех, прошла весна, наступило лето, и большего счастья не знал никто из Детей Илуватара, хоть и краткий им был отмерен срок.

Даэрон Песнопевец также любил Лютиэн; он вызнал, что она встречается с Береном, и предал их королю. Разгневался Тингол, ибо любил Лютиэн превыше всего на свете, считая недостойными ее всех эльфийских владык, что до смертных, он их даже не брал на службу. Потому он с печалью и с изумлением заговорил с Лютиэн, но она не промолвила ни слова, покуда Тингол не поклялся не убивать Берена и не заключать его в темницу. И все же он послал своих слуг, приказав взять его и доставить в Менегрот как преступника; однако Лютиэн, упредив их, сама привела Берена к трону Тингола, словно он был почетным гостем.

С презрением взглянул на Берена Тингол, Мелиан же хранила молчание. Король промолвил:

— Кто ты, что осмелился по-воровски прокрасться сюда и без дозволения приблизиться к моему трону?

Берен молчал, охваченный трепетом, ибо велики были пышность Менегрота и величие Тингола. Тогда заговорила Лютиэн:



— Это Берен, сын Барахира, вождя людей и могущественного врага Моргота, чьи деяния воспеты даже эльфами.

— Пусть говорит Берен! — велел Тингол. — Чего ты ищешь здесь, несчастный смертный, и что заставило тебя покинуть родину и прийти в мои владения, которые закрыты для таких, как ты? Можешь ли ты отыскать способ избежать сурового наказания за дерзость и глупость?

Тогда Берен поднял голову и увидел глаза Лютиэн, а потом перевел взгляд на Мелиан, и почудилось ему, что слова рождаются сами собой. Страх покинул его, и проснулась в нем гордость первого человеческого рода; и сказал он:

— Сюда, о король, через опасности, что и немногим эльфам по плечу, вела меня судьба.' И здесь нашел я не то, что искал, но чем, найдя, хочу владеть вечно. Ибо сокровище это превышает золота и серебра и драгоценнее алмазов. Ни камню, ни железу, ни огню Моргота, ни всему могуществу эльфийских владык не отнять у меня, что я жажду. Ибо Лютиэн, дочь твоя, — прекраснейшая среди Детей Мира.

Тишина воцарилась в чертоге, ибо те, кто там был, потрясенные и испуганные, ждали, что Берен будет убит на месте. Тингол, однако, медленно проговорил:

— Этими словами ты заслужил смерть, и она последовала бы немедля, не дай я поспешной клятвы, о которой сожалею сейчас, о низкорожденный смертный, выучившийся во владениях Моргота ползать украдкой, подобно его рабам и соглядатаям.

Берен отвечал:

— Заслужил я смерть или нет, я приму ее от тебя; не приму лишь этих слов — «низкорожденный», «соглядатай», «раб». Клянусь кольцом Фелагунда, что дал он моему отцу на поле битвы, мой род не заслужил подобных имен ни от одного эльфа, будь он хоть трижды король.

Горды были его слова, и все взгляды устремились на кольцо, ибо он высоко поднял его, и засверкали смарагды, сотворенные нолдорами в Валиноре. Было это кольцо сделано в виде двух змей с смарагдовыми глазами, а их головы венчала корона из золотых цветов: одна змея поддерживала корону, другая пожирала. Это был знак Финарфина и его рода. Тогда Мелиан склонилась к Тинголу и

шепотом посоветовала ему смирить свой гнев. «Ибо, — прибавила она, — не от твоей руки погибнет Берен: предназначен ему долгий и вольный путь, но судьба его связана с твоей. Будь осторожен!»

Ничего не сказал Тингол, взглянул на Лютиэн и подумал так: «Злосчастны люди, ничтожны и недолговечны их вожди; и неужто один из них посмеет протянуть руку к моей дочери и остаться в живых?!» И промолвил:

— Я вижу кольцо, о сын Барахира, и понимаю, что ты горд и высокого мнения о своей мощи. Недостаточно, однако, подвигов отца, даже если б он служил мне, чтобы получить дочь Тингола и Мелиан. Внемли же! И я желаю скрытого сокровища. Ибо камень, железо и огонь Моргота хранят то, чем я хотел бы владеть вопреки воле всех эльфийских владык. Ты сам сказал, что подобные препятствия не смутят тебя. Ступай же! Принеси мне в руке своей Сильмарил из короны Моргота, и тогда Лютиэн, буде она пожелает, отдаст тебе свою руку. Тогда получишь ты мое сокровище, и хотя в Сильмарилах заключена судьба Арды, ты не можешь не признать мою щедрость.

Так он вызвал к жизни рок Дориата и попал в сети Проклятья Мандоса. Те же, кто слышал его слова, поняли, что Тингол не нарушил своей клятвы и все же обрек Берена на смерть; ибо знали они, что вся мощь нолдоров еще тех времен, когда не была прорвана Осада, не смогла достичь того, чтобы хоть издалека увидеть сияние Феаноровых Сильмариллов. Ибо они были вправлены в Железную Корону и ценились в Ангбанде превыше всего: их хранили балроги и бесчисленные мечи, прочные затворы и неприступные стены, а более всего — черное могущество Моргота.

Берен же рассмеялся.

— Недорого ценят эльфийские владыки своих дочерей! — воскликнул он. — Они готовы продать их за драгоценные камни, за рукотворные украшения. Но если, о Тингол, такова твоя воля, я исполню ее. И когда мы встретимся вновь, в руке моей будет Сильмарил, вырванный из Железной Coronы, ибо не последний раз видишь ты Берена, сына Барахира!

Затем он взглянул в глаза Мелиан, которая не произнесла ни слова, простился с Лютиэн Тинувиэль и, поклонившись Тинголу и Мелиан, отстранил стоявших рядом с ним стражей и в одиночестве покинул Менегрот.

И тогда сказала Тинголу Мелиан:

— Ты поступил хитроумно, о король! Но если глаза мои не потеряли еще способность видеть дальше прочих, исполнит ли Берен свое дело или нет, это все равно принесет тебе несчастье. Либо ты, либо твоя дочь обречены — тобой же. А судьба Дориата сплелась сейчас с судьбой более могущественного королевства.

Тингол, однако, ответил:

— Ни человеку, ни эльфу не продам я тех, кого люблю и ценю превыше всех сокровищ. И будь хоть тень надежды или опасения, что Берен когда-либо вернется живым в Менегрот, он не увидел бы больше дневного света, несмотря на мою клятву.

Лютиэн же хранила молчание, и с тех пор не слышно было ее песен в Дориате. Тишина нависла тучей над лесами, и удлинились тени в королевстве Тингола.

Сказано в *Лейтиан*, что Берен беспрепятственно покинул Дориат и пришел к Полусветным Водам и Топи Сириона; там поднялся он на холмы над водопадами Сириона, где река, грохоча, скрывалась под землей. Оттуда он взглянул на запад и сквозь дожди и туманы, окутавшие холмы, увидел Талат-Дирнен, Хранимую Равнину, простирающуюся меж Сирионом и Нарогом; вдали же разглядел он нагорье Таур-эн-Фарот, вздымающееся над Нарготрондом. И вот Берен, не ведая, что делать и на что надеяться, повернул туда.

На этой равнине неусыпно несли дозор эльфы Нарготронда: на вершине каждого из окаймляющих ее холмов таилась башня, в лесах и полях, искусно скрываясь, бродили лучники. Стрелы их несли смерть и всегда попадали в цель, и ни одно живое существо не могло прокрасться без их ведома. Потому, едва появился Берен, они уже знали о нем, и смерть его была близка. Однако, зная об опасности, он шел, высоко подняв кольцо Фелагунда; и хотя, благодаря искусности дозорных, не видно было ни души, Берен знал, что за ним следят, и то и дело кричал: «Я Берен, сын Барахира, друга Фелагунда. Отведите меня к королю!»

Поэтому дозорные не убили его, но заступили ему дорогу и велели остановиться. Однако, увидев кольцо, они склонились перед ним, хоть вид его был невзрачен и изможден, и повели его на северо-восток, идя по ночам, дабы не выдать своих тайных троп. В то время не было ни брода, ни моста через буйный Нарог, вблизи врат

Нарготронда, но севернее, где в Нарог впадал Гинглит, течение было слабее, и, переправясь там, эльфы повернули вновь на юг и при свете луны привели Берена к черным вратам потаенных чертогов.

Так явился Берен к королю Финроду Фелагунду, и Фелагунд узнал его: он не нуждался в кольце, чтобы вспомнить о роде Беора и о Барахире. Затворив двери, они сели, и Берен поведал о гибели Барахира и о том, что случилось с ним самим в Дориате; и разрыдался он, вспомнив Лютиэн и недолгое их счастье. С изумлением и тревогой слушал его Фелагунд и понял, что, как когда-то предсказывал он Галадриэли, данная им клятва теперь ведет его к смерти. С тяжелым сердцем сказал он Берену:

— Ясно мне, что Тингол лишь желает твоей гибели; но, сдастся, рок сильнее его целей, и вновь ожила клятва Феанора. Ибо на Сильмарилы наложено заклятие ненависти, и тот, кто хотя бы выкажет желание обладать ими, пробудит могучие силы, а сыновья Феанора скорее низвергнут в прах все эльфийские королевства, чем позволят, чтобы кто-нибудь другой завладел Сильмарилом, ибо ими движет Клятва. Ныне в чертогах моих живут Келегорм и Куруфин, и хотя здесь король — я, сын Финарфина, в моих владениях они обрели большую силу, к тому же с ними много их сородичей. Они вели себя доселе как друзья, но боюсь, что, если цель твоя будет объявлена, ты не найдешь у них ни любви, ни сочувствия. Однако клятва обязывает меня, и все мы в тенетах рока.

После этого король Фелагунд обратился к своим подданным, напомнив им о деяниях Барахира и о своей клятве, и объявил, что обязан помочь сыну Барахира, и попросил помощи у своих военачальников. Тогда встал среди толпы Келегорм и, выхватив меч, воскликнул:

— Друга или врага, демона или Моргота, эльфа или человека, или иную живую тварь — ни закон, ни любовь, ни союз черных сил, ни могущество валаров, ни любые чары не спасут от ненависти сыновей Феанора того, кто завладеет Сильмарилом! Ибо, пока существует мир, лишь мы имеем право на Сильмарилы.

Долго держал он речь, и была в ней такая же сила, как в тех словах, которыми много лет назад в Тирионе его отец призывал нолдоров к мятежу. А потом говорил Куруфин, и хотя речь его была спокойнее, но обладала не меньшей силой и вызывала в воображении

эльфов видение войны и гибели Нарготронда. Такой ужас посеял он в их сердцах, что никогда более до самого появления Турина ни один эльф из этого королевства не вышел в открытую битву: из засад, чародейством и отравленными дротиками преследовали они всех пришельцев, позабыв об узах родства. Так низко пали они, отринув величие и свободу предков, и тень легла на их земли. Сейчас же они роптали, что сын Финарфина — не валар, чтобы повелевать ими, и отвернулись от него. Проклятие Мандоса сделало свое дело, и у братьев зародились черные мысли: они решили отправить Фелагунда в одиночку на верную смерть, а самим захватить трон Нарготронда, ибо они были из древнейшего рода нолдорских принцев.

Фелагунд же, видя, что покинут всеми, снял серебряный венец Нарготронда и бросил себе под ноги, воскликнув:

— Нарушайте данную мне присягу, я же клятвы своей не нарушу! Однако, если среди вас остался хоть кто-то, на кого не пала еще тень общего нашего рока, то спутники для меня найдутся, и я не уйду нищим, которого вышвыривают за ворота.

Десять воинов стали рядом с ним, и предводитель их, по имени Эдрахил, шагнув вперед, поднял венец и попросил дозволения передать его наместнику до возвращения Фелагунда.

— Что бы то ни было, — сказал он, — для меня и для них ты — король.

Тогда Фелагунд передал венец брату своему Ородрету, чтобы тот правил вместо него. Келегорм и Куруфин не сказали ни слова, но, усмехнувшись, покинули чертог.

Осенним вечером Финрод и Берен вышли из Нарготронда. С десятью спутниками они поднялись по берегу Нарога до самых его истоков у водопада Иврин. У подножия Теневого Хребта они наткнулись на шайку орков и под покровом тьмы в их же становище выбили всех до единого и забрали их доспехи. Искусством своим Фелагунд придал себе и спутникам облик орков, и под этими личинами они направились дальше на север и смело вошли в западный проход между хребтом Эред-Ветрин и нагорьями Таур-ну-Фуин. Но Саурон в своей башне узнал об их продвижении, и сомненье овладело им, ибо шли они в спешке и даже не задержались, чтобы сообщить о своих делах, как обязаны были делать это все проходящие

здесь слуги Моргота. Потому он выслал отряд, чтобы перехватить их и доставить к нему.

Так произошел знаменитый ныне поединок между Сауроном и Фелагундом. Ибо Фелагунд состязался с Сауроном в песнях могущества, а могущество короля было велико; но и Саурон обладал силой, о которой так сказано в *Лейтиан*:

Звучала песня лиходейских чар,  
Пронзая и срывая все покровы,  
Сзывая всех, к предательству готовых.

Но Финрод встал, и вопреки судьбе  
О стойкости запел и о борьбе,  
О силе, что сражает силы зла,  
Хранимых тайнах, коим нет числа,  
О вере, о свободе, о спасенье,  
Об измененье и преображенье,  
Узилищах, что двери распахнут,  
Цепях разбитых, что, звеня, падут.

Так с песней песнь сходилась, как в бою,  
И Фелагунд, слабея, пел свою,  
И вот вся мощь эльфийских светлых чар  
Влилась в его напев, как щедрый дар,  
И птичий щебет услышали все  
Над Нарготрондом в утренней росе,  
Дышало тяжело Море вдалеке,  
На грани Круга Мира, на песке,  
Песке жемчужном у далеких скал,  
Что свет Дерев когда-то озарял.

И вдруг, сгустившись, за клубилась мгла  
Над Валинором, там, где кровь текла,  
У берега Моря, у белейших врат,

Где острый меч на брата поднял брат,

И нолдоры, озлобясь, увели  
Добытые резнею корабли.  
И свет погас. И ветер застонал.  
И волк завыл. И ворон закричал.  
Сковал заливы тяжкий холод льда.  
Несчастный раб в темнице зарыдал.  
Гром раскатился, полыхнул огонь —  
И рухнул Финрод, чарами сражен.

Саурон сорвал с них личины, и они предстали пред ним, нагие и дрожащие от страха. Но, хотя Саурон открыл, каких они племен, имена их и цели остались ему неведомы.

Он бросил их в глубокую, черную и безмолвную яму и грозил жестоко умертвить всех, пока один из них не скажет правды. Время от времени видели они, как во тьме загорались два глаза, и волколак пожирал одного из них. Но никто не предал своего господина.

В то время, когда Саурон сверг Берена в узилище, бремя ужаса легло на сердце Лютиэн; и, придя за советом к Мелиан, она узнала, что Берен заключен в темнице Тол-ин-Гаурхота без надежды на спасение. И вот Лютиэн, зная, что никто иной на земле не придет ему на помощь, решилась бежать из Дориата, дабы самой помочь любимому; но она доверилась Даэроу, а он вновь предал ее. Тингол изумился и ужаснулся; а так как он не хотел лишать Лютиэн дневного света, ибо без него она бы истаяла, и все же желал удержать ее, он велел построить жилище, из которого она не сможет бежать. Неподалеку от врат Менегрота росло самое большое дерево в Нелдорете — буковом лесу, что покрывал северную половину королевства. Этот огромный бук прозывался Хирилорн, и было у него три ствола, равных по обхвату, высоких и с гладкой корой; ветви на них росли только на головокружительной высоте. Там, высоко меж стволов Хирилорна, возвели деревянный терем и в нем поселили Лютиэн, лестницы же убрали и держали под строгой охраной —

кроме тех случаев, когда слуги Тингол а поднимались наверх, чтобы доставить пленнице все необходимое.

В *Лейтиан* повествуется о том, как бежала Лютиэн из терема на Хирилорне. Она пустила в ход чары и сделала так, что волосы ее выросли до необычайной длины; из них она сплела черный плащ, который, как тень, сокрыл ее красоту, а в нем было заключено заклятие сна. Из оставшихся прядей сплела она веревку и спустила из окна; и когда конец веревки закачался над головами стражников, сидящих под деревом, их объял необоримый сон. Тогда Лютиэн выбралась из своей темницы и, закутанная в плащ, подобный тени, незамеченной покинула Дориат.

Случилось, что Келегорм и Куруфин выехали поохотиться на Хранимой Равнине, так как Саурон, мучимый подозрениями, выслал в эльфийские земли множество волков. И вот Келегорм и Куруфин отправились в путь, взяв с собой псов; надеялись они также до возвращения разузнать что-нибудь о Финроде Фелагунде. Вожаком волкодавов, что сопровождали Келегорма, был Хуан. Он не родился в Средиземье, но прибыл из Благословенного Края, ибо сам Оромэ некогда в Валиноре подарил его Келегорму, и там пес следовал за пением рога своего господина, пока не пришло лихо. Хуан последовал за Келегормом в изгнание и остался верен ему, но и на него пал Жребий нолдоров. Ему суждено было погибнуть, но не прежде, чем вступит он в единоборство с сильнейшим из волков, какие когда-либо населяли мир.

Хуан-то и обнаружил Лютиэн, когда Келегорм и Куруфин остановились на отдых у западных рубежей Дориата, а она пробиралась меж деревьев, подобно тени, застигнутой солнечным светом, ибо ничто живое не могло укрыться от его взора и нюха, никакое волшебство не могло помешать ему, и он не спал ни днем ни ночью. Он привел Лютиэн к Келегорму, и она, узнав, что тот — принц нолдоров и враг Моргота, обрадовалась и, сбросив плащ, назвала себя. Так велика была ее внезапно заблеставшая под лучами солнца красота, что Келегорм мгновенно влюбился в нее; но заговорил он с ней учтиво и пообещал, что поможет ей, если сейчас она поедет с ним в Нарготронд. Однако ни словом не обмолвился он ни о том, что знает Берена и цель его, ни о том, что близко его касается.



Так они, прервав охоту, вернулись в Нарготронд, и Лютиэн была обманута, ибо братья отняли у нее плащ и держали взаперти, и не позволяли ни выходить за ворота, ни говорить с кем-либо, кроме них самих, полагая, что плененным Берену и Финроду Фелагунду не дожидаться помощи, и уповая на скорую смерть короля, они решили завладеть Лютиэн и вынудить Тингола отдать ее в жены Келегорму. Тогда они расширили бы пределы своей власти и стали бы могущественнейшими среди принцев нолдоров. А они не хотели Сильмариллов, будь то силой или хитростью, ни позволять другим делать это, пока под началом у них не будет силы всех эльфийских владений. Ородрет не мог противостоять им, потому что они склонили на свою сторону сердца жителей Нарготронда; и вот Келегорм отправил гонцов к Тинголу, требуя его согласия.

Пес Хуан, однако, был честен душой, а Лютиэн с первой встречи полюбилась ему, и ее плен печалил его. Потому он часто приходил в ее покои, а ночами лежал перед ее дверью, ибо чуял, что лихо пробралось в Нарготронд. Будучи одинока, Лютиэн часто говорила с ним о Берене, который был другом всех зверей и птиц, не служивших Морготу; и Хуан понимал все, ибо ему доступна была речь любого живого существа, обладающего голосом; самому же ему лишь трижды в жизни дозволено было заговорить.

Хуан и придумал, как помочь Лютиэн. Однажды ночью он принес Тинувиэль ее плащ и тогда заговорил впервые, советуя ей, как надо поступать. Потом он тайными тропами вывел ее из Нарготронда, и они вместе направились на север; и Хуан, забыв о гордости, дозволил Лютиэн ехать на нем верхом, как порой ездили орки на волках. Мчались они быстро, ибо Хуан был скор и неутомим.

Тем временем Фелагунд и Берен томились в узилище Саурана. Все их спутники уже погибли, но Саурон намеревался оставить Фелагунда напоследок, ибо чуял в нем могущественного и мудрого нолдора и решил, что именно в нем заключается тайна их похода. Однако, когда волк пришел за Береном, Фелагунд напряг силы и разорвал свои путы и, схватившись с волколаком, убил его руками и зубами, но сам был смертельно ранен. И сказал он Берену: «Я уйду на долгий отдых в чертогах Мандоса за краем моря и горами Амана. Много веков пройдет, прежде чем я вновь явлюсь среди нолдоров, и уж, верно, второй раз, в жизни или смерти, мы не встретимся никогда,

ибо разные судьбы у наших народов. Прощай!» И он умер во тьме, в Тол-ин-Гаурхоте, чья величественная башня им же и была возведена. Так исполнил свою клятву король Финрод Фелагунд, благороднейший и более всех любимый из рода Финвэ, и Берен в отчаянии скорбел над ним.

В тот час явилась Лютиэн и, встав на мосту, что вел на остров Саурона, запела песнь, которой не могли сдержать каменные стены. Берен услышал ее, и показалось ему, что это сон, ибо звезды засияли над ним и в ветвях запели соловьи. И в ответ он спел песню-вызов, которую сложил, воспевая Серп валаров, Семь Звезд, что Варда поместила в небе над северными землями в знак того, что Моргот будет низвергнут. Затем силы покинули его, и он погрузился во тьму.

Но Лютиэн услышала его голос и пропела песню еще большей силы. Завыли волки, и остров содрогнулся. Саурон стоял в башне, погруженный в свои черные думы, но, заслышав голос ее, усмехнулся, ибо знал, что это дочь Мелиан. Слава о красоте и дивном пении Лютиэн давно уже вышла за пределы Дориата. Решил Саурон захватить ее в плен и отдать Морготу, ибо награда была бы щедрой.

И вот он послал на мост волка, но Хуан бесшумно и быстро убил его. Одного за другим посылал волков Саурон, и одного за другим душил их Хуан. Тогда Саурон выслал Драуглуина, страшного зверя, закосневшего во зле, вождя и повелителя всех волколаков Ангбанда. Он был могуч, и долго длилась жестокая схватка меж Хуаном и Драуглуином. Наконец Драуглуин вырвался и, прибежав в башню, издох у ног Саурона, но, издыхая, прохрипел своему господину: «Хуан здесь!» Саурону, как и многим, было ведомо, какая судьба предназначена псу из Валинора, и пришло ему на мысль самому исполнить предсказание. Тогда принял он облик волколака, сильнее всех, что когда-либо существовали в мире, и сам вышел на мост.

Так велик был ужас от его приближения, что Хуан метнулся прочь. Тогда Саурон прыгнул на Лютиэн, и от мерзкого дыхания и злобы, горящей в его глазах, она лишилась чувств. Но, падая, она развернула перед его глазами свой черный плащ, и Саурон, еще в прыжке, замешкался, ощутив мимолетную дремоту. И тогда Хуан прыгнул. Так началась схватка Хуана с Волком-Сауроном, и вой попеременно с лаем отдавался эхом в горах; и стражи на склонах Эред-

Ветрин, на другой стороне долины, услышали эти звуки и пришли в смятение.

Но ни чары, ни заклятья, ни клык, ни яд, ни искусность демона, ни сила зверя не могли одолеть Хуана из Валинора: он вцепился в горло врага и поверг его наземь. Начал тогда Саурон менять облик, из волка став змеей, а потом приняв свой обычный вид, но не мог избавиться от хватки Хуана иначе, как только покинув совершенно свое тело. Едва его отвратительный дух оставил свое пристанище, Лютиэн приблизилась к нему и сказала, что он будет лишен своей телесной оболочки, а его тень вернется, дрожа, к Морготу. «И там, — прибавила она, — ты, призрачный, будешь вечно мучиться под пыткой его презрения, если только не отдашь мне власть над этой крепостью».

Тогда Саурон покорился, и остров со всем, что было на нем, оказался под властью Лютиэн. Хуан выпустил Саурона, и тот мгновенно принял облик летучей мыши–кровососа, подобно черной туче, заслонил луну и полетел, роняя из горла на деревья капли крови, и, прилетев в Таур–ну–Фуин, остался там, наполняя лес ужасом.

Лютиэн же ступила на мост и объявила о своей власти. Пало заклятие, скреплявшее камни, рухнули врата и стены темниц, вышли рабы и узники, смятенные, заслоняя глаза от лунного света, ибо слишком долго они были во тьме Саурона. Но Берена не было среди них. Долго искали на острове Лютиэн и Хуан, и наконец Лютиэн нашла его скорбящим у тела Фелагунда. Так велико было его горе, что он лежал неподвижно и не слышал ее шагов. Тогда, думая, что он умер, Лютиэн обхватила его руками и впала в черное забытие. Но тут Берен, вернувшись к свету из глубин отчаянья, поднял ее, и они вновь взглянули друг на друга; и рассвет, поднявшийся над черными холмами, озарил их.

Они погребли тело Фелагунда на вершине холма, на острове, который вновь был чист; и зеленая могила Финрода, сына Финарфина, благороднейшего из эльфийских владык, оставалась нетронутой до тех пор, пока весь этот край не изменил облик и не опустился, разоренный, на дно морское. Финрод же, вместе с отцом своим Финарфином, бродит в лесах Эльдамара.

Вновь Берен и Лютиэн Тинувиэль были вместе и вольно бродили в лесах, и радость на время вернулась к ним; и хотя наступила зима,

они от нее не страдали, ибо там, где ступала Лютиэн, распускались цветы, и птицы пели над заснеженными холмами. Верный же Хуан вернулся к господину своему Келегорму, но прежней любви уже не было между ними.

В Нарготронде царило смятение, ибо туда вернулись эльфы, что были прежде в плену на острове Саурона, и поднялся ропот, заглушить который не смогли речи Келегорма. Громко оплакивали нарготронцы гибель короля своего Фелагунда, говоря, что дева осмелилась совершить то, на что не отважились сыновья Феанора; многие, однако, прозревали, что не страх был причиной поступков Келегорма и Куруфина, но предательство. Потому сердца нарготроидцев освободились от их власти и обратились вновь к дому Финарфина: и они повиновались Ородрету. Но он не позволил им, как хотели иные, убить братьев, ибо, если пролилась бы кровь родичей, еще прочнее стали бы тенья Проклятия Мандоса. Однако в пределах Нарготронда не стало для Келегорма ни пищи, ни крова, и поклялся Ородрет, что с этих пор не бывать дружбе меж Нарготрондом и сыновьями Феанора.

«Пусть так!»— процедил Келегорм, и глаза его угрожающе сверкнули; Куруфин же усмехнулся. Потом они вскочили на коней и умчались вихрем на поиски своих родичей, живших на востоке. Никто не последовал за ними, даже их соплеменники, ибо все понимали, что проклятие лежит на братьях и зло следует за ними по пятам. А Келебримбор, сын Куруфина, отрекся от лихих дел своего отца и остался в Нарготронде; но Хуан по-прежнему бежал за конем Келегорма, своего господина.

Они поскакали на север, ибо спешили и намеревались проехать через Димбар и вдоль северных рубежей Дориата, чтобы как можно скорее достичь Химринга, где обитал их брат Маэдрос; так как эти земли лежали близко от Дориата и неподалеку от Нан-Дунгортеб и грозных гор Ужаса, они надеялись быстро пересечь их.

Говорят, что Берен и Лютиэн, бродя вдвоем, пришли в лес Бретил и оказались близко от границ Дориата. Тогда вспомнил Берен о клятве и, вопреки сердцу, решил теперь, когда Лютиэн в безопасности и вблизи от родных мест, вновь отправиться в путь. Но она не хотела расставаться с ним и сказала так: «Перед тобою, Берен, два пути — либо ты откажешься от своей цели и клятвы и будешь скитаться по земле, либо сдержишь слово и бросишь вызов Темной Силе,

восседающей на северном троне. Но какую бы дорогу ты ни выбрал, я пойду за тобою, и судьба у нас будет одна».

В то время как они шли, беседуя об этом и ни на что иное не обращая внимания, лесом проезжали Келегорм и Куруфин и узнали их издалека. Келегорм развернул коня и погнал на Берена, чтобы сбить его с ног, Куруфин же, свернув, наклонился и втащил Лютиэн на седло, ибо был умелым и сильным всадником. Но Берен увернулся от Келегорма и вскочил на всем скаку на мчащегося мимо коня Куруфина, и с тех пор прыжок Берена прославлен среди людей и эльфов. Он вцепился в горло Куруфина, рванул его назад, и они вместе свалились на траву. Конь взвился на дыбы, сбросил Лютиэн, и она упала.

Берен душил Куруфина, но ему самому грозила смерть, ибо Келегорм на скаку замахнулся на него копьем. В этот миг Хуан отсекся от службы Келегорму и бросился на него, так что конь заметался и не мог приблизиться к Берену, опасаясь громадного пса. Келегорм проклял и пса, и коня, но Хуан был непреклонен. Лютиэн поднялась и крикнула, веля Берену не убивать Куруфина, однако Берен отнял у него оружие и доспехи, а также кинжал Ангрис. Этот кинжал был сделан Телхаром из Ногрода и висел без ножен у пояса Куруфина: он разрубал железо, как дерево. Потом Берен, подняв Куруфина, отшвырнул его прочь и велел возвращаться к благородным своим соплеменникам, которые, может быть, научат его обращать свою доблесть на более достойные цели. «Твоего коня я оставлю для Лютиэн, — добавил он, — и он должен быть счастлив, что освободился от такого хозяина».

Тогда Куруфин проклял Берена. «Скачи же! — крикнул он. — Спешу к мучительной и скорой смерти!» Келегорм посадил его на своего коня, и братья сделали вид, что уезжают; Берен же отвернулся, не слушая их. Тогда Куруфин, объятый стыдом и злобой, схватил лук Келегорма и выстрелил на скаку, целясь в Лютиэн. Хуан, прыгнув, поймал стрелу на лету, но Куруфин вновь спустил тетиву, и тогда Берен заслонил Лютиэн, и стрела вонзилась ему в грудь.

Говорят, что Хуан долго гнал сыновей Феанора, и они бежали в страхе, и, вернувшись, он принес Лютиэн из чаши целебную траву. Той травой она остановила кровь, текшую из раны Берена, и искусством и любовью своей исцелила его; и так наконец они

вернулись в Дориат. Там Берен разрывался между любовью и долгом и однажды, зная, что Лютиэн теперь в безопасности, встал до рассвета, вверил ее заботам Хуана и в великой тоске ушел, пока она спала еще на траве.

Он вновь поскакал на север, к ущелью Сириона, так быстро, как только мог, и, достигнув края Таур-ну-Фуин, увидел за пустыней Анфауглит вершины Тангородрима. Там он отпустил коня Куруфина и велел ему забыть страх и служение и вольным скакать по зеленой траве в прибрежных лугах Сириона. Потом, оставшись один, в преддверии смертельной опасности он сложил Песнь Расставания, в которой воспел Лютиэн и небесный свет, ибо думал, что навеки расстается и со светом, и с любовью. Вот строки этой песни:

Прощайте, светлая земля и светлый небосклон,  
Благословенные навек с прекрасных тех времен,  
Когда твой облик озарял тьму северных земель,  
Когда ступала ты по ним, моя Тинувиэль!  
Немеет смертный мой язык пред вечною красотой.  
Пусть рухнет в бездну целый мир — бессмертен образ твой.  
Пусть время вспять, как русла рек, швырнет небесный гнев,  
Восстанешь ты из тьмы времен, забвение презрев.  
Есть в этом мире тьма и свет, равнины и моря,  
Громады гор и очи звезд, что в небесах горят,  
Но камень, свет, звезда, трава лишь для того и есть,  
Чтоб Лютиэн хотя б на миг существовала здесь!

Он пел громко, не заботясь о том, что его могут услышать, ибо был в отчаянии и не заботился о спасении.

Но Лютиэн услышала его и запела в ответ, держа путь, неожиданная, по диким землям. Ибо Хуан, вновь давший согласие нести ее на себе, мчался с ней по следу Берена. Долго размышлял он, как облегчить опасность, нависшую над теми двумя, кого он любил. И вот он свернул к острову Саурона и там разыскал жуткие личины волка Драуглуина и летучей мыши Ту́рингветиль. Она была посланницей

Саурона и имела обыкновение летать в Ангбанд в облике летучей мыши–кровососа. На сочленениях ее громадных крыльев были железные когти. В этих мерзких личинах Хуан и Лютиэн пробирались через Таур–ну–Фуин, и все живое бежало пред ними.

Берен, видя их приближение, был смятен и поражен, ибо ясно слышал голос Тинувиэль, и решил, что это призрак, насланный, чтобы поймать его в ловушку. Но они остановились и сбросили свои обличья, и Лютиэн подбежала к нему. Так повстречались вновь Берен и Лютиэн меж дебрями и пустыней. Мгновение Берен был счастлив, но потом принялся вновь уговаривать Лютиэн вернуться.

— Будь трижды проклята моя клятва Тинголу! — воскликнул он. — Лучше бы он казнил меня в Менегроте, чем я привел бы тебя под тень Моргота.

Тогда Хуан заговорил во второй раз и так молвил Берену:

— Не в твоих силах ныне избавить Лютиэн от смертной тени, ибо она любовью своей на это обречена. Ты мог бы отречься от клятвы и увести ее в изгнание, до конца дней своих скитаясь в тщетных поисках покоя. Если же не отречешься, то Лютиэн либо умрет в одиночестве, либо вместе с тобой бросит вызов року — вызов отчаянный, но не безнадежный. Больше ничего посоветовать я не могу, не могу также идти с вами далее. Сердце мое, однако, предсказывает, что добытое вами у Врат я увижу собственными глазами. Прочее темно для меня; но, может, наши дороги приведут в Дориат, и мы увидимся прежде, чем наступит конец.

Тогда понял Берен, что невозможно отделить Лютиэн от рока, что тяготеет над ними обоими, и более не переубеждал ее. По совету Хуана он чарами Лютиэн облачился в шкуру Драуплуина, а она — в крылатую оболочку Турингветиль. Как две капли воды стал Берен похож на волколака, только глаза его сияли сурово, но ясно; и ужас метнулся в них, когда он увидел с собой летучую мышь, закутанную в складчатые крылья. Затем, испустив вой, он прыгнул с холма, а летучая мышь, описав круг, взмыла над ним.

Избежав всех опасностей, покрытые пылью долгого и тяжелого пути, пришли они наконец в мрачную долину, что лежала пред Вратами Ангбанда. Черные бездны развернулись рядом с дорогой, и из них выползали призраки в виде извивающихся змей. По обе стороны возвышались скалы, подобные крепостным стенам, а на

скалах сидели стервятники, испуская злобные вопли. Пред ними были неприступные Врата — громадная черная арка, опирающаяся на подножия гор; над ней высились поднебесные скалы.

Смятение овладело ими, ибо был у Врат Страж, о котором не слышали прежде. Слухи о неведомых замыслах эльфийских владык достигли Моргота. Да и лай Хуана, громадного боевого пса, некогда спущенного с привязи валарами, эхом разносился в дебрях. Тогда Моргот вспомнил о жребии, предначертанном Хуану, и избрал одного из детенышей племени Драуглуина. Из рук своих кормил его сырым мясом и утвердил свою власть над ним. Волк рос быстро и вскоре уже не мог поместиться в логове, но лежал, громадный и вечно голодный, у ног Моргота. Огонь и мука преисподней вошли в него, и родился в нем дух уничтожения, всепожирающий, мучительный, могучий и злобный. В преданиях тех дней этот волк звался Кархарот, Красная Утроба, и Анфауглир, Жадная Пасть. И велел ему Моргот лежать бессонно пред Вратами Ангбанда, пока не придет Хуан.

Кархарот издали учуял путников, и сомнения охватили его, ибо в Ангбанд давно уже дошли вести о смерти Драуглуина. Потому, когда они приблизились, он не дал им войти, но грозно двинулся на них, чуя в этих двоих какую-то странность. И тут в Лютиэн пробудилась некая сила, унаследованная от валаров, и, сбросив свою отвратительную оболочку, она выступила вперед, ничтожно малая перед мощью Кархарота, но сияющая и грозная. Подняв руку, она велела ему уснуть, и молвила так: «О на горе рожденный дух, пади же в черное забытие и не вспоминай на время об ужасном своем жребии». И Кархарот рухнул, словно пораженный молнией.

Тогда Берен и Лютиэн прошли через Врата и спустились по бесконечным лестницам; и вдвоем совершили они величайшее деяние, на которое когда-либо решался человек или эльф. Ибо они явились пред тронем Моргота, в наиглубочайший его подземный чертог, что был возведен на ужасе, озарен пламенем и заполнен орудиями пыток и смерти. Там Берен в образе волка подполз к подножию трона; с Лютиэн же волей Моргота личина была сорвана, и он взглянул на нее. Этот взгляд не устрасил ее, и она назвала ему свое имя и вызвалась, подобно бродячему певцу, спеть пред ним. Тогда Моргот, видя ее красоту, возымел в мыслях недобрую страсть, и родился в сердце его замысел, чернее которого не бывало там с тех пор, как он бежал из



Валинора. Так он был одурачен собственным же злом, ибо, глядя на нее, не лишил ее свободы, наслаждаясь своими тайными мыслями. Внезапно Лютиэн ускользнула от его взора и, окутавшись тенью, запела песню такой великой красоты и слепящей силы, что Моргот невольно заслушался; слепота поразила его, и он напрасно вращал глазами, стремясь отыскать ее взглядом.

Все его прислужники погрузились в сон, сникли и погасли все огни; лишь Сильмарилы в короне Моргота внезапно вспыхнули сияющим белым пламенем; и под тяжестью камней и короны голова его склонилась, словно была в них вся тяжесть мира, его волнений, страхов и желаний, превозмочь которую не под силу стало даже воле Моргота. Тогда Лютиэн, подхватив свою крылатую оболочку, взмыла в воздух, и голос ее хлынул, подобно дождю, изливавшемуся в бездонные черные омуты. Она набросила свой плащ на глаза Моргота и навела на него сон, черный, как Кромешная Тьма, где он бродил когда-то. И вот он рухнул, подобно сорвавшейся с гор лавине, и, с грохотом скатившись со ступеней трона, распростерся на дне преисподней. Железная корона с громким стуком скатилась с его головы. Все замерли.

Мертвым зверем лежал на земле Берен; но Лютиэн, коснувшись его рукой, пробудила его, и он сбросил волчий облик. Затем он вынул из ножен кинжал Ангрис и вырезал из железных тисков Сильмарил.

Берен сжал камень в кулаке, и сияние заструилось сквозь живую плоть, и рука его стала подобна зажженному светильнику; Сильмарил же покорился его прикосновению и не ожег его. Тогда Берену пришло на ум, что он мог бы исполнить более, чем поклялся, и унести из Ангбанда все три Камня Феанора; но не таков был жребий Сильмариллов. Ангрис сломался, и осколок его, отлетев, задел щеку Моргота. Он застонал и шевельнулся, и все войска Ангбанда дрогнули во сне.

Страх охватил тогда Берена и Лютиэн, и они бежали, забыв об осторожности и не сменив облика, желая лишь еще раз увидеть свет. Никто не пытался ни задержать их, ни преследовать, но Врата для них были закрыты, ибо Кархарот пробудился и в гневе стоял у порога Ангбанда. Прежде чем бегущие могли его заметить, он увидел их и прыгнул.

Лютиэн была обессилена и не успела усмирить волка. Но Берен метнулся вперед, заслонил ее, и в правой руке он держал Сильмарил. Кархарот замер, и страх на мгновение охватил его. «Беги, — вскричал Берен, — беги, сокройся, ибо вот огонь, что пожрет тебя и все творения зла!» И он направил сияние Сильмарила прямо в глаза волку.

Но Кархарот взглянул на священный камень и не уstraшился, и при виде пылающего огня в нем пробудился ненасытный дух; и вот, разинув пасть, он сжал в челюстях кулак Берена и откусил его. Мгновенно его внутренности наполнились мучительным пламенем, и Сильмарил опалил его мерзкую плоть. С воем он бросился прочь, и эхо вторило его воплям, мечась в горах, окружающих привратную долину. Так ужасен был он в безумье своем, что все твари Моргота, обитавшие в этой долине или находившиеся на дорогах, что вели в нее, бежали прочь, ибо он убивал все живое, что встречалось на его пути, и вырвался с Севера, неся разорение миру. Из всех бедствий, что когда-либо, до падения Ангбанда, выпадали Белерианду, ужаснейшим было безумие Кархарота, ибо вызвано оно было мощью Сильмарила.

Берен же лежал без чувств у грозных Врат, и смерть его была близка, ибо клыки волка источали яд. Лютиэн губами высосала яд и собрала слабеющие силы, чтобы остановить кровь, хлещущую из ужасной раны. Но за спиной ее, в глубинах Ангбанда, послышался ужасный ропот. Пробуждались орды Моргота.

Казалось, что отчаянием и гибелью закончится поход за Сильмарилами; но в этот час над краем долины показались три могучие птицы, что мчались на север, обгоняя ветер. Слух о скитаниях и нуждах Берена достиг всех зверей и птиц, да и Хуан просил всех прийти ему на помощь. Высоко над владениями Моргота парили Торондор и его витязи, и, увидев безумие волка и близкую гибель Берена, они примчались в тот самый миг, когда мощь Ангбанда вырвалась из тенет сна.

Орлы подхватили Берена и Лютиэн и унесли высоко под облака. Под ними загрохотал гром, взметнулись молнии и содрогнулись горы. Огонь и дым исторглись из Тангородрима, пылающие грома разлетелись далеко, неся гибель землям, и нолдоры в Хитлуме затрепетали. Торондор же держал путь высоко над землей, по путям поднебесным, где всегда сияет hi чем не заслоненное солнце и бродит луна среди ясных звезд. Так пролетели они над Дор-ну-Фауглитом, и

над Таур—ну—Фуином, и над сокрытой долиной Тумладен. Не было ни облаков, ни тумана, и Лютиэн, взглянув вниз, увидела под собой подобное белому свету, исходящему из глубин зеленого смарагда, сиянье Гондолина Дивного, где правил Тургон. Но она рыдала, думая, что Берен обречен: он не открыл глаз, не произнес ни слова и ничего не замечал вокруг. Наконец орлы принесли их в Дориат и опустились в ту самую лощину, откуда некогда в отчаянии ушел тайно Берен, покинув спящую Лютиэн.

Там орлы положили рядом Берена и Лютиэн и вернулись на вершины Криссаэгрима, в свои высокогорные гнезда; к Лютиэн же явился Хуан, и они вдвоем выхаживали Берена, как прежде, когда она излечивала его от раны, нанесенной Куруфином. Но сейчас рана была тяжела, и в ней остался яд. Долго Берен был недвижим, и дух его блуждал у темных смертных рубежей, испытывая муку, что гнала его от видения к видению. И вдруг, когда надежда Лютиэн почти иссякла, он очнулся и увидел над собой листья, заслоняющие небо, и услышал под листьями нежно и тихо поющую рядом с ним Лютиэн Тинувиэль. И снова была весна.

Впоследствии Берен был прозван Эрхामीон, что означает Однорукий; страдание запечатлелось в его чертах. И все же он был возвращен к жизни любовью Лютиэн и восстал, и вновь они вдвоем бродили в лесах. Не спешили они уходить из этих мест, что казались им дивно прекрасны. Лютиэн и вовсе желала вечно бродить и не возвращаться, забыв свой дом и род и все величие эльфийских владений; был вначале счастлив и Берен, но не мог он забыть о клятве вернуться в Менегрот, да и не хотел навеки разлучить Лютиэн с Тинголом. Ибо он верен был закону людей, считая опасным противиться воле отца, разве только в крайней нужде; казалось ему также неподходящим, чтобы Лютиэн, столь величавая и прекрасная, жила всегда в лесу, подобно грубым и невежественным людям—охотникам, чтобы она была лишена крова, почета и тех дивных вещей, что составляют наслаждение владычиц эльдаров. Потому он вскоре переубедил ее, и они покинули бесприютные земли, и Берен вошел в Дориат, ведя Лютиэн домой. Того хобтела их судьба.

Недобрые дни настали в Дориате. С тех пор как исчезла Лютиэн, скорбь и безмолвие завладели народом. Долго разыскивали ее — и все напрасно. Говорят, что именно тогда пустился в скитания Даэрон

Песнопевец, и больше никто его не видал. Это он, до того как Берен пришел в Дориат, сочинял для Лютиэн песни и музыку для танцев; он любил ее и все свои мысли о ней воплотил в своей музыке. Он стал величайшим певцом к востоку от Моря, и имя его называли даже прежде имени Маглора, сына Феанора. В бесплодных поисках Лютиэн он прошел страшными тропами и, перевалив через горы, пришел на восток Средиземья, и там много веков над темными водами слагал плачи о Лютиэн, дочери Тингола, прекрасней которой не было в мире.

В то время Тингол обратился за советом к Мелиан, но она ответила лишь, что рок, разбуженный им, должен довершить свое дело, ему же остается ждать. Но вот прослышал Тингол, что Лютиэн оказалась далеко от Дориата, ибо пришли к нему вестники от Келегорма и сообщили, что Фелагунд и Берен мертвы, а Лютиэн находится в Нарготронде и Келегорм хочет взять ее в жены. Разгневался Тингол и выслал соглядатаев, замышляя войну с Нарготрондом; и так узнал он, что Лютиэн вновь бежала и что Келегорм и Куруфин изгнаны из Нарготронда. Тогда он заколебался, ибо сил его было недостаточно, чтобы сражаться с семью сыновьями Феанора; но он послал в Химринг, дабы потребовать помощи в поисках Лютиэн, раз уж Келегорм не отослал ее в отцовский дом, но и охранить ее не смог. Но на севере его владений посланцы встретились с внезапной и грозной опасностью — нападением Кархарота, Волка Ангбанда. В безумии своем примчался он с севера, рыская в поисках добычи, пересек Таур-ну-Фуин в восточной его части и ворвался в верховья Эсгалдуина, подобный всепожирающему огню. Ничто не могло удержать его, и мощь Мелиан на рубежах Дориата не остановила его, ибо гнала его судьба, да еще Сильмарил, который нес он в себе на муку. Так явился он в нетронутые леса Дориата, и все бежали в страхе. Из всех посланцев уцелел лишь Маблунг, королевский военачальник, и он принес Тинголу страшные вести.

В тот черный час вернулись Берен и Лютиэн, и весть об их приходе, опережая их, вихрем ворвалась в наполненные скорбью жилища. Они пришли к воротам Менегрота, и множество народа сопровождало их. Тогда Берен привел Лютиэн к трону Тингола, отца ее, и тот взглянул изумленно на Берена, коего почитал умершим, но не

было в его сердце любви к Берену из-за несчастий, которые тот навлек на Дориат. Берен же преклонил пред ним колена и молвил:

— Вот я вернулся, как и обещал. Я хочу получить то, что было обещано.

И ответил Тингол:

— Что же твой поход и твоя клятва?

— Клятва исполнена, — ответил Берен. — Сильмарил сейчас в моей руке.

— Покажи! — велел Тингол.

И Берен протянул к нему левую руку, медленно разжав пальцы, — но была она пуста. Тогда вскинул он правую руку; и с тех пор называл себя Камлост, Пустая Рука.

Тогда Тингол смягчился, и Берен сел слева у подножия его трона, а Лютиэн справа; и они поведали с начала до конца всю историю Похода за Сильмарилом, а все слушали и дивились. И показалось тогда Тинголу, что человек этот не похож на прочих смертных и велик в Пределе Земном; любовь же Лютиэн — дело дивное и небывалое; и понял он, что ничья сила в мире не может противостоять их судьбе. И он сдался, и перед тронном отца Лютиэн Берен взял ее в жены.

И все же радость в Дориате, вызванная возвращением Лютиэн, была омрачена, ибо, узнав причину безумия Кархарота, все ужаснулись еще более, поняв, что эту опасность питает грозная мощь священного камня и тяжко будет одолеть ее. Берен же, услышав о нападении Волка, узрел, что Цель еще не достигнута.

И так как день ото дня Кархарот все ближе подходил к Менегроту, решено было готовить Охоту на Волка, опаснейшую из всех охот, о которых повествуют предания. На эту охоту вышли Хуан, Пес Валинора, Маблунг Тяжкая Рука, Белег Могучий Лук, а также Берен Однорукий и Тингол, Владыка Дориата. Они выехали на рассвете и переправились через Эсгалдуин, Лютиэн же осталась позади, у врат Менегрота. Черная тень накрыла ее, и почудилось ей, что солнце угасло и потемнело.

Охотники повернули на север, потом на восток и, следуя по течению реки, в сумрачной долине на северном ее берегу, где Эсгалдуин грохотал водопадом по каменным ступеням, отыскивали Кархарота. Он лакал воду у подножия водопада, утоляя неистребимую жажду, и подвывал: и так они поняли, что он поблизости. Он же,

почувяв их приближение, не стал нападать сразу. Злобная хитрость пробудилась в его сердце, где боль на мгновение была усыплена сладкой водой Эсгалдуина; и пока они приближались, он нырнул в густой кустарник и затаился там. Охотники же расставили вокруг стражу и стали ждать, а тени в лесу росли.

Берен стоял рядом с Тинголом. Вдруг увидели они, что Хуана нет с ними. Затем из зарослей донесся громкий лай — Хуан, потеряв терпение и желая увидеть волка, один отправился поднять его из укрытия. Кархарот, однако, ускользнул от него и, пробравшись через колючие заросли, внезапно прыгнул на Тингола.

Берен бросился на него с копьем, но Кархарот выбил копьё и, повалив Берена, вонзил зубы в его грудь. В это мгновение Хуан прыгнул из зарослей на спину волка, и они покатались в яростной схватке; и не бывало в мире подобного поединка пса с волком, ибо в лае Хуана слышны были голоса рогов Оромэ и гнев валаров; в вое же Кархарота были ненависть Моргота и злоба, что беспощаднее стальных клыков; и от шума схватки камни раскололись, обрушились и преградили путь водопаду. Они бились до смерти, но Тингол не видел этого, ибо стоял на коленях перед тяжело раненым Береном.

И убил Хуан Кархарота. Но в сей час в густых лесах Дориата исполнилось давнее предначертание — был он смертельно ранен, и яд Моргота проник в него. Тогда он пришел и, рухнув рядом с Береном, заговорил в третий раз, и простился пред смертью с Береном. Тот ничего не сказал, лишь положил руку на голову пса, и так они расстались.

Тут явились Маблунг и Белег, спеша на помощь Тинголу, но когда увидели они, что случилось, то отбросили копья и зарыдали. Затем Маблунг взял нож и вспорол брюхо волка: внутренности его были словно выжжены огнем, но рука Берена, сжимавшая Сильмарил, осталась нетленной. Когда же Маблунг коснулся ее, рука рассыпалась в прах, и обнажился Сильмарил, и сиянье его наполнило темный лес. С трепетом, не мешкая, взял Маблунг камень и вложил его в ладонь Берена; и Берен, коснувшись Сильмарила, встал, и высоко поднял его, и просил Тингола принять его. «Достигнута Цель Похода, и жребий мой свершился», — молвил он и более не произнес ни слова.

На носилках несли они Берена Камлоста, сына Барахира, и рядом с ним лежал пес Хуан; к ночи вернулись они в Менегрот. Они шли

медленно, и у носилок пылали факелы; и у подножия бука Хирилорн встретила их Лютиэн. Она обняла и поцеловала Берена и велела ждать ее за Западным Морем; и Берен взглянул в ее глаза, прежде чем дух покинул его. Звездный Свет померк, и в миг тот тьма снизошла на Лютиэн Тинувиэль. Так окончился Поход за Сильмарилом, но Песнь *Лейтиан* — Освобождение от Оков — на этом не кончается.

Ибо волей Лютиэн дух Берена ожидал ее в чертогах Мандоса, не желая покинуть мир, пока Лютиэн не придет проститься с ним на мрачные берега Внешнего Моря, откуда смертные уходят, чтобы никогда не вернуться. Дух же Лютиэн погрузился во тьму и покинул ее тело: и оно подобно было цветку, что срезан внезапно и лежит на траве, еще не успев увянуть.

Поседел тогда Тингол, словно вступил в зимние годы старости Смертных. Лютиэн же явилась во владения Мандоса, где вдали от западных чертогов, на краю мира предназначено быть эльдарам: там ожидающие сидят в тени своих мыслей. Но красота ее превосходила их красоту, а печаль была глубже их печали; и она преклонила колена пред Мандосом и запела.

И была эта песня прекраснее всех, что когда-либо слагались из слов, и печальней всего, что когда-либо слышал мир. Неизменная и вечная, поныне звучит она в Валиноре, за пределами мира, и, внимая ей, скорбят валары. Ибо Лютиэн сплела воедино две темы — печаль эльдаров и скорбь людей. Двух Племен, что были сотворены Илуватаром, чтобы обитать в Арде, Пределе Земном, под бесчисленными звездами. Когда же она преклонила колена перед Мандосом, ее слезы пролились на стопы его, как дождь на камни, и дрогнул Мандос, чего не случилось с ним прежде и не случится никогда впредь.

Потому он призвал Берена, и, как предсказывала Лютиэн в час его смерти, они встретились вновь по ту сторону Моря. Но не властен был Мандос возвращать в пределы Мира умерших людей; не мог он также изменять судьбы Детей Илуватара. Потому он пришел к Манвэ, Владыке валаров, что правит миром именем Илуватара; и Манвэ в поисках совета погрузился в сокровенные глубины своего разума, где открылась ему воля Илуватара.

Лютиэн был дан выбор. За труды свои и мученья она могла быть освобождена из-под власти Мандоса, уйти в Валимар и жить там

среди валаров до конца мира, забыв все печали, что были ею познаны в жизни. Туда Берен не мог прийти, ибо валарам не дано было лишить его Смерти — дара Илуватара людям. Либо же она могла вернуться в Средиземье, взяв с собой Берена, и снова жить там: но кратки были бы их жизнь и радость. Тогда она стала бы смертной И вместе с Береном умерла бы вторично: навсегда ушла бы она из мира, и память о ее красоте осталась бы только в песнях.

Эту судьбу она и избрала, покинув Благословенный Край и отрекшись от родства с теми, кто жил там, и, какое бы горе ни подстерегало Берена и Лютиэн, судьбы их были соединены, и один путь увел их за пределы мира. И вот Лютиэн, единственная из эльдаров, умерла и покинула мир. Однако выбор ее объединил Два Племена: и она стала родоначальницей многих, в ком эльдары даже сейчас, хоть мир изменился, видят подобие возлюбленной ими Лютиэн, которую они потеряли.



## Глава 20 О Пятой Битве: Нирнаэт Ариоэдиад

Рассказывают, что Берен и Лютиэн вернулись вместе в северные земли Средиземья и некоторое время обитали там вместе как живые мужчина и женщина; свой облик приняли они в Дориате. Те, кто видел их, радовались и в то же время ужасались: Лютиэн пришла в Менегрот и касанием своей руки исцелила зимнюю старость Тингола. Но Мелиан взглянула ей в глаза и прочла начертанную в них судьбу, и отвернулась, ибо знала, что они разлучены отныне до конца мира; и не было в сей миг скорби и потери тяжелее, чем скорбь майи Мелиан. Затем Берен и Лютиэн ушли вдвоем, не боясь ни голода, ни жажды: они переправились через Гелион, пришли в Оссирианд и долго жили там на Тол–Гален, Зеленом Острове посреди Адуранта, пока не затихли все слухи о них. Позднее эльдары назвали этот край Дор–Фирн–и–Гуинар, Земля Живущих Мертвых; там–то и явился на свет Диор Аранел Прекрасный, что потом стал известен как Диор Элухил, что значит Наследник Тингола. Ни один смертный не говорил с тех пор с Береном, сыном Барахира; и никто не видел, как Берен и Лютиэн покинули сей мир, и никто не возвел кургана над могилой, где неведомо когда успокоились их тела.

В те дни Маэдрос, сын Феанора, воспрял духом, узнав, что Моргот не так уж непобедим, ибо по всему Белерианду воспевались в песнях подвиги Берена и Лютиэн. Но Моргот уничтожил бы всех поодиночке, если только они вновь не объединились бы и не создали нового союза; и вот начал Маэдрос воплощать свои замыслы и объединять эльдаров для новых побед, созданный им союз был назван Союзом Маэдроса.

Однако клятва Феанора и лихие дела, сотворенные ею, повредили замыслу Маэдроса, и он получил меньше помощи, чем мог надеяться. Из–за Келегорма и Куруфина Ородрет не вышел бы в бой по призыву кого–нибудь из сыновей Феанора; а эльфы Нарготронда все еще надеялись защитить свою сокровитную твердыню тайной и скрытностью. Потому оттуда явился лишь небольшой отряд, ведомый Гв́индором, сыном Гуйлина, доблестным принцем; против воли Ородрета ушел он на северную войну, ибо скорбел о брате своем Гелмире, сгинувшем в

Дагор Браголлах. Они взяли герб дома Финголфина и шли в бой под знаменами Фингона, и лишь один из них вернулся назад.

Мало чем помог и Дориат. Ибо Маэдрос и его братья, будучи связаны клятвой, отправили послов к Тинголу и высокомерно напомнили ему о своем праве, требуя Сильмарил, — а иначе, мол, быть им врагами. Мелиан советовала Тинголу уступить, но речи сынов Феанора были надменны и полны угроз, и Тингол разгневался, вспомнив о мучениях Лютиэн и крови Берена, коими бы завоеван камень вопреки злодейству Келегорма и Куруфина. Да и чем дольше смотрел он каждодневно на Сильмарил, тем больше желал вечно владеть им: ибо такова была власть камня. Потому он отправил послов назад с презрительными словами. Маэдрос ничего не ответил, ибо уже замыслил военный союз и объединение всех эльдаров; но Келегорм и Куруфин открыто клялись убить Тингола и изничтожить его народ, буде они после войны вернуться с победой, а Сильмарил не отдадут доброй волей. Тогда Тингол укрепил рубежи своих владений и не вышел на войну, и никто не явился из Дориата, кроме Маблунга и Белера, ибо не могли они не принять участие в столь великих деяниях. Им Тингол дозволил уйти, но с условием, что они не будут служить сыновьям Феанора, и они присоединились к войску Фингона.

Помогли зато Маэдросу наугримы — и воинской силой, и оружием; и много работы было в те дни у кузнецов Ногрода и Белегоста. И собрал Маэдрос всех своих братьев и все племена, что поддерживали их: собрались люди из племен Бора и Ульфанга и обучались воинскому ремеслу, и призвали с Востока еще много своих сородичей. Сверх того Фингон, всегдашний друг Маэдроса, заключил союз с Химрингом, и на западе, в Хитлуме, нолдоры и люди из рода Хадора готовились к войне. В лесу Бретил Халмир, вождь племени Халет, собирал своих воинов, и они точили боевые секиры; но Халмир умер прежде, чем началась война, и племенем стал править сын его Халдир. Пришли вести и в Гондолин, к Тургону, потаенному владыке.

Однако Маэдросу пришлось до срока испытать свои силы, еще до того, как осуществились все его замыслы. Хотя все северные земли были очищены от орков, и даже Дортонион на время освобожден, но Морготу стало известно о замыслах эльдаров и Друзей Эльфов, и он сделал все, чтобы охранить себя. Он послал к ним множество соглядатаев и предателей, и им было тем легче, что вероломные люди,

заклучившие союз с Морготом, хорошо знали тайны сыновей Феанора.

И вот Маэдрос, собрав все, какие только мог, силы эльдаров, людей и гномов, решил двинуться на Ангбанд с востока и запада: замышлял он открыто, с развернутыми стягами пройти через Анфауглит. Когда же, по его замыслу, он выманит войска Моргота наружу, из ущелий Хитлума выйдет Фингон: они рассчитывали, что таким образом силы Моргота попадут как бы между молотом и наковальной и будут сокрушены. Сигналом должен был послужить огонь большой сигнальной башни в Дортонионе.

В назначенный день, на рассвете летнего Солнцестояния, трубы эльдаров приветствовали восход солнца: и на востоке взмыл стяг сыновей Феанора, а на западе — стяг Фингона, верховного короля нолдоров. Со стен Эйтель–Сириона смотрел Фингон на долины и леса к востоку от Эред–Ветрина — там было расставлено его воинство, сокрытое от глаз врага, но Фингон знал, что оно велико. Ибо собирались там все нолдоры Хитлума, и с ними эльфы Фаласа и отряд Гвиндора из Нарготронда. Было там и много воинов–людей: по правую руку стояло доблестное воинство Дор–Ломина и вожди его, Хурин и брат его Хуор, а к ним присоединилось множество лесных людей.

Затем Фингон обратил взгляд на Тангородрим. Вершину скрывала черная туча, и черный дым подымался вверх; и понял Фингон, что восстал гнев Моргота и что вызов их принят. Тень сомненья легла королю на сердце, и он взглянул на восток, надеясь острым взглядом эльфа различить пепел Анфаутлита, вздымающийся из–под ног воинства Маэдроса. Не ведал он, что мешкает Маэдрос, обманутый вероломным Ульдором Проклятым, который ложно предостерег его о нападении из Ангбанда.

Но вдруг несомый ветром клич пролетел с юга от долины к долине, и люди и эльфы изумленно и радостно закричали в ответ. Ибо Тургон, непризванный и нежданный, открыл завесу над Гондолином и вышел с десятью тысячами воинов в сверкающих доспехах, с длинными мечами и лесом копий. И когда услышал Фингон отдаленный, но громкий голос труб брата своего Тургона, тень исчезла из сердца его, а дух воспрял; и вскричал он: *«Утулиэ'н ауре! Аийа эльдалиэ ар Атанатару, утулиэ'н ауре!* День пришел! Узрите,

народы эльдаров и Отцы Людей, день пришел!» И все, кто слышал его могучий голос, эхом отдававшийся в горах, ответили криком: «*Аута и ломе!* Исчезает тьма!»

Тогда Моргот, которому были ведомы многие замыслы и дела врагов его, решил, что настал его час, и, веря, что его вероломные слуги удержали Маэдроса и предотвратили объединение воинств, выслал к Хитлуму силы несметные (и все же бывшие лишь ничтожной частью того, что припас он к тому дню): одетые в черные доспехи, они не обнажили клинков и потому успели покинуть пески Анфауглита, когда их заметили.

Тогда загорелись сердца нолдоров, и их военачальники хотели ударить на врагов на равнине, но Хурин был против этого и молил остерегаться вероломства Моргота, сила которого была всегда большей, нежели казалось, а цель — иной, чем та, которую он явно преследовал. И хотя сигнала о приближении Маэдроса все не слышали, а в войске росло нетерпение, Хурин настоял на том, чтобы дожидаться — а орки пусть разбиваются о скалы, пытаясь до них добраться.

Но предводителю западного крыла Морготова войска велено было любой ценой добиться, чтобы Фингон спустился с гор. Потому он вел войско вперед, покуда его передовые отряды не растянулись перед Сирионом от стен Эйтель–Сириона до топи Серех, где впадает в Сирион Ривил, и сторожевые заставы Фиш она уже видели глаза своих врагов. Но ответа на вызов не было, и притихли орки, взглянули на безмолвные стены и горы, таящие угрозу. Тогда военачальник Моргота вызвал всадников — якобы для переговоров: они подъехали под самые внешние укрепления Барад–Эйтеля. С собой они везли Гелмира, сына Гуилина, витязя из Нарготронда, что был захвачен в плен при Дагор Браголлах: его ослепили. Посланцы Ангбанда выставили его напоказ, крича: «У нас дома такого добра много, только если хотите их застать — поторапливайтесь: когда вернемся, сделаем то же самое». И они отрубили Гелмиру руки и ноги, а напоследок голову — и все это на глазах у эльфов — и бросили его.

На беду на укреплениях стоял Гвиндор из Нарготронда, брат Гелмира. Гнев его вспыхнул яростным безумием, он вскочил на коня, и многие последовали за ним; они нагнали и убили посланцев и врезались в гущу вражеского войска. Видя это, загорелись все войска

нолдоров: Фингон надел свой белый шлем, и затрубили его трубы; и внезапно с гор обрушилось все воинство Хитлума. Сверканье нолдорских обнаженных мечей подобно было пламени, объявшему тростник; и натиск оказался так неожидан и яростен, что едва не пошли прахом все замыслы Моргота. Ранее чем войско, посланное им на запад, получило подкрепление, оно было отброшено, и стяги Фингона пересекли Анфауглит и взмыли пред стенами Ангбанда. Впереди всех шли Гвиндор и эльфы Нарготронда, и даже сейчас их трудно было сдержать: они прорвались через ворота и перебили стражу на самых лестницах Ангбанда; и Моргот затрепетал на своем подземном троне, слыша, как ломаются в его двери. Но там они попали в западню и все погибли, кроме Гвиндора, которого взяли живым; Фингон же не мог прийти им на помощь. Из множества тайных ходов в Тангородрине выслал Моргот свои главные силы, которые прежде, выжидая, скрывал; и Фингон с большими потерями был отброшен от стен.

Тогда на равнине Анфауглит на четвертый день войны началась битва Нирнаэт Арноэдйад, Бессчетные Слезы, ибо никакая песня и никакое предание не могут вместить всей ее скорби. Воинство Фингона отступало через пески, и в арьергарде его погиб Халдир, вождь халадинов: с ним пало много людей из Бретила, и никогда они уже не вернулись в свои леса. На пятый же день, с наступлением ночи, когда до Эред-Ветрина было еще далеко, орки окружили войско Хитлума; бились до рассвета, а кольцо все сжималось. Надежда пришла, когда поутру услышали они пенье труб Тургона, ведущего воинство Гондолина: ибо Тургон стоял южнее, охраняя теснину Сириона, и удерживал большинство своих воинов от опрометчивой атаки. Сейчас он торопился на помощь брату: гондолинцы были сильны и одеты в кольчуги, и ряды их сверкали под солнцем, как стальная река.

Фаланга королевской стражи пробилась через ряды орков, и Тургон прорубил себе дорогу к брату; и радостной, говорят, была встреча в сердце битвы Тургона с Хурином, что сражался бок о бок с Фингоном. Тогда возродилась надежда в сердцах эльфов; и именно в этот миг стали слышны трубы Маэдроса, шедшего с востока; и воинство сыновей Феанора ударило по врагу с тыла. Говорят, что в тот день эльдары могли бы даже и победить, окажись все их союзные

войска верными: ибо орки дрогнули и натиск их ослаб, а иные уже готовы были бежать. Однако в то время, когда передовые отряды войск Маэдроза обрушились на орков, Моргот выслал свои последние силы, и Ангбанд опустел. Вышли волки, несущие всадников, балроги и драконы, и Глаурунг, праотец драконов. Велики были ныне мощь и ужас Великого Змея, и эльфы и люди дрогнули перед ним: он прошел меж войсками Маэдроза и Фингона и разделил их.

Однако свершились замыслы Моргота не через волка, балрога или дракона, а только через людское предательство. В этот час открылось злодейство Ульфанга. Многие люди с Востока бежали прочь, ибо сердца их были наполнены страхом и ложью; сыновья же Ульфанга, перейдя внезапно на сторону Моргота, напали сзади на сыновей Феанора, и в замешательстве, ими же созданном, пробившись они к самому стягу Маэдроза. Но не получили они награды, обещанной Морготом, ибо Маглор убил Ульдора Проклятого, а сыновья Бора убили Ульфаста и Ульварта, прежде чем погибли сами. Подоспели, однако, новые силы людей-предателей, которые Ульдор собрал и укрыл в восточных холмах, и войско Маэдроза было атаковано с трех сторон и разбито, и в беспорядке бежало. Но судьба хранила сыновей Феанора и, хотя все они были ранены, ни один не погиб; они пробившись друг к другу и, собрав вокруг себя уцелевших нолдоров и наугримов, прорубили себе путь из битвы и отступали на восток, пока не достигли горы Долмед.

Из всего восточного воинства дольше всех держались гномы Белегоста и тем стяжали великую славу. Ибо наугримы переносили огонь куда легче, чем эльфы и люди, к тому же у них было в обычае носить боевые маски устрашающего вида, и это помогло им выстоять против драконов. Не будь гномов, Глаурунг и его выводок уничтожили бы всех уцелевших нолдоров. Гномы же окружили дракона со всех сторон, и даже его прочная чешуя не была надежной защитой от ударов громадных секир; и когда Глаурунг в ярости сбил Азагхала, короля Белегоста, и прополз по нему, Азагхал последним усилием воли вонзил кинжал ему в брюхо и ранил его; и Глаурунг бежал с поля битвы, а за ним в смятении устремились все твари Моргота. Тогда гномы подняли тело Азагхала и унесли его прочь: медленно ступая, пели они погребальную песнь, словно это были похороны в их

собственной стране, и не обращали более внимание на врагов; и никто не осмелился задержать их.

А в битве на западе Фингон и Тургон сражались против войска, втрое превосходящего все оставшиеся у них силы. Явился Готмог, предводитель балрогов и военачальник Ангбанда, и вогнал черный клин между войсками эльфов, окружив короля Фингона и отбросив Тургона и Хурина к топи Серех. Затем он двинулся на Фингона. Страшен был этот поединок. Вся стража Фингона погибла, и он остался один и сражался с Готмогом, покуда другой балрог, подкравшись сзади, не хлестнул его огненным бичом. Тогда Готмог зарубил Фингона черной секирой, и белый пламень вырвался из разрушенного шлема короля. Так пал Фингон, Верховный Владыка нолдоров, и тело его вбили в песок булавами, и голубой с серебром стяг втоптали в лужу его же крови.

Битва была проиграна; но Хурин и Хуор и те, кто уцелел еще из рода Хадора, вместе с Тургоном, владыкой Гондолина, еще держались: и Моргот не мог захватить Теснину Сириона. Тогда Хурин обратился к Тургону:

— Уходи, о король, покуда есть еще время! Ибо в тебе заключена последняя надежда эльдаров, и пока существует Гондолин, Моргот не забудет, что такое страх.

Но отвечал Тургон:

— Недолго еще будет сокрыт Гондолин, а будучи обнаружен, неизбежно падет.

И молвил тогда Хуор:

— Но если он продержится хоть немного, из рода твоего явится надежда для эльфов и людей. Говорю тебе это, владыка, в предсмертный свой час: хоть сейчас мы расстанемся навеки, и никогда не увидеть мне больше белых стен твоего града, от тебя и от меня взойдет новая звезда. Прощай!

Маэглин же, сын сестры Тургона, стоящий рядом, слышал эти слова и запомнил их, но не сказал ничего.

Тогда Тургон последовал совету Хурина и Хуора и, собрав всех, кто уцелел из воинства Гондолина, а также всех воинов Фингона, каких можно было собрать, отступил к Теснине Сириона: его военачальники, Эктэлион и Глорфиндел, прикрывали войско справа и слева, так что ни один враг не мог обойти их. Люди Дор–Ломина, как

хотели того Хурин и Хуор, оставались позади, ибо не желали покидать северные земли и решили, раз уж не суждено вернуться в свои жилища, сражаться здесь насмерть. Так искуплено было предательство Ульдора: и изо всех подвигов, свершенных праотцами людей ради эльдаров, более всех славен последний бой людей Дор–Ломина.

И вот Тургон, прикрываемый Хурином и Хуором, переправился через Сирион, исчез в горах и скрылся от глаз Моргота. Братья же собрали вокруг себя остатки людей из рода Хадора и шаг за шагом отступали, пока не достигли топи Серех, и путь им преградил Ривил. Там они стали и не уступали более.

Тогда все войска Ангбанда обрушились на них, запрудили реку телами своих мертвецов и окружили остатки воинства Хитлума, как прилив окружает скалу. И когда в шестой раз закатилось солнце и удлинилась тень Эред–Ветрина, пал Хуор, пораженный в глаз отравленной стрелой, а рядом с ним легли все доблестные воины рода Хадора; и орки отрубили им головы и сложили из них курган, золотом блиставший в лучах заката.

Дольше всех продержался Хурин. Он бросил щит и бился двуручной секирой; предание гласит, что секира дымилась от черной крови отборных троллей Готмога, пока не истлела; и всякий раз, убивая, Хурин кричал: «*Ауре энтулува!* День настанет вновь!»

Семижды десять раз звучал этот клич, но в конце концов Хурин, по велению Моргота, был схвачен живым, ибо орки вцепились в него, и руки их не падали, даже когда он обрубал их, и орков все прибывало, так что Хурин наконец рухнул, погребенный под ними. Тогда Готмог связал его и, осыпая насмешками, уволок в Ангбанд.

Так, когда солнце закатилось за море, окончилась битва Нирнаэт Арноэдиад. Ночь пала на Хитлум, и с запада налетела буря.

Велико было торжество Моргота, и все исполнилось так, как он и замышлял, ибо люди убивали людей и предавали эльфов, и страх и ненависть разделили тех, кто мог бы объединиться против него. С того дня эльфы охладели ко всем людям, не считая только Трех Родов аданов.

Владений Фингола более не существовало; сыновья же Феанора бродили, как листья, несомые ветром, войска их были рассеяны, союз распался, и они жили в лесах у подножия Эред–Луин, смешавшись с



Зелеными Эльфами Оссирианда, лишённые славы и былого величия. В Бретиле, под защитой лесов, все еще обитали немногочисленные халадины, и вождем их был Хандир, сын Халдира, но в Хитлум не вернулся никто, ни из воинства Фингона, ни из витязей Хадора; не дошли туда вести о битве и судьбе их вождей. Зато Моргот послал туда верных ему людей с востока, отказав им в богатых землях Белерианда, которых они домогались: он загнал их в Хитлум и запретил покидать его. Такова была награда им за то, что предали Маэдроса, — грабить и изводить стариков, детей и женщин племени Хадора. Уцелевшие эльдары Хитлума были угнаны в северные копи и трудились там в рабстве; немногим удалось убежать и скрыться в горах и чащах.

Орки и волки бродили беспрепятственно по всему Северу и заходили все дальше и дальше на юг, в Белерианд, добираясь до самого Нан-татрена, Края Ив, и границ Оссирианда; и не было спасения никому ни в лесу, ни в поле.

Дориат, правда, уцелел, да и чертоги Нарготронда остались сокрытыми; но Моргота они мало тревожили, то ли потому, что он почти ничего не знал о них, то ли потому, что в черных его замыслах час их еще не пробил. Многие бежали в Гавани и нашли убежище в стенах твердынь Кирдана, а мореходы между тем, плавая вдоль побережья, донимали врага молниеносными вылазками. Однако на следующий год, с приходом зимы, Моргот послал войска через Хитлум и Невраст: они спустились по Бритону и Неннингу, опустошили весь Фалас и взяли в осаду Бритомбар и Эпларест. С собою они привели кузнецов, копателей и мастеров огнемечущих орудий, и, как доблестно ни сражались защитники, стены в конце концов рухнули. Гавани были разорены, башню Барад Нимрас обрушили, а подданных Кирдана большей частью убили либо увели в рабство. Многие, однако, взошли на корабль и спаслись морем: и среди них Эрейнион Гил-Гэлад, сын Фингона, которого отец отослал в Гавани после Дагор Браголлах. С Кирданом уплыл он на юг, на остров Балар, и там находили убежище все, кто ни приплывал туда; держали они также клочок земли в устье Сириона, и множество быстрых и легких кораблей было спрятано там в зарослях и в прибрежных водах, где тростники густы, как леса.

Когда Тургон узнал об этом, он вновь послал гонцов к устью Сириона и попросил помощи у Кирдана Корабела. По его просьбе

выстроил Кирдан семь быстрых кораблей, и они отплыли на запад; но не пришли вести на Балар ни об одном из них, кроме последнего. Корабль этот долго скитался в море и, возвращаясь, погиб в буре у самых берегов Средиземья; но одного морехода Ульмо спас от гнева Оссе, и волны выбросили его на берег в Неврасте. Звался он Вóронвэ и был одним из тех, кого Тургон отправил с вестью из Гондолина.

Теперь в мыслях Моргота постоянно был Тургон, ибо из всех его врагов уцелел именно тот, кого он более всего желал пленить либо уничтожить. Мысль эта тревожила Моргота и отравляла сладость победы, ибо Тургон из могущественного дома Финголфина был сейчас по праву королем всех нолдоров; к тому же Моргот боялся и ненавидел потомков Финголфина, ибо им покровительствовал Ульмо, его враг, а еще из-за ран, что нанес ему своим мечом Финголфин. Из всех его родичей более всего опасался Моргот Тургона, ибо заметил его еще в Валиноре, и, когда бы тот ни оказывался рядом, тень падала на сердце Моргота, предостерегая, что в некие, пока еще сокрытые времена Тургон станет причиной его падения.

И вот к Морготу привели Хурина, ибо Моргот знал о его дружбе с владыкой Гондолина; но Хурин не подчинился ему, а лишь насмехался. Тогда проклял Моргот Хурина, и Морвен, и все его потомство, и прирек им темный и горестный жребий, и, выведя Хурина из темницы, усадил его в каменное кресло на одной из вершин Тангородрима. Волей Моргота он был прикован к этому креслу, и Моргот вновь проклял его и молвил так: «Сиди же в этом кресле и любуйся краями, где лихо и отчаяние падут на тех, кто любим тобою. Ты осмелился насмехаться надо мной и подвергать сомнению могущество Мелькора, Властителя судеб Арды. Так узри же взором моим, услышь моим слухом, и не сойти тебе с места, пока все не придет к горестному своему концу».

Так и случилось; но никто не слышал, чтобы Хурин когда-либо молил у Моргота смерти либо пощады себе и роду своему.

По велению Моргота орки, немало потрудившись, собрали тела всех, кто пал в великой битве, их оружие и доспехи и сложили посредине Анфаулиты огромный курган: он был виден издалека. Ход-эн-Нденгин, Курган Убитых, нарекли его эльфы, и Ход-эн-Нирнаэт, Курган Слез. Но среди пустыни, сотворенной Морготом, над курганом этим проросла и поднялась трава; и с тех пор ни одна тварь Моргота

не осмеливалась бродить по земле, в которой лежали, рассыпаясь в прах, мечи эльдаров и аданов.

## Глава 21 О Турине Турамбаре

Риан, дочь Белегунда, стала женой Хуора, сына Галдора; случилось это за два месяца до того, как он с братом своим Хурином ушел на Нирнаэт Арноэдиад. Когда супруг ее сгинул, она бежала в дебри: Сумеречные Эльфы Митрима пришли ей на помощь и, когда родился ее сын Туор, приняли его на воспитание. Сама же Риан ушла из Хитлума и, придя к Ход-эн-Нденгин, легла там и умерла.

Морвен, дочь Барагунда, была женой Хурина, владыки Дор-Ломина; а сыном их был Турин, родившийся в тот год, когда Берен Эрхамион в лесу Нелдорет встретил Лютиэн. Была у них также дочь по имени Лалайт, что означает Смех, любимица брата ее Турина, но когда Лалайт сравнялось три года, в Хитлум пришло поветрие, порожденное лихим ветром из Ангбанда, и она умерла.

После Нирнаэт Арноэдиад Морвен по-прежнему жила в Дор-Ломине, ибо Турину было всего восемь лет, и она вновь ждала дитя. Недобрые настали дни: предатели, захватившие Хитлум, презирали уцелевших людей из племени Хадора и всячески притесняли, отбирали добро и земли и обращали в рабство детей. Но таковы были красота и величие владычицы Дор-Ломина, что захватчики боялись ее и не осмеливались наложить руку на нее либо на ее домочадцев; меж собой они шептались, что она опасная чародейка, искушенная в магии, и что она в сговоре с эльфами. Все же теперь она была бедна, и никто не помогал ей: лишь Аэрин, родственница Хурина, которую насильно взял в жены изменник Бродда, тайно поддерживала ее; и Морвен опасалась, что Турина отберут у нее и обратят в рабство. Потому ей пришлось на ум тайно отослать его и молить короля Тингола дать ему приют, ибо Берен, сын Барахира, был родичем ее отца и, сверх того, другом Хурина задолго до того, как пришла беда. И вот осенью Года Скорби и Слез Морвен отправила через горы Турина с двумя старыми слугами, повелев им, если то будет возможно, отыскать дорогу во владения Тингола. Так начала слагаться судьба Турина, о которой с начала до конца повествует песнь, называемая «Нарн-и-Хин-Хурин», самое длинное из всех преданий, повествующих о тех днях. Здесь эта история пересказана кратко, ибо

связана с судьбой Сильмариллов и эльфов: названа она Повестью о Печали, ибо воистину скорбна, и в ней раскрылись самые лихие дела Моргота Бауглира.

В начале года Морвен произвела на свет дитя, дочь Хурина, и назвала ее Нйэнон, что означает Скорбь. Турин же и его спутники, преодолев множество опасностей, достигли наконец рубежей Дориата; там повстречал их Белег Могучий Лук, глава пограничных стражей короля Тингола, он же привел их в Менегрот. Тингол принял Турина и даже сам усыновил его из почтения к Хурину Стойкому: ибо иначе относился он теперь к родам Друзей Эльфов. Затем на север, в Хитлум, отправились гонцы, прося Морвен покинуть Дор–Ломин и вместе с ними вернуться в Дориат; но она все еще не желала оставить дом, где жила вместе с Хурином. А когда эльфы уходили, она отослала с ними шлем, называемый Драконий шлем Дор–Ломина, величайшую реликвию рода Хадор.

Турин в Дориате рос красивым и могучим, но печаль лежала на нем отметиной. За девять лет, что прожил он во владениях Тингола, печаль его смягчилась, ибо время от времени гонцы Тингола навещали Хитлум и приносили оттуда добрые вести о Морвен и Нйэнон. Но настал день, когда посланцы не вернулись с севера, и Тингол более никого не посылал. Тогда страх за сестру и мать овладел Турином, и, ожесточась сердцем, он пришел к королю и попросил меч и доспехи; надев Драконий шлем Дор–Ломина, он ушел сражаться на рубежах Дориата и стал соратником Белега Куталиона.

Прошло три года, и Турин вернулся в Менегрот: он пришел из дебрей нечесаный, в изношенной одежде и иссеченных доспехах. В Дориате же был некий нандор, доверенный советник короля: звали его Саэрос. У него давно уже вызывал зависть тот почет, которым был окружен Турин, приемный сын Тингола; и, сидя за столом напротив Турина, Саэрос начал насмеяться над ним, говоря: «Если мужчины из Хитлума так дики и необузданы, то каковы же их женщины? Неужели они бродят, как дикие лани, прикрытые лишь волосами?» Турин в величайшем гневе схватил чашу и швырнул в Саэроса, и ранил его.

На следующий день, когда Турин вышел из Менегрота, чтобы вернуться на рубежи, Саэрос подстерег его; но Турин одолел его и нагим погнался по лесу, как затравленного зверя. Саэрос же, в страхе

убегая от него, свалился в расщелину, где бурлил поток, и тело его разбилось о камни. Подоспели спутники Турина и увидели, что случилось, а среди них был Маблунг: он предложил Турину вернуться с ними в Менегрот и ждать королевского суда, уповая на милосердие Тингола. Но Турин, считая себя уже преступником и боясь заточения, не послушался Маблунга и поспешил прочь: он прошел Завесу Мелиан и оказался в лесах к западу от Сириона. Там он присоединился к шайке бездомных и отчаянных людей, каких много в те дни скрывалось в дебрях: они обращали оружие против всякого, кто встречался им на пути, будь то эльф, человек или орк.

Однако, когда Тинголу поведали об этом деле, выяснив все обстоятельства, он простил Турина, сочтя его несправедливо обиженным. В то время с северных рубежей вернулся Белег Куталион и, разыскивая Турина, пришел в Менегрот; и сказал Тингол Белегу:

— Тяжко мне, о Куталион, ибо я усыновил сына Хурина, и моим сыном он останется, пока Хурин не вернется за ним из тьмы. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сказал, что Турин несправедливо изгнан, и его возвращение я приму с радостью, ибо люблю его.

И ответил Белег:

— Я отыщу Турина и, если смогу, приведу его в Менегрот, ибо также люблю его.

Затем Белег покинул Менегрот и долго бродил по Белерианду, подвергаясь множеству опасностей и тщетно разыскивая Турина.

Турин между тем жил среди изгоев и стал их предводителем: он называл себя Нейтан, что значит Оскорбленный. Они скрытно обитали в лесах к югу от Тейглина. Когда прошел год со времени побега Турина из Дориата, Белег как-то ночью наткнулся на их логовище. Случилось так, что Турина в то время не было в лагере, а разбойники схватили Белега, связали и обошлись с ним довольно круто, боясь, что он соглядатай владыки Дориата. Вернулся Турин и увидел, что они натворили, и стыд за их необузданные и незаконные деяния овладел им: он освободил Белега, и они возродили давнюю дружбу, и Турин поклялся впредь не воевать ни с кем и никого не грабить, кроме прислужников Ангбанда.

Белег поведал Турину о прощении короля Тингола и всеми силами пытался убедить его вернуться в Дориат, говоря, что на северных рубежах королевства нужны его сила и доблесть.

— С недавних пор, — сказал он, — орки нашли путь из Таур-ну-Фуина: они проложили тропу через Теснину Анах.

— Я ее не помню, — молвил Турин.

— Так далеко от границ мы никогда не заходили, — отвечал Белег. — Но ведь ты видел вдали пики Криссаэгрима, а восточнее — мрачные склоны Горгорота. Анах лежит меж ними, выше истоков Миндеба; дорога эта трудна и опасна, и все же множество орков проходит ею ныне, и Димбар, всегда такой мирный, уже попал под власть Черной Руки, и нет покоя людям Бретила. Мы нужны там.

Но Турин в гордыне своей отказался от прощения короля, и слова Белега ничего не могли изменить. В свою очередь он просил Белега остаться с ним в землях западнее Сириона, но этого Белег не хотел и ответил так:

— Ты упрям и неподатлив, Турин. Буду упрям и я. Если ты и вправду хочешь, чтобы Могучий Лук был с тобою, ищи меня в Димбаре, ибо я возвращаюсь туда.

На следующий день Белег отправился в путь, а Турин проводил его на расстояние полета стрелы от лагеря, но не сказал ничего.

— Итак, мы прощаемся, сын Хурина? — спросил Белег.

Тогда Турин взглянул на запад и увидел вдали громадную вершину Эмон-Руд, и, не ведая, что предстоит ему, он ответил:

— Ты сказал — ищи меня в Димбаре. А я говорю — ищи меня на Эмон-Руд! Иначе мы сейчас простимся навсегда.

И они расстались по-прежнему друзьями, но в печали.

Белег вернулся в Тысячу Пещер и, представ перед Тинголом и Мелиан, рассказал им обо всем, утаив только, как дурно обошлись с ним спутники Турина. И Тингол сказал со вздохом:

— Что же еще должен я сделать для Турина?

— Отпусти меня, повелитель, — промолвил Белег, — и я буду, как сумею, беречь и направлять его; и ни один человек не посмеет сказать, что слова эльфов ничего не стоят. Да и не хочу я, чтобы достойный стал ничтожеством в дебрях.

Тогда Тингол дозволил Белегу идти туда, куда он пожелает, и добавил:

— Белег Куталион! За многие свои свершения заслужил ты мою благодарность, и то, что ты разыскал моего приемного сына, — не

последнее среди них. Мы расстаемся: проси же все, что захочешь, и я не откажу тебе!

— Тогда, — сказал Белег, — я прошу хороший меч, ибо орки сейчас приходят слишком большим числом и подбираются слишком близко, дабы можно было отбиться от них с одним луком, а мой нынешний меч не берет их доспехов.

— Бери, — ответил Тингол, — бери любой, кроме Аранрута, моего собственного меча.

Тогда Белег выбрал Англахель; и был то достойный меч, названный так потому, что выковали его из железа, упавшего с неба, подобно сверкающей звезде: он разрубал любое железо, добытое из земли. Был лишь один меч в Средиземье, что мог сравниться ним. О том мече в нашей истории нет ни слова, хотя был он выкован из того же металла и тем же мастером: а мастер тот был Эол Темный Эльф, взявший в жены Аредэль, сестру Тургона. Он отдал Англахель — против воли и нехотя — Тинголу как плату за дозволение жить в Нан-Эльмоте, но брат меча, Ангуйрел, остался у него и был позднее похищен сыном его Маэглином.

Но когда Тингол протянул Белегу рукоятью вперед Англахель, Мелиан взглянула на клинок и промолвила:

— В этом мече таится лихо. Черная душа его создателя все еще обитает в нем. Он не полюбит руку, которой будет служить, и недолго будет он при тебе.

— И все же, пока я смогу, я буду владеть им, — отвечал Белег.

— Иной дар дам я тебе, Куталион, — продолжала Мелиан, — дар, что поможет тебе в дебрях, а также тем, кого ты избереешь.

И королева подала ему *лембас* — дорожный хлеб эльфов, — обернутый в серебристые листья; узелки же нитей, которыми был обвязан сверток, были запечатаны ее печатью белого воска в виде цветка Тельперииона: ибо, согласно обычаям эльдаров, лишь королева могла хранить и давать лембас. Никаким иным даром не могла Мелиан выказать большее благоволение к Турину, ибо эльдары никогда прежде не позволяли людям испробовать этого хлеба, да и после это случалось редко.

С этими дарами Белег ушел из Менегрота и вернулся на северные рубежи, где стояли его шатры и сражались его друзья. Орков оттеснили от Димбара, и Англахель каждый раз радовался, покидая



ножны. Когда наступила зима и бои утихли, Белег неожиданно исчез, и никогда более он не вернулся к своим соратникам.

Когда Белег покинул разбойников и ушел в Дориат, Турин увел шайку из долины Сириона на запад, ибо надоела им жизнь в постоянной тревоге и в страхе перед погоней и хотелось им найти убежище понадежнее. Случилось так, что однажды под вечер они наткнулись на троих гномов, которые при виде их бросились наутек, но один из них отстал, его схватили и швырнули оземь, а кто-то из разбойников вскинул лук и пустил стрелу вдогонку остальным, растворившимся в сумерках. Гном, которого они схватили, прозывался Мим; он молил Турина сохранить ему жизнь и клялся взамен провести их в потайные пещеры, куда без его помощи никто не мог найти дорогу. Турин сжалился над Мимом и пощадил его.

— Где же твой дом? — спросил он.

Мим отвечал:

— Высоко над землей, на большой горе жилище Мима: Эмон-Руд называется эта гора с тех пор, как эльфы поменяли все имена.

Турин умолк и долго смотрел на гнома, и наконец молвил:

— Веди нас туда.

На следующий день они вышли вслед за Мимом к Эмон-Руд. Гора стояла на краю вересковых пустошей, что тянулись между долинами Сириона и Нарога; высоко над зарослями вереска возносила она главу, и крутая серая вершина ее была оголена, если не считать алых *серегонов*, покрывающих камни. В то мгновение, когда Турин со спутниками подошли ближе, заходящее солнце пробилось сквозь тучи и осветило вершину—а серегоны были в полном цвету. И сказал один из них: «На вершине кровь».

Но Мим потайными тропами провел их вверх по обрывистым склонам Эмон-Руд; у входа в пещеру он поклонился Турину и молвил: «Войди же в Бар-эн-Данвед, Жилище-Выкуп, ибо так оно будет зваться отныне».

Другой гном, неся огонь, вышел навстречу ему, они обменялись какими-то словами и быстро скрылись во тьме пещеры; Турин же пошел следом и добрался до дальнего покоя, освещенного тусклыми светильниками. Там он увидел Мима, стоящего на коленях перед каменной лежанкой у стены: Мим рвал на себе бороду и причитал, беспрестанно выкрикивая одно и то же имя, а на лежанке вытянулся

третий гном. Войдя, Турин встал рядом с Мимом и предложил ему свою помощь. Мим взглянул на него и ответил:

— Ты ничем не можешь помочь. Это сын мой. Кхим, смертельно раненный стрелой. Он умер на закате. Так сказал мне сын мой Ибун.

Тут родилась в сердце Турина жалость.

— Увы! — воскликнул он. — Я, как сумею, расплачусь за эту стрелу. Отныне дом этот и впрямь будет называться Бар-эн-Данвед, и если когда-нибудь мне случится разбогатеть, я в знак скорби заплачу за твоего сына виру золотом, хоть оно и не развеселит больше твоего сердца.

Мим поднялся и долго смотрел на Турина.

— Я слышу тебя, — проговорил он. — Ты говоришь словно гномий владыка стародавних пор, и это изумляет меня. Теперь сердце мое спокойно, хоть и не весело; и ты можешь жить здесь, если захочешь, ибо я плачу свой выкуп.

Так Турин стал жить в потаенном жилище Мима на Эмон-Руд; часто бродил он по траве перед входом в пещеру и смотрел на восток, на запад и на север. На севере видел он лес Бретил, обвивающий зеленью Эмон-Обел: и туда неизменно устремлялся его взор, хоть он и не знал почему, ибо душа его тянулась скорее к северо-западу, где во многих лигах отсюда, казалось ему, различал он Теневой Хребет, родные его горы. Вечерами же смотрел он на запад, где красное солнце опускалось в туман над дальними берегами и утонула в тенях долина Нарога.

В то время Турин много разговаривал с Мимом и, сидя наедине с ним, слушал его мудрые речи и рассказы о его жизни. Мим вел род от тех гномов, что в давние дни были изгнаны из гномьих городов на востоке, задолго до возвращения Моргота забрели они в Белерианд. Они стали меньше ростом и утратили многое из кузнечного мастерства, и, привыкнув жить украдкой, ходили согнувшись и крадучись. До того как на запад пришли через горы гномы Ногрода и Белегоста, эльфы Белерианда не знали, что это за существа, и охотились за ними, но потом оставили в покое, прозвав *Нозгун Нибин*, что в наречии синдоров означает Малые Гномы, то есть карлики. Карлики никого не любили, кроме себя, и если они боялись и ненавидели орков, то эльдаров ненавидели не меньше, в особенности Изгоев: ибо нолдоры, говорили они, украли их земли и жилища.

Задолго до того, как прибыл из-за Моря король Финрод Фелагунд, они нашли пещеры Нарготронда и начали рыть там ходы; да и под вершиной Эмон-Руд, Лысой Горы, неспешные руки карликов все долгие прожитые там годы пробивали и углубляли пещеры, не тревожимые Сумеречными Эльфами лесов. Но в конце концов они выродились, и в Средиземье вымерли все, кроме Мима и его двоих сыновей, а Мим был стар даже по гномьему счету, стар и забыт. В его чертогах праздны были кузни и ржавели секиры, а память о карликах сохранилась лишь в древнейших преданиях Дориата и Нарготронда.

Пришла середина зимы, и выпал снег, обильней которого не видали прежде в речных долинах; и Эмон-Руд вся была засыпана снегом; говорили, что зимы становятся тем суровей, чем более возрастает могущество Ангбанда. Лишь самые крепкие телом осмеливались тогда выходить из дому; иные заболели, и всех мучил голод. Но вот как-то, в тусклых сумерках зимнего дня, внезапно явился меж изгоями человек — как им почудилось, огромного роста, в белом плаще с капюшоном; ни говоря ни слова, подошел он к огню. Когда же люди в страхе вскочили, он расхохотался и отбросил капюшон, а под плащом у него был большой сверток; и так при свете огня Турин вновь узрел Белега Куталиона.

Так Белег еще раз вернулся к Турину, и радостной была их встреча. С собою принес он из Димбара Драконий шлем Дор-Ломина, надеясь, что тем подвигнет Турина на большее, нежели прозябать в дебрях вожакom ничтожно малого отряда. Но Турин все не желал вернуться в Дориат, и Белег вопреки разуму, уступив своей любви, остался с ним; в то время много сделал он для блага Туринова отряда. Он лечил больных и раненых и давал им лембас Мелиан, и они излечивались скоро, ибо, хотя Сумеречные Эльфы и уступали в мастерстве и премудрости Изгоям из Валинора, в Средиземье их мудрость была для людей недосыгаема. А так как Белег был силен и вынослив, зорок и прозорлив, он стяжал себе великий почет среди разбойников; но ненависть Мима к эльфу, незвано явившемуся в Бар-эн-Данвед, все росла, и часто он вместе с сыном своим Ибуном, ни с кем не обмолвясь словом, сидел в самых темных закоулках своего жилища. Турин, однако, мало внимания обращал сейчас на гнома, а когда закончилась зима и пришла весна, нашлись у него дела более важные.

Кто познает замыслы Моргота? В чьих силах постигнуть пределы мысли того, кто прежде был Мелькором, могущественным айнуром Великой Песни, а ныне Черным Властелином восседает на черном троне Севера, в лиходействе своем взвешивая все вести, что стекаются к нему, и провидя мысли и дела врагов своих глубже, нежели могут представить себе даже мудрейшие из них — кроме владычицы Мелиан? Часто тянулась к ней мысль Моргота — и сбивалась со следа.

И вновь пришла в движение мощь Ангбанда: и, словно длинные пальцы слепо шарящей руки, передовые отряды его войска нащупывали пути в Белерианд. Они пришли через Анах и захватили Димбар, а с ним все северные рубежи Дориата. Пришли они по древней дороге, что вела через длинную Теснину Сириона, мимо острова, на котором стояла Минас-Тирит, крепость Финрода, а затем через земли между Мэлдуином и Сирионом и по краю Бретиля к Перекрестью Тейплина. Оттуда путь вел на Хранимую Равнину, но орки не углублялись в те края, ибо обитал там в дебрях незримый ужас, и с вершины красной горы следили за ними зоркие глаза, о которых они не ведали. Ибо Турин вновь надел шлем Хадора, и по всему Белерианду, под лесными кронами и над речными водами, летел слух, что Шлем и Лук, бесследно сгинувшие в Димбаре, восстали вновь. Многие из тех, что скитались тогда, не предводительствуемые никем и лишённые всего, но неустрашенные, воспряв духом, искали Двоих Вождей. В то время земля между Тейплином и западной границей Дориата была названа Дор-Куртол, Край Лука и Шлема; Турин же взял себе новое имя — Гортол, Шлем, Наводящий Ужас, и сердце его вновь взыграло. В Менегроте, в подземных чертогах Нарготронда и даже в сокрытом королевстве Гондолин узнали о славных деяниях Двоих Вождей; знали о них и в Ангбанде. И смеялся Моргот, ибо, благодаря Драконьему Шлему, сын Хурина был вновь открыт ему; и вскоре соглядатаи окружили Эмон-Руд.

На исходе года карлик Мим и сын его Ибун вышли из Бар-эн-Данвед, чтобы собрать в лесу кореньев для зимних припасов, и были схвачены орками. Тогда Мим вторично посулил провести своих врагов тайными тропами к своему жилищу, и все же он пытался отсрочить исполнение своего обещания и ставил условием не убивать Гортола.

На это вожак орков со смехом ответил Миму: «Само собой, Турина, сына Хурина, мы не убьем».

Так был предан Бар—эн—Данвед, и орки явились туда в ночи, ведомые Мимом. Многие товарищи Турина были убиты во сне, но иные по внутренней лестнице поднялись на вершину горы и сражались там, и все полегли, и кровь их омыла серегоны, растущие на камнях. А на отбивающемся Турине набросили сеть, и он запутался в ней: его скрутили и уволокли.

И вот, когда все стихло, Мим выполз из темного закоулка; солнце вставало над туманами Сириона, а он стоял на вершине, среди мертвецов. Чужая душа, однако, что не все они мертвы, ибо взгляд его встретился с другим взглядом — то был эльф Белег. С давней ненавистью шагнул Мим к Белегу и схватил меч Англахель, что лежал рядом с Белегом под телом одного из павших; но тут Белег, вскочив, вырвал у него меч и замахнулся на гнома, и Мим, вопя от ужаса, бежал с вершины. Белег же кричал ему вслед: «Отмщение рода Хадора настигнет тебя!»

Тяжелы были раны Белега, но он был могуч меж эльфов Средиземья и к тому же искусный целитель. Потому он не умер, и силы мало—помалу стали возвращаться к нему. Искал он среди мертвых Турина, дабы достойно похоронить его, но не нашел и понял, что сын Хурина жив и уведен в Ангбанд.

Почти без надежды Белег покинул Эмон—Руд и по следу орков пошел на север, к Перекрестью Тейглина; затем, переправясь через Бритиах, двинулся через Димбар к теснине Анах. Он почти нагнал орков, ибо те не спешили, охотясь по пути и не опасаясь погони, так как шли на север, а Белег даже в страшных дебрях Таур—ну—Фуина не свернул с пути, ибо не было в Средиземье более искусного следопыта. И вот как—то ночью, пробираясь по гиблому этому краю, он наткнулся на неизвестного, что спал у корней огромного сухого дерева; и, остановясь перед спящим, Белег увидел, что это эльф. Тогда он заговорил с ним и дал ему лембас, и спросил, что привело его в это страшное место; и тот назвался Гвиндором, сыном Гуилина.

С болью взирал на него Белег, ибо был теперь Гвиндор лишь согбенной и жуткой тенью себя прежнего — витязя Нарготронда, в Нирнаэт Арноэдиад подскакавшего с неистовой храбростью к самым вратам Ангбанда и там плененного. Не всех пленных нолдоров

Моргот предавал смерти, так как были они искусны в кузнечном деле и в добывании руд и самоцветов; не убили и Гвиндора, но заставили трудиться в копях Севера. Эльфы–рудокопы могли иногда бежать тайными штольнями, ведомыми лишь им, и вот Белег обнаружил Гвиндора, когда тот, обессиленный, заблудился на неверных тропах Таур–ну–Фуина.

И поведал ему Гвиндор, что, когда лежал, прячась меж деревьев, то увидел большой отряд орков, двигавшихся на север, и сопровождали их волки; а еще среди них был человек со скованными руками, и орки подгоняли его бичами. «Был он высок, — говорил Гвиндор, — высок, как люди с туманных холмов Хитлума». Тут Белег открыл ему, что привело в Таур–ну–Фуин его самого, и Гвиндор пытался отговорить его, твердя, что он лишь разделит с Турином уготовленные тому муки. Но не хотел Белег отречься от Турина и, сам отчаявшийся, возжег надежду в сердце Гвиндора: вместе двинулись они по следам орков и вскоре вышли из леса на крутые склоны, что сбегали к бесплодным дюнам Анфауглита. Когда стали видны вершины Тангородрима, на закате дня в пустынной лощине орки разбили лагерь и, расставив вокруг волков–стражей, затеяли попойку. С запада надвигалась буря, и над Теневым Хребтом полыхали зарницы, когда Белег и Гвиндор подкрадывались к лощине.

Когда весь лагерь уснул, Белег взял лук и в темноте по одному бесшумно перебил всех волков–стражей. Тогда, рискуя жизнью, Белег и Гвиндор пробрались в лагерь и отыскали Турина, скованного по рукам и ногам и привязанного к сухому дереву; в стволе торчали ножи, что метали в него орки, и был он бесчувственен, погруженный в сон от великой усталости. Белег и Гвиндор рассекли узы и, подняв его, вынесли из лощины, однако смогли донести его лишь до ближних зарослей терновника. Там они опустили его на землю, а гроза была уже близка. Белег вынул меч свой Англахель и рассек им оковы Турина, но рок в этот день взял вверх, ибо клинок соскользнул, рассекая цепи, и ранил Турина в ногу. Тот внезапно пробудился, охваченный гневом и страхом, и, увидев, что над ним склонился некто с обнаженным мечом, вскочил, громко крича, ибо решил, что орки снова явились пытаться его; и, схватившись с ним в сумерках, Турин выхватил Англахель и сразил Белега Куталиона, приняв его за врага.

Но в тот миг, когда Турин стоял свободный, готовый дорого продать свою жизнь в схватке с вымышленным врагом, в небе вспыхнула молния, и при свете ее он увидел у ног своих лицо Белега. И застыл Турин, окаменев, взирая на ужасную эту смерть и сознавая, что натворил: и так страшно было его лицо, озаренное блещущими молниями, что Гвиндор скорчился на земле, не смея поднять глаз.

А внизу, в долине, пробудились орки, и лагерь закипел, ибо испугались они грома, пришедшего с запада, считая, что он наслан их великими Заморскими Врагами. Потом поднялся ветер, и обрушился ливень, и потоки хлынули с высот Таур–ну–Фуина; но сколько Гвиндор ни взывал к Турину, предостерегая его об опасности, тот не отвечал, лишь без движения и слез сидел среди грозы и бури над телом Белега.

Когда настало утро, гроза умчалась на восток через Лотланн, и взошло осеннее солнце, жаркое и ясное. Орки, считая, что Турин уже далеко отсюда и следы его смыты дождем, поспешно ушли, не обременяя себя долгими поисками, и Гвиндор видел издалека, как шагают они по курящимся пескам Анфауглита. Так и вернулись они к Морготу с пустыми руками, а в это время сын Хурина, обезумев, сидел на склонах Таур–ну–Фуина, отягощенный бременем более тяжким, чем прежние оковы.

Тогда Гвиндор попросил Турина помочь ему в погребении Белега; тот встал как во сне, и вместе опустили они Белега в неглубокую могилу, а рядом с ним положили его большой лук Белтрондинг, сделанный из черного тиса. Но злосчастный меч Англахель Гвиндор оставил, сказав, что пусть он лучше мстит прислужникам Моргота, чем бесполезно лежит в земле, забрал он также и лембас, дабы подкреплять им силы в дебрях.

Так погиб Белег Могучий Лук, вернейший из друзей, искуснейший из всех, обитавших когда–либо в Давние Дни в лесах Белерианда: погиб от руки того, кого он любил больше всех на свете, и горечь запечатлелась на лице Турина и не исчезла более никогда. Но в эльфе из Нарготронда возродились отвага и сила, и, покинув Таур–ну–Фуин, он увел Турина прочь. Ни разу, пока брели они по бесконечным и горестным тропам, Турин не молвил слова, и шел он без цели и желанья, а год подходил к концу, и зима явилась в северные края. Но Гвиндор всегда был рядом, храня и направляя Турина; и так

они, следуя на запад, переправились через Сирион и пришли наконец к Эйтель-Иврину, источнику у подножья Теневого Хребта, из которого рождается Нарог. И там Гвиндор молвил Турину: «Пробудись, о Турин, сын Хурина Талиона!» Непрестанный смех звенит над озером Иврин. Его питают неиссякаемые хрустальные ключи Иврин, и хранит Ульмо, Владыка Вод, что сотворил в незапамятные времена его красоту, воды от осквернения. Турин опустился на колени и испил воды, и внезапно рухнул оземь, и потоком хлынули слезы, и он был излечен от безумия.

И сложил он песню по Белегу, назвав ее *Лаэр Ку Белег*, Песнь о Великом Луке, и громко пел ее, невзирая на опасность. Гвиндор же вложил в его руки меч Англахель, и увидел Турин, что меч этот могуч и тяжек, но клинок его черен и мрачен, а края затупились. Молвил Гвиндор:

— Станный это клинок, и подобного ему не видел я в Средиземье. Он даже скорбит о Белеге, подобно тебе. Но утешься: ибо я возвращаюсь в Нарготронд, где правит род Финарфина, и ты пойдешь со мною и будешь исцелен и обновлен.

— Кто ты? — спросил Турин.

— Бродячий эльф, беглый раб из Ангбанда, которого встретил и утешил Белег, — отвечал Гвиндор. — Некогда же был я Гвиндором, сыном Гуилина, витязем Нарготронда, пока не ушел на Нирнаэт Арноэдиад и не стал рабом в Ангбанде.

— А видел ли ты Хурина, сына Галдора, воителя из Дор-Ломина? — спросил Турин.

— Я не видел его, — сказал Гвиндор, — но слух идет по всему Ангбанду, что он все еще не покорился Морготу и что Моргот проклял его и весь его род.

— Этому я охотно верю, — молвил Турин.

Встали они и покинули Эйтель-Иврин, и пошли на юг вдоль берегов Нарога, пока не перехватили их разведчики-эльфы и не доставили как пленников в потаенную твердыню. Так Турин пришел в Нарготронд.

Соплеменники не признали вначале Гвиндора, что ушел юным и стройным, а вернувшись, казался похожим на смертного преклонных лет, по причине пережитых им мук и лишений; но Финдуилас, дочь короля Ородрета, узнала и приветствовала его, ибо любила его еще до



Нирнаэт; Гвиндор же так пленен был ее красотой, что назвал ее Фаэлийврин, Солнечный Блик на Водах Иврина. Ради Гвиндора Турину дозволено было войти с ним в Нарготронд, и он жил там в почете. Но когда Гвиндор хотел назвать его имя, Турин остановил его, говоря: «Я — *Агарваэн*, сын *Умарта* (что означает Запятнанный кровью, сын Обреченного), лесной охотник», — и эльфы Нарготронда не расспрашивали его более.

Вскоре Турин оказался в большой милости у Ородрета, и сердца почти всех жителей Нарготронда обратились к нему, был он юн и лишь сейчас достиг полной зрелости; по виду же был он истинный сын Морвен Эледвен: темноволосый и светлокожий, с серыми глазами и лицом прекраснее, чем у всех смертных, живших в Давние Дни. Речь его и повадки носили печать древнего королевства Дориат, и даже среди эльфов его можно было принять за нолдора высокого рода; потому многие называли его Аданедел, Человек-Эльф. Искусные оружейники Нарготронда перековали для него меч Англахель, и хотя остался он навечно черен, края клинка засияли бледным огнем; и назвал его Турин — Гуртанг, Смертное Железо. Так велики были искусность и опытность Турина в стычках на рубежах Нарготронда, что сам он вскоре стал известен под именем Мормегил, Черный Меч; и говорили эльфы: «Мормегила не убьют, разве что по несчастной случайности или от недоброй стрелы». Потому они дали ему для защиты гномьи доспехи; он же как-то, будучи мрачно настроен, отыскал в арсеналах гномью же позолоченную маску и перед битвой надевал ее: враги бежали пред ним. И вот сердце Финдуилас отвратилось от Гвиндора, и, против воли ее, любовь была отдана Турину; но Турин не понимал, что происходит. И опечалилось раненое сердце Финдуилас, стала она бледной и молчаливой. Гвиндора же одолевали мрачные мысли, и как-то он обратился к Финдуилас:

— Дева из рода Финарфина, да не разделит нас скорбь: ибо, хотя Моргот и разрушил мою жизнь, я все еще люблю тебя. Ступай, куда ведет тебя любовь, но берегись! Не годится, чтобы Старшие Дети Илуватара сочетались браком с Младшими — век их краток, и они скоро уходят, покидая нас в извечном вдовстве. Не примет и рок этого брака: лишь один-два раза, по причине, недоступной нашему пониманию, может случиться обратное. Но человек этот — не Берен.

Велик его жребий, и это открыто всем, кто ни взглянет на него, но и черен. Страхись разделить его! Если же это случится, твоя же любовь предаст тебя горести и смерти! Ибо внемли! Хоть он и воистину — *Агарваэн*, сын *У марта*, настоящее имя его — Турин, сын Хурина, того самого, кого Моргот заключил в Ангбанде и чей род он проклял. Не сомневайся в могуществе Моргота Бауглира! Или не запечатлелось оно во мне?

Долго сидела задумавшись Финдуилас и наконец промолвила:

— Турин, сын Хурина, не любит меня и не полюбит никогда.

Когда же Турин узнал от Финдуилас о том, что произошло, он разгневался и сказал Гвиндору:

— Я любил тебя, ибо ты охранил меня и помог мне. Но сейчас, друг, ты причинил мне зло, открыв мое истинное имя и призвав на меня рок, от которого я желал сокрыться.

Но отвечал Гвиндор:

— Рок твой не в твоём имени, а в тебе самом.

Когда Ородрету стало известно, что Мормегил на деле — сын Хурина, он окружил его великим почетом, и Турин обрел власть в Нарготронде. Но не по душе ему было, как ведут войну его жители — засадами и стрелами, пущенными исподтишка, он жаждал смелых ударов и открытых битв: а его мнение обретало для короля все больший вес. В те дни эльфы Нарготронда отrekliсь от осторожности и вышли в открытый бой: они собрали большие запасы оружия и по совету Турина выстроили большой мост через Нарог от самых врат Фелагунда, чтобы их войска могли быстро переправляться через реку. Тогда-то прислужники Ангбанда были изгнаны из всех земель между Нарогом и Сирионом на востоке и до Неннинга и пустынного Фаласа на западе; и хотя Гвиндор на королевских советах всегда говорил против Турина, считая опасными его замыслы, он впал в немилость, и никто не считался с ним, ибо силы его стали ничтожны, и он не был больше первым в сражениях. Так Нарготронд стал открыт ненависти и гневу Моргота; и все же, по просьбе Турина, о его истинном имени молчали, и, хотя слава о его деяниях достигла Дориата и слуха Тингола, молва твердила лишь о Черном Мече Нарготронда.

\*\*\*

В то время краткого мира и робкой надежды, когда свершения Мормегила ослабили власть Моргота к западу от Сириона, Морвен с дочерью своей Ниэнор бежала наконец из Дор–Ломина и отважилась на долгий путь во владения Тингола. Там ждало ее новое горе, ибо она узнала, что Турин ушел и что с тех пор, как Дракониий Шлем исчез из земель к западу от Сириона, в Дориат не приходило вестей о нем; однако Морвен и Ниэнор остались в Дориате гостями Тингола и Мелиан и жили в почете.

Когда прошло четыре сотни и девяносто пять лет после появления Луны, случилось так, что весною пришли в Нарготронд два эльфа. Звали их Гелмир и Армйнас: были они из племени Ангрода, но после Дагор Браголлах жили на юге, у Кирдана Корабела. Из дальнего своего пути принесли они весть, что под склонами Эред–Ветрин и в Теснине Сириона собираются стаи орков и лихих тварей; поведали они также, что Ульмо явился к Кирдану, предупреждая его о великой опасности, надвигающейся на Нарготронд.

— Внемли Владыке Вод! — сказали они королю. — Вот что поведал он Кирдану Корабелу: «Северное лихо осквернило источники, питающие Сирион, и власть моя ускользает из пальцев текучих вод. Но грядет еще худшее. И потому передай владыке Нарготронда — пусть замкнет врата твердыни и не покидает ее. И камни гордыни своей пусть бросит в бурлящую реку, дабы крадущееся лихо не отыскало врата».

Ородрета встревожили темные речи посланцев, но Турин ни за какие сокровища мира не стал бы внимать им и менее всего стерпел бы, чтоб был разрушен огромный мост, ибо стал неуступчив и горд и хотел, чтобы все шло так, как он желает.

Вскоре после того, как погиб Хандир, вождь халадинов и владыка Бретила, орки вторглись в его земли, и Хандир дал им бой, но люди Бретила потерпели поражение и были отброшены в леса. А осенью того же года Моргот, дождавшись своего часа, двинул на племя Нарога самое большое войско из всех, что собирал когда–либо; и Глаурунг Урулоки прополз через Анфауглит и свершил великое лихо в северных долинах Сириона. Под сенью Эред–Ветрин осквернил он Эйтель–Иврин, а затем ворвался во владения Нарготронда и выжег Талат–Дирнен, Хранимую Равнину, меж Нарогом и Тейглином.

Тогда выступили витязи Нарготронда. Велик и страшен был в тот день Турин, и воспряли сердца воинов, когда выехал он по правую руку от Ородрета. Однако войско Моргота было более многочисленно, нежели сообщали разведчики, и никто, кроме Турина, защищенного гномьей маской, не мог стать на пути Глаурунга. Эльфы были смяты орками и отброшены в долину Тумхалад, что меж Гинглитом и Нарогом, и там они были окружены. В тот день пала гордость Нарготронда и все его войско; в разгаре битвы пал Ородрет, и Гвиндор, сын Гуилина, был смертельно ранен. Но Турин пришел ему на помощь, и враги бежали пред ним: он вынес Гвиндора из битвы и, скрывшись в лесу, положил его на траву.

Тогда молвил Гвиндор Турину: «Помощь за помощь! Но моя была злосчастной, а твоя бесполезна, ибо тело мое искалечено так, что его не исцелить, и должен я покинуть Средиземье. И хотя я люблю тебя, сын Хурина, я сожалею и раскаиваюсь, что увел тебя от орков. Если б не твоя гордыня и не твоя воинственность, я остался бы жив и любим, да и Нарготронд, пусть на время, стоял бы. Теперь же, если любишь меня, — уйди! Поспеси в Нарготронд и спаси Финдуилас. Вот мое последнее слово: она одна стоит меж тобой и твоим проклятием. Если ты потеряешь ее, оно найдет тебя! Прощай!»

И Турин поспешил в Нарготронд, по пути собирая уцелевших воинов: шли они, и сильный ветер срывал листву с деревьев, ибо осень сменялась суровой зимой. Но орды орков и дракон Глаурунг оказались там раньше их — явились внезапно, прежде чем стражи узнали о том, что случилось в долине Тумхалад. Страшную службу сослужил в тот день мост через Нарог, широкий и прочный, ибо защитники не успели его разрушить, враг перешел по нему глубокую реку. Огнедышащий Глаурунг пришел к Вратам Фелагунда, и разрушил их, и вошел.

Когда подоспел Турин, ужасное разорение Нарготронда почти свершилось. Орки перебили или рассеяли всех, кто еще держал оружие, и уже обшаривали чертоги и палаты, грабя и разоряя; тех женщин и девушек, кого не сожгли и не убили, они сгоняли на террасы перед домами, дабы увести их в рабство к Морготу. Среди горя и разора явился Турин, и никто не мог и не хотел преградить ему путь, хоть он и убивал всех, кто ему ни попадался, и шел к мосту, пробивая себе дорогу к пленникам.

Был он сейчас один, ибо те немногие, кто следовал за ним, бежали прочь. В тот миг из распахнутых врат выполз Глаурунг и лег меж Турином и мостом. И молвил он, побуждаемый лиходейским духом: «Привет тебе, о сын Хурина! Что за радостная встреча!»

Турин шагнул к нему, и вспыхнуло пламенем острие Гуртанга; но Глаурунг, упреждая удар, широко раскрыл свои немигающие глаза и воззрился на Турина. Бесстрашным взглядом ответил ему Турин, поднимая меч; но в тот же миг чары драконьих глаз сковали его, и он замер. Долго стоял он, словно высеченный из камня, и, кроме них двоих, безмолвных, не было ни души пред воротами Нарготронда. И вновь заговорил Глаурунг, насмехаясь над Турином: «Черны все твои пути, сын Хурина! Неблагодарный приемыш, разбойник, убийца друга, похититель чужой любви, тиран Нарготронда, неразумный воитель, покинувший родичей на произвол судьбы. В нужде и нищете, рабынями живут в Дор–Ломине твои мать и сестра. Ты одет как принц, они же ходят в лохмотьях; они призывают тебя, но ты о том не тревожишься. Счастлив будет отец твой узнать, каков у него сын: а узнает он непременно». И Турин, зачарованный Глаурунгом, внимал его речам и видел себя в кривом зеркале лиха, и ужасался тому, что видел.

И пока стоял он, цепenea под взглядом дракона, погруженный в мучительные мысли, орки, гоня пленников, миновали Турина и перешли мост. Была там и Финдуилас, и она звала Турина, но Глаурунг не отпустил его, пока крик ее и плач пленников не стихли на северном тракте; и долго еще звучал этот крик в ушах Турина.

И вдруг Глаурунг отвел взгляд и замер, выжидая, а Турин медленно шевельнулся, словно очнувшись от тяжкого сна. Придя в себя, он с криком бросился на дракона. Но лишь рассмеялся Глаурунг: «Если уж так хочется тебе умереть, так и быть, я тебе помогу! Но поможет ли это Морвен и Ниэнор? Ты не внял зову эльфийской девы. Отречешься ли ты также и от кровных уз?»

Но Турин выхватил меч, целясь в глаза дракона, и тогда Глаурунг, изогнувшись, поднялся над ним и молвил так: «О нет! Ты ведь храбр, храбрее тебя я не встречал. Лгут бесстыдно те, кто говорит, что племя мое не почитает доблести врага. Внемли же! Я дарую тебе свободу. Ступай! И если уцелеет эльф либо человек, дабы сложить повесть об

этих днях, презрением помянет он тебя, если ты истратишь понапрасну этот дар».

И Турин, все еще под властью драконовых чар, поверил речам Глаурунга о том, что якобы пред ним враг, способный к милосердию, и, повернув прочь, поспешил к мосту; Глаурунг же, в злобе своей, крикнул вслед ему: «Торопись в Дор–Ломин, сын Хурина! Не то тебя снова опередят орки. Если же пойдешь ты за Финдуилас и хоть на миг помедлишь, никогда больше не увидишь ты Морвен и никогда в жизни не увидишь сестру свою Ниэнор — и они проклянут тебя!»

Но Турин повернул на север, и вновь рассмеялся Глаурунг, ибо исполнил приказ своего Господина. Теперь он решил повеселить себя: дохнул огнем и сжег все вокруг, орков же, что занимались грабежом, прогнал и отнял у них все награбленное до последнего, затем разрушил мост и сбросил останки его в пенный Нарог. Обезопасив себя таким образом, он собрал в самом дальнем чертоге Нарготронда сокровища Фелагунда, улегся на эту гряду и отдыхал.

Турин же в спешке шел по пустынным ныне землям меж Нарогом и Тейглином, а навстречу ему спешила Суровая Зима, ибо снег в этом году выпал прежде, чем кончилась осень, а весна была поздняя и холодная. И непрестанно слышал он в пути голос Финдуилас, звавшей его по имени, и страдал нестерпимо; но сердце его горело от лжи Глаурунга, и, видя мысленно орков, поджигающих дом Хурина или пытающих Морвен и Ниэнор, ни разу не свернул он с пути.

И вот, изможденный спешкой и долгой дорогой — ибо он прошел без отдыха более сорока лиг, — с первым льдом пришел Турин к водам Иврина, где некогда был исцелен. Но озеро замерзло, и не мог он больше испить из него.

По суровым северным снегам пришел он на перевалы, что вели в Дор–Ломин, и вновь увидел он край своего детства. Стал тот край пустынен и негостеприимен: и Морвен не было там. Опустел ее дом, разрушенный и продрогший, и ни одна живая душа не обитала поблизости. Потому Турин ушел оттуда и явился в дом смуглолицего Бродды, что взял в жены Аэрин, родственницу Хурина; и там от старого слуги узнал он, что Морвен давно уже нет в Дор–Ломине, ибо она и Ниэнор бежали, и никто, кроме Аэрин, не знает куда.

Тогда Турин прорвался в зал, где пировал Бродда, схватил его, обнажил меч и потребовал сказать, куда девалась Морвен; и Аэрин

объявила ему, что она ушла в Дориат на поиски сына. «Ибо, — молвила она, — край тогда был свободен от лиха, благодаря Черному Мечу с юга, который ныне, говорят, пал». Прозрел тогда Турин, и рухнули последние узы заклатья Глаурунга; и от боли и гнева на ложь, которой он поверил, а также от ненависти к притеснителям Морвен черное бешенство овладело им, и убил он Бродду, а также других изменников, что гостили там. Затем он бежал, и за ним гнались, но те люди племени Хадора, что уцелели и знали тропы в дебрях, помогли ему, и с ними бежал он в метель и добрался до прибежища изгоев в южных горах Дор–Ломина. Так Турин вновь покинул свою родину и вернулся в долину Сириона. Горько было у него на сердце, ибо принес он в Дор–Ломин лишь большую беду для уцелевших своих соплеменников, и они были рады, что он ушел; утешало его лишь то, что доблесть Черного Меча проложила Морвен путь в Дориат. И сказал он себе так: «Не всем, стало быть, принесли зло мои деяния. А куда же еще я мог бы отправить своих родных, даже если бы явился ранее? Ибо Завеса Мелиан рухнет лишь вместе с последней надеждой. Нет, пусть все остается так как есть: ибо, где бы я ни появился, тень следует за мной неотлучно. Да охранит их Мелиан! Я же оставлю их в мире, пока еще не затененном».

Спустившись с Эред–Ветрин, Турин тщетно искал Финдуилас и бродил в лесах у подножия гор, одичавший и чуткий, как зверь: он обшарил все дороги, что вели на север к Теснине Сириона. Но он опоздал — ветер развеял все следы, а зима укрыла снегом. Но вот как-то к югу от Тейплина Турин наткнулся на людей Бретила, которых обложили орки, и спас их, ибо не могли орки выстоять пред Гуртангом. Он назвался Лесным Дикарем, и люди просили и уговаривали его поселиться с ними; но отвечал он, что не исполнил еще своего дела — отыскать Финдуилас, дочь Ородрета Нарготрондского. И тогда Дбрлас, предводитель лесных людей, поведал горестную историю ее смерти. Ибо люди Бретила как-то на Перекрестье Тейплина напали на орков, ведших пленников из Нарготронда, надеясь спасти несчастных. Но орки тут же жестоко умертвили всех пленных, Финдуилас же они пригвоздили к дереву копьём. Так умерла она, вымолвив напоследок: «Скажите Мормегилу, что Финдуилас здесь». Потому ее погребли в кургане неподалеку

отсюда и нарекли это место Ха́уд-эн-Эллет, Могила Эльфийской Девы.

Турин велел провести его туда и, увидев курган, впал в черное отчаяние, подобное смерти. Дорлас же по черному мечу, слава о коем дошла даже в глушь Бретила, а также по тому, что Турин искал дочь короля, понял, что Дикарь этот на самом деле Мормегил из Нарготронда, который, по слухам, был не кто иной, как сын Хурина из Дор-Ломина. Потому лесные люди подняли Турина и принесли его в свое селение. Хижины их размещались в лесу, на холме, обнесенном крепкой изгородью, и называлось это место Эфел-Брандир на Эмон-Обель: ибо племя Халет уменьшилось из-за войн, а Брандир, сын Хандира, что ныне правил ими, был человек мягкого нрава, да к тому же хромой с детства, и верил он, что не битва, а скрытность спасет их от мощи Севера. Потому весть, принесенная Дорласом, испугала Брандира, а когда взглянул он на Турина, лежащего на носилках, предчувствие омрачило тенью его сердце. Тем не менее, тронутый горем Турина, он взял его в свою хижину и долго лечил, ибо искусен был во врачевании. С началом весны Турин посветлел, воспрял духом и выздоровел; и подумал он, что мог бы остаться в Бретиле, сокрытый ото всех, и избавиться от своего темного рока, забыв о прошлом. Потому он взял себе новое имя — Турáмбар, что в Высоком наречии эльфов означает Властелин Судьбы, и просил лесных людей забыть о том, что он чужой им и некогда носил иное имя. Все же не мог он совсем отречься от воинских дел, ибо не смирялся с тем, что орки могли появляться на Перекрестье Тейглина либо шнырять у Ход-эн-Эллета; и стало то место для орков страшным, так что они избегали его. Однако Турин отложил свой черный меч и вооружился луком и стрелами.

Новые вести о Нарготронде пришли в Дориат, ибо те, кто уцелел после разгрома и разорения и пережил в дебрях Суровую Зиму, явились в поисках убежища к Тинголу; и стражи провели их к королю. Иные говорили, что все враги отступили на север, иные — что Глаурунг по-прежнему обитает в чертогах Нарготронда; одни твердили, что Мормегил жив, другие — что он обратился в камень под чарами дракона. Но все в один голос говорили, будто бы многие в Нарготронде знали, что Мормегил на деле был Турином, сыном Хурина из Дор-Ломина. Морвен была вне себя от горя и, вопреки



совету Мелиан, одна отправилась в дебри, дабы разыскать сына или хотя бы верные вести о нем. Тингол послал за ней Маблунга с отрядом закаленных воинов, чтобы отыскали и спасли ее, а также разузнали все что можно. Ниэнор, однако, приказано было остаться. Но в ней жил бесстрашный дух ее рода, и вот, в недобрый час, надеясь, что Морвен вернется, если увидит, что дочь ее намерена делить с ней опасность, Ниэнор оделась в мужской наряд и с воинами Тингола отправилась в злосчастный этот поход.

Они отыскали Морвен на берегу Сириона, и Маблунг умолял ее вернуться в Менегрот; но она словно не слышала, и невозможно было ее переубедить. Тогда же обнаружили Ниэнор, и, несмотря на веление Морвен, она отказалась вернуться; и пришлось Маблунгу провести их к потайным переправам на Полусветных Водах, и они пересекли Сирион. И вот, после трех дней пути, пришли они к Эмон–Этир, Холму Дозорных, что много лет назад с великими трудами воздвигли в одной лиге от врат Нарготронда по велению Фелагунда. Затем Маблунг оставил несколько всадников с Морвен и Ниэнор, запретив им двигаться дальше. Сам же, не увидя с холма ни одного признака врагов, со своими разведчиками бесшумно спустился к Нарогу.

Но Глаурунгу ведомо было все, что они предприняли, и вот он, пылая гневом, спустился к реке и лег в нее; поднялся пар, и зловонный дым ослепил Маблунга и его спутников, а Глаурунг тем временем переполз через Нарог.

Видя приближение дракона, воины, оставшиеся на Эмон–Этире, хотели увести Морвен и Ниэнор, и бежать с ними назад, на восток, но ветер окутал их плотным туманом, а кони обезумели от драконьего зловония, заметались и понесли; так что многие всадники до смерти разбились о деревья, а других кони унесли невесть куда, и так воины потеряли обеих женщин. Ни одна весть о Морвен не достигла с тех пор Дориата. Что до Ниэнор, то конь сбросил ее, но она не была ранена и вернулась к Эмон–Этиру, чтобы там дожидаться Маблунга; она выбралась из тумана на солнечный свет и, обратившись к западу, взглянула прямо в глаза Глаурунга, чья голова лежала на гребне горы.

Некоторое время воля Ниэнор противилась воле дракона, но тот пустил в ход свои чары и, узнав, кто она, вынудил ее не отводить взгляд и наложил на нее заклятье безмерной тьмы и забвения, так что она не помнила ни того, что было с ней прежде, ни своего имени, ни

других имен и названий вещей, и многие дни не могла она ни видеть, ни слышать, ни пошевелиться по своей воле. Тогда Глаурунг оставил ее на Эмон–Этире и вернулся в Нарготронд.

Маблунг, который отважно исследовал чертоги Фелагунда, покинутые драконом, по возвращении Глаурунга скрылся и вернулся на Эмон–Этир. Когда он взобрался на вершину, солнце уже зашло и наступила ночь, и не нашел он никого, кроме Ниэнор, застывшей под звездным небом, как одинокое изваяние. Ни слова не сказала она, ни звука не слышала, но следовала за ним, когда он брал ее за руку. И Маблунг, опечаленный, увел ее прочь, хотя и казалось это ему напрасным, ибо оба они, оставшись без помощи, были обречены.

Но их отыскиали трое спутников Маблунга, и все они медленно двинулись на северо–восток, за Сирион, к рубежам Дориата, к охраняемому мосту при впадении Эсгалдуина в Сирион. Чем ближе подходили они к Дориату, тем быстрее восстанавливались силы Ниэнор; но она все еще ничего не видела и не слышала и шла, как слепая, туда, куда ее вели. Когда же наконец подошли к рубежам Дориата, она сомкнула свои широко раскрытые глаза и уснула; эльфы уложили ее на землю и сами заснули, забыв об осторожности, ибо были измождены. Тогда напали на них орки, что частенько бродили у рубежей Дориата, подбираясь настолько близко, насколько хватало смелости. В этот миг к Ниэнор вернулись слух и зрение, орочьи вопли пробудили ее, она в ужасе вскочила и убежала, прежде чем орки успели приблизиться к ней.

Орки бросились в погоню, а эльфы погнались за орками и перебили их прежде, чем те успели причинить ей зло; но Ниэнор бежала от них. Словно обезумев от страха, мчалась она быстрее, чем дикий олень, и в беге изодрала свои одежды и осталась нагой; она скрылась в северной стороне, и эльфы потеряли ее из виду, и хотя долго искали ее, но не нашли ни ее следов, ни ее самой. Отчаявшись, Маблунг вернулся в Дориат и поведал о случившемся. Опечалились Тингол и Мелиан, Маблунг же ушел прочь и долго искал вестей о Морвен и Ниэнор, но тщетно.

Ниэнор же бежала в дебрях, пока не иссякли силы: тогда она пала оземь и заснула, а когда пробудилась, было солнечное утро, и она обрадовалась свету, словно увидела его впервые. Все, что ни попадалось ей на глаза, казалось новым и незнакомым, ибо она

ничему не знала названия. Она не помнила ничего, что было прежде, кроме тьмы и тени ужаса, и потому бродила чутко, словно загнанный зверь, и изголодалась, так как пищи у нее не было, а она не умела добывать ее. Она добралась до Перекрестья Тейглина и прошла его, ища убежища под могучими деревьями Бретила. Было ей страшно, словно тьма, от которой она бежала, вновь грозила овладеть ею.

С юга пришла гроза, и в ужасе рухнула Ниэнор у кургана Ход-эн-Эллет, затыкая уши, чтобы не слышать грома; а дождь хлестал ее и промочил насквозь, и лежала она, как умирающий зверь. Там и нашел ее Турамбар, что пришел к Перекрестью Тейглина, услышав, что будто бы поблизости бродят орки; и когда при взблеске молнии увидел он мертвую — как почудилось ему — девушку на могиле Финдуилас, то был потрясен до глубины души. Но лесные люди подняли девушку, а Турамбар укрыл ее своим плащом, и они унесли ее в ближайшую хижину, обогрели и накормили. Едва взглянув на Турамбара, она успокоилась, ибо показалось ей, что нашла она то самое, что искала во тьме, и не должна с ним расставаться. Однако, когда он спросил ее об имени и роде и о несчастье, приключившемся с нею, девушка забеспокоилась, как дитя, которое сознает, что от него нечто требуют, но не может понять, что именно, и разрыдалась. Потому молвил Турамбар: «Не тревожься. Рассказ твой подождет. Я же дам тебе имя и назову тебя Ниниэль, Дева-Слеза». Услышав это имя, она покачала головой, но повторила: «Ниниэль». Было то первое слово, которое произнесла она с тех пор, как пало на нее заклятье тьмы, и таким осталось ее имя среди лесных людей.

На следующий день ее понесли в Эфел-Брандир; но когда пришли они к Димросту, Дождливой Лестнице, где текущий поток Кэлеброса сбегал к Тейглину, на нее напала великая дрожь, отчего это место позднее было названо Нен Гириф, Содрогающаяся Вода. Не успела Ниниэль добраться до жилища лесных людей на Эмон-Обеле, как ее забила лихорадка; долго лежала она так, и женщины Бретила ухаживали за ней и, словно ребенка, учили говорить. С приходом осени искусство Брандира исцелило ее, и она могла говорить, но не помнила ничего, что случилось с ней до того, как Турамбар нашел ее на кургане Ход-эн-Эллет. Брандир полюбил ее, но сердце Ниниэль отдано было Турамбару.

В то время орки не тревожили лесных людей, Турамбар не воевал, и мир царил в Бретиле. Сердце Турамбара обратилось к Ниниэль, и он просил ее стать его женой, но в тот раз она попросила отсрочки, хоть и любила его. Ибо Брандир предчувствовал недоброе, сам не ведая что, и пытался удержать Ниниэль, скорее ради ее же пользы, нежели из ревности; и открыл он ей, что Турамбар не кто иной, как Турин, сын Хурина, и хотя Ниниэль не узнала этого имени, тень омрачила ее сердце.

Однако, когда прошло три года после падения Нарготронда, Турамбар вновь попросил руки Ниниэль и объявил, что либо он станет ее мужем, либо уйдет воевать. Тогда Ниниэль с радостью дала согласие, и в день Венца Лета они стали мужем и женой, и лесные люди устроили великое празднество. Однако в конце года Глаурунг выслал против Бретила орков. Турамбар же бездействовал, ибо дал слово Ниниэль, что не пойдет воевать, пока враг не подступит к самым жилищам. Но лесные люди оказались в беде, и Дорлас упрекнул Турамбара, что он не помогает народу, который назвал своим. Тогда встал Турамбар, вновь извлек из ножен свой черный меч и собрал дружину людей Бретила, и они разбили орков. Но Глаурунг узнал, что в Бретиле объявился Черный Меч, и призадумался над этой вестью, замышляя новое лихо.

Весной следующего года Ниниэль понесла под сердцем ребенка и стала бледна и печальна; и в то же время в Эфел–Брандир пришли первые вести о том, что Глаурунг покинул Нарготронд. Тогда Турамбар выслал разведчиков, ибо ныне он распоряжался так, как считал нужным, и мало кто внимал Брандиру. Ближе к лету Глаурунг приполз к рубежам Бретила и залег у западного берега Тейглина; великий страх объял лесное племя, ибо всем стало ясно, что Великий Змей не проползет мимо, возвращаясь в Ангбанд, как надеялись прежде, а нападет и разорит их земли. Обратились за советом к Турамбару, и он сказал, что бессмысленно выходить против Глаурунга даже со всей их силой, ибо одолеть его можно лишь хитростью и везением. И сказал он также, что сам отыщет дракона, а всем прочим велел оставаться в Эфел–Брандире и готовиться к бегству. Ибо, если Глаурунг победит, он прежде всего отправится разорять жилища лесных людей, а они не смогут выстоять против него, если же они

разбегутся, то многие смогут спастись, ибо Глаурунг ненадолго задержится в Бретиле и скоро вернется в Нарготронд.

И спросил Турамбар, кто желает разделить с ним опасность; но никто не вызвался, кроме Дорласа. Тогда Дорлас осыпал упреками соплеменников и с презрением помянул Брандира, недостойного наследника рода Халет. Так Брандир был опозорен перед своим племенем, и горечью исполнилось его сердце. Однако Гунтор, родич Брандира, вызвался пойти за него. Затем Турамбар простился с Ниниэль; ею овладели страх и недобрые предчувствия, и печальным вышло их расставание; и вот Турамбар и два его спутника вышли в путь и направились к Нен–Гириту.

Ниниэль же, будучи не в силах унять свой страх и не желая ждать в Эфел–Брандире вестей о Турамбаре, отправилась за ним, и большой отряд сопровождал ее. Брандир при этом пришел в еще больший ужас и попытался отговорить ее и ее спутников от бессмысленного этого поступка; но они не вняли ему. Тогда отрекся он от своей власти и от любви к людям, презревшим его, и, поскольку ничего у него не осталось, кроме любви к Ниниэль, он опоясался мечом и последовал за нею; но из–за хромоты отстал. Турамбар же на закате пришел к Нен–Гириту и там узнал, что Глаурунг залег на краю отвесного берега Тейглина и, как видно, тронется с места с наступлением ночи. Турамбар тогда сказал, что вести хорошие, ибо дракон лежал у Кáбед–эн–Араса, где река протекала в глубокой и узкой расщелине, которую мог перескочить загнанный охотниками олень, и подумал Турамбар, что надо попробовать перебраться через расщелину. Решил он в сумерках пробраться поближе, под покровом ночи спуститься в расщелину и переправиться через бурный поток, а затем взобраться на откос и подкрасться незаметно к дракону.

Так и сделали; но когда во тьме подошли они к Тейглину, Дорлас пал духом и не решился на опасную переправу, а повернул назад и сокрылся в чаще, отягченный стыдом. Турамбар же и Гунтор переправились благополучно, ибо рев воды заглушал все прочие звуки, да и Глаурунг спал. К полуночи, однако, дракон пробудился и с великим шумом и грохотом переволок через расщелину переднюю часть тулова и начал подтягивать брюхо. Турамбар и Гунтор, спеша подняться наверх к Глаурунгу, едва не погибли от жара и вони; а с высоты, от движения дракона, рухнул камень, ударил Гунтора по

голове и сбросил в поток. Так встретил свою смерть не последний храбрец из рода Халет.

Тогда Турамбар, собрав всю свою волю и мужество, один вскарабкался по склону и добрался до дракона. Выхватил он Гуртанг и всею мощью своих мускулов и своей ненависти вонзил его в мягкое брюхо Змея по самую рукоять. Глаурунг же, почуяв смертную боль, взметнул вверх тулово, рухнул на мост поперек расщелины и лежал так, извиваясь в предсмертных корчах. Он выжег и сравнял с землей все вокруг, но наконец огонь его угас, и он замер.

А надо сказать, что корчи Глаурунга вырвали Гуртанг из руки Турамбара, и меч остался в брюхе дракона. Посему Турамбар вновь пересек поток, желая вернуть меч и взглянуть на врага, и увидел, что дракон лежит на боку, вытянувшись во всю длину, а из брюха его торчит рукоять Гуртанга. Тогда Турамбар схватил рукоять, наступил ногой на брюхо и вскричал, насмехаясь над речами дракона в Нарготронде: «Привет тебе, о Змей Моргота! Что за радостная встреча! Издохни же, и пусть мрак поглотит тебя. Так отмщен Турин, сын Хурина!»

Затем он выдернул, меч, но из раны хлынула струя черной крови и ядом обожгла его руку. А Глаурунг открыл глаза и взглянул на Турамбара с такой злобой, что взгляд поразил того, как удар; и удар тот, и боль от яда погрузили его в черное забытие, и он лежал, как мертвый, накрыв меч своим телом.

Вопли Глаурунга эхом разнеслись в чаще и достигли людей, что ждали у Нен–Гирита; и когда дозорные увидели издалека разрушения и пожар, сотворенные драконом, то сочли, что он победил и уничтожил тех, кто вступил с ним в бой. Ниниэль же сидела, дрожа, у падающей воды, и при звуке голоса Глаурунга тьма объяла ее вновь, так что она не могла тронуться с места по собственной воле.

Так и нашел ее Брандир, когда, шатаясь от усталости, добрел наконец до Нен–Гирита; и когда услышал он, что дракон переполз через реку и уничтожил своих врагов, сердце его в жалости потянулось к Ниниэль. Он, однако, подумал: «Турамбар мертв, но Ниниэль жива. Может быть, сейчас она пойдет со мной, а я уведу ее от дракона, и мы вместе спасемся». И вот он встал перед Ниниэль и молвил: «Идем! Пора. Если хочешь, я поведу тебя». Он взял ее за руку,

и она безмолвно поднялась и пошла за ним; и никто в темноте не видел, как они ушли.

Но когда они спустились по тропе к Перекрестью, поднялась луна и сумеречным светом озарила землю; и спросила Ниниэль: «Разве это наш путь?» Брандир же отвечал, что не знает иного пути, кроме как бежать что есть сил от Глаурунга и спастись в дебрях. Но молвила Ниниэль: «Черный Меч был моим возлюбленным и супругом. Я иду лишь для того, чтобы отыскать его. Что еще мог ты подумать?» И она быстро пошла вперед, обогнав Брандира. Так дошла она до Перекрестья Тейглина и в ослепительном свете луны узрела Ход-эн-Эллет, и великий ужас овладел ею. Тогда она с криком повернула прочь и, сбросив плащ, побежала на юг вдоль реки, и белые ее одежды сверкали в свете луны.

Брандир с холма увидел ее и повернул, чтобы пересечь ей дорогу, но она все же опередила его, пришла к трупу Глаурунга у Кабед-эн-Араса. Там увидела она дракона, но даже не взглянула на него, ибо рядом лежал человек; и она подбежала к Турамбару, зовя его по имени, но он был недвижим. Увидев, что рука его обожжена, Ниниэль омыла ее слезами и перевязала, оторвав кусок ткани от своего одеяния, затем поцеловала Турамбара и вновь позвала, дабы пробудить. И тогда пред смертью очнулся Глаурунг и с последним вздохом проговорил: «Привет тебе, о Ниэнор, дочь Хурина. На краю смерти мы встретились вновь. Радуйся же: ты наконец отыскала своего брата. Вот он — убивающий в темноте, предатель-враг, неверный друг, проклятие своего рода, Турин, сын Хурина. Но худшее его деяние ты носишь в себе».

Тут Глаурунг издох, и его лиходейские чары потеряли власть над Ниниэль, и вспомнила она все, что было в ее жизни. Глядя на Турамбара, вскричала она: «Прощай же, о дважды любимый! *А Турин Турамбар, турун амбартанен!* Властелин Судьбы, сраженный судьбою! Счастлив ты, что умер!» Тогда Брандир, что стоял, потрясенный услышанным, у трупа Глаурунга, бросился к ней, но она, обезумев от ужаса и муки, подбежала к краю Кабед-эн-Араса, спрыгнула вниз и исчезла в бурлящей воде.

Брандир взглянул с обрыва и отшатнулся в ужасе, и хотя не хотел больше жить, не мог он искать смерти в ревущем этом потоке. С тех пор ни один человек не смотрел более вниз с высоты Кабед-эн-Араса,

ни зверь, ни птица не появлялись там, не росло там ни одно дерево; и называли то место Кабед Наэрамарт, Прыжок Злого Рока.

Брандир же пошел назад, к Нен–Гириту, дабы сообщить своим соплеменникам, что произошло; в чаще он встретил Дорласа и убил его; и была то первая и последняя кровь, которую он пролил. Затем он вернулся к Нен–Гириту, и люди, увидев его, закричали: «Видел ли ты Ниниэль? Где она?»

И отвечал Брандир: «Ниниэль больше нет. Дракон мертв, и мертв Турамбар, и это добрая весть».

Тогда возроптали люди, твердя, что он обезумел; но молвил Брандир: «Внемлите же! Нежная Ниниэль также мертва. Она бросилась в Тейглин, не желая более жить, ибо узнала, что, прежде чем погрузиться в бездну забвения, была она Ниэнор, дочерью Хурина из Дор–Ломина, а Турамбар, Турин, сын Хурина, был ее братом».

И в то мгновение, когда он смолк, а люди зарыдали, Турин вживе явился среди них. Ибо, едва издох дракон, беспомыслие покинуло Турина, и он впал в глубокий сон усталого человека. Однако ночной холод пробудил его, а рукоять Гуртанга впиалась в бок, и он очнулся. Увидел Турин, что кто–то перевязал ему руку, и удивился, что его оставили лежать на голой земле; он позвал и не услышал ответа, пошел искать помощи, ибо был измучен и слаб.

Однако люди, увидев его, отшатнулись в страхе, думая, что пред ними призрак; он же сказал: «Возрадуйтесь, ибо Дракон мертв, а я жив. Но отчего презрели вы мой совет и двинулись навстречу опасности? И где Ниниэль? Я хочу видеть ее. Надеюсь, вы не привели ее собой?»

Тогда Брандир сказал ему, что это было именно так и что Ниниэль мертва. Но жена Дорласа воскликнула: «Господин, да ведь он безумен! Он пришел сюда, говоря, что ты мертв и что это добрая весть. Но ведь ты жив!»

Разгневался Турамбар, решив, что все, что говорил и сделал Брандир, было из ненависти к нему, Турамбару, и к Ниниэль и из зависти к их любви; и он гневно заговорил с Брандиром, называя его Косолапым. Тогда Брандир рассказал все, что слышал, и объявил, что Ниниэль — Ниэнор, дочь Хурина, и повторил последние слова Глаурунга, назвав Турамбара проклятием его рода и всех, кто дал ему приют.



И взъярился Турамбар, услышав в этих словах поступь рока, что преследовал его, и обвинил Брандира в том, что тот привел Ниниэль к смерти, радостно повторив ложь Глаурунга, если только не сам измыслил ее. Он проклял Брандира и убил его, и бежал от людей, скрывшись в чаще. Но вскоре безумье покинуло его, он пришел к Ход-эн-Эллету, сел там и тяжело задумался над всем, что совершил, и воззвал к Финдуилас, прося у нее совета, ибо не знал, что хуже для него — идти в Дориат, чтобы отыскать родных, или навсегда забыть их и искать смерти в бою.

И когда он сидел так, от перекрестья Тейглина подошел отряд Сумеречных Эльфов, который вел Маблунг; он узнал Турина и приветствовал, искренне радуясь, что видит его живым, ибо знал, что Глаурунг направился в Бретил, а там, по слухам, обитал ныне Черный Меч Нарготронда, потому Маблунг и пришел туда, желая остеречь Турина и, если понадобится, помочь ему; но молвил Турин: «Ты опоздал. Дракон мертв».

Изумились эльфы и вознесли ему великую хвалу, но Турин остался равнодушен и сказал: «Лишь одного прошу я: поведайте мне, что с моими родными, ибо узнал я в Дор-Ломине, что они ушли в Потаенное Королевство».

Ужаснулся Маблунг, но вынужден был рассказать Турину, как сгинула Морвен и как Ниэнор была заклета немотой и забвением, как скрылась она от них у рубежей Дориата и бежала на Север. Так узнал Турин, что рок настиг его, и что несправедно он убил Брандира, и что сбылись слова Глаурунга. И расхохотался он, как безумный, вскричав: «Вот воистину горькая шутка!» Велел он Маблунгу вернуться в Дориат и отнести туда его проклятие. «Проклятье вам и вашему походу! — крикнул он. — Вот все, что было нужно. Теперь приходит ночь».

И Турин бежал от них быстро, как ветер, а они, дивясь и не зная, что за безумие овладело им, последовали за ним. Турин, однако, обогнал их; он пришел к Кабед-эн-Арасу и услышал рев воды, и увидел, что листья опали с деревьев, словно настала зима. Там он вынул меч, последнее, что у него оставалось, и молвил: «Привет тебе, о Гуртанг! Не ведаешь ты ни верности, ни господина, кроме лишь руки, что вздымает тебя. Нет крови, от которой ты откажешься. Возьмешь ли ты кровь Турина Турамбара, дашь ли мне скорую смерть?»

И зазвенел ответно ледяной голос клинка:

— О да, я с радостью отведаю твоей крови, чтоб забыть вкус крови Белега, моего господина, и Брандира, убитого несправедливо. Я дам тебе скорую смерть.

Тогда Турин воткнул меч рукоятью в землю и бросился грудью на острие Гуртанга, и черный клинок убил его. Тут подоспели Маблунг и прочие эльфы и узрели труп Глаурунга и тело Турина, и опечалились; когда же явились туда люди Бретила и узнали эльфы причину безумия и смерти Турина, они ужаснулись, и Маблунг промолвил с горечью: «Я также причастен к проклятью Детей Хурина. Вестью своей я убил того, кого так любил».

Затем они подняли Турина и увидели, что Гуртанг распался на две части. Эльфы и люди собрали большую грудю хвороста, развели огромный костер и сожгли Дракона, и он обратился в пепел. Турина же положили на вершине кургана, где он погиб, и с ним легли в могилу обломки Гуртанга. А когда все было сделано, эльфы пропели погребальный плач по Детям Хурина и возложили над могилой огромный серый камень, и было на нем выбито рунами Дориата:

ТУРИН ТУРАМБАР ДАГНИР ГЛАУРУНГА

А ниже они приписали:

НИЭНОР НИНИЭЛЬ

Но ее не было в той могиле, и никто никогда не узнает, куда унесли ее холодные воды Тейглина.

## Глава 22 О гибели Дориата

Как завершилась история Турина Турамбара; но Моргот не дремал и не уставал творить лихо, и его счета с родом Хадора еще не были сведены. Злоба его против этого рода была неуголима, хотя Хурин находился в его власти, а Морвен, обезумев от горя, бродила в дебрях. Горька была доля Хурина, ибо все, что узнавал Моргот о своих лиходейских свершениях, становилось известным и Хурину; только ложь мешалась с правдой, а все доброе скрывалось либо искажалось. Любыми путями Моргот старался очернить то, что свершили Тингол и Мелиан, ибо ненавидел их и боялся. Потому когда он решил, что время пришло, то освободил Хурина из оков, дозволив ему идти куда пожелает; Моргот утверждал, что им движет жалость к поверженному врагу, но лгал, ибо целью его было заставить Хурина ненавидеть людей и эльфов еще сильнее. Хотя Хурин не доверял словам Моргота, зная доподлинно, что тот не ведает жалости, он принял свободу и ушел в горе, усугубленном речами Черного Властелина: как раз исполнился год со дня смерти его сына Турина. Двадцать восемь лет был Хурин пленником в Ангбанде, и вид его стал суров и мрачен. У него были длинные седые волосы и борода, но держался он прямо, лишь опирался на черный посох — и был опоясан мечом. Так пришел он в Хитлум, и услышали вожаки смуглолицых предателей, что через пески Анфауглита прошел конный отряд черных солдат из Ангбанда и что с ними шел старик, окруженный большим почетом. Посему смуглолицые не схватили Хурина, но позволили ему беспрепятственно бродить в тех краях, и поступили мудро, ибо уцелевшие соплеменники Хурина избегали его, сочтя, что он пришел из Ангбанда другом и союзником Моргота.

Так освобождение наполнило сердце Хурина еще большей горечью. Он покинул Хитлум и поднялся в горы. Там узрел он вдалеке, меж туч, вершины Криссаэгрима и вспомнил Тургона, и возжелал вернуться в потаенное королевство Гондолин. И вот спустился он с Эред-Ветрин, не ведая, что за каждым его шагом следят Морготовы твари; переправясь бродом Бритиах, что на Сирионе, пришел он в Димбар и очутился у мрачного подножья

Эккориата. Весь этот край был холоден и пуст; и безнадежно озирался Хурин, стоя у огромного каменного водопада, под отвесной скальной стеной; не знал он, что только это и осталось от древней Дороги Спасения: Иссохшая Река была перекрыта, а сводчатые врата обрушены. Тогда Хурин взглянул в серое небо, надеясь, что снова, как некогда в юности, узрит там орлов, но увидел лишь тени, гонимые ветром с востока, и тучи, клубящиеся вокруг недоступных пиков; и услышал лишь свист и шипение ветра среди камней.

Однако великие орлы были сейчас настороже и отлично разглядели далеко внизу Хурина, затерявшегося в сумеречной дымке; и сам Торондор немедля отнес эту весть Тургону, ибо счел ее важной. Тургон же молвил:

— Неужто Моргот спит? Вы обознались.

— О нет, — возразил Торондор. — Если б Орлы Манвэ могли так ошибаться, давно бы уже, о король, тайна твоя была бы раскрыта.

— Значит, речи твои сулят лихо, — отвечал Тургон, — ибо это может означать лишь одно. Даже Хурин Талион склонился пред волей Моргота. Сердце мое закрыто.

Торондор удалился, а Тургон долго сидел задумавшись, и смутился он, припомнив деяния Хурина из Дор–Ломина; сердце его открылось, и он послал к орлам с просьбой сыскать Хурина и, буде возможно, принести его в Гондолин. Но было поздно, и никогда больше не увидели они его, при свете ли дня, во тьме ли.

Ибо Хурин стоял в отчаянье пред безмолвными скалами Эккориата, и заходящее солнце, пробившись сквозь тучи, окрасило алым его седые волосы. Тогда он громко закричал, не боясь, что его услышат, и проклял безжалостный край; и вот, встав на краю пропасти, воззвал он громко, глядя туда, где был Гондолин: «Тургон, о Тургон, припомни Топи Серех! О Тургон, неужто не слышишь ты меня в потаенных своих чертогах?» Но ни звука не раздалось в ответ, лишь ветер свистел в иссохших травах. «Вот так же свистел он тогда на рассвете в топях!» — молвил Хурин, и в этот миг солнце село за Теневым Хребтом, тьма объяла его, ветер стих, и безмолвны стали пустынные земли.

Были, однако, уши, что слышали слова Хурина, и вскоре весть о том дошла на север, к Черному Трону; и усмехнулся Моргот, ибо знал теперь достоверно, где находятся владения Тургона, хотя ни один его

соглядатай не смог до сих пор, благодаря орлам, пробраться в край за Окружные Горы. Таково было первое лихо, причиненное освобождением Хурина.

Когда опустилась тьма, Хурин сошел со скалы и забылся тяжелым, горьким сном. Но во сне услышал он рыдания Морвен и голос ее, звавший его по имени; и показалось Хурину, что голос исходит из Бретила. С наступлением дня пробудился он, встал и двинулся назад, к Бритиаху; и, пройдя по краю Бретила, к ночи пришел к Перекрестью Тейглина. Ночные стражи видели его, но ужас овладел ими, ибо решили они, что видят призрак из древнего кургана, что бродит, окутанный тьмой; посему Хурина не задержали, и он пришел наконец туда, где сожгли Глаурунга, и увидел высокий камень, стоявший на краю Кабед Наэрамарта.

Хурин, однако, не смотрел на камень, ибо хорошо знал, что там выбито; и увидел он, что не один здесь. В тени камня, склоня голову на колени, сидела женщина; и в то время, как Хурин молча стоял над нею, она отбросила капюшон и открыла лицо. Была она седой и старой, но внезапно взгляд ее встретился со взглядом Хурина, и он узнал ее; ибо хоть глаза ее были безумны и полны страха, в них все еще сиял свет, за который в былые годы ее называли Эледвен — самой прекрасной и гордой среди смертных женщин старых времен.

— Наконец ты пришел, — молвила она. — Я слишком долго ждала.

— Путь был темен, — отвечал он. — Я пришел, когда смог.

— Слишком поздно, — сказала Морвен. — Они погибли.

— Знаю, — сказал он. — Но ты жива.

— Жизнь моя на исходе, — молвила Морвен. — Уйдет солнце, уйду и я. Времени осталось мало, поведай же мне — как отыскала она его?

Хурин, однако, ничего не ответил ей, и так они сидели у камня и более не произнесли ни слова; когда же зашло солнце, Морвен вздохнула, сжала его руку и замерла, и Хурин понял, что она мертва. Он взглянул на нее в сумерках, и ему почудилось, что следы горя и тяжелых лишений исчезли с ее лица. «Она ушла непобежденной», — молвил Хурин, закрыл ей глаза и сидел при ней, неподвижный, пока опускалась ночь. Ревели воды в теснине Кабед Наэрамарта, но он ничего не слышал и не ощущал, ибо сердце в нем окаменело. Но

налетел ледяной ветер и швырнул в лицо обжигающим дождем; пробудился Хурин, и гнев черной тучей поднялся в нем, затмевая разум, так что лишь одного желал он ныне — отомстить за беды свои и своих родных; обвинял же он в горе своем всех, кто когда-либо имел с ним дело. Встал он и сделал для Морвен могилу над Кабед Наэрамартом, с западной стороны камня; на камне же он высек следующие слова: «Здесь лежит также Морвен Эледвен».

Говорят, что Глирхуин, арфист и провидец из Бретила, сложил песню, в которой поется, что Камень Горести никогда не будет осквернен Морготом и не будет опрокинут, даже если море покроет всю землю; так и случилось позднее, и Тол-Морвен все еще стоит вдали от новых берегов, что были сотворены в дни гнева валаров. Но Хурина там нет, ибо судьба вела его дальше, а Тень следовала за ним по пятам.

Хурин переправился через Тейглин и пошел на юг по древнему тракту, что вел в Нарготронд; далеко на востоке зрел он вершину Эмон-Руд и знал, что произошло там. Вскоре достиг он берега Нарога и перебрался через бурную реку по камням обрушенного моста, как незадолго до него Маблунг из Дориата; и вот он, опираясь на посох, стоял перед разбитыми Вратами Фелагунда.

Надо сказать, что после ухода Глаурунга карлик Мим пришел в Нарготронд и пробрался в разоренные чертоги; он завладел ими и сидел там, перебирая золото и драгоценности, просеивая их сквозь пальцы, ибо никто не пришел бы сюда ограбить его — из страха перед духом Глаурунга и самой его памятью. Но вот некто явился и встал у порога. Вышел Мим и спросил, что ему надобно. Хурин же молвил:

— Кто ты, что не позволяешь мне войти в дом Финрода Фелагунда?

И отвечал карлик:

— Я — Мим. Прежде чем горделивцы заявили сюда из-за Моря, гномы обитали в чертогах Нулуккиздина. Я лишь вернул себе то, что и так мое; ибо я последний из моего племени.

— Недолго же будешь ты наслаждаться своим наследством, ибо я — Хурин, сын Галдора, вернувшийся из Ангбанда, а сыном моим был Турин Турамбар, которого ты, быть может, еще не забыл; именно он убил дракона Глаурунга, разорившего чертоги, где ты ныне сидишь;

и не думай, что неведомо мне, кто предал Драконий Шлем Дор-Ломина.

Тогда Мим в великом страхе начал молить Хурина, дабы тот взял все, что ни пожелает, только бы сохранил ему жизнь; но Хурин не внял его мольбам и убил его пред воротами Нарготронда. Затем он вошел в мрачное место, где, рассыпанные по полу, в разоре и мраке лежали сокровища Валинора; и говорят, что, когда Хурин покинул развалины Нарготронда и вновь оказался под открытым небом, из всех несметных сокровищ он нес с собой лишь одно.

Потом Хурин отправился на восток и пришел к Полусветным Водам, что у водопадов Сириона; там перехватили его эльфы, охранявшие западные рубежи Дориата, и доставили в Менегрот, к королю Тинголу. С изумлением и горечью взирал Тингол на сурового старика, узнавая в нем Хурина Талиона, пленника Моргота; но приветствовал он Хурина учтиво и оказал ему почет. Хурин же ничего не отвечал королю, но достал из-под плаща то, что принес с собою из Нарготронда. Было это не что иное, как Наугламир, Ожерелье Гномов, созданное некогда для Финрода Фелагунда мастерами Ногрода и Белегоста, самое знаменитое их творение в Давние Дни: Финрод ценил его выше всех сокровищ Нарготронда. И это ожерелье бросил Хурин к ногам Тингола с безумной и горестной речью.

— Прими же плату за то, что так хорошо позаботился о моей жене и детях! — вскричал он. — Вот Наугламир, чье имя известно многим эльфам и людям; я принес его тебе из тьмы Нарготронда, где оставил его родич твой Финрод, уходя в путь с Береном, сыном Барахира, дабы исполнить веление Тингола из Дориата!

Тингол взглянул на сокровище и признал в нем Наугламир, и слишком хорошо понял, что замыслил Хурин; однако, исполненный скорби, он сдержал свой гнев и стерпел презрение Хурина. И тогда молвила Мелиан:

— О Хурин Талион, Моргот оплел тебя чарами, ибо тот, кто взирает на мир глазами Врага, желая или не желая того, видит все искаженным. Долгое время сын твой Турин жил в чертогах Менегрота, любимый и почитаемый, как сын короля; отнюдь не по воле короля, либо моей, не вернулся он в Дориат. А после того жена твоя и дочь были приняты здесь с почетом и добросердием; и мы

сделали все, что могли, дабы отговорить Морвен от путешествия в Нарготронд. С голоса Моргота обвиняешь ты ныне своих друзей.

Услышав эти слова Мелиан, замер Хурин и долго смотрел в глаза владычицы; и здесь, в Менегроте, защищенный от вражеской тьмы Завесой Мелиан, он узнал наконец правду обо всем, что было свершено, и испил до дна чашу горечи, что отмерил ему Моргот Бауглир. Ни слова более не молвил он о прошлом, но, склонясь, поднял Наугламир, что лежал у подножия трона Тингола, и протянул его королю с такими словами:

— Прими же, о господин, Ожерелье Гномов как дар от ничего не имеющего и как память о Хурине из Дор–Ломина. Ибо рок мой свершился, и Моргот достиг своей цели; но я более не раб ему.

Затем он покинул Тысячу Пещер, и все, кто видел его, отступали перед ним, и никто не пытался воспрепятствовать ему и тем паче вызнать, куда он идет. Говорят, однако, что Хурин, лишенный цели и желаний, не хотел больше жить и бросился в море; так встретил свой конец самый могучий из смертных людей витязь.

Когда Хурин покинул Менегрот, Тингол долго сидел в молчании, глядя на бесценное сокровище, что лежало на его коленях, и пришла ему мысль, что ожерелье надо переделать и вправить в него Сильмарил. Ибо все минувшие годы думы Тингола непрестанно обращались к творению Феанора и прилепились к нему; и не желал он, чтобы Сильмарил лежал взаперти, даже в самой потаенной его сокровищнице, а желал, чтобы тот был с ним всегда, в бодрствовании и во сне.

В те дни гномы еще приходили в Белерианд из подземных крепостей в Эред–Линдоне; переправляясь через Гелион у Сарн–Артада, Каменного Брода, они по древнему тракту приходили в Дориат, ибо их мастерство в работе с металлом и камнем было велико, и чертоги Менегрота нуждались в их искусстве. Однако теперь они явились не малыми отрядами, как прежде, но большими, хорошо вооруженными дружинами — для защиты в опасных землях меж Аросом и Гелионом; а в Менегроте жили они в палатах, особо для них устроенных. Незадолго до того пришли в Дориат искусные мастера из Ногрода; Король призвал их и изъявил желание, дабы они, если им достанет искусности, перековали Наугламир и вплели в него Сильмарил. Тогда увидали гномы творение своих предков и в



изумленье воззрились на сияющий алмаз Феанора, и исполнились великой жаждой овладеть сокровищами и унести их в подгорные свои жилища. Однако они скрыли свои помыслы и принялись за работу.

Долог был их труд; и часто Тингол спускался один в их глубинные кузницы и сидел меж ними, пока они трудились. Пришло время — и желание его исполнилось. Два величайших творения эльфов и гномов соединились в одно: велика была его красота, ибо бесчисленные самоцветы Наугламира отражали переливчатыми искрами свет срединного Сильмарила. Тингол, бывший один среди гномов, взял Наугламир и хотел застегнуть его у себя на шею; но гномы мгновенно выхватили у него ожерелье и потребовали, чтобы Тингол отдал его им, говоря: «По какому праву эльфийский владыка хочет взять себе Наугламир, сотворенный нашими предками для ныне мертвого Финрода Фелагунда? Оно не досталось бы царю, если б не Хурин, человек из Дор–Ломина, что, как вор, завладел им во тьме Нарготронда». Тингол, однако, прозрел их души и понял, что, вождедя Сильмарила, они лишь ищут праведного покровя для истинных своих намерений; и, исполненный гордыни и гнева, он не придавал значения опасности, но с презрением бросил им: «Как смеете вы, отродье нечистого племени, требовать что–то от меня, Элу Тингола, Владыки Белерианда, чья жизнь зародилась у вод Куйвиэнена за бессчетные годы до того, как пробудились ничтожные предки сплюснутого народца?» И, горделиво возвышаясь меж ними, он позорящими словами велел им убираться из Дориата без всякой платы.

От речей короля вождедение гномов обратилось в гнев; они тесно обступили Тингола, и подняли на него оружие, и убили на месте. Так погиб в подземелье Менегрота Эльвэ Синголло, Владыка Дориата, единственный из Детей Илуватара, вступивший в брак с айной; и последний взгляд того, кто, один среди Забытых Эльфов, лицезрел свет Дерев Валинора, был устремлен на Сильмарил.

Затем гномы, взяв с собой Наугламир, выбрались из Менегрота и через Регион бежали на восток. Однако весть быстро пробежала по лесу, и немногие из этой дружины переправились через Арос, ибо в то время, как они пробирались к восточному тракту, их догнали и предали смерти; Наугламир же был отобран и с великой скорбью принесен владычице Мелиан. Но двое из убийц Тингола избежали кары

и вернулись в конце концов в свой подгорный город в далеких Синих Горах; и там, в Ногроде, рассказали они не то, что было на самом деле, утверждая, что гномы были перебиты в Дориате по велению эльфийского царя, который таким образом хотел лишить их заслуженного вознаграждения. Велики были гнев и горе гномов Ногрода из-за смерти своих сородичей и искусных мастеров: они рвали на себе бороды, и причитали, и долго сидели, мысля о мести. Говорят, что они просили помощи в Белегосте, но им было отказано, и гномы Белегоста пытались вразумить их, но тщетно; и вскоре большое войско вышло из Ногрода и, переправясь через Гелион, двинулось на запад, к Дориату.

\*\*\*

Тяжко изменился Дориат. Мелиан долго сидела, безмолвная, у тела владыки Тингола, и мысль ее возвращалась в осененные звездами годы, к первой встрече их в былые дни, среди пения соловьев Нан-Эльмота; и знала она, что ее разлука с Тинголом предвещает еще более тяжкую разлуку и что рок Дориата близок к свершению. Ибо Мелиан была из божественного племени валаров — майа, мудрая и могущественная; лишь из любви к Эльвэ Синголло приняла она облик Старших Детей Илуватара и союзом тем наложила на себя плотские оковы Арды. В этом облике она родила Тинголу Лютиэн Тинувиэль и в этом же облике обрела власть над веществом Арды; и долгое время Завеса Мелиан хранила Дориат от лиха. Теперь же Тингол был мертв, и дух его ушел в чертоги Мандоса; а с его смертью изменилась и Мелиан. В то время власть ее ушла из лесов Нелдорета и Региона, иным голосом говорила зачарованная река Эсгалдуин, и Дориат стал беззащитен перед врагом.

Мелиан не сказала ни слова никому, кроме Маблунга, ему же велела беречь Сильмарил и послать спешно весть в Оссирианд, Берену и Лютиэн; а затем она исчезла из Средиземья и ушла на запад, за море, в край валаров, дабы усыпить свою скорбь в садах Лориэна, откуда явилась когда-то; предания молчат о ней.

Так и вышло, что войско наугримов, переправясь через Арос, незамеченным вошло в леса Дориата; никто не мог остановить их, ибо

были они многочисленны и жестоки, а военачальники Сумеречных Эльфов, охваченные отчаяньем и сомнением, бродили бесцельно. Гномы же перешли через огромный мост и ворвались в Менегрот; и там произошло самое горькое из печальных деяний Древности. Ибо была битва в Тысяче Пещер, и многие эльфы и гномы погибли в ней; и посейчас она не забыта. Но гномы победили, и чертоги Тингола были разорены и разграблены. Маблунг Сильнорукий пал перед дверьми сокровищницы, где хранился Наугламир, и Сильмарил был взят.

В то время Берен и Лютиэн жили еще на Тол–Галене, Зеленом Острове, что на реке Адурант, самой южной из тех, что сбегают с Эред–Линдона, чтобы слиться с Гелионом; сын их, Диор Элухил, взял в жены Нимлот, родственницу Келеборна, принца из Дориата, супруга Галадриэли. Сыновьями Диора и Нимлот были Элуред и Элурин; родилась у них также дочь, которую звали Эльвинг, что означает Звездные Брызги, ибо пришла она в мир в ночи, под звездами, чей свет мерцал в брызгах водопада Лантир–Ламат, у дома ее отца.

Прошел слух меж эльфов Оссирианда, что большое и хорошо вооруженное войско гномов спустилось с гор и переправилось через Гелион у Каменного Брода. Вести эти достигли также Берена и Лютиэн; и тогда же пришел к ним посланец из Дориата и поведал обо всем, что случилось. Тогда Берен покинул Тол–Гален и призвал к себе сына своего Диора, и они отправились на север, к реке Аскар, а с ними шли многие Зеленые Эльфы Оссирианда.

И когда гномы Ногрода с истаявшим войском возвращались из Дориата и вновь пришли к Сарн–Атраду, на них напал незримый враг; они взбирались по берегу Гелиона, отягощенные богатством Дориата, когда внезапно весь лес наполнился пеньем эльфийских рогов и со всех сторон полетели стрелы и дротики. Много гномов было убито в первой стычке, но некоторые, уйдя от засады и объединясь, бежали на восток, к горам. Однако, когда шли они по пологим склонам горы Долмед, появились Пастыри Дерев и загнали гномов в сумрачные чащи на склонах Эред–Линдона, и, говорят, ни один гном не вышел оттуда к высокогорным перевалам, что ведут к их жилищам.

В той битве у Сарн–Артада Берен сражался в последний раз и своей рукой убил царя Ногрода и сорвал с него Ожерелье Гномов; но тот, умирая, наложил проклятье на все добытые сокровища. С изумлением взирал Берен на алмаз Феанора, который сам некогда

высек из железной короны Моргота и который ныне, благодаря искусству гномов, лучился меж золота и самоцветов; и омыл Берен ожерелье в водах реки. Когда же все кончилось, сокровища Дориата были опущены в реку Аскар, и с тех пор носила она новое имя — Ратлориэл, или Златоструйная. Наугламир же Берен сохранил и вернулся с ним на Тол–Гален. Не облегчило скорбь Лютиэн то, что были убиты царь Ногрода и множество прочих гномов; но говорят и поют в песнях о том, что Лютиэн, носившая ожерелье со священным алмазом, была прекрасней и величественней всех, кто когда–либо обитал вне пределов Валинора: и на недолгое время Земля Живущих Мертвых стала подобна владеньям валаров, и с тех пор не было края более прекрасного, обильного и исполненного света.

Диор же, наследник Тингола, простился с Береном и Лютиэн и, покинув Лантир–Ламат, с женой своей Нимлот пришел в Менегрот и поселился там: с ними были их юные сыны Элуред и Элурин и дочь Эльвинг. С радостью приняли их синдары и восстали из мрака скорби о гибели владыки и своих сородичей и об уходе Мелиан; и Диор Элухил взошел на престол, дабы возродить величие и славу королевства Дориат.

Однажды, темным осенним вечером, некто постучал во врата Менегрота, требуя, чтобы его провели к королю. Был то предводитель Зеленых Эльфов, прибывший из Оссирианда, и привратники провели его в палату, где сидел в одиночестве Диор; там он молча вручил королю шкатулку и удалился. В шкатулке лежало Ожерелье Гномов с вплетенным Сильмарилом; и, узрев его, понял Диор, что это значило — Берен Эрхамион и Лютиэн Тинувиэль умерли и, как все смертные люди, ушли за пределы мира.

Долго смотрел Диор на Сильмарил, который его отец и мать в безнадежном походе добыли из–под жуткой власти Моргота; и тяжело скорбел он о том, что слишком рано пришла к ним смерть. Мудрые, однако, говорят, что Сильмарил ускорил их конец, ибо пламень красоты Лютиэн, носившей его, был слишком ярок для смертных земель.

Затем Диор встал и застегнул на своей шее Наугламир; и теперь уже он казался прекраснейшим из детей мира, сын трех племен — аданов, эльдаров и майаров Благословенного Края.

Среди рассеянных эльфов Белерианда прошел слух, что Диор, наследник Тингола, носит Наугламир, и все говорили: «Феаноров Сильмарил вновь пылает в лесах Дориата», и тут клятва сынов Феанора вновь пробудилась. Ибо, пока Лютиэн носила Ожерелье Гномов, ни один эльф не осмелился бы выступить против нее; но сейчас семеро, услышав о возрождении Дориата и о величии Диора, оставили скитания, собрались вместе и послали к Диору, требуя свое.

Диор, однако, ничего не ответил сыновьям Феанора, и Келегорм подстрекал братьев напасть на Дориат. И вот они явились внезапно в середине зимы и бились с Диором в Тысяче Пещер; и так случилась вторая братоубийственная резня среди эльфов. От руки Диора погиб Келегорм; там же пали Куруфин и мрачный Карантин; но и Диор был убит, и погибла жена его Нимлот; а жестокие слуги Келегорма схватили юных сынов Диора и бросили их умирать от голода в лесу. Маэдрос воистину сожалел об этом деянии и долго искал их в лесах Дориата, но поиски его были напрасны, и о судьбе Элуред и Элурина не говорило ни одно предание.

Так был разорен Дориат и не возродился более. Однако сыновья Феанора не завладели тем, что искали, ибо уцелевшие бежали от них, и была с ними дочь Диора, Эльвинг; они спаслись и, неся с собой Сильмарил, пришли со временем на берег моря, к устью Сириона.

## Глава 23 О Туоре и падении Гондолина

Уже говорилось, что Хуор, брат Хурина, был убит в Битве Бессчетных Слез; а зимой того же года жена его Риан в дебрях Митрима родила сына; назвали его Туором, и его взял на воспитание Аннаэл из Сумеречных Эльфов, что жили еще в тех холмах. Когда Туору исполнилось шестнадцать, эльфы решили покинуть пещеры Андрота, где жили они до сих пор, и тайно пробраться на далекий юг, в Сирионские гавани; однако, прежде чем они успели бежать, на них напали орки и смуглолицые. Туор был взят в плен и стал рабом Лоргана, вождя Хитлумских предателей. Три года сносил он рабство, но на исходе этого срока бежал, вернулся в пещеры Андрота и жил там один; и причинил он смуглолицым столько вреда, что Лорган назначил награду за его голову.

И когда Туор прожил так, одиноким изгнанником, четыре года, Ульмо вложил в его душу желание покинуть край отцов, ибо избрал его исполнителем своих замыслов; и вновь, покинув пещеры Андрота, Туор прошел на запад, через Дор–Ломин, и отыскал Аннон–ин–Гэлид, Врата Нолдоров, что возвел народ Тургона, еще когда жил в Неврасте. Оттуда сумрачный подгорный ход вел в Кирит–Нинних, Радужную Расселину, по которой бурлящая вода стекала в Западное Море. Побег Туора из Хитлума не был замечен ни человеком, ни орком, и ни единое слово о том не достигло ушей Моргота.

Туор пришел в Невраст, и вид Белегаэра зачаровал его; и с тех пор голос Великого Моря и тоска по нему навеки заполонили его слух и сердце; и навечно овладел им непокой, который привел его в конце пути в глубины владений Ульмо. В одиночестве жил Туор в Неврасте, а меж тем проходило лето, и Рок Нарготронда близился к свершению; когда же пришла осень, Туор увидел семерых огромных лебедей, летящих на юг. Он счел это знаком того, что слишком долго медлил, и последовал за ними вдоль берега. Так пришел он к заброшенным чертогам Виниамара, что у подножья горы Тарас, вошел туда и отыскал там щит и кольчугу, меч и шлем, что некогда оставил там Тургон по велению Ульмо. Туор облачился в эти доспехи и спустился к морю. Тут налетела с запада великая буря, а из нее восстал в мощи

своей Ульмо, Владыка Вод, и заговорил с Туором, стоящим на берегу. Велел ему Ульмо уйти отсюда и отыскать потаенное королевство Гондолин; и дал он Туору огромный плащ, дабы скрыться от глаз врагов.

Утром же, когда буря стихла, Туор встретил на берегу эльфа, стоящего под стенами Виниамара: был то Воронвэ, сын Аранвэ, из Гондолина, отплывший на последнем корабле из тех, что Тургон посылал на запад. Когда корабль этот, возвращаясь из бескрайнего океана, затонул во время бури у самых берегов Средиземья, Ульмо взял из всех мореходов Воронвэ и выбросил его на берег неподалеку от Виниамара. Узнав о велении, которое получил Туор от Владыки Вод, Воронвэ изумился и дал согласие провести его к потаенным вратам Гондолина. Потому они вместе вышли в путь, и Суровая Зима застигла их, когда они тайно пробирались на восток под зубцами Теневого Хребта.

Наконец пришли они к озеру Иврин и узрели с грустью разрушения, причиненные здесь драконом Глаурунгом: когда же смотрели они на разор, то увидели вдруг человека, спешащего на Север; был он высок, одет в черное и опоясан черным мечом. Однако они не знали ни кто он, ни что приключилось на юге; человек миновал их, и они не окликнули его.

И вот, ведомые силой, что даровал им Ульмо, пришли они к потаенным вратам Гондолина и, пройдя подземным ходом, достигли внутренних врат и были там взяты стражей. Затем их привели в огромную расселину Орфалк–Эккор, прегражденную семью вратами, и там предстали они перед Эктелионом, Владыкой Источников, стражем главных врат, что венчали горную тропу; и там Туор сбросил свой плащ, и доспехи из Виниамара подтвердили, что он истинно послан Ульмо. И Туор взглянул на прекрасную долину Тумладен, изумрудом мерцающую среди сомкнувшихся гор; и узрел вдали, на скалистой вершине Эмон–Гварета, Гондолин Великий, град семи имен, чей блеск и слава воспеты всеми эльфами Внешних Земель. По велению Эктелиона на привратных башнях затрубили трубы, и эхо отозвалось в горах; и ясно прозвучал ответный голос труб с белоснежных стен, что окрасила алым цветом поднявшаяся над равниной заря.

И вот сын Хуора пересек Тумладен и пришел к воротам Гондолина; его провели по широким ступеням улиц города к Королевской Башне, и там он узрел изображение Древ Валинора. Затем Туор предстал перед Тургоном, сыном Финголфина, верховным королем нолдоров. По правую руку короля стоял сын его сестры Маэглин, по левую же руку сидела дочь Тургона, Идриль Келебриндал. Те, кто внимал Туору, дивились, не веря, что это и вправду Смертный, ибо устами его в этот час вещал Ульмо, Владыка Вод. Он предостерег Тургона, что Жребий Мандоса близок к свершению и недалек тот час, когда сгинет все, сотворенное нолдорами; и велел ему покинуть возведенный им прекрасный и могучий город и по Сириону спуститься к Морю.

Долго размышлял Тургон над советами Ульмо, и на память ему пришли слова, сказанные некогда в Виниамаре: «Не люби слишком сильно творения рук твоих и замыслы души твоей и помни, что истинная надежда нолдоров лежит на Западе и придет из-за Моря». Но гордыня Тургона стала велика, а Гондолин — прекрасен, как Тирион Эльфийский; и все еще верил Тургон в потаенную и неодолимую мощь Гондолина, пусть бы даже валар отрицал это, к тому же после Нирнаэт Арноэдиад жители города не желали более ни разделять злосчастья прочих эльфов и людей, ни возвращаться на Запад через ужасы и опасности. Сокрытые среди своих непроходимых и зачарованных гор, они не принимали никого, даже тех, кто бежал, преследуемый ненавистью Моргота. Вести из Внешних Земель доходили до них слабыми отголосками и мало их трогали. Соглядатаи Моргота тщетно искали их — место их обитания было тайной, которую никто не мог разгадать. Маэглин на королевских советах возражал Туору, и слова его были тем более вески, что звучали в лад с мыслями Тургона; и вот Тургон презрел веление Ульмо и отказался следовать его совету. Однако в предостережении валара услышал он вновь слова, прозвучавшие много лет назад, перед уходом нолдоров, на берегах Арамана; и страх предательства пробудился в сердце Тургона. А потому в те дни был завален самый ход к тайным воротам Окружных Гор. И с тех пор никто, пока стоял Гондолин, ни на бой, ни по мирному делу, не выходил из того града. Торондор, Владыка Орлов, принес вести о падении Нарготронда, а потом о гибели Тингола и его наследника Диора и о разорении Дориата; но Тургон замкнул слух для горестных вестей и объявил, что никто не выйдет в



бой под знаменами кого-либо из сыновей Феанора; народу же своему он навеки запретил переходить горы.

И Туор остался в Гондолине, ибо был пленен его красотой и блеском, равно как и мудростью его жителей; стал он крепок статью и умом и глубоко искушен в познаниях эльфов-изгоев. И сердце Идриль было отдано ему, а его — ей; тайная же ненависть Маэглина все росла, ибо ничего так не желал он, как обладать Идриль, единственной наследницей владыки Гондолина. Однако так высоко стоял Туор в милости короля, что, когда он прожил в Гондолине семь лет, хоть и не внял король велению Ульмо, он провидел, что судьба нолдоров связана с посланцем валара; не забыл он также слов, сказанных Хуором перед тем, как войско Гондолина отступило с поля Битвы Бессчетных Слез.

Был устроен великий и радостный пир, ибо Туор завоевал сердца всех, кроме Маэглина и его тайных приверженцев; так был заключен второй Союз людей и эльфов.

Весной следующего года в Гондолине родился Эарендил Эльфид, сын Туора и Идриль Келебриндал; было это на пятьсот третий год прихода нолдоров в Средиземье. Необыкновенной красотой отличался Эарендил, лик его словно сиял неземным светом; сочетались в нем краса и мудрость эльдаров с силой и мужеством людей древности; и так же, как у Туора, отца его, слух Эарендила был наполнен голосом Моря.

Тогда дни Гондолина текли еще в мире и радости, и никто не знал, что Моргот обнаружил край, где лежало Потаенное Королевство, когда Хурин, стоя у пустынного подножья Окружных Гор и не находя пути, в отчаянии воззвал к Тургону. Потому мысли Моргота неустанно обращались к гористому краю между Анахом и верховьями Сириона, где никогда не бывали его прислужники; и до сих пор еще ни один соглядатай и ни одна Морготова тварь не пробралась туда, ибо орлы не дремали, и Моргот поневоле медлил с исполнением своих замыслов. Однако Идриль Келебриндал была мудра и прозорлива, и сердце ее наполнилось тревогой, и предчувствие, словно туча, затмевало ее душу. И велела она тогда подготовить тайный ход, что вел бы из города под землю и выводил на равнину далеко за стены, к северу от Эмон-Гварет; и она устроила так, что почти никто не знал об этом деле, так что слух не достиг ушей Маэглина.

В то время, когда Эарендил был еще мал, Маэглин как-то пропал. Ибо он, как уже было сказано, любил превыше всех ремесел горное дело и добычу металлов, он предводительствовал эльфами, которые трудились в дальних горах, отыскивая металлы, чтоб ковать все, что нужно для войны и мира. Однако Маэглин часто с небольшой свитой выходил за кольцо гор, и король не ведал, что его запрет нарушен. И вот вышло так, как хотела судьба, — Маэглин был схвачен орками и доставлен в Ангбанд. Не был Маэглин ни слаб, ни труслив, но пытки, которыми ему грозили, сломили его дух, и он купил себе жизнь и свободу, открыв Морготу, где находится Гондолин и откуда можно напасть на него. Истинно велика была радость Моргота, и он посулил Маэглину, что сделает его владыкой Гондолина и своим вассалом и отдаст ему Идриль Келебриндал, когда город будет взят. Воистину, желание обладать Идриль и ненависть к Туору привели Маэглина к предательству, постыднее которого не случалось в Древние Дни. Моргот, однако, отослал его назад в Гондолин, чтоб никто не заподозрил предательство и чтобы Маэглин, когда настанет урочный час, помог нападению изнутри; так и жил он в чертогах короля, с улыбкой на лице и злобой в сердце, а тьма между тем все более сгущалась вокруг Идриль.

И вот, в год, когда Эарендилу исполнилось семь, Моргот собрал силы и выслал на Гондолин балрогов, орков и волков; а с ними шли драконы Глаурунгова семени, и стали они многочисленны и ужасны. Войнство Моргота перевалило северные горы там, где вершины были всего выше, а бдительность слабее, и явилось ночью, во время празднества, когда весь народ Гондолина собрался на стены, чтобы дожидаться восхода солнца и пропеть гимны в его честь, ибо наутро был великий праздник, называвшийся Врата Лета. Но не на востоке, а на севере увенчал горы алый свет, и никто не пытался остановить натиск врагов, пока не подошли они под самые стены и город не оказался в безнадежной осаде. О деяниях, отчаянных и доблестных, что были свершены тогда высокородными вождями, их воинами, и не в последнюю очередь Туором, повествуется в *«Падении Гондолина»*: о сражении Эктелиона с Готмогом, владыкой балрогов, перед королевским тронном — в этой схватке оба победили и оба пали, — о том, как слуги Тургона защищали его башню, пока она не рухнула; и величественны были ее падение и гибель Тургона под обломками.

Туор хотел спасти Идриль среди общей гибели, но Маэглин захватил ее и Эарендила, и Туор на стенах бился с Маэглином и сбросил его вниз. Тело Маэглина трижды ударилось о скалистые отроги Эмон–Гварет, прежде чем кануть в свирепствующие внизу огненные волны. Затем Туор и Идриль собрали среди бушующих пожаров столько уцелевших гондолинцев, сколько могли, и вывели их по тайной тропе, приготовленной Идриль; а военачальники Ангбанда не знали об этой тропе и мыслили, чтоб беглецы избрали путь на север, в самые высокие и ближние к Ангбанду горы. Дым пожаров и пар от чудесных фонтанов Гондолина, гибнувших в пламени, изрыгаемом драконами, горестным туманом покрыли долину Тумладен и сокрыли побег Туора и его спутников, ибо от конца хода до подножья гор был еще долгий путь по открытому месту. Так дошли беглецы до гор и поднялись на склоны, дрожащие и отчаявшиеся, ибо на высоте царили страх и холод, а среди них было много раненых, детей и женщин.

Была там узкая тропка, называвшаяся Кирит–Торонат, Орлиная Тропа, справа от нее стеной громоздились отвесные скалы, а слева развернулся головокружительный обрыв. Вытянувшись цепочкой, шли беглецы по этой тропе, когда вдруг напали на них орки (ибо Моргот разослал стражей по всем окрестным горам); и с ними был балрог. Положение гондолинцев было ужасно, и едва ли спасла бы их доблесть златовласого Глорфиндела, вождя рода Золотого Цветка Гондолина, не приди им вовремя на помощь Торондор.

Много песен пропето о поединке Глорфиндела с балрогом на вершине скалы: оба они рухнули в бездну и разбились насмерть. Орлы, однако, подлетев, с высоты ринулись на орков и отогнали их, вопящих, назад; и все орки были перебиты либо сброшены в пропасть, так что слух о побеге из Гондолина долго еще не достигал ушей Моргота. Затем Торондор поднял из бездны тело Глорфиндела, и родичи погребли его близ тропы, под курганом из камней; там выросла зеленая трава, и золотые цветы цвели на кургане среди нагих скал, пока не изменился мир.

Так уцелевшие гондолинцы, ведомые Туором, перешли горы и спустились в долину Сириона; пробираясь на юг по труднопроходимым и опасным тропам, пришли они в Нан–татрен, Край Ив; ибо власть Ульмо все еще была в водах великой реки и

хранила их, там они отдохнули, исцеляясь от ран и усталости; но печаль их ничто не могло исцелить. И устроили они поминальное празднество в память о Гондолине и эльфах, погибших вместе с ним, о девах, женах и королевских воинах; и под ивами Нан–татрена на исходе года много песен спели они о милом их сердцам Глорфинделе. Тогда же Туор сложил для сына своего Эарендила песню, повествующую о явлении Ульмо, Владыки Вод, на берегах Невраста; и тоска по морю вновь пробудилась в сердцах Туора и его сына. Потому Идриль и Туор покинули Нан–татрен и спустились по реке на юг, к морю; там они поселились в устье Сириона, и их сородичи присоединились к Эльвинг, дочери Диора, и ее спутникам, что бежали туда незадолго до этих событий. Когда же Балара достиг слух о падении Гондолина и гибели Тургона, Эрейнион Гил–Галад, сын Фингона, был провозглашен верховным королем нолдоров в Средиземье.

Моргот же считал свое торжество полным, и не заботили его ни сыны Феанора, ни их клятва, которая никогда не вредила ему, но оборачивалась наилучшей помощью; и в черных своих мыслях смеялся он, нисколько не сожалея о потере одного Сильмарила, ибо думал, что благодаря тому остатки племен эльдаров исчезнут из Средиземья и более не потревожат его. Если он и знал о поселениях в устье Сириона, то не подавал виду, дожидаясь своего часа, когда начнут действовать клятва и ложь. А близ вод Сириона и у моря multiplied эльфийский народ, пришельцы из Дориата и Гондолина; с Балара приплывали к ним мореходы Кирдана, да и сами они тянулись все ближе к побережью Арверниен, под сень длани Ульмо.

Говорят, в те дни Ульмо поднялся из глубин моря в Валинор, и говорил там с вал арами о злосчастьях эльфов, и призвал простить их, спасти от всевозрастающей мощи Моргота и отвоевать Сильмарилы, в коих одних блистал ныне свет Благих Дней, когда Два Древа еще озаряли Валинор. Но Манвэ не шелохнулся. А какое преданье поведает о сокровенных глубинах его души? Мудрые говорили, что час еще не пробил и что лишь тот, кто будет взывать от имени и эльфов и людей, прося прощения их проступкам и милосердия к их бедам, — лишь тот сможет склонить к ним сердце Сил; от клятвы же Феанора даже сам Манвэ не в силах, быть может, никого освободить, пока она не будет исполнена и сыновья Феанора не обретут

Сильмарилов, на коих объявили они жестокое свое право. Ибо свет, сияющий в Сильмарилах, сотворен самими вал арами.

Прошло время, и Туор ощутил, что старость подкрадывается к нему, и всегдашняя тоска по морю еще больше овладела его сердцем. Потому он построил огромный корабль и назвал его *Эарраме*, Крыло Моря; вместе с Идриль Келебриндал отплыл он на Запад, к закату, и ни одна песня, ни одно предание более не поминают о нем. Но впоследствии пели о том, что Туор, один из всех Смертных Людей, был причислен к более древнему народу и соединен с любимыми им нолдорами; и судьба его отделена от судьбы людей.

## Глава 24 О путешествии Эарендила и Войне Гнева

Ясный Эарендил был вождем народа, жившего в устье Сириона; он взял в жены прекрасную Эльвинг, и она родила ему Элронда и Элроса, что зовутся Полуэльфами. Однако Эарендил не ведал покоя, и плавания вдоль берегов Ближних Земель не утоляли его беспокойства. Два стремления родились в его сердце, сплетаясь в тоску об открытом море: он желал отыскать Туора и Идриль, которые так и не вернулись; замыслил он также найти последний берег и, прежде чем достигнет его смерть, принести на Запад, валарам, послание от эльфов и людей, что склонит их сердца к состраданию бедам Средиземья.

Эарендил близко сдружился с Кирданом Корабелом, который обитал на острове Балар с теми своими соплеменниками, что спаслись после гибели гаваней Бритомбара и Элареста. С помощью Кирдана выстроил Эарендил *Вингилот*, Пеноцвет, прекраснейший из всех воспетых кораблей. Весла его были золотые, борта сложены из белых берез, срубленных в Нимбретиле, а паруса сияли, словно серебряная луна. Песнь об Эарендиле много повествует о его приключениях в глубинах моря и в неизведанных землях, во многих водах и на многих островах; Эльвинг, однако, не было с ним, ибо она, печалась, ждала его в устье Сириона.

Эарендил не нашел ни Туора, ни Идриль; и к берегам Валинора не приблизился он в этом плавании, побежденный тенями и чарами, отброшенный враждебными ветрами; и вот наконец, истосковавшись по Эльвинг, он повернул домой, к берегам Белерианда. Сердце велело ему торопиться, ибо сны навяли страх; и ветра, с которыми он так яростно прежде сражался, несли его теперь назад, стремительные, как мысль.

Когда Маэдрос впервые услышал о том, что Эльвинг спаслась и, владея Сильмарилом, живет в устье Сириона, он сдержал себя, сожалея о совершенном в Дориате. Но потом сознание неисполненной клятвы вновь стало мучить его и братьев, и, сойдя со своих скитальческих троп, они отправили в Гавань послания дружественные, но повелительные. Однако Эльвинг и ее сородичи не

могли отдать Сильмарил, который добыл Берен и носила Лютиэн, из-за которого был убит Диор Прекрасный; менее всего могли они сделать это, пока вождь их, Эарендил, был в Море, ибо верили, что в Сильмариле заключено исцеление и благословение, снисходящее на их жилища и корабли. И так случилась последняя и самая жестокая резня меж эльфами; была то третья великая беда, причиненная проклятой клятвой.

Ибо уцелевшие сыновья Феанора внезапно напали на изгнанников из Гондолина и беглецов из Дориата и перебили их. Многие сородичи сыновей Феанора в той битве сражались на их стороне, другие же взбунтовались и погибли, защищая Эльвинг от своих же вождей — таковы были страданья и смятенья в те дни в душах эльдаров; однако Маэдрос и Маглор победили, хотя они одни остались в живых из сыновей Феанора, ибо Амрод и Амрас были убиты. Слишком поздно пришли на помощь эльфам Сириона корабли Кирдана и верховного короля Гил-Гэлада; сгнули и Эльвинг, и ее сыновья. Те поселенцы, кто уцелел в битве, присоединились к Гил-Гэладу и с ним приплыли на Балар; и рассказывали они, что Элронд и Элрос взяты в плен, Эльвинг же с Сильмарилом на груди бросилась в море.

Так Маэдрос и Маглор не завладели камнем; но он не сгинул. Ибо Ульмо вынес Эльвинг из волн и обратил в большую белую птицу, а Сильмарил сиял звездой у нее на груди, когда летела она над водой, разыскивая возлюбленного своего Эарендила. Эарендил же в ночи, стоя у штурвала своего корабля, узрел ее белым облаком над морем, бледным пламенем на крылах бури. И рассказывают песни о том, как пала она с воздуха на палубу Вингилота, лишась чувств, полумертвая от стремительного полета, и Эарендил прижал ее к своей груди; утром же он в изумленье узрел свою жену в ее истинном облике — она спала рядом с ним, а ее волосы рассыпались по его лицу.

Велика была скорбь Эарендила и Эльвинг о разорении гаваней Сириона и пленении сыновей; опасались они, что те будут убиты; но так не случилось. Ибо Маглор пожалел Элронда и Элроса и обращался с ними ласково, и меж ними возникла приязнь, как ни странно это казалось; но душа Маглора была измучена и иссушена тяготой страшной клятвы.

Для Эарендила, однако, не осталось надежд в Средиземье. В отчаянье он вновь повернул прочь и не возвратился домой, но поплыл опять в Валинор, и с ним была Эльвинг. Часто стоял он теперь на носу Вингилота, а на челе его сиял Сильмарил, и сияние становилось тем ярче, чем далее плыли они на запад. И говорят мудрецы, что именно мощью священного этого алмаза они наконец приплыли в воды, что не знали иных кораблей, кроме кораблей тэлери; они достигли Зачарованных Островов и избежали их чар, они приплыли в Затененные Моря и избежали их теней, они узрели Тол-Эрессеа, Одинокий Остров, но не остановились; и вот они бросили якорь в заливе Эльдамар, и тэлери увидели корабль, приплывший с востока, и изумились, узрев издалека Сильмарил — а был он ярок. Так Эарендил первым из живших людей приплыл к бессмертным берегам; и он обратился к Эльвинг и прочим своим спутникам — были то три морехода, проплывшие с ним все моря, звали их Фалатар, Эреллонт и Аэрандир. И сказал им Эарендил:

— Никто, кроме меня, не ступит на эту землю, чтобы не пал на него гнев валаров. Я один приму эту опасность во имя Двух Племен.

Эльвинг, однако, отвечала:

— Стало быть, наши пути будут разделены навеки; но все грозящие тебе опасности приму и я.

И она спрыгнула в белую пену и побежала к нему; но печалился Эарендил, ибо опасался гнева Западных Владык на пришельца из Средиземья, что осмелился пересечь границу Амана. Там они простились со своими спутниками и расстались с ними навеки.

Тогда Эарендил молвил Эльвинг: «Жди меня здесь, ибо лишь один может явиться с посланием, которое суждено нести мне». И он двинулся один в плубь края и вошел в Калакирию, и она показалась ему безмолвной и пустынной, ибо, как некогда Моргот и Унголианта, так ныне Эарендил появился во время празднества, и почти все эльфы ушли в Валимар либо собрались в чертогах Манвэ на Таникветиле, и лишь немногие остались нести стражу на стенах Тириона.

Были, однако, такие, что узрели его и свет, который он нес, и поспешили в Валимар. Эарендил же взошел на зеленый холм Туну, но никого не было там; он пришел на улицы Тириона и увидел, что они опустели, и тяжело стало у него на сердце, ибо он опасался, что неведомая беда приключилась с Благословенной Землей. Он шел



опустевшими дорогами Тириона, и пыль оседала на его одеждах, а была то алмазная пыль, и он весь сиял и блистал, подымаясь по длинным белоснежным лестницам. И он громко воззвал на многих наречьях людей и эльфов, но никто не ответил ему. И в отчаянии Эарендил повернул к морю, но не успел ступить на дорогу, ведущую к берегу, как некто, встав на вершине холма, обратился к нему громким голосом:

— Привет тебе, Эарендил, славнейший из мореходов, долгожданный и пришедший нежданно, из отчаянья принесший надежду! Привет тебе, Эарендил, несущий свет предсолнечный и предлунный! Величье Детей Земных, звезда во тьме, алмаз заката и сиянье рассвета!

То был голос Эонвэ, посланника Манвэ; он явился из Валимара и призвал Эарендила предстать пред Силами Адры. И Эарендил явился в чертоги Валимара. Никогда не ступал он больше по землям смертных. Тогда собрались валары и призвали из глубин моря Ульмо; и Эарендил встал перед ними и передал им послание Двух Племен. Прощения просил он нолдорам и сострадания их неисчислимым горестям, милосердия людям и эльфам и помощи в нужде. И мольба его не была отринута.

Говорят эльфы, что, когда Эарендил ушел за женой своей, Эльвинг, Мандос заговорил о его судьбе и молвил так:

— Или Смертный ступит на Бессмертные Земли и останется жив?

И отвечал ему Ульмо:

— Для того он был рожден. И скажи мне, разве он не Эарендил, сын Туора из рода Хадора, сын Идриль, дочери Тургона из рода эльфа Финвэ?

Мандос возразил:

— Также и нолдор, по воле своей ушедший в изгнание, не вправе вернуться сюда.

Умолкли они, и промолвил Манвэ:

— Право суда за мной. Опасность, которой осмелился подвергнуться Эарендил из любви к Двум Племенам, не должна пасть ни на него, ни на жену его, Эльвинг, которая осмелилась на то же из любви к нему; но никогда не ступать им более по Внешним Землям, меж людей и эльфов. И решение мое таково: Эарендилу и Эльвинг, а

также сынам их будет дано право избрать, судьбу какого народа они пожелают разделить.

Между тем Эарендила долго не было, и Эльвинг стало боязно и одиноко; и, бродя вдоль берега моря, пришла она в гавань Альквалондэ, где стоял флот. Тэлери дружески приняли ее, а она поведала им о Дориате, Гондолине и злосчастьях Белерианда, и они дивились и печалились; и Эарендил, воротясь, нашел ее в Лебединой гавани. Очень скоро, однако, они были призваны в Валимар, и там объявили им волю Старейшины.

Тогда Эарендил молвил Эльвинг: «Выбирай ты, ибо я устал от мира». И Эльвинг, памятуя о Лютиэн, избрала судьбу Перворожденных Детей Илуватара, а Эарендил из любви к ней избрал то же, хоть сердце его и тянулось больше к людям племени его отца. Тогда, по велению Манвэ, Эонвэ явился на берег Амана, где ожидали вестей спутники Эарендила; взял он ладью и посадил в нее троих мореходов, вал ары же даровали сильный ветер и направили их на восток. А Вингилот валары благословили и перенесли через Валимар на крайнюю оконечность мира; он прошел во Врата Ночи и был поднят в небесный океан.

Стал этот корабль невыразимо прекрасен и наполнен живым светом, чистым и ясным, а на носу его сидел Эарендил Мореход, сверкая пылью эльфийских алмазов, и на челе его блистал Сильмарил. Далеко заплывал на этом корабле Эарендил, даже в беззвездные бездны, но чаще видели его утром либо вечером — мерцающим в лучах рассвета или заката, когда возвращался он в Валинор из своих путешествий за пределы мира.

В тех путешествиях Эльвинг не сопровождала его, ибо не могла она перенести ледяной бездорожной бездны и любила более землю и сладостные ветра, что веют с холмов или с моря. Потому для нее возвели белую башню на северном краю Разделяющих Морей: там иногда отдыхали морские птицы. Говорят, что Эльвинг научилась птичьему языку, ибо в их облике существовала когда-то; и птицы научили ее летать, а крылья у нее были белоснежные и серебристо-серые. Временами, когда Эарендил, возвращаясь, приближался к Арде, она летела навстречу, как некогда, спасшись из волн морских. Тогда самые зоркие эльфы из тех, что жили на Одиноком Острове, видели ее, подобную блистающей белой птице, чье оперенье розовело в

закатных лучах, когда она радостно парила, приветствуя возвращение Вингилота в гавань.

Когда же впервые выплыл Вингилот в небесные моря, он взошел неожиданно и ярко замерцал, а племена Средиземья узрели его, много дивились, и сочли это знамением, и нарекли его Гил–Эстел, Звезда Надежды. И когда увидели вечером новую эту звезду, молвил Маэдрос Маглору, своему брату:

— Не Сильмарил ли сияет ныне на западе?

Маглор же отвечал:

— Если и вправду Сильмарил, что на наших глазах сгинул в море, а возродился теперь властью валаров, то нам должно возрадоваться, ибо блеск его теперь виден всем и все же недоступен злу.

Эльфы смотрели в небо и не отчаивались более, а Морготом овладело сомнение.

Говорят, однако, что Моргот не ждал удара с Запада: ибо столь велика стала его гордыня, что казалось ему, будто никто уже не осмелится вступить с ним в открытое единоборство. Более того, полагал он, что навсегда отвратил нолдоров от Западных Владык и что, умиротворенные в своем блаженном королевстве, не обратят они более взора к его владениям во внешнем мире; ибо ему, не знающему милосердия, милосердные деяния изначально странны и непостижимы. Однако войско валаров готовилось к битве; и под белыми стягами шли ваниары, племя Ингвэ, а также те нолдоры, что никогда не покидали Валинор: вел их Финарфин, сын Финвэ. Немногие тэлери пожелали, однако, идти на войну, ибо помнили резню в Лебязьей Гавани и похищение кораблей, но они вняли Эльвинг, что была дочерью Диора Элухиля и приходилась им родней, и послали корабли с мореходами, дабы переправить воинство Валинора за море, на восток. Однако они оставались на своих судах, и ни один из тэлери не ступил на Внешние Земли.

\*\*\*

Немногое сохранило предание о походе воинства валаров на север Средиземья, ибо не было там ни одного эльфа из тех, кто жил и страдал на Внешних Землях и кто сложил о тех днях повествования

известные до сих пор; о том, как это все происходило, узнали они намного позже, от своих сородичей в Амане. И все же мощь валаров явилась с Запада, и голос труб Эонвэ заполнил небо; казалось, что вспыхнул Белериаид от сверкания их доспехов, ибо воины валаров обликом были юны, прекрасны и грозны, и горы звенели под их шагами.

Битва воинств Запада и Севера названа Великой Битвой, или Войной Гнева. На ту битву вышла вся мощь владений Моргота, и были те силы столь огромны и многочисленны, что Анфауглит не мог вместить их: весь Север объяло пламя войны.

Но это не спасло Моргота. Балроги были уничтожены, и лишь малое число их бежало и скрылось в недоступных пещерах у самых корней земли; а бессчетные легионы орков гибли, как солома в огне, либо были сметены, как сухие листья огненным ветром. Немногие уцелели, дабы после тревожить мир. Те Друзья Эльфов, Праотцы Людей, что еще были живы, сражались на стороне валаров; и в те дни были отмщены Барагунд и Барахир, Галдор и Гундор, Хуор и Хурин, и многие другие вожди. Но множество людей из племени Ульдора и другие, недавние пришельцы с востока, присоединились к Врагу; и эльфы этого не забыли.

Видя, что войска его разбиты и мощь низвергнута, Моргот пал духом и не осмелился сам выйти в бой. Однако он обрушил на своих врагов последнее оружие, что еще у него оставалось, и из бездн Ангбанда изверглись не виданные прежде крылатые драконы; так внезапен и гибелен был полет этой ужасной стаи, что воинство валаров отступило, ибо появление драконов сопровождалось великим громом, молниями и огневой бурей.

Но примчался, пылая белоснежным пламенем, Эарендил. Вокруг Вингилота слетелись все большие небесные птицы, и вел их Торондор; и была битва в воздухе весь день и всю темную ночь, и чаша весов колебалась. Перед рассветом Эарендил сразил Анкалагона Черного, самого сильного во всем драконьем войске, и низверг его с небес; а тот, падая, рухнул на пики Тангородрима и в предсмертном биении сокрушил их. Затем взошло солнце, и воинство валаров стало одолевать, и почти все драконы были перебиты, разрушились все темницы Моргота, крыши с них были сорваны, и мощь валаров проникла в глубь земли. Моргот был побежден, и доблести не

нашлось в нем. Он бежал в глубочайшую из своих копей и просил милосердия и мира, но был повержен и брошен ниц. Его сковали цепью Ангойнор, которую он носил некогда, а железную его корону, разбив, обратили в ошейник, и голова его склонилась на колени. А два Сильмарила, что оставались еще у Моргота, вынули из его короны, и они воссияли, незапятнанные, под небесами. И Эонвэ взял их под свою охрану.

Так пришел конец власти Ангбанда на Севере. Твердыня зла была изничтожена, а из глубоких темниц вышло множество рабов, уже не надевавшихся когда-либо увидеть дневной свет, и открылся их взору измененный мир. Ибо столь велика оказалась ярость сражавшихся, что северная часть западного мира раскололась, из трещины с ревом вырвалось море, было сотрясение и великий грохот; реки же сгнули, либо потекли по новым руслам, долины поднялись, а горы опустились, и Сириона более не существовало.

Тогда Эонвэ, как герольд Владыки, призвал эльфов Белерианда покинуть Средиземье. Однако Маэдрос и Маглор не вняли ему и готовились, хоть и с горечью и проклятиями, сделать отчаянную попытку исполнить свою клятву, ибо, буде им откажут, они готовы были биться за Сильмарил даже с победоносным воинством валаров, даже если б оказались одни против всего света. И потому они послали к Эонвэ, требуя отдать алмазы, которые некогда сотворил их отец Феанор и которые были у него похищены Морготом.

Эонвэ, однако, отвечал, что право на творение своего отца, которым когда-то обладали сыны Феанора, ныне они утратили, ибо, ослепленные клятвой, сотворили они множество жестоких деяний, из которых худшее — убийство Диора и разорение Гаваней. Свет Сильмариллов уйдет теперь на Запад, откуда он пришел; Маэдрос же и Маглор должны вернуться в Валинор и там ждать суда валаров, ибо лишь по их велению Эонвэ может отдать камни. Маглор искренне желал подчиниться, ибо в сердце его жила печаль, и сказал он:

— Клятва не утверждает, что мы не можем ждать, а в Валиноре, быть может, все будет прощено и забыто, и мы обретем мирно то, что нам принадлежит.

Маэдрос, однако, отвечал, что если они вернутся в Аман лишенные милости валаров, то их клятва по-прежнему будет тяготеть над ними, но исполнение ее окажется невозможно, и добавил:

— Кто может знать, какая страшная судьба ждет нас, если мы не подчинимся Силам в их же владениях или вознамеримся вновь привести войну в их священное владение?

Однако Маглор все еще колебался и говорил так:

— Но если сами Манвэ и Варда откажут в исполнении клятвы, что была произнесена с их именами, разве не потеряет она силу?

Маэдрос же ответил:

— Но достигнут ли наши голоса Илуватара за Кругами Мира? А ведь именно Илуватаром поклялись мы в своем безумии и призвали на себя Вечную Тьму, если не сдержим слова. Кто же освободит нас?

— Если некому освободить нас, — молвил Маглор, — то, сдержим мы клятву или нарушим, Вечная Тьма — наш удел; но меньшее зло совершим мы, нарушив ее.

Однако в конце концов он сдался на уговоры Маэдроса, и вместе они придумали, как заполучить Сильмарилы. Они изменили облик, ночью проникли в лагерь Эонвэ и прокрались туда, где хранились Сильмарилы; и они перебили стражей и захватили камни. Тогда весь лагерь поднялся против них, и смерть подступила к сыновьям Феанора, но они, невредимые, бежали прочь. Каждый из них взял по Сильмарилу, ибо решили они: «Если один камень для нас потерян и остались лишь два, и лишь мы двое живы из всех наших братьев, то ясно, что судьба предназначила нам разделить наследство нашего отца».

Но камень сжигал длань Маэдроса невыносимой болью; и понял он, что правду говорил Эонвэ: право его на Сильмарил потеряло силу, и клятва была напрасна. В муке и отчаянии бросился он в зияющую пропасть, что дышала огнем, и так встретил свой конец; а Сильмарил, что был с ним, сокрылся в недрах земных.

О Маглоре же говорят, что он не мог снести боли, которую причинял ему Сильмарил, и в конце концов бросил его в Море, и с тех пор всегда бродил вдоль берегов, слагая над волнами скорбные песни, ибо Маглор был лучшим песнопевцем древности, не считая лишь Даэрона из Дориата. Он никогда не вернулся к эльфам. Так Сильмарилы нашли себе пристанища: один в небесной выси, один в огненном сердце мира и один в глубинах вод.

В те дни на побережье Западного Моря строилось великое множество кораблей. На тех кораблях эльдары уплывали на Запад и

никогда уже не возвращались в края, где страдали и воевали. Уплывали и ваниары под белыми своими стягами и были с почестями приняты в Валиноре; однако радость победы была неполной, ибо они вернулись без Сильмарилов, отнятых у Моргота; знали они, что нельзя эти камни ни отыскать, ни собрать вместе, пока мир не будет разрушен и пересоздан вновь.

Эльфы Белерианда, приплыв на Запад, поселились на Тол-Эрессеа, Одиноким Острове, что был обращен и на запад, и на восток; оттуда могли они прийти и в Валинор. Им вновь дарованы были любовь Манвэ и милость валаров, и тэлери забыли свою древнюю скорбь, и проклятие потеряло силу.

Однако не все эльдары пожелали покинуть Внешние Земли, где они так долго жили и страдали: многие из них остались на долгие века в Средиземье. Среди них были Кирдан Корабел и Келеборн из Дориата, и жена, его Галадриэль — она одна осталась из тех, кто вел нолдоров-изгоев в Белерианд. В Средиземье жил также и Гил-Гэлад, верховный король, а с ним Элронд Полуэльф, избравший, как было ему дозволено, судьбу эльдаров; брат же его, Элрос, избрал людской жребий. И от этих двух братьев пошли люди, в чьих жилах струилась кровь Перворожденных, смешанная с наследием божественных духов, бывших прежде Диора, сына Лютиэн, рожденной от Тингола и Мелиан; Эарендил же, их отец, был сыном Идриль Келебриндал, дочери Тургона Гондолинского.

Самого же Моргота валары низвергли через Врата Ночи за Стены Мира, в Безвременную Бездну; и стража встала навеки на тех стенах, и Эарендил хранит грань небес. Однако ложь, которую Мелькор, могучий и проклятый, Моргот Бауглир, Сила Ужаса и Ненависти, посеял в сердцах эльфов и людей, — та ложь есть семя бессмертное и неуничтожимое; вновь и вновь прорастает оно и будет приносить черные плоды вплоть до последних дней.

Так кончается СИЛЬМАРИЛЛИОН. И если, начав с высокого и прекрасного, повествование завершилось мраком и разрушением, то такова издревле судьба Арды Искаженной; а изменится ли что-нибудь и придет ли конец Искажению, знают, быть может, лишь Манвэ и Варда; но они никому не открыли того и не сказали о том в пророчествах Мандоса.

## АКАЛЛАБЕТ (ПАДЕНИЕ НУМЕНОРА)

Рассказывают эльдары, что люди пришли в мир, когда на нем лежала Тень Моргота, и скоро подпали под его владычество, ибо он засылал к ним своих слуг, и внимали люди его хитроумным и лихим речам, и поклонялись Тьме, хоть и боялись ее. Были, однако, такие, что отрелись от зла, покинули земли своих сородичей и ушли на Запад, ибо дошел до них слух, что есть на Западе свет, коего не затмить Тени. Ненависть прислужников Моргота преследовала их, и путь их был долог и труден; но все же пришли они в земли, обращенные к Морю, и в дни Войны за Камни появились в Белериане. *Эдайн* — «аданы» — назвали их на языке синдаров; они стали друзьями и союзниками эльдаров и в войне против Моргота совершили деяния великой храбрости.

От них по отцовской линии происходил Эарендил Ясный; в «Песни об Эарендиле» повествуется, как в те дни, когда победа Моргота была почти полной, Эарендил выстроил корабль Вингилот, а на языке людей — Ротинзил, и поплыл в моря, где никто до него не плавал, чтобы отыскать Валинор; ибо желал он поведать Силам о несчастьях Двух Народов, дабы смилостивились над ними валары и послали им помощь в крайней нужде. И потому эльфы и люди называют его Эарендил Благословенный, ибо после долгих трудов и многих опасностей он достиг своей цели, и из Валинора явилось войско Западных Владык. Эарендил, однако, больше не вернулся в края, которые так любил.

В Великой Битве, когда был низвергнут Моргот и разрушен Тангородрим, из всех людских племен лишь аданы сражались на стороне валаров, множество же прочих людей билось за Моргота. После победы Западных Владык те приверженные злу люди, что уцелели в битве, бежали назад, на восток, где в невозделанных землях, в дикости и беззаконии все еще бродили их соплеменники, отвергая равно призывы валаров и посулы Моргота. И вот люди-лиходеи явились среди них и опутали тенью страха; и те избрали их королями. Тогда отвернулись на время валары от людей Средиземья, что отвергли



их призывы и избрали своими владыками приверженцев Моргота; и люди жили во тьме, мучимые лихими существами, что сотворил Моргот во дни своего владычества, — демонами, драконами, бесформенными тварями и нечистыми орками, кои созданы в насмешку над Детьми Илуватара. И люди были несчастны.

Манвэ же низверг Моргота в бездну за гранью Мира; и покуда Владыки Запада восседают на своих тронах, не вернуться Морготу в мир в зримом облике. Но семена, что посеял он, давали побеги и разрастались, принося лихие плоды, стоило только кому-то позаботиться об этом. Ибо воля его оставалась и вела его слуг, подвигая их вечно противостоять валарам и убивать тех, кто им повиновался. Владыки Запада видели это и знали. И потому, когда Моргот был низвергнут, держали они совет о грядущих веках. Эльдаров призвали они вернуться на Запад, и те, кто внял их призыву, поселились на острове Эрессеа. Есть там гавань, нареченная Аваллонэ, ибо ближе всех она к Валинору, и когда мореход, одолев бескрайнее Море, подплывает к Бессмертным Землям, первое, что предстает его взору, — башня Аваллонэ. Праотцам людей из Трех Верных Родов также была дана щедрая награда. Эонвэ явился среди них и учил их, и были им дарованы мудрость, и власть среди них, и век более долгий, чем у прочих смертных. И отворил для аданов землю, не принадлежащую ни Валинору, ни Средиземью, ибо от обоих краев отделяло ее Море, однако она была ближе к Валинору. Оссе поднял ее из глубин морских, Ауле придал ей облик, а Йаванна украсила ее; эльдары же принесли туда цветы и фонтаны с Эрессеа. Землю ту валары нарекли Андор — Дарованная Земля; а на западе ярко блистала Звезда Эарендила, знаменую, что все готово, и ведя за Море; и дивились люди, узрев ее серебристое пламя на тропях Солнца.

И вот аданы, следуя за Звездой, подняли паруса и вышли в Море; валары же надолго утомили пучину и ниспослали ясное солнце и попутный ветер; воды сверкали, как стекло, отражая небеса, и пена хлопьями снега взмывала из-под форштевней. Звезда же Ротинзил сияла так, что и днем люди видели ее мерцание на западном небосклоне, а в ясной ночи она затмевала все прочие звезды. И вот, держа по ней путь, аданы преодолели бескрайнее Море и узрели издалека предназначенный им край: Андор — Дарованную Землю,

что блистала в золотом сиянии. Они сошли на берег, и предстала им страна дивно прекрасная и плодородная; и они возрадовались. И нарекли страну эту Эленна, что означает Обращенная к Звездам; а также Анадунэ, Западный Край, а на языке Высших Эльфов — Нуменор.

Так было положено начало народу, что на языке сумеречных эльфов звался *дунаданы* — то были нуменорцы, Королевский Род. Но и они не избежали жребия, предназначенного людям Илуватаром, и остались смертны, хотя их век удлинился и болезни им были неведомы, пока тень не пала на них. Они были мудры и величественны и во многом походили более на Перворожденных, чем на прочих людей; ростом были высоки, выше самых рослых жителей Средиземья, а глаза их сияли ярче звезд. Однако же число их увеличивалось медленно, ибо дети рождались у них редко, хотя сыновья и дочери красотой превосходили родителей.

В древности столица и главная гавань Нуменора находилась на западном побережье и звалась Андуние, ибо была обращена к западу. Посреди же этого края высилась громадная и крутая гора, называемая Менельтарма, Небесный Столп, а на вершине ее было святилище Эру, открытое всем ветрам. Других храмов и капищ в Нуменоре не было. У подножья горы находились усыпальницы королей, на холме неподалеку высился прекраснейший в мире город Арменелос, и там стояли башни и крепости, возведенные Элросом, сыном Эарендила, ставшим по велению валаров первым королем дунаданов.

Элрос и брат его Элронд происходили из Трех Родов аданов, но в их жилах текла также кровь эльдаров и майаров, ибо прародительницами их были Идриль Гондолинская и Лютиэн, дочь Мелиан. Не в силах валаров было отнять дар смерти, данный людям Илуватаром, однако Эру даровал им право рассудить, как поступать с Полуэльфами; и решили валары, что сынам Эарендила будет дано самим избирать себе судьбу. И вот Элронд избрал жребий Перворожденных, и ему был дарован их век. Элросу же, ставшему королем людей, дана была долгая жизнь, во много раз дольше, чем у людей Средиземья; и все его потомки и члены королевского дома жили долго даже по нуменорскому счету. Элрос прожил пятьсот лет, а из них четыреста десять лет правил нуменорцами.

Так шли годы, и, пока в Средиземье угасали свет и мудрость, дунаданы жили под защитой валаров, в дружбе с эльдарами и росли духом и телом. Ибо, хоть и бытовало еще среди них людское наречье, их короли и вельможи говорили на языке эльдаров, который выучили еще в дни союза в Белерианде, так что связи их с эльдарами Эрессеа и запада Средиземья не обрывались. Дунаданские же мудрецы знали и высокое наречие Благословенного Края, на котором издревле звучали легенды и песни; создали они книги и хроники, и в них записали все дивное и мудрое, что было в Нуменоре в годы его расцвета, а ныне предано забвению. Таким образом, у всех нуменорских владык, кроме их собственных имен, были еще и эльфийские, — и то же было и с дивными городами, возведенными в Нуменоре и на берегах Ближних Земель.

Дунаданы стали весьма искусны в ремеслах, так что, пожелай они, легко бы превзошли в военном умении и оружейном деле лихих владык Средиземья; но они были мирным народом. Превыше всего ценили они кораблестроение и мореходное искусство и стали мореходами, каких уже не будет с тех пор, как мир умалился; и путешествия по бескрайним морям были первой утехой и лучшим приключением для этого отважного племени в дни его пылкой юности.

Однако владыки Валинора запретили нуменорцам заплывать на запад на расстояние, при котором берега Нуменора исчезают из виду; и долгое время дунаданы подчинялись этому запрету, хоть и не понимали его смысла. Манвэ же хотел, чтобы нуменорцы не пытались достичь Благословенного Края и не желали превзойти пределы своего жребия, прельстившись бессмертием валаров и эльдаров в краю, где царит вечность.

Ибо в те дни Валинор все еще находился в зримом мире — дозволил Илуватар валарам создать в Арде жилище себе, как память о том, каким мог быть мир, если бы Моргот не бросил на него свою тень. Это хорошо знали нуменорцы, временами же, когда воздух был чист и прозрачен, а солнце стояло на востоке они различали далеко на западе снежно-белое сияние прибрежного города, его гавань и башню. Нуменорцы в те дни были необычайно зорки, но лишь самому острому взору открывался белый город — с вершины ли Менельтармы, с высокой ли мачты корабля, что отплывал от западного

берега на дозволенное ему расстояние. Ибо не осмеливались дунаданы нарушить Запрет Западных Владык. Мудрецы, однако, знали, что это не Валинор, Благословенный Край, а лишь Аваллонэ, гавань эльдаров на Эрессеа, самая восточная в Бессмертных Землях. Оттуда в ладьях без весел, белыми птицами летящих из закатных краев, приплывали иногда Перворожденные. Везли они в Нуменор множество даров — певчих птиц, благоуханные цветы и целебные травы. Привезли они и семя Келеборна, Белого Древа, что выросло среди Эрессеа; оно же, в свою очередь, произошло из семени Галатилиона, Древа Туны, подобия Тельперииона, дарованного Йаванной эльдарам в Благословенном Краю. И вот Древо росло и цвело при дворе короля в Арменелосе; Нимлот звалось оно и к вечеру расцветало, наполняя ночь своим благоуханием.

Из-за Запрета валаров дунаданы в те дни плавали не на запад, а на восток, от темного Севера до жаркого Юга и далее, в Запредельную Тьму; заплывали они и во внутренние моря, проходили на кораблях вдоль Средиземья и с высоких палуб видели на востоке Врата Утра. Приплывали дунаданы к берегам Великих Земель и сокрушались над покинутым Средиземьем; и вот в Темные Годы людей владыки Нуменора вновь пришли на западные побережья, и никто не осмелился им противостоять. Ибо люди той Эпохи, осененные Тенью, стали слабы и боязливы. Нуменорцы явились среди них и многому их научили. Привезли они ячмень и вино и обучили людей сеять семена и молотить муку, рубить лес и тесать камень, помогли обустроить жизнь, насколько это было возможно в краях скорой смерти и скупого блаженства.

Счастливей стала жизнь людей Средиземья, и вот уже тут и там на западном побережье отступили глухие леса, а люди освободились от власти выкормышей Моргота и перестали бояться тьмы. Они чтит память высоких Морских Владык и, когда те ушли, нарекли их богами, надеясь на их возвращение; ибо в те времена нуменорцы не жили подолгу в Средиземье и не возводили там своих поселений. Плавали они и на восток, но сердца их всегда были обращены к Западу.

С годами стремление это становилось все сильнее; и возмечтали нуменорцы о бессмертном городе, что виден был лишь издали: овладело ими желание жить вечно и избежать смерти и конца земных

радостей; и вместе с мощью и величием росло их беспокойство. Ибо, хоть и продлили валары жизнь дунаданов, не могли они оградить их от неизбежного увядания, и даже короли семени Эарендила умирали; и краткой была их жизнь в глазах эльдаров. Так пала тень на Нуменор, и, возможно, была в том воля Моргота, все еще живущая в мире. И вот начали нуменорцы роптать, вначале в мыслях, а потом и открыто, против жребия людского, а более всего — против Запрета, что закрыл для них путь на Запад.

И так говорили они меж собою: «Отчего Владыки Запада восседают в вечном покое, мы же обречены умирать и уходить неведомо куда, покидая свои жилища и все, что сотворено нами? Ведь и эльдары не ведают смерти, даже те, кто бунтовал против валаров. Ныне мы покорили все моря, и нет вод столь широких и бурных, что не были бы подвластны нашим кораблям, — отчего бы не отправиться нам в Аваллонэ, не навестить наших друзей?»

Иные же добавляли: «Почему бы не приплыть нам в Аман, не вкусить, хоть на день, блаженства валаров? Или мы не могущественней прочих народов Арды?»

Эльдары передали валарам эти речи, и опечалился Манвэ, видя, как сгущаются тучи над полднем Нуменора. И послал он гонцов к дунаданам, чтобы рассказали королю и всем, кто желает слушать, об устройстве и судьбе Мира.

— Жребий Мира, — говорили гонцы, — может изменить лишь Тот, Кто его сотворил. И даже если, миновав в пути все ловушки и западни, вы достигли бы Амана, Благословенного Края, малая была бы вам от того польза. Ибо не земля Манвэ дарит бессмертие ее обитателям, но обитающие в ней Бессмертные освящают ее; и вы лишь скорее исчахли бы там и сгорели, как мотыльки во всепожирающем пламени.

Но ответил король:

— Разве не жив пращур мой, Эарендил? Или он не обитает в Амане?

На это они сказали:

— Тебе ведомо, что у него особый жребий, и причислен он к Перворожденным, не ведающим смерти; но судьба его такова, что ему нет возврата в Смертные Земли. Ты же и твой народ — не Перворожденные, но Смертные, сотворенные Илуватаром. Ныне же,

сдается, вы пожелали обрести блага обоих племен: плавать в Валинор, когда вам вздумается, и возвращаться домой, когда захотите. Это невозможно. Не в силах валаров отнять дары Илуватара. Эльдары, говорите вы, не понесли наказания, и даже мятежники не смертны. Но для них это не наказание и не награда, а лишь суть их бытия. Они навеки связаны с этим миром и, пока он существует, не могут его покинуть, ибо его жизнь — это их жизнь. Вы же, твердите вы, наказаны за бунт людей, в котором приняли малое участие, и потому смертны. Но изначально смерть для вас — не наказание. Умирая, вы покидаете сей мир, и ни надежды, ни страхи ваши не связаны с ним. Должно ли нам завидовать друг другу?

И отвечали нуменорцы так:

— Отчего бы нам и не завидовать валарам или хотя бы последним из Бессмертных? От нас требуют слепой веры и доверчивой надежды, и не ведаем мы, что нас ждет впереди. А ведь мы так же любим Землю и не желаем терять ее навсегда.

И сказали тогда Посланцы:

— Истинно, что замыслы Илуватара касательно людей неведомы валарам: не открыл он также всего, что грядет. Верно лишь то, что дом ваш не здесь, и не в Амане, и нигде в пределах Кругов Мира. Жребий же людской изначально был даром Илуватара. Бедой он стал лишь оттого, что под тенью Моргота показалось людям, что они окружены безмерной тьмой, ужасающей их; а иные стали горды и алчны и не сдавались, пока не лишались жизни. Нам, несущим растущую с каждым годом ношу лет, это недоступно; но если беда эта, как говорите вы, вновь тревожит вас, верно, Тень возродилась снова и сгущается в ваших сердцах. И хотя вы — дунаданы, благороднейшие среди людей, в древности избегшие Тени и храбро против нее сражавшиеся, мы говорим вам — берегитесь! Воле Эру нельзя прекословить, и валары искренне молят вас не нарушать призвания своего и долга — а иначе превратится он в стеснительные оковы. Надеемся, что когда-нибудь принесет плоды даже самое малое ваше желание. Любовь к Арде посеял в ваших сердцах Илуватар, а он ничего не свершает бесцельно. И все же пройдут эпохи и сменятся многие поколения людей, прежде чем замысел его станет ведом; и откроется он вам, а не валарам.

Случилось все это во дни, когда правили Тар–Кириатан по прозвищу Корабел и сын его Тар–Атанамир; были то гордые и алчные люди, и они наложили дань на жителей Средиземья, более отбирая, нежели отдавая. Это к Тар–Атанамиру явились Посланцы, а был он тринадцатым по счету королем, и в дни его правления Нуменор насчитывал уже две тысячи лет и наслаждался расцветом если не могущества, то величия. Атанамир, однако, был недоволен речами Посланцев и не внял им; а его примеру последовало большинство его подданных, ибо желали они избегнуть смерти уже на своем веку, не полагаясь на призрачные надежды. Атанамир жил долго и цеплялся за жизнь даже тогда, когда она не приносила уже никакой радости: был он первым нуменорцем, кто поступил так, отказавшись уйти добровольно, прежде чем потеряет доблесть и разум, и передать правление сыну, находящемуся в расцвете сил. Ибо было раньше в обычае владык Нуменора жениться поздно для долгого их века и уходить, оставляя власть своим сыновьям, когда те обретут зрелость тела и духа.

И вот стал королем Тар–Анкалимон, сын Атанамира, а мыслил он так же, как его отец, и в годы его правления народ Нуменора разделился. С одной стороны было большинство — те, кто называл себя Людьми Короля; они возгордились и отвернулись от валаров и эльдаров. Иные — их было меньше — звались *элендили*, Друзья Эльфов, ибо хоть и оставались они верны королю и всему роду Элроса, но желали и сохранить дружбу с эльдарами. Они вняли посланию Западных Владык. Но даже они, звавшие себя Верными, кое в чем разделяли заблуждения своих соплеменников, и мысли о смерти преследовали их.

Так угасло блаженство Западного Края; но мощь его и блеск все возрастали. Ибо короли и их подданные не отреклись от премудрости, и если более не любили валаров, то, по крайней мере, боялись их. Не осмеливались они открыто нарушать Запрет и заплывать далее дозволенного. Лишь на восток направляли они свои гордые корабли. Однако ужас смерти все более затемнял их сердца, и они как могли отдаляли ее; они начали возводить для своих мертвецов громадные гробницы; мудрецы же неустанно искали тайну бессмертия или, по меньшей мере, долголетия. Но они лишь научились в совершенстве сохранять нетленной мертвую плоть, и вот весь край наполнился

безмолвными усыпальницами, где в священном мраке таилась смерть. Живые же все более страстно предавались наслаждению, выдумывая все новые роскошества и забавы: в годы правления потомков Тар–Анкалимона обычай приносить Эру первые плоды был забыт, и нечасто уже приходили люди в Святыню на вершине Менельтармы, в сердце страны.

В те времена нуменорцы основали на западном побережье прежних земель первые большие поселения; ибо их родной край казался им тесен, и не находили они там ни радости, ни покоя, а поскольку Запад был недоступен, они возжелали богатств и власти над Средиземьем. Возвели они надежные гавани и мощные крепости и во множестве поселились там, но из помощников и наставников превратились в господ и собирателей дани. На крыльях ветров уплывали на восток их корабли и возвращались груженными доверху, так что могущество и богатство нуменорских королей все росли; и они пили, и веселились, и с головы до ног одевались в золото и серебро.

Малое касательство имели ко всему этому Друзья Эльфов. Лишь они приплывали теперь на север, во владения Гил–Гэлада, храня верность дружбе и помогая ему в борьбе с Сауроном; их гавань, Пеларгир, была выстроена в устье Андуина Великого, а Люди Короля заплывали далеко на юг; и память о твердынях и княжествах, что они основали там, надолго сохранилась в людских преданиях.

Летописи гласят, что в ту Эпоху в Средиземье вновь явился Саурон, и укреп, и обратился вновь ко злу, в котором взрастил его Моргот. Уже в дни правления Тар–Минастира, одиннадцатого нуменорского короля, Саурон укрепил Мордор и возвел там твердыню Барад–дур, и с тех пор всегда стремился к владычеству над Средиземьем, дабы стать королем над королями и божеством над людьми. Саурон ненавидел нуменорцев за свершения их праотцев, за их древний союз с эльфами и служение валарам; не забыл он также и помощь, которую послал Гил–Гэладу Тар–Минастир в дни, когда было выковано Кольцо и в Эриадоре вспыхнула война между эльфами и Сауроном. Ныне же узнал он, что мощь и величие нуменорских владык возросли, и еще больше возненавидел их; и боялся он, что им вздумается захватить его земли и лишить его власти над восточными



краями. Долгое время, однако, Саурон не решался бросить вызов Морским Владыкам и держался подальше от побережья.

Но коварен был Саурон, и говорят, что среди тех, кого поработил он Девятью Кольцами, были могучие витязи—нуменорцы. И когда вошли в силу *улайры* — Призраки Кольца, его верные слуги, а внушаемый им ужас и власть его над людьми стали воистину безграничны, он осмелился протянуть руку к прибрежным твердыням нуменорцев.

В те дни Тень все шире простирала крыла над Нуменором, а срок жизни королей из рода Элроса — из-за мятежности их — становился все короче, но тем более ожесточались души их против валаров. Девятнадцатый король принял скипетр своих предков и взошел на престол под именем Адунахора, Владыки Запада, отрекшись от эльфийских наречий и запретив говорить на них в его присутствии. И все же в Летописи Королей, по древнему обычаю, который короли нарушать опасались, покуда не воцарилось лихо, его имя было записано в наречии Высших Эльфов — Хэрунумен. Знаком величайшей гордыни казалось Верным именовать себя титулом валаров, и сердца их разрывались между верностью роду Элроса и почитанием Сил. Но худшее ждало их впереди. Ибо Ар—Гимильзор, двадцать второй король, был заклятым врагом Верных. В дни его правления Белое Древо было заброшено и начало увядать; он строго—настрога запретил говорить по—эльфийски и наказывал тех, кто встречал корабли с Эрессеа, все еще приходившие втайне к западным берегам страны.

*Элендили* большей частью жили на западе Нуменора; но Ар—Гимильзор велел всем Верным, что были ему известны, покинуть западные земли и переселиться на восток; и там они жили под надзором. Главное поселение Верных было возле Роменна; оттуда многие из них отплывали на север Средиземья, где во владениях Гил—Гэлада звучала еще речь эльдаров. Короли знали об этом, но большого значения не придавали, поскольку *элендили* уплывали и не возвращались; короли же хотели покончить с дружбой меж своими подданными и эльдарами Эрессеа, которых звали. Прихвостнями валаров, — таким образом надеялись они скрыть свои дела и замыслы от Западных Владык. Однако все, что они бы ни творили, становилось известно Манвэ; и отвернулись валары от королей Нуменора, и

отказали им в совете и помощи; и не приплывали больше из закатных морей корабли Эрессеа, и гавани Андуние опустели.

Владетели Андуние более всех почитались в Нуменоре после королевского рода, ибо в их жилах текла кровь Элроса — они происходили от Сильмариэн, дочери Тар-Элендила, четвертого короля Нуменора. Владетели были верны королям и чтили их, и были всегда среди ближних советников трона. Тем не менее они сыздавна хранили любовь к эльдарам и почтение к валарам; а когда Тень начала расти, они, как могли, поддерживали Верных. Долгое время, однако, они не обнаруживали себя, а старались только смягчить сердце венценосцев мудрыми советами.

Дева Инзилбет славилась красотой; матерью ее была Линдориэ, сестра Эарендура, владетеля Андуние в дни правления Ар-Сакальтора, отца Ар-Гимильзора. Гимильзор взял ее в жены, хоть она, Верная в душе благодаря наставлениям матери, и противилась этому; но короли и их сыновья были горды и не привыкли к отказам. Не было любви меж Ар-Гимильзором и его королевой, не любили друг друга и их сыновья. Старший, Инзиладун, телом и душой походил на мать; младший же, Гимильхад, был вылитый отец и даже превосходил его в гордыне и властолюбии. Если б то позволяли законы, Ар-Гимильзор куда охотнее отдал бы трон младшему сыну в обход старшего.

Когда же Инзиладун вступил на трон, он принял, как бывало прежде, эльфийское имя, назвавшись Тар-Палантир, ибо зорки были и глаза его, и сердце, и даже те, кто его ненавидел, опасались его провидческих речей. Он на время даровал покой Верным и возродил обычай приношений в Святыню Эру на Менельарме, отринутый Ар-Гимильзором. Вновь велел он заботиться о Белом Древе и предрек, что, когда погибнет Древо, сгинет и королевский род. Но слишком запоздалым было его раскаяние, дабы утишить гнев валаров, пробужденный мятежностью его предков, о коей большая часть его подданных и не сожалела. Гимильхад же был силен и бесцеремонен; он возглавил тех, кто звал себя Людьми Короля, и противостоял брату во всем, если осмеливался — открыто, а еще более — тайно. И вот печаль пала тенью на дни Тар-Палантира, и часто он поднимался на древнюю башню короля Минастира на горе Оромет, что возле Андуние, и оттуда жадно смотрел на запад, быть может, надеясь

увидеть парус. Но не приплывали больше корабли с Запада в Нуменор, и туман сокрыл Аваллонэ.

Гимильхад умер, не дожив двух лет до двухсотлетнего возраста (а для рода Элроса даже во времена упадка это была ранняя смерть), но покоя королю это не принесло. Фаразон, сын Гимильхада, вырос даже более мятежным, алчным и властолюбивым, нежели его отец. Часто отправлялся он за пределы Нуменора, возглавляя войско в тех войнах, что вели нуменорцы на берегах Средиземья, дабы утвердить свое владычество над людьми: и так стяжал он славу великого воина на суше и на море. Потому, когда, услышав о смерти своего отца, он вернулся в Нуменор, многие стали на его сторону, ибо он привез с собою сокровища и поначалу щедро раздавал их.

Исчахнув от горя, умер Тар-Палантир. Сына у него не было, а лишь дочь, названная им на языке эльфов Мириэль; и к ней по праву и закону Нуменора перешел трон. Но Фаразон взял Мириэль в жены против ее воли, сотворив тем зло, а другое зло было в том, что обычай Нуменора даже в королевском доме не позволял заключать браки между родичами более близкими, чем дети двоюродных сестер и братьев. А когда брак был заключен, Фаразон захватил власть и стал править под именем Ар-Фаразона (Тар-Калиона по-эльфийски); имя же королевы он сменил на Ар-Зимрафел.

Среди всех, кто когда-либо, с самого основания Нуменора, восседал на троне Морских Владык, не было короля более могущественного и исполненного гордыни, нежели Ар-Фаразон; а правили до того Нуменором двадцать три короля и королевы, что уснули последним сном на золотых ложах в подземных усыпальницах у подножия Менельтарме.

И, восседая в блеске своей мощи на троне резного камня в Арменелосе, он лелеял мрачные мысли о войне. Ибо еще в Средиземье узнал он о мощи королевства Саурона и о ненависти того к Западному Краю. Ныне же возвращались с Востока флотоводцы и военачальники и говорили, что с тех пор, как Ар-Фаразон покинул Средиземье, Саурон поднял голову и наносит немалый урон прибрежным крепостям; что он объявил себя королем людей и целью своей положил изгнать нуменорцев за Море и даже разорить Нуменор, если сможет.

Страшно разгневался Ар-Фаразон, услышав такие вести, и возжелал всей душой того, о чем мечтал втайне так долго, — безграничного могущества и безмерной власти. И решил он, не советуясь ни с валарами, ни с чьей-либо мудростью, кроме своей собственной, что сам провозгласит себя королем людей и вынудит Саурона стать его данником и слугой — ибо в гордыне своей считал, что не было, нет и не будет владыки, который бы мог тягаться с потомком Эарендила. Потому велел Ар-Фаразон выковать великое множество оружия и, выстроив много боевых кораблей, оснастил их этим оружием; и когда все было готово, во главе своего войска отплыл на восток.

Увидели люди в закатном небе пылающие кроваво-алым золотом паруса, и страх охватил жителей побережья, и они бежали прочь. Флот же пришел в место, что называлось Умбар — там стояла могучая твердыня и нерукотворная гавань нуменорцев. Безмолвны и пустынно были окрестные земли, когда Морской Владыка шествовал по Средиземью. Семь дней шел он с трубами и знаменами и увидел холм; он взошел на вершину, и там раскинул шатер, и поставил трон, и воссел на него, а шатры его войска, голубые, белые и золотые, окружили его, словно море огромных цветов. И послал он гонцов и велел Саурону явиться и принести ему присягу на подданство.

И Саурон явился. Пришел он из могучей своей крепости Барад-дур и даже словом не обмолвился о войне. Ибо увидел он, что мощь и величие Морских Владык превышают все слухи о них, так что Саурон не мог и надеяться, что самые могущественные его слуги устоят против них; и понял Саурон, что не пришло еще время ему утвердить свою власть над дунаданами. А уж он-то владел искусством добиваться хитростью того, чего не мог добиться силой. Потому он униженно склонился пред Ар-Фаразоном и сладко заговорил с ним, и дивились люди — так мудра и прекрасна казалась им его речь.

Но Ар-Фаразон еще не был обманут, и пришла ему в голову мысль, что ради прочности присяги разумно было бы доставить Саурона в Нуменор, пусть он живет там заложником за всех своих прислужников в Средиземье. Неохотно принял Саурон это решение, но в душе ликовал, ибо того он и хотел. И вот Саурон пересек море, и узрел Нуменор и город Арменелос в пышности его расцвета, и был потрясен; но тем более исполнилось его сердце зависти и ненависти.

Так, однако, был он хитроумен и сладкоречив, так сильна была его скрытая воля, что и трех лет не прошло, а он уже стал ближайшим советником короля и знал его тайные мысли; ибо сладкий мед лести стекал с его языка, и было ему ведомо многое, недоступное еще людям. И видя, в каком он почете у короля, все советники преклонялись перед ним — все, кроме Амандила, владетеля Андунизэ. Постепенно край изменялся, и встревожились Друзья Эльфов, и многие бежали в страхе; тех же, кто остался, хоть они и звали себя Верными, их враги нарекли мятежниками. Ибо ныне, владея слухом людей, Саурон хитроумно искажил все, чему учили валары; говорил он, что в Мире, на востоке и даже на западе, есть множество морей и земель, ждущих завоевания, где лежат втуне несметные сокровища. Если же они и достигнут края Мира, за ним лежит лишь Древняя Тьма. «Из нее же был сотворен мир. Ибо лишь Тьма божественна, и Властелин Ее в силах дарить своим верным слугам новые миры, так что могуществу их не будет предела».

— Кто же Властелин Тьмы? — спросил Ар-Фаразон.

И тогда, запершись вдвоем с королем, Саурон заговорил с ним и солгал, говоря:

— Властелин Тьмы — это тот, чье имя не произносится ныне, ибо валары обманули вас, представив вместо него Эру, пустой призрак, сотворенный ими в безумии сердец, дабы заставить людей служить себе. Ведь Эру говорит лишь то, что они хотят. Истинный их повелитель еще возвысится и освободит вас от этого призрака; имя же Мелькор, Владыка Сущего, Дарующий Свободу, и он даст вам куда больше силы, чем валарам.

Так Ар-Фаразон обратился к почитанию Тьмы и Мелькора, Ее Владыки, — вначале тайно, а затем открыто перед своими подданными; и они большей частью последовали за ним. Но, как уже говорилось прежде, в Роменне и окрест нее все еще оставались Верные, жили они и в других концах страны. Вождями их, у которых искали они поддержки и утешения, были Амандил, советник короля, и сын его Эльндил, чьи сыновья, Исилдур, Амандил и Элендил, были великими флотоводцами, и в жилах их текла кровь Элроса Тар-Миниатура, хоть они и не принадлежали к правящему дому, что владел в Арменелосе короной и тронном. В дни юности Амандил был близок Фаразону и, хотя считался Другом Эльфов, оставался в Совете

до появления Саурона. Тогда Амандила удалили, ибо Саурон никого так не ненавидел в Нуменоре, как его. Но был Амандил так высокороден и искусен в морском бою, что многие люди чтили его как и прежде, и ни король, ни Саурон покуда не осмеливались тронуть его.

И вот Амандил удалился в Роменну и всех, кого считал Верными, тайно призвал туда: ибо предвидел он, что лихо разрастается, все Друзья Эльфов окажутся в великой опасности. Так оно вскоре и случилось. Менельтарма в те дни была совершенно заброшена, и хотя даже Саурон не осмеливался осквернить священное место, король под страхом смертной казни запретил кому-либо всходить туда, тем более Верным, что еще чтили Илуватара. Саурон же подбивал короля срубить Белое Древо, Нимлот Дивный, что рос при королевском дворе, — память об эльдарах и свете Валинора.

Долго король не соглашался, ибо верил в пророчество Тар-Палантина, что с Древом связана судьба королевского рода. Так в недомыслии своем тот, кто ненавидел эльдаров и валаров, безуспешно пытался укрыться под сенью бывшего союза. Когда же Амандил услышал о лиходейском замысле Саурона, он ужаснулся, зная, что Саурон в конце концов настоит на своем. Тогда призвал он Элендил а и его сыновей и напомнил им предание о Древах Валинора; и промолчал Исилдур, а ночью ушел и свершил то, за что позднее стяжал великую славу. Ибо он в одиночку, изменив обличье, пробрался в Арменелос, в королевские чертоги, куда Верным был вход воспрещен, и пришел туда, где росло Древо — а подходить к нему запрещалось велением Саурона, и его доверенные стражи стерегли Древо днем и ночью. В то время Нимлот потемнел и не цвел более — пришла осенняя пора, да и зима была уже недалеко; и вот Исилдур прокрался мимо стражи, сорвал с Древа плод и хотел было скрыться. Но тут поднялась тревога, на Исилдура напали, и он мечом прорубил себе дорогу, получив при том множество ран, и бежал; а так как был он переодет, никто не узнал посмевшегося коснуться Древа. Исилдур же с трудом добрался до Роменны и, прежде чем силы покинули его, передал плод в руки Амандила и благословил его; и вот появился росток и весной вытянулся в побег. Когда же раскрылся на нем первый лист, Исилдур, что лежал уже при смерти, ожил, и раны не тревожили его более.

Вовремя было сделано это дело, ибо после того случая король уступил Саурону и погубил Белое Древо, тем самым отрекшись окончательно от союза, заключенного его предками. По велению Саурона на холме посреди золотого Арменелоса, нуменорского града, выстроили огромный храм; был он круглый и на высоком цоколе в пятьсот локтей шириною: стены — пятьдесят локтей толщиной и пятьсот локтей высотой, а венчал их огромный купол. Купол этот покрыли серебром, и он так блистал в лучах солнца, что был виден издалека; но очень скоро свет его померк, а серебро почернело. Ибо посреди храма, на алтаре, пылал огонь, а в самой вершине купола была башенка, из которой поднимался дым. Первое же пламя на алтаре Саурон напитал мертвым телом Нимлота, и огонь с треском пожрал Древо; и немало дивились люди, ибо дым, рожденный тем костром, семь дней стоял тучей над всем краем, прежде чем неспешно уплыл на запад.

С тех пор огонь не угасал и дым не таял, ибо мощь Саурона все возрастала, а в храме этом лилась кровь, и совершались пытки, и приносились кровавые жертвы Мелькору, дабы он избавил людей от Смерти. Жертвы они избирали большей частью среди Верных, однако никогда открыто не обвиняли их в непочитании Мелькора, Дарующего Свободу, но скорее в том, что они ненавидят короля и хотят взбунтоваться или что они замышляют против своих сородичей, действуя ядом и ложью. Это обвинения были чаще всего облыжны; но ведь время было ужасное, а ненависть рождает ненависть.

И все-таки Смерть не покинула страну, а являлась все чаще, все скорее и во все более ужасных обличьях. Ибо если в прежние времена люди медленно старились и, устав от мира, засыпали вечным сном, то ныне безумье и недуги овладевали ими; и все же боялись они умирать и уходить во тьму, во владение избранного ими же властелина, и, умирая, проклинали самих себя. В те дни люди по самому пустячному поводу хватались за оружие и убивали друг друга, ибо стали скоры на гнев; к тому же Саурон, бродя по краю, стравливал людей, так что они проклинали короля и властителей, и всякого, кто владел чем-то, чего не было у них; а стоявшие у власти жестоко мстили.

Тем не менее долго чудилось нуменорцам, что они процветают, и если счастья у них не прибавилось, то прибыло богатства и мощи. Ибо трудами и заботами Саурона их имущество множилось, и появлялись

все более хитроумные устройства, и строились все новые корабли. Могучими и оружными приплывали нуменорцы в Средиземье — уже не дарители и даже не вожди, но жестокие завоеватели. Они хватали людей Средиземья и обращали их в рабство, и присваивали себе их добро, и многих жестоко умерщвляли на алтарях. Ибо в твердынях своих возвели нуменорцы храмы и гробницы; и люди боялись их, и память о добрых королях прежних дней померкла, затмившись вестями о жестокости и злобе.

Так Ар-Фаразон, Владыка Звездной Земли, стал могущественнейшим тираном из всех, что когда-либо попирали землю со времен Моргота; но на деле именем его правил Саурон. Но годы шли, и король почуял приближение смерти. Гнев и страх овладели им. Настал час, приход которого Саурон предвидел и которого ждал. И сказал Саурон королю, что сила его ныне столь велика, что он может повелевать всем на свете и не подчиняться ничьим велениям и запретам.

И добавил он:

— Валары завладели краем, где нет смерти; и лгут они, скрывая эту землю от вас — из алчности или из страха, что Владыки Людей изгонят их из бессмертного края и сами будут править миром. И хотя, несомненно, дар вечной жизни не для всех, а лишь для мужей достойных, могучих и высокородных — вопиюще несправедливо, что дара этого лишен Король Королей Ар-Фаразон, могущественнейший сын Земли, с кем может сравниться лишь Манвэ, да и тот едва ли. Но великие владыки не подчиняются запретам и сами берут то, что им принадлежит.

И Ар-Фаразон, одурманенный и преследуемый тенью смерти — ибо жизнь его шла к концу, — внимал Саурону и в сердце своем лелеял мысль о войне с вал арами. Долгое время хранил он этот замысел в тайне, но не от всех можно было его скрывать. Узнал Амандил о намерениях короля и ужаснулся, ибо знал, что люди не могут победить валаров и что, если не преградить путь этой войне, мир погибнет. Призвал он тогда сына своего Элендила и молвил так:

— Дни темны, и нет надежды людям, ибо Верных слишком мало. И потому решил я предпринять то же, что некогда предпринял предок наш, Эарендил, — поплыть на Запад, презрев все запреты, отыскать



валаров, и, быть может, самого Манвэ, и молить его о помощи, пока еще не все потеряно...

— Но не значит ли это предать короля? — спросил Элендил. — Ты ведь знаешь, что нас называют предателями и соглядатаями, но до сего дня это было ложью.

Отвечал Амандил:

— Если б думал я, что Манвэ нуждается в таком посланце, я предал бы короля. Ибо есть лишь один обет верности, от которого никто не может отречься. Но я буду лишь молить о милости для людей и об освобождении их от Саурана—обманщика, ибо хоть немногие из них все еще верны. Что до Запрета, уж лучше я буду наказан, чем весь мой народ отяготится виной.

— Но что будет, отец, с твоими родичами, остающимися здесь, когда станет известно, что ты свершил?

— Никто ничего не узнает, — сказал Амандил. — Я сохраню свой поход в тайне и поплыву на восток, куда каждый день отплывают из наших гаваней корабли, а затем, как только позволят ветер и удача, пройду севернее или южнее и поплыву на Запад к своей цели. Тебе же, мой сын, и тем, кто пойдет за тобой, я дам такой совет: снарядите корабли и соберите на них все, что дорого вашему сердцу. Когда же все будет готово, приходи в гавань Роменны и пусти слух, что в урочный час ты последуешь за мной на восток. Амандил не столь дорог ныне нашему венценосному родичу, дабы тот печалился, если мы уплываем, пусть даже и навсегда. Нельзя только показать, что ты хочешь взять с собою много народа, ибо это обеспокоит короля — ведь он затевает войну, в которой ему понадобятся все силы. Найди же тех Верных, что еще тверды в своей вере, и, буде они захотят того, пусть тайно присоединятся к тебе и поступают так, как ты.

— Что же я должен делать? — спросил Элендил.

— Не вмешиваться в войну и ждать, — отвечал Амандил. — Более я ничего не могу сказать, пока не вернусь. Вероятнее всего, тебе придется бежать из Звездной Земли, и ни одна звезда не укажет тебе путь; ибо край этот осквернен злом. Тогда потеряешь ты все, что тебе дорого, при жизни испытаешь смерть, пустившись на поиски края, что приютит тебя в изгнании. Где же он — на западе ли, на востоке, — ведомо лишь валарам.

Затем Амандил простился со своими домочадцами, словно готовился к смерти.

— Ибо, — говорил он, — может случиться так, что вы никогда больше меня не увидите, и я не смогу явить вам знака, подобного тому, что явил некогда Эарендил. И все же будьте наготове, ибо конец того мира, который мы знаем, уже близок.

Говорят, что Амандил отплыл ночью, в утлом суденышке, и направился вначале на восток, а потом повернул на запад. С ним было трое близких слуг, и ни слова, ни знака не дошло от них в сей мир, и никто не знает, какова была их судьба. Нельзя было вторично спасти мир посольством, подобным посольству Эарендила, и нелегко было искупить измену Нуменора.

Элендил же сделал все так, как велел отец, и поставил свои корабли у восточного побережья; а Верные привели туда своих жен и детей, принесли свое добро и родовые святыни. Было там много дивных, волшебных вещей, что создали нуменорцы в дни своей мудрости, — кубки, и драгоценности, и свитки, исписанные алыми и черными письменами. Были там и Семь Камней, дар эльфов; а на корабле Исилдура хранилось юное Древо, отпрыск Нимлота Дивного. Так Элендил, не встречая в лихие дела того времени, ждал своего часа и искал знака, но его не было. Часто втайне приходил он на западное побережье и вглядывался в морской простор, ибо любил отца, и скорбь и отчаяние владели им. Но ничего не различал в море Элендил, кроме флотилии Ар-Фаразона, что сбиралась в западных гаванях.

В былые времена в Нуменоре сама погода неизменно благоприятствовала людям: дожди выпадали щедро и в нужный час, солнечный жар то усиливался, то слабел, и с моря дули ласковые ветры. А западный ветер, казалось, нес едва уловимый, но нежный и волнующий аромат — аромат цветов, что вечно цветут на бессмертных лугах и которым не знают названия в Смертных Землях. Ныне же все изменилось: небосвод потемнел, то и дело налетали бури с дождем и градом и яростные ветры; и все чаще величественные нуменорские корабли покидали гавани и не возвращались, хотя беды такой не случалось прежде со времен восхода Звезды. И случалось так, что с запада являлась вечерами туча, видом похожая на орла, чьи крылья простирались на север и на юг; медленно надвигалась она, гася закат, и тогда на Нуменор падала крошечная тьма. А иной раз

орел нес на крылах зарницы и меж тучей и морем металось громовое эхо.

И ужасались люди. «Узрите Орлов Западного Владыки! — кричали они. — Орлы Манвэ приближаются к Нуменору!» И падали ниц.

Многие тогда, пусть на время, каялись, но иные ожесточались сердцем и грозили небу кулаками, крича: «Западные Владыки замышляют против нас. Они ударили первыми. А потому ударим мы!» Слова эти произнес сам король, но вымыслил их Саурон.

Но молнии били все чаще и поражали людей на улицах городов и в полях; и огненная стрела поразила купол Храма и расколола его на куски, и пламя его пожрало. Но сам Храм уцелел, Саурон же стоял на башенке, пренебрегая молнией, и остался невредим; и в тот час люди нарекли его богом и во всем подчинялись ему. Потому и не внял никто последнему знамению. Ибо земля под их ногами сотряслась и раскаты подземного грома смешались с ревом морской бури, а вершина Менельтармы исторгла дым. Но тем спешнее вооружался Ар-Фаразон.

К тому времени флот нуменорцев затмил море у западного берега, и был он подобен архипелагу из тысячи островов: корабельные мачты высились горным лесом, а паруса громоздились тучами; и золотом с чернью пылали стяги. Все ждало лишь слова Ар-Фаразона; Саурон же удалился во внутренний круг Храма, и туда привели обреченных, дабы сжечь их в жертву ему.

Тогда со стороны заката явились Орлы Западных Владык, летя боевым строем, край которого терялся вдали, недоступный глазу; и все шире простирались их крылья, заслоняя небо. Запад за ними пылал багровым огнем, а сами они сверкали, будто озаренные пламенем великого гнева; и весь Нуменор словно осветился раскаленными углями огромного костра, и люди взглянули друг на друга, и почудилось им, что лица их красны от гнева.

Ожесточилось сердце Ар-Фаразона, и взошел он на борт крепкого своего корабля Алькарондаса, Морской Твердыни. Был он многовесельный и многомачтовый, весь золоченый и черненный, и на нем возвышался трон Ар-Фаразона. И облачился Ар-Фаразон в доспехи и возложил венец, и велел поднять королевский стяг, и подал знак к отплытию; и пение труб Нуменора заглушило раскаты грома.

Так нуменорская армада вышла сражаться с мощью Запада; ветер был слаб, но у них было в достатке и весел, и невольников–гребцов. Зашло солнце, и настала небывалая тишь. Тьма окутала землю, и море застыло, и весь мир замер в ожидании. Медленно сокрылся флот из глаз дозорных в гаванях, смерклись его огни, и ночь поплотила его; а наутро он был уже далеко. Мощный ветер налетел с востока и умчал корабли; и так нарушили они Запрет валаров и вошли в запретные воды, неся войну Бессмертным, дабы отвоевать у них вечную жизнь в Кругах Мира.

Флот Ар–Фаразона между тем пересек море и минул Аваллонэ и остров Эрессеа, и опечалились эльдары, ибо свет восходящего солнца затмился нуменорскими парусами. И вот Ар–Фаразон достиг Амана, Благословенного Края, и пристал к берегам Валинора; по–прежнему стояла мертвая тишь, и судьба Мира повисла на волоске. И в последний миг Ар–Фаразон заколебался и едва не повернул назад. Дрогнуло его сердце, когда взглянул он на безмолвный берег и узрел сияние Таникветиля, что белее снега и холоднее смерти, безмолвное, неизменное и ужасное, как отблеск света Илуватара. Но гордыня была сильнее, и Ар–Фаразон покинул корабль и ступил на берег, возглашая, что край этот принадлежит ему, если только никто не выйдет оспорить его права. И войско нуменорцев стало лагерем у Туны, покинутой эльдарами.

Тогда Манвэ с вершины Горы воззвал к Илуватару, и в тот миг валары отказались от власти над Ардой. И явил Илуватар свою мощь и изменил облик Мира: разверзлась в море бездна меж Нуменором и Бессмертными Землями, хлынула в бездну вода, и рев и пена этого потока достигли небес, и Мир содрогнулся. И бездна та поплотила весь нуменорский флот, и он сгинул. Король же Ар–Фаразон и смертные витязи, что ступили на землю Амана, были погребены под обрушившимися скалами; говорят, что так и томятся они в заточении в Пещерах Забвения, пока не грянет Последняя Битва и не наступит День Рока.

Аман и Эрессеа ушли из Мира и с тех пор недоступны людям. Андор же, Дарованная Земля, Державный Нуменор, Эленна — Звезда Эарендила — земля эта погибла. Ибо она оказалась на восточном краю чудовищной расселины, ее основание рухнуло, и она погрузилась во тьму, и ее нет более. И нет ныне в Мире места, где

хранилась бы память о днях, не затененных лихом. Ибо Илуватар простер к западу от Средиземья Безбрежные Моря, а к востоку — Бесконечные Пустыни и сотворил новые моря и новые земли; но Мир умалился и обеднел, ибо Валинор и Эрессеа ушли в края недостижимые.

Рок этот, неожиданный людьми, свершился на тридцать девятый день после отплытия флота. Менельтарма извергла внезапный пламень, налетел чудовищный вихрь, и земля сотряслась, небо заколебалось, и горы сдвинулись с места, и Нуменор погрузился в пучину, а с ним все дети его, жены и девы, и горделивые супруги владык; и все его сады, чертоги, башни и гробницы; все богатства, ткани и драгоценности, все картины, украшения и статуи и вся мудрость его — все исчезло навеки. И громадная, пенистая, ледяная и зеленая волна покрыла весь край, последней приняла в объятия свои королеву Тар—Мириэль, что была прекраснее и серебра, и жемчуга, и слоновой кости. Слишком поздно попыталась она подняться по крутым тропам Менельтармы к заброшенной святыне: воды поглотили ее, и ее последний крик захлебнулся в реве ветра.

Верно или нет, что Амандил истинно приплыл в Валинор и Манвэ внял его мольбе, но милостью валаров Элендил, его сыны и их спутники уцелели в гибельный тот день. Ибо Элендил остался в Роменне, не вняв велению короля, собиравшего войско; и, скрывшись от воинов Саурона, что явились схватить его и ввергнуть в храмовые костры, он взошел на корабль и стал недалеко от берега, выжидая. Земля охранила его от чудовищного отлива, когда море хлынуло в бездну, и защитила от первого яростного натиска бури. Но когда всепожирающий вал обрушился на землю и настал час гибели Нуменора, казалось, что корабли Элендила сейчас перевернутся; и воистину, он счел бы куда меньшим несчастьем погибнуть, ибо никакая смертная боль не могла быть ужасней гибельной муки того дня; но тут налетел с запада бешеный ветер, какого прежде не видели люди, подхватил корабли и далеко отшвырнул их, и изорвал паруса, и изломал мачты, разметав несчастных людей по морю, словно соломинки.

Было там девять кораблей: четыре корабля Элендила, три — Исилдура и два — Анариона; и они бежали пред черной бурей из сумерек рока во мрак мира. Под ними в неистовом гневе разверзлись

воды, волны воздвигались горами, и пенные их вершины вздымали корабли в небо меж обрывков туч; через много дней море выбросило их на берег Средиземья. В те дни все берега и прибрежные земли западного края претерпели изменения и разрушения, ибо море вторглось на землю и затопило берега; и старые острова погрузились в пучину, а новые воздвигались из волн; и обрушились горы, а реки потекли по новым руслам.

Позднее Элендил и его сыновья основали в Средиземье королевства; и хотя их мудрость и мастерство были лишь тенью того, что было до прихода Саурона в Нуменор, велики казались они невежественным людям того мира. И много повествуют иные предания о свершениях потомков Элендила в грядущей эпохе и об их борьбе с Саураном, что еще не была завершена.

Ибо сам Саурон ужаснулся гневу валаров и жребию, что пал волей Эру на земли и воды. Меньшего ждал он, надеясь лишь на гибель нуменорцев и их гордого владыки. И, восседая на черном троне посреди Храма, смеялся Саурон, услышав боевой клич труб Ар-Фаразона; и вновь рассмеялся он, услышав грохот бури; когда же в третий раз смеялся он своим мыслям, думая о том, как, избавясь от аданов, будет он править Миром, — в разгаре веселья он был схвачен и вместе с тронном и Храмом низвергнут в бездну. Но Саурон не был смертен, и, хотя он лишился облика, в коем содеял столь великое лихо — так что никогда уже не мог являться прекрасным в глазах людей, — дух его взмыл из пучины, черным ветром перелетел море и вернулся в Средиземье, в Мордор, бывший его обиталищем. Там он вновь поселился в Барад-дуре и жил, безмолвный и мрачный, пока не сотворил себе новый облик, воплощение зла и ненависти; и немногие могли снести взгляд Ока Саурона Ужасного.

Но этого нет в повести о падении Нуменора — о том поведано все. И даже название того края сгнуло, и люди не поминали более ни Эленны, ни Андора — Отнятого Дара, ни Нуменора на грани Мира; но говорили изгнанники на прибрежных землях, в тоске сердец своих обращаясь к западу, о *Мар-ну-Фалмар*, Земле-под-Волнами, об *Акаллабет*, Падшей Земле, в наречии эльфов *Аталантэ*.

Многие Изгнанники верили, что вершина Менельтармы, Небесного Столпа, не затонула навечно, но вновь поднялась из моря одиноким островком, затерянным среди волн: ибо было то священное место, и даже во дни Саурана ничто не осквернило его. И иные потомки Эарендила позднее искали тот остров, ибо говорили мудрые, что в древности зоркий глаз мог разглядеть с Менельтармы сияние Бессмертного Края. Ибо даже после падения сердца дунаданов все еще были обращены к Западу, и, хотя им ведомо было, что Мир изменился, говорили они: «Аваллонэ исчез с Земли, и Амана более нет, и во мраке нынешнего мира их не сыскать. Но они были и, стало быть, существуют—в истинном бытии, в целостном облике мира, каким он был изначально задуман».

Ибо верили дунаданы, что даже смертный (будь над ним благословение) может искать иных времен, нежели жизненный срок их тел; и вечно желали они спастись от тени изгнания и хоть как-то узреть бессмертный свет; ибо горькая мысль о смерти гнала их в море. И потому их славные мореходы бороздили пустынные моря, надеясь отыскать остров Менельтарму и узреть там видение былого. Но они ничего не нашли. Как бы далеко ни заплывали они, им встречались лишь новые земли, похожие на старые и так же подверженные смерти. Те же, кто заплывал дальше всех, лишь огибали Землю и, усталые, возвращались туда, откуда уплыли; и говорили они: «Все пути ныне замкнулись в кольцо».

И так в последующие дни посредством путешествий, а также изучения звезд владыки узнали, что мир действительно стал круглым; и все же эльдарам было дано, буде они пожелают, отплыть и достигнуть Древнего Запада и Аваллонэ. И потому людские мудрецы говорили, что Прямой Путь все еще существует для тех, кому дано найти его. И учили они, что, пока увядает новый мир, древний путь и тропа памяти о Западе все еще ведут, прорезая невидимым мостом воздух Дыхания и Полета, который искривился, когда стал круглым мир, и, пересекая Ильмен, где смертная плоть не может существовать, приводят к Тол-Эрессеа, Одинокому Острову, а быть может, и к Валинору, где все еще обитают валары, следя, как идет своим чередом история Мира. И рассказывали на побережье предания о мореходах, не вернувшихся из плавания, что по милости судьбы или благоволенью валаров взошли на Прямой Путь, узрели, как под ними

умалется лик Земли, и пришли к озаренным огнями пристаням Аваллонэ, а быть может и к последним отмелям на краю Амана, и, прежде чем умереть, узрели Белую Гору, дивную и грозную.



# О КОЛЬЦАХ ВЛАСТИ И ТРЕТЬЕЙ ЭПОХЕ

*(Повесть, завершающая предания Предначальной и Второй Эпох)*

Был некогда майар Саурон, которого синдары Белерианда звали Гортхаур. В начале Арды Мелькор склонил его к себе на службу, стал он самым могучим и верным слугою Врага — и самым опасным, ибо мог принимать любое обличье и долгое время казаться прекрасным и благородным, обманывая всех, кроме самых проницательных.

Когда рухнул Тангородрим и Моргот был низвергнут, Саурон принял благородный облик, изъявил покорность Эонвэ, вестнику Манвэ, и отрекся от лихих своих деяний. И говорят иные, что поначалу это была не ложь, но Саурон воистину раскаялся, устрешенный падением Моргота и безмерным гневом Западных Владык. Но не во власти Эонвэ даровать прощение равным себе, и он велел Саурону вернуться в Аман и там ждать решения Манвэ. Устыдился тогда Саурон и не пожелал возвращаться униженным и, быть может, получить от валаров веление долго служить им, доказывая свою добрую волю: слишком велика была его власть иод рукой Моргота, чтобы сейчас терпеть и покоряться. И потому, когда Эонвэ удалился, Саурон скрылся в Средиземье и вновь обратился ко злу, ибо узы, что наложил на него Моргот, были чересчур крепки.

В Великой Битве и в сотрясениях от падения Тангородрима беспрестанно содрогалась земля, и Белерианд был разорен и расколот, и многие земли на севере и западе сокрылись под волнами Великого Моря. На востоке, в Оссирианде, разломились горы Эред-Луин, и глубокий этот разлом, в который хлынуло море, пролег на юг, образовав залив. В тот залив, стремясь по новому руслу, впадала река Синяя, и потому он позднее был назван Синим Заливом. Весь этот край нолдоры когда-то называли Линдон, и то же имя он носил позднее; многие эльдары все еще жили там, томясь и все же не желая покинуть Средиземье, где они так долго сражались и трудились.

Королем их был Гил–Гэлад, сын Фингона, и при нем находился Элронд Полуэльф, сын Эарендила Морехода и брат Элроса, первого короля Нуменора.

На берегах Синего Залива эльфы возвели гавань и назвали ее Мйтлонд; там стояло множество кораблей, ибо пристань была хороша. Из Серебристой Гавани вновь и вновь отплывали эльдары, спасаясь от тьмы земных дней: ибо милостью валаров Перворожденные все еще могли отыскать Прямой Путь и, буде пожелают, вернуться к своим сородичам на Эресее и в Валиноре, за пределами окружающих морей.

Были иные эльдары, что в ту Эпоху перешли Эред–Луин и оказались в Эриадоре. Поступили так большей частью уцелевшие тэлери из Дориата и Оссирианда; они основали свои королевства среди лесных эльфов, в горах и лесах, далеко от моря, хотя сердцами стремились к нему неизменно. Лишь в Эрэгione, который люди называли Холлин, эльфы племени нолдоров основали свое королевство к востоку от Эред–Линдон. Эрегион был недалеко от великого царства гномов, называвшегося Кхазад–Дум; эльфы звали его Хадходронд, а позднее — Мория. Из Остин–Эдхилия, города эльфов, дорога вела к западным вратам Кхазад–Дума, ибо между эльфами и гномами зародилась, к обоюдной выгоде, небывалая прежде дружба. В Эрегионе кузнецы *Гвайт–и–Мирдайн*, Племена Камнеделов, превзошли искусностью всех когда–либо бывших творцов, кроме самого Феанора; и воистину первым искусником среди них был Келебримбор, сын Куруфина, что отрекся от деяний своего отца и, как повествует *Квента Сильмариллион*, после изгнания Келегорма, Куруфина остался в Нарготронде.

\*\*\*

Много лет повсюду в Средиземье царил мир; и все же край большей частью был пустынен и дик, не считая тех мест, где поселились пришельцы из Белерианда. Правда, там, как и в прежние бесчисленные годы, жили во множестве эльфы, вольно бродя по бескрайним просторам, вдали от Моря; но то были авари, для которых история Белерианда была лишь слухом, а Валинор — малознакомым

именем. А на юге и далеко на востоке множились люди; и большинство их обратилось ко злу, ибо Саурон не дремал.

Видя дикость и запустение мира, Саурон мысленно говорил себе, что валары, свергнув Моргота, вновь забыли о Средиземье; и гордыня его воспряла. С ненавистью взирал он на эльдаров; нуменорцев же, приплывших в то время к берегам Средиземья, он боялся, но долго еще скрывал свои чувства и таил черные замыслы, зарождавшиеся в его сердце.

Из всех земных племен легче всего было ему склонить к себе людей; однако он долго пытался обольстить эльфов, ибо знал, что Перворожденные более могущественны; и вот Саурон в облике все еще дивном и мудром бродил меж них тут и там. Только в Линдон не являлся он, ибо Гил-Гэлад и Элронд не верили ни словам его, ни прекрасной личине и, хотя не знали, кто он на самом деле, не позволяли ему приходить в их владения. В других же краях эльфы радостно встречали этого гостя, и немногие внимали гонцам из Линдона, призывающим быть настороже; ибо Саурон называл себя Аннатар, Даритель, и дружба с ним вначале была весьма полезна. И он говорил им так: «Увы, вот слабость сильных! Могуч король Гил-Гэлад, искусен и мудр владыка Элронд, и все же не помогают они моим трудам. Неужели не мечтают они узреть иные края столь же счастливыми, как их собственные земли? Неужели Средиземье навек останется сумрачным и пустынным, в то время как эльфы могли бы сделать его таким же прекрасным, как Эрессеа или даже Валинор? Если уж вы могли вернуться в Аман и не вернулись, то, полагаю, вы любите Средиземье так же, как люблю его я. Так разве не должны мы вместе трудиться на благо его и всех эльфийских племен, что бродят в этих краях, непричастные к высотам мощи и знания, которые даны побывавшим за Морем?»

Охотней всего внимали речам Саурона в Эрегионе, ибо жившие там нолдоры неустанно горели желанием совершенствовать искусство и тонкость своих творений. Сверх того, не было в их сердцах мира с тех пор, как они отказались вернуться на Запад, ибо желали они жить в Средиземье, которое истинно любили, и в то же время разделять счастливое блаженство уплывших за Море. Потому они внимали Саурону и многому научились от него, ибо мудрость его была велика. В те дни кузнецы Ост-ин-Эдхилия превзошли все

прежние свои творения: они воплотили свой замысел и создали Кольца Власти. Но Саурон направлял их труды и знал все, что было ими создано, ибо желал он опутать эльфов и подчинить их себе.

Много колец создали эльфы; Саурон же тайно сотворил Единое, что повелевало всеми прочими кольцами, и мощь их была связана с его мощью и существовала до тех пор, покуда существовало Оно. Много силы и воли своей вложил Саурон в Единое Кольцо, ибо мощь эльфийских колец была велика и кольцо, что правит ими, должно обладать небывалым могуществом; а сковал его Саурон на Огненной Горе в Стране Мрака. И покуда Кольцо находилось при нем, ему были открыты все деянья, свершенные с помощью младших колец, и мог он проникать в мысли тех, кто владел этими кольцами, и управлять ими.

Но не так—то легко провести эльфов. Едва надел Саурон на палец Единое Кольцо, как они уже знали о том и прозрели, что Саурон жаждет поработить их самих и все их творения. И, исполняясь страха и гнева, эльфы скрыли свои кольца. Саурон же, узнав, что выдал себя и что эльфы не были обмануты, пришел в ярость и объявил им войну, требуя, чтобы ему отдали все кольца, ибо без его мастерства и совета никогда не смогли бы их создать эльфийские мастера. Но эльфы бежали пред ним, и три кольца им удалось спасти и сохранить.

То были Три Кольца, созданные позже прочих, и они обладали величайшей силой. Звались они Нарья, Нэнья и Вилья — Кольца Огня, Воды и Воздуха, украшенные рубином, адамантом и сапфиром; и Саурон желал овладеть ими больше, чем всеми прочими эльфийскими кольцами, ибо те, кто хранил их, могли отвратить распад, что несет время, и отсрочить увядание мира. Но Саурону те кольца были недоступны, ибо их передали в руки Мудрых, которые скрыли их и никогда не использовали открыто, пока Саурон владел Единым Кольцом. И потому Три Кольца остались незапятнанными, ибо были выкованы одним Келебримбором и рука Саурона их не касалась; но все же и они были подвластны Единому.

С тех пор война между эльфами и Сауроном никогда не затихала; и Эрегион пришел в запустение, и Келебримбор погиб, и захлопнулись врата Мории. В те дни Элронд Полуэльф основал твердыню Имладрис, что люди называли Лесным Ущельем; и твердыня та простояла долго. Но Саурон захватил все прочие Кольца Власти и передал их народам Средиземья, надеясь таким образом

привести под свою руку всех, кто жаждал тайной силы, не дарованной изначально его племени. Семь колец он отдал гномам, людям же — целых девять, ибо они в том деле, как и во многих других, охотней всего шли ему навстречу. Те кольца, что были подвластны Саурону, он извратил, и было это тем легче, что он приложил руку к их созданию; и легло на них проклятие, и предавали они тех, кто ими владел. Гномы оказались слишком неподатливы и упрямы, чтоб их покорить; они не терпели над собою чужой власти, и трудно было проникнуть в их сердца и обратить их ко тьме. Кольца они использовали лишь для того, чтобы добывать богатства; но в душах их зародились скорый гнев и всепоглощающая жажда золота, и много лиха принесло это впоследствии, к вящей выгоде Саурана. Говорят, что каждой из Семи Сокровищниц гномьих королей древности положило начало золотое кольцо, но сокровища эти давным-давно разграблены, драконы разорили их, и иные кольца сгнули в драконьем пламени, а иные Саурону удалось вернуть.

Людей куда легче было уловить в сети. Те, кто владел Девятью Кольцами, обрели могущество, стали королями, витязями и чародеями. Стяжали они славу и великое богатство, но все это добро обернулось лихом. Казалось, они обрели бессмертие, но постепенно жизнь становилась им непереносима. Они могли, если желали, бродить незримо, недоступными глазу существ поднебесного мира, и видеть непостижимое для смертных; но слишком часто видели они лишь призраки и ловушки, сотворенные Сауроном. И один за другим, раньше или позже — что зависело от их природной силы и от того, добро или зло двигало ими с самого начала, — они становились рабами своих колец и подпадали под власть Единого Кольца Саурана. И стали они навеки невидимы, доступны лишь взгляду того, кто владел Верховным Кольцом, и сошли в мир теней. Назгулами стали они, Призраками Кольца, ужаснейшими слугами Врага: тьма следовала за ними, и крик их был голосом смерти.

Алчность и гордыня Саурана возросли непомерно, и решил он стать господином всего сущего в Средиземье, уничтожить эльфов и, буде возможно, привести к гибели Нуменор. Не терпел он ничьей воли и ничьего соперничества и именовал себя Владыкой Земли. Он все еще в силах был носить личину и при желании мог вводить в заблуждение людей, являясь им в обличье мудром и прекрасном. Но

правил он чаще силой и страхом, если то ему было выгодно, и те, кто видел, как тень его растет над миром, прозвали его Черным Властелином и именовали Врагом; и собрал он под руку свою всех лихих тварей, что уцелели на земле или под землей еще со дней владычества Моргота; орки подчинялись ему и множились, как саранча. Так начались Черные Годы, которые эльфы называют Днями Бегства. В то время многие эльфы Средиземья бежали в Линдон, и оттуда уплывали за Море, и никогда уже не возвращались, а многие погибли от руки Саурона и его прислужников. Но в Линдоне власть Гил–Гэлада была непоколебима, и Саурон не осмеливался пока ни перейти Эред–Луин, ни напасть на Гавани; к тому же Гил–Гэладу помогали нуменорцы. Во всех прочих краях правил Саурон, и те, кто желал свободы, скрывались в горах и чащах и жили там в вечном страхе. На юге и на востоке почти все люди были подвластны Саурону. Стали они сильны в те дни, возвели города с каменными стенами, были многочисленны и жестоки в бою и вооружены железом. Саурон был для них владыкой и божеством и вызывал у них безмерный ужас, ибо обиталище его было обнесено огнем.

Но вот наконец натиск Саурона на западные края был — на время — приостановлен. Ибо, как о том рассказывается в *Акаллабет*, могущество Нуменора стало для него препятствием. Так велики в те дни расцвета были мощь и слава нуменорцев, что слуги Саурона не могли выстоять против них, и тогда Саурон, надеясь достигнуть хитростью того, чего не мог добыть силой, на время покинул Средиземье и отправился в Нуменор пленником короля Тар–Калиона. И там обитал он, покуда чарами своими не извратил души почти всех нуменорцев и не подтолкнул их к войне с валарами — и не привел тем самым Нуменор к падению, исполнив заветное свое желание. Но падение это было куда ужаснее, нежели предвидел Саурон, ибо забыл он, какова во гневе мощь Западных Владык. Мир раскололся, Нуменор опустился на дно, и моря сомкнулись над ним, и сам Саурон низвергся в бездну. Но дух его воспрял и на крыльях черного ветра умчался в Средиземье в поисках пристанища. Там обнаружил он, что власть Гил–Гэлада за эти годы возросла и ныне простиралась на север и на запад, за Мглистый Хребет и Великую Реку, до самых границ Великой Зеленой Пуши, приближаясь к тем твердыням, где он некогда

обитал в безопасности. Тогда Саурон удалился в свою крепость в Черном Краю и там лелеял замыслы о войне.

Рассказывается в *Акаллабет*, что в то время нуменорцы, спасшиеся от гибели, бежали на восток. Вел их Элендил Статный, и с ним сыновья его, Исилдур и Анарион. Были они родичами короля и потомками Элроса, но не желали внимать Саурону и отказались воевать с Западными Владыками. Собрал на свои корабли всех, кто остался верен валарам, покинули они берега Нуменора прежде, чем он погиб. Могучи были те люди и крепки их корабли, но буря оказалась сильнее, водяные горы вздымали их к облакам, и, словно морские птицы, опустились они на земли Средиземья.

Элендила волны принесли к берегам Линдона, и там был он дружески принят Гил-Гэладом. Затем Элендил переправился через реку Синюю и у подножия Эред-Луин основал свое королевство, и подданные его селились по всему Эриадору, на берегах Синей и Барандуина; столицей же королевства был город Аннумйнас, что на озере Ненуиал. Жили нуменорцы и в Фóрносте, что на Северном Нагорье, и в Кардолáне, и на холмах Руда́ура; возвели они башни на Эмин-Берайде и Эмон-Суле, и, хотя ныне в тех краях остались лишь могильники да руины, башни Эмин-Берайда все еще глядят на море.

Исилдура и Анариона буря отнесла к югу, и после долгих скитаний привели они корабли в устье Великой Реки — Андуина, что бежит из Ровáниона к Западному Морю, впадая в залив Бельфáлас; там основали они королевство, позднее названное Гóндор; а северное королевство звалось Арнор. Давным-давно, во дни своего могущества, нуменорские мореходы возвели в устье Андуина укрепленную гавань, невзирая на близость Черного Края, где владычествовал Саурон. Позднее в ту гавань приплывали лишь Верные нуменорцы, и потому край этот населяли большей частью родичи Друзей Эльфов и подданные Элендила; потому они радостно встретили его сыновей. Столицей южных владений был Оггйлиат, рассекаемый надвое Великой Рекой; нуменорцы построили через нее большой мост, на котором стояли башни и дивного вида дома, и высокие корабли подымались с моря к причалам города. По обе стороны от реки были возведены и иные твердыни: Мйнас-Итил, Крепость Восходящей Луны — восточнее, на отроге Гор Тьмы, как угроза Мордору; и Мйнас-Анор, Крепость Заходящего Солнца — на западе, у подножья

горы Миндоллу́ин, как щит от диких жителей равнин. В Минас-Итиле жил Исилдур, в Минас-Аноре — Анарион; королевство они поделили между собою, и троны их стояли рядом в Высоком Чертоге Осгилиата. Нуменорцы в Гондоре жили большей частью в этих городах, но возвели также в том краю за годы своего могущества много дивных и мощных твердынь — у Аргоната, близ Агларонда и Эреха; а в каменном кольце Ангреноста, что зовется людьми Айсенгард, под их руками поднялся к небу твердокаменный пик Ортханка.

Множество дивных сокровищ и небывалых творений привезли из Нуменора Изгнанники; но главнейшими драгоценностями были Семь Камней и Белое Древо. Древо то было выращено из плода Ним лота Дивного, что когда-то рос в королевских хоромах в Арменелосе и был сожжен Сауроном. Нимлот же, в свою очередь, происходил от Тирионского Древа, которое было подобием Древнейшего Древа, Тельперииона Белого, возвращенного Йаванной в землях валаров. Древо, в память об эльдарам и свете Валинора, было посажено в Минас-Итиле, перед дворцом Исилдура, ибо это он спас плод от гибели; Камни же были разделены.

Три Камня взял Элендил и по два — его сыновья. Камни Элендила помещены были в башнях на Эмин-Берайд, на Эмон-Суле и в Аннуминасе. Камни же сыновей его находились в Минас-Итиле и Минас-Аноре, а также в Ортханке и Осгилиате. Были эти Камни такого свойства, что всякий, кто глядел в них, мог видеть нечто отдаленное либо в пространстве, либо во времени. Большой частью Камень открывал то, что близко было другому, родственному Камню, ибо все они были связаны меж собой; однако тот, кто был могуч волей и духом, мог научиться направлять свой взор туда, куда желалось ему. Так узнавали нуменорцы о том, что хотели сокрыть их враги, и ничто не могло от них укрыться во дни их могущества.

Говорят, что башни Эмин-Берайда возведены были не Изгнанниками, но самим Гил-Гэладом — для друга его Элендила, и Всевидящий Камень Эмин-Берайда помещен был в Элостирионе — высочайшей из башен. Часто, когда тоска овладевала Элендиллом, он отправлялся туда и долго вглядывался в бесконечные морские просторы; и многие верят, что иногда мог он даже узреть вдали башни Аваллонэ, что на Эрессеа, — там обитал и обитает ныне Верховный



Камень. Камни эти были подарены эльдарами отцу Элендила — Амандилу, дабы поддержать Верных нуменорцев в тяжкие для них дни, когда эльфы не могли больше приплывать в край, затемненный Сауроном. Камни звались *палантиры*, что означает «видящие издалека», но те из них, что были когда-то привезены в Средиземье, сгинули бесследно.

Так Изгнанники основали свои королевства Арнор и Гондор; но прошли годы — и стало ясно, что их враг, Саурон, вернулся в Средиземье. Говорят, что он тайно пробрался в давнее свое владение, Мордор, что за стеной Эфел-Дуата — Гор Тьмы; а был тот край у восточных границ Гондора. В Мордоре, в долине Горгорот, возведена была огромная и мощная твердыня Барад-дур, Черный Замок; там была и Огненная Гора, что эльфы прозвали Ородруин. Недаром же Саурон в незапамятные времена поселился там — он использовал огонь, извергавшийся из сердца земли, для своего чародейского ремесла; и там, посреди Мордора, выковал он Кольцо Всевластья. Ныне же бродил он во тьме, покуда не сотворил себе нового облика; и была та личина ужасна, ибо прежнее благородное обличье навеки покинуло его, когда он низвергся в бездну во время гибели Нуменора. Вновь надел Саурон Единое Кольцо и облекся в мощь; и немногие, даже самые могучие люди и эльфы могли вынести пышущий злобой взгляд Ока Саурона.

Саурон готовился к войне с эльдами и дунаданами, и Огненная Гора пробудилась вновь. Узрев издалека дым Ородруина и поняв, что Саурон вернулся, нуменорцы нарекли эту гору Эмон Амарт — Роковая Гора. И собрал Саурон несметное войско подвластных ему, что жили на Юге и на Востоке; было среди них немало высокородженных нуменорцев. Ибо, когда еще Саурон пребывал в Нуменоре, многие жители того края обратились ко злу. Потому те, кто уплывал тогда на восток и закладывал на побережье крепости и города, почти все склонялись перед его волей и с той же охотой служили ему в Средиземье. Опасаясь, однако, мощи Гил-Гэлада, те высокородные изменники и могучие лиходеи поселялись далеко на юге; но были среди них двое, Хэрумор и Фуинур, повелевавшие харадримцами, многочисленным и свирепым племенем, что жило в пустынных землях к югу от Мордора, за устьем Андуйна.

И вот, когда Саурон решил, что час его настал, он повел бесчисленное войско на новое королевство — Гондор, и захватил Минас-Итил, и уничтожил Белое Древо, посаженное Исилдуром. Но сам Исилдур избег смерти и, увозя с собою отросток Белого Древа, с женою и сыновьями спустился на корабле по Андуину и поплыл искать помощи у Элендила. Анарион между тем защищал от Врага Осгилиат. Он на время отбросил Саурона к горам; но тот вновь собирал силы, и Анарион понял, что, если не придет помощь, королевство его долго не продержится.

Элендил и Гил-Гэлад долго держали совет, ибо понимали, что Саурон наберет небывалую силу и разгромит своих врагов поодиночке, если только они не объединятся против него. А потому заключили они Союз, что зовется Последним, и двинулись на восток, в Средиземье, собирая многочисленное войско людей и эльфов; ненадолго остановились они в Имладрисе. Говорят, что никогда прежде не видели в Средиземье более прекрасного и лучше вооруженного войска и что больших сил не собирали с тех пор, как воинство валаров двинулось на Тангородрим.

Выйдя из Имладриса, по многочисленным тропам перешли они Мглистый Хребет, спустились вниз по течению Андуина и наконец повстречались с войском Саурона на Дагорлад, Ратном Поле, что лежит у самых врат Черной Страны. Все живое разделилось в тот день на два лагеря, и существа одного племени, даже звери и птицы, сражались на обеих сторонах — все, кроме эльфов. Лишь они не разделились и шли все под знаменами Гил-Гэлада. Гномов было мало и с той и с другой стороны, но племя Дарина Морийского билось против Саурона.

Воинство Гил-Гэлада и Элендила победило, ибо мощь эльфов в те дни была еще велика, а нуменорцы были могучи, статны и ужасны в гневе. Никто не мог выстоять против Айглоса, копья Гил-Гэлада; а пред мечом Элендила трепетали и орки, и люди, ибо меч тот сиял светом луны и солнца. Звался он Нарсил.

Затем Гил-Гэлад и Элендил вступили в Мордор и осадили твердыню Саурона. Семь лет длилась осада, и многие погибли от огня, стрел и дротиков Врага, ибо Саурон постоянно устраивал вылазки. Там, на плато Горгорот, пал Анарион, сын Элендила, и с ним многие воины. Но вот кольцо осады стянулось так, что Саурон принужден был

сам выйти в бой; он сразился с Гил–Гэладом и Элендилем и убил обоих; и когда пал Элендил, меч его переломился под ним. Но и Саурон был повергнут, и Исилдур обломком Нарсила отрубил с руки Врага палец с Кольцом Всевластья и взял это кольцо себе. Так Саурон на время был покорен и покинул свое тело. Дух его бежал прочь и сокрылся в дебрях; долго еще после того не обретал он зримого облика.

\*\*\*

Так, после Древних Дней и Черных Лет, началась Третья Эпоха Мира; и в те времена жили еще надежда и память о радости; и долго еще Белое Древо эльдаров цвело в королевских хоромы, ибо прежде, чем покинуть Гондор, Исилдур посадил спасенный сеянец в крепости Анор, в память о своем брате. Слуги Саурона были разгромлены наголову и рассеяны — но не уничтожены; и хотя многие люди отвернулись от зла и пришли под руку наследников Элендила, были и те, кто в душе своей помнил Саурона и ненавидел западные королевства. Темную Башню сровняли с землей, но корни ее остались, и сама она не была забыта. Нуменорцы неусыпно сторожили Мордор, но мало кто осмеливался там поселиться — всех пугала память о Сауроне, и Огненная Гора возвышалась у Барад–дура, покрывая пеплом бесплодное плато Горгорот. Множество эльфов, нуменорцев и иных людей — их союзников — погибло в битве и при осаде; и не стало Элендила Статного и верховного короля Гил–Гэлада. Никогда больше не собиралось такое войско, и никогда больше не заключался такой союз, ибо после гибели Элендила люди и эльфы отдалились друг от друга.

Даже Мудрые не знали тогда, что стало с Кольцом Всевластья; однако оно не было уничтожено. Ибо Исилдур не пожелал отдать его стоявшим рядом Элронду и Кирдану. Они советовали Исилдuru бросить Кольцо в пламя близкого Ородруина, дабы оно сгнуло, а мощь Саурона ослабла и он навеки остался бы зловещей тенью в дебрях. Но отказался Исилдур принять этот совет и молвил так: «Пусть то будет вира за смерть отца моего и брата. И разве не я нанес Врагу смертельный удар?» К тому же Кольцо казалось ему небывало

прекрасным на вид, и не мог он снести, чтоб его уничтожили. Потому, взяв Кольцо с собой, он вернулся вначале в Минас-Анор и посадил там Белое Древо в память о брате своем Анарионе. Вскоре Исилдур оставил править Гондором Менельдила, сына своего брата, и двинулся на север тем путем, которым пришел Элендил. Кольцо он унес, рассудив, что оно будет передаваться по наследству в его роде. Он отказался от южного королевства, ибо намеревался править владениями своего отца в Эриадоре, вдали от тени Черного Края.

Но Исилдура застигла врасплох банда орков, что таилась в засаде близ Мглистого Хребта; орки нежданно напали на стан отряда меж Зеленой Пущей и Великой Рекой, у Лоэг-Нинглорон, Ирисной Низины. Исилдур был столь беспечен, что не выставил стражи, считая, что все враги его побеждены. Там полегли почти все воины Исилдура, и среди них три его старших сына, Элендур, Аратан и Кирион; но жену и младшего сына Исилдур, отправляясь на войну, оставил в Имладрисе. Сам Исилдур бежал с помощью Кольца: оно делало невидимым того, кто его надевал; но орки преследовали его по запаху и стреляли, покуда он не добежал до Реки и не бросился в воду. Тут Кольцо предало его и отомстило за своего создателя: когда Исилдур плыл, оно соскользнуло с пальца и исчезло в воде. Орки увидели Исилдура, борющегося с течением, и выпустили в него множество стрел: так пришел его конец. Лишь трое воинов его после долгих скитаний вернулись из-за гор, и одним из них был Охтар, оруженосец Исилдура, которому были даны на хранение обломки меча Элендила.

Так в надлежащее время в Имладрисе Нарсил был передан Валандилу, наследнику Исилдура; но клинок был сломан, свет его затмился, и меч не был перекован. И Владыка Элронд предсказал, что этого не произойдет, пока не отыщется Кольцо Власти и не вернется Саурон; но и люди, и эльфы надеялись, что этого не случится.

Валандил поселился в Аннуминасе, но подданных у него стало куда меньше; нуменорцев и людей Эриадора, вместе взятых, не хватало, чтобы заселить край и держать все крепости, возведенные Элендиллом; слишком много их пало на Дагорладе, в Мордоре и в Ирисной Низине. И во время правления Эарендúра, седьмого короля после Валандила, земли людей Западного Края, северных дунаданов, разделились на мелкие княжества и владения, и враги уничтожили их

одно за другим. За долгие годы число дунаданов сильно сократилось, могущество их сгнуло, и остались лишь зеленые курганы в траве. Стали они наконец странным племенем, потаенно бродившим в дебрях, и прочие люди не знали ни где их дома, ни куда ведут их дороги. Лишь в Имладрисе, в доме Элронда, помнили еще, кто были их предки. Но обломки меча поколение за поколением хранились наследниками Исилдура, и род этот не прервался.

На юге королевство Гондор просуществовало долго, и долгое время мощь его росла, пока не сравнялась с мощью и величием Нуменора до его падения. Возводили гондорцы высокие башни, и крепости, и гавани с множеством кораблей; и крылатый Королевский Венец приводил в трепет племена многих стран и наречий. Много лет росло перед дворцом короля в Минас–Аноре Белое Древо, отпрыск деревца, привезенного Исилдуром по бурным волнам из Нуменора; а то деревце произошло от семени, привезенного из Аваллонэ, а то семя — из Валинора Полдневного, в те дни, когда мир был еще юн.

Но вот под тяжестью быстро текущих лет Средиземья Гондор начал увядать и род Менельдила, сына Анариона, пресекся. Ибо кровь нуменорцев мешалась с кровью прочих людей, и их мудрость и могущество умаялись, а срок жизни сократился; и Мордор стерегли уже не так бдительно. А в дни правления Телемнара, двадцать третьего из рода Менельдила, черный восточный ветер принес мор, и умерли король и его дети, а с ними множество гондорцев. Дозорные крепости на границах Мордора были покинуты, и Минас–Итил опустел; и вновь лихо скрытно вошло в пределы Черного Края, и словно ледяной ветер оживил дыханием пепел Горгорота, ибо черные тени собрались там. Говорят, что были то *ула́йры*, которых Саурон называл назгулами, Девять Призраков Кольца, что долго скрывались, а ныне вернулись, дабы проложить путь своему Господину, ибо он опять набирал силу.

В дни правления Э́рнила Призраки Кольца нанесли первый удар — ночью по перевалам Теневых Гор вышли они из Мордора и захватили Минас–Итил. Столь ужасна стала та крепость под их владычеством, что никто не осмеливался даже взглянуть на нее. Позднее она была названа Минас–Моргул, Крепость Злых Чар; и Минас–Моргул вечно враждовала с лежавшей на западе Минас–Анор. В то время Осгилиат, в котором вымерли почти все жители,

превратился в руины, населенные призраками. Но Минас–Анор жила и получила новое имя — Минас–Тирит, Крепость–Страж, ибо там короли велели возвести белую башню, высокую и прекрасную, и взору ее доступны были многие края. Неизменно горделив и могуч был этот город, и в нем все еще цвело пред королевским дворцом Белое Древо; и остатки нуменорцев все еще защищали брод через Реку от ужасов Минас–Моргула и от всех врагов Запада — орков, чудищ и лихих людей; и земли за их спиной, к западу от Андуина, были заслонены от войны и разора.

Минас–Тирит продолжал существовать и тогда, когда пришел конец правлению Э́арнура, сына Эарни́ла, последнего короля Гондора. Это он один поскакал к воротам Минас–Моргула, чтобы ответить на вызов Черного Чародея; и они встретились в поединке, но по вероломству назгулов Эарнур был схвачен живым и доставлен в чудовищную твердыню. Никто из живущих больше его не видел. Эарнур не оставил наследника, но когда королевский род пресекся, городом и все сокращавшимся королевством правили наместники из рода Ма́рдила Верного. Пришли роандийцы, всадники Севера, и поселились в зеленом Ро́хане, что прежде звался Каленáрдном и был частью владений Гондора; и роандийцы помогали Князьям–Наместникам в войнах. А на севере, за порогами Ра́урса и Вратами Аргоната, были и иные защитники, силы более древние, о которых люди знали мало и против которых не рисковали выступить порождения зла, покуда в надлежащее время не вернулся вновь их темный владыка Саурон. И пока не пришло то время, ни разу со времен Эарни́ла не осмеливались назгулы пересекать Реку или покидать свою твердыню в обличье, зримом для людей.

\*\*\*

Во все время Третьей Эпохи, после гибели Гил–Гэлада, владыка Элронд жил в Имладрисе. Собрал он там множество эльфов, а также могучих и мудрых сынов всех племен, населявших Средиземье. Долгие годы, пока одно поколение людей сменялось другим, хранил он память о прекрасном былом; и дом Элронда был прибежищем для усталых и подавленных, сокровищницей добрых советов, искусств и

мудрости. В этом доме в юности и в старости находили приют наследники Исилдура, ибо были в родстве с самим Элрондом, а еще потому, что в мудрости своей знал он, что из этого рода произойдет некто, кому суждено свершить великие дела в последние дни той Эпохи. До того же времени обломки меча Элендила были отданы на хранение Элронду, когда дни дунанданов затмились и они стали племенем скитальцев.

В Эриадоре Имладрис был главным поселением Высших Эльфов, но в Серебристой Гавани, в Линдоне жили также и остатки народа Гил-Гэлада. Порою они забредали в Эриадор, но большей частью жили у моря, строя и лелея эльфийские корабли, на которых отплывали на Заокраинный Запад Перворожденные, уставшие от Мира. Владыкой Гавани был Кирдан Корабел.

О Трех Кольцах, что эльфы сохранили неоскверненными, среди Мудрых не говорили открыто, и даже не все эльдары знали, где они хранятся. Но после низвержения Саурона чары Колец трудились неустанно, и там, где были они, жила радость и ничто не было отмечено горестной печатью времени. И потому еще прежде, чем кончилась Третья Эпоха, эльфы знали, что Сапфир хранится у Элронда, в дивном Лесном Ущелье, в доме, над которым ярче всего сияли звезды; Адамант же был в Лóриене, краю владычицы Галадриэли. Была она королевой лесных эльфов, супругой Кéлеборна из Дориата; сама же происходила из племени нолдоров и помнила День Валинора, что был прежде иных дней. Но Красное Кольцо осталось сокрытым до самого конца, и никто, кроме Элронда, Галадриэли и Кирдана, не знал, кому оно отдано. И вот в двух владениях Средиземья на протяжении всей Эпохи хранились немалыми блаженство и красота эльфов — в Имладрисе и в Лотлóриэне, потаенном краю между Келебрáнтом и Андуином, где на деревьях цвели золотые цветы, и ни орки, ни лихие твари не осмеливались туда забрести. Но многие эльфы предсказывали, что буде Саурон явится вновь, то найдет ли он потерянное Кольцо Всевластия или оно будет найдено его врагами и уничтожено — в любом случае сила Трех Колец сгинет, все, что создано ими, увянет, и настанут сумерки эльфов. Начнется Владычество Людей.

Так оно позднее и случилось — Одно, Семь и Девять были уничтожены, а Три ушли, и с ними кончилась Третья Эпоха, и

завершились предания об эльдаргах в Средиземье. То были Годы Увядания, и последний расцвет эльфов в землях к востоку от Моря сменился суровой зимой. А в то время нолдоры, прекраснейшие и могущественнейшие дети Мира, еще бродили по Ближним Землям, и звуки их наречия доступны были людскому слуху. Множество творений, дивных и странных, оставалось еще в мире; но и немало было лихого и жуткого: орки, тролли, драконы и хищные твари; в лесах бродили неведомые и мудрые создания; гномы трудились в горах, терпеливым искусством творя из металла и камня вещи, которым не было равных. Но близилось Владычество Людей, и все менялось, пока наконец не явился вновь в Лихолесье Темный Властелин.

В древности лес этот звался Великой Зеленой Пущей, и его чертоги, поляны и прогалины наполнились зверьем и сладкоголосыми птицами; там, под сенью вязов и буков, были владения короля Трандуила. Но через много лет, когда прошла почти треть этой эпохи, с юга в лес пробралась тьма, и ужас бродил по затемненным полянам; рыскали хищные звери, и злобные, жестокие твари раскинули свои тенета.

Тогда лес изменил название и стал зваться Лихолесьем, ибо там и в ясный день царила недобрая мгла. Редко кто осмеливался пройти через этот лес, разве что на севере, где народ Трандуила все еще сдерживал лихо. Немногие знали, откуда все это шло, и даже Мудрые долго не ведали правды. То были тень Саурона и знак его возвращения.

В то время, когда первые тени легли на Лихолесье, на западе Средиземья появились *истари*, которых люди называли магами. Никто не знал тогда, откуда они взялись, кроме Кирдана, владыки Гаваней, и лишь Элронду и Галадриэли открыл он, что пришли они из-за Моря. И позднее рассказывали эльфы, что были то посланцы Западных Владык, отправленные для того, чтобы противостоять Саурону, если он воспрянет вновь, а также побуждать к доблестным деяниям людей, эльфов и прочие существа доброй воли. Являлись они в обличье людей, древних годами, но бодрых, и мало менялись со временем, медленно старились, хотя великие заботы отягощали их. Были они весьма мудры и могучи духом. Долгое время странствовали они меж людей и эльфов, но водили дружбу со зверями и птицами; и народы



Средиземья дали им множество имен, ибо истинных своих имен они не открыли. Главными среди них были те, кого эльфы звали Митрандир и Курунир, а северяне — Гэндальф и Саруман. Курунир был самым старшим и пришел первым, а за ним следовали Митрандир и Радагаст, и прочие *истари*, что ушли на восток Средиземья, и преданья молчат о них. Радагаст был другом всем зверям и птицам; Курунир же большей частью жил меж людей, и был он красноречив и искушен в кузнечном ремесле. Митрандир ближе прочих был к Элронду и эльфам. Он исходил в скитаньях Север и Запад, но ни в одной стране не жил подолгу; а Курунир отправился на Восток и, вернувшись, поселился в Ортханке, в Круге Айсенгарда, что возвели нуменорцы во дни своего могущества.

Бдительнее прочих был Митрандир, и его более других встревожила тьма, заполнившая Лихолесье, ибо, хотя многие считали, что тьма эта принесена Призраками Кольца, опасался он, что на деле это первый знак возвращения Саурона. Митрандир явился в Дол-Гулдур, и Чародей бежал пред ним, и на долгие годы утвердился бдительный мир. Но в конце концов Тень вернулась и мощь ее возросла; и в то время впервые был собран Совет Мудрых, что зовется Белым Советом. Были там Элронд, Галадриэль и Кирдан, и прочие высокородные эльдары, а также Митрандир и Курунир. И Курунира (Сарумана Белого) избрали главой Совета, ибо он глубоко изучил прошлые деяния Саурона. Правда, Галадриэль желала, чтобы Совет возглавил Митрандир, и это пробудило зависть в Сарумане, ибо гордыня его и жажда власти возросли непомерно. Митрандир, однако, отказался, не желая иметь ни обязанностей, ни обязательств, кроме как перед теми, кто послал его; и не мог он осесть в одном месте либо подчиняться чьим-то приказаниям. Саруман же занялся изучением Колец Власти, их создания и истории.

Тень все росла, и росла тяжесть на сердцах Элронда и Митрандира. И потому однажды Митрандир, подвергаясь великой опасности, вновь отправился в Дол-Гулдур, спустился в темницы Чародея, открыл, что опасения его не напрасны, и счастливо ушел оттуда невредимым. Возвратился он к Элронду и сказал ему так: «Увы! Догадка наша верна. Это не один из улайров, как полагали многие. Это сам Саурон, что вновь обрел зримый облик и набирает силу; он опять собирает под власть свою все Кольца и ищет вестей о

Едином, а также о потомках Исилдура, если таковые живут еще на земле».

И отвечал ему Элронд: «В тот час, когда Исилдур завладел Кольцом и не пожелал отказаться от него, рок судил, что Саурон вернется».

«Но Единое Кольцо сгнуло, — молвил Митрандир, — пока Оно не отыщется, мы сможем обуздать Врага, если только соберем все силы и не станем мешкать».

Тогда созвали Белый Совет; и Митрандир побуждал к немедленным действиям, но Курунир выступил против него и советовал по-прежнему выжидать и наблюдать.

«Ибо, — говорил он, — не верю я, что Единое когда-нибудь сыщется вновь в Средиземье. Оно кануло в Андуин, и давно уже, думаю я, вода унесла Его в Море. Там Ему и покоиться до конца дней, покуда не разрушится мир и не иссякнут воды».

И решили тогда ничего не предпринимать, хотя у Элронда было беспокойно на сердце, и он сказал Митрандиру: «Предчувствую я, что Единое Кольцо все же сыщется, и вновь разгорится война, и в этой войне придет конец Эпохи. Воистину, отойдет она во тьме, если только некий странный случай, недоступный взору моему, не спасет нас».

«Много странного случается в мире, — отвечал Митрандир, — и бывает, что, когда Мудрые оказываются бессильны, помощь приходит от слабых».

Так беспокойство охватило Мудрых; но никто не прозрел еще, что Курунир обратился ко тьме и в душе уже стал предателем — ибо желал он отыскать Великое Кольцо и самому завладеть им, чтоб весь мир подчинился его воле. Слишком долго он, надеясь победить Саурона, углублялся в его замыслы и ныне не столько ненавидел его деяния, сколько завидовал ему, как сопернику. И рассудил Саруман, что Кольцо, собственность Саурона, начнет стремиться к своему Господину, буде он вновь объявит себя; но если его изгонят, Кольцо останется сокрытым. Потому он желал играть с опасностью и позволить Саурону на время укрепиться, надеясь искусством своим обойти и друзей, и Врага, когда явится Кольцо.

Саруман велел следить за Ирисной Низиной и вскоре обнаружил, что шпионы Дол-Гулдура рыщут в тех местах по течению Реки. Так

понял он, что и Саурон знает, как погиб Исилдур. В страхе вернулся он в Айсенгард и укрепил его; все более углублялся он в тайны Колец Власти и в искусство их сотворения. Но ничего не сказал он об этом в Совете, надеясь первым получить весть о Кольце. Он собрал великое множество соглядатаев. Среди них были и птицы, ибо Радагаст помогал ему, нисколько не разделяя его предательства и считая, что это лишь часть обычного слежения за Врагом.

Но тьма в Лихолесье все разрасталась, и из всех темных закоулков мира лихие твари стягивались в Дол–Гулдур; одна воля объединяла их, и злоба их была нацелена против эльфов и уцелевших нуменорцев. Потому был снова созван Совет, и много говорили там о тайнах Колец; а Митрандир обратился к Совету: «Нет нужды отыскивать Кольцо, ибо, покуда оно существует в мире и не уничтожено, — до тех пор будет существовать и сила, породившая его, и Саурон будет копить силы и не терять надежды. Могущество эльфов и Друзей Эльфов давно уже не то, что прежде. Скоро уже он и без Великого Кольца превзойдет вас в мощи; ибо Девять ему подвластны, а Три из Семи он уже получил. Нельзя нам медлить с ударом!»

На сей раз Курунир был с ним согласен, надеясь, что Саурона выбьют из Дол–Гулдура, который слишком близко от Ирисной Низины, и у Врага не будет времени продолжать там поиски. Потому — в последний раз — он помог Совету: они собрали все силы, ударили на Дол–Гулдур и выбили Саурона из его твердыни, и на недолгое время Лихолесье вновь очистилось.

Но удар этот запоздал. Ибо Черный Властелин предвидел его и загодя подготовился; и *улайры*, Девять Слуг его, шли пред ним, расчищая ему путь. Так что его бегство было притворным, и он скоро вернулся — вернулся в Мордор, прежде чем Мудрые смогли помешать ему, и вновь поднял к небу черные башни Барад–дура. В тот год Белый Совет собирался в последний раз. Курунир удалился в Айсенгард и ни с кем больше не держал совета, кроме себя.

Множились орки, а далеко на юге и на востоке вооружались дикари. И тогда, среди нарастающего страха и слухов о войне, сбылось пророчество Элронда и Единое Кольцо отыскалось вновь — волей случая столь странного, что и Митрандир не мог предвидеть его; осталось оно сокрытым и от Саурона, и от Курунира. Ибо задолго до того, как они начали поиски Кольца, оно покинуло Андуин, и еще в

те годы, когда в Гондоре правили короли, нашло его существо из племени рыбаков–хафлингов, живших близ Реки. Вместе с этим существом Кольцо исчезло в сумрачном укывище у самых корней Мглистых Гор. Там оно и обитало, покуда в год удара на Дол–Гулдур не отыскал его странник, спасающийся под землей от орков; и с ним Кольцо отправилось далеко, в страну *перианов*, Малого Народца, хафлингов, живущих на западе Эриадора. До того дня они почти не занимали людей и эльфов, и ни Саурон, ни Мудрые — кроме Митрандира — не находили им места в своих помыслах.

Благодаря удаче и своей бдительности Митрандир первым узнал о Кольце, опередив Саурона. Но его терзали сомнения — как поступить? Слишком велика была лиходейская мощь Кольца, чтобы кто–то из Мудрых мог владеть им, если только он, подобно Куруниру, не желал стать тираном и новым Черным Властелином; но нельзя было вечно скрывать Кольцо от Саурона, и всего искусства эльфов не хватило бы, чтобы его уничтожить. Потому с помощью северных дунаданов Митрандир бдительно охранял край перианов и ждал своего часа. Но слуги Саурона были вездесущи. Вскоре Враг услышал о Едином Кольце, вожделенном им более всего на свете, и выслал назгулов добыть его. Тогда вспыхнула война, и Третья Эпоха, начавшись битвой с Сауроном, такой же битвой и закончилась.

\*\*\*

Те же, кто видел деянья тех дней, деянья невиданные и доблестные, рассказывали повсюду предание о Войне за Кольцо и о том, как она закончилась победой нежданной, и все же задолго до того предвиденной в скорби. Поведаем здесь, как на Севере явился наследник Исилдура и принял обломки меча Элендила, и они были перекованы в Имладрисе; и вышел он на войну, великий витязь и вождь людей. То был Арагорн, сын Араторна, тридцать девятый потомок Исилдура по прямой линии, более схожий с Элендилом, чем все его предки. Была битва в Рохане, пал изменник Курунир, и был разрушен Айсенгард; сошлись два войска под стенами Гондора, и канул во тьму Владыка Моргула, Полководец Саурона; и наследник Исилдура повел войско Запада к Черным Вратам Мордора.

В той последней битве участвовали Митрандир, и сыны Элронда, и князь Рохана, и витязи Гондора, и наследник Исилдура с северными дунаданами. Грозил им поражение и гибель, и вся доблесть их чуть было не пропала втуне, ибо Саурон был слишком силен.

Но в тот час сбылось предсказанное Митрандиром, и когда Мудрые оказались бессильны, помощь пришла из рук слабых. Ибо, как поется отныне во множестве песен, перианы, Малый Народец, обитатели холмов и лужаек, принесли им спасение.

Фродо Полурослик, с одобрения Митрандира, принял на себя бремя и один, со слугой, прошел через тьму и опасность, достиг, вопреки Саурону, Роковой Горы и вверх Кольцо в то самое Пламя, в котором оно родилось; так Кольцо было уничтожено, и сгнуло лихо его.

Тогда пал Саурон, и был разгромлен, и сгинул, обратясь в бессильный и злобный призрак; рухнули башни Барад-дура, и от грохота их падения содрогнулись многие земли. Так пришел мир, и настала на земле новая Весна; и наследник Исилдура был коронован королем Арнора и Гондора. Укрепилась мощь дунаданов, и возродилось их величие. В Минас-Аноре вновь зацвело Белое Древо, ибо Митрандир отыскал его саженец в снегах Миндоллуина, что высился, сверкая белизной, над Гондором; и пока то древо жило, память о Древних Днях хранилась в сердцах королей.

Все это было достигнуто большей частью благодаря бдительности и мудрости Митрандира, и в последние дни Эпохи он явился могучим и чтимым владыкой и, облекшись в белое, вышел на битву. Но покуда не пришло ему время уходить, никто не узнал, что был он хранителем Красного Кольца Огня. Вначале кольцо это было доверено Кирдану, владыке Гаваней; но он передал его Митрандиру, ибо знал, откуда тот пришел и куда вернется.

«Прими это Кольцо, — молвил он, — ибо тяжки будут труды твои и заботы, но оно поддержит тебя во всем и защитит от усталости. Ибо это — Кольцо Огня, и, быть может, с его помощью в этом остывающем мире ты воспламенишь сердца древней доблестью. Что до меня, сердце мое с Морем, и я буду жить на сумеречных берегах, храня Гавани, покуда не отплывет последний корабль. Тогда я буду ждать тебя».

Белым был этот корабль, длинным и стройным, и долго ждал он конца, о котором говорил Кирдан. Когда же все было свершено, и наследник Исилдура принял власть над людьми, и владычество над Западом перешло к нему — тогда стало ясно, что кончилась мощь Трех Колец, и мир для Перворожденных стал седым и дряхлым. В то время последние нолдоры отплыли из Гаваней и навсегда покинули Средиземье. Последними же прибыли к Морю хранители Трех Колец, и владыка Элронд взошел на корабль, приготовленный Кирданом. На исходе осени покинули они Митлонд и плыли, покуда не сомкнулись за ними моря Замкнутого Мира, и ветра круглого небосвода больше были им не страшны — вознесясь в высоту над туманами, достигли они Древнего Запада, и конец пришел эльдарам в слове и в песне.

## СЛОВАРЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

АВАЛЛОНЭ — гавань и город эльдаров на Тол-Эрессеа.

АВАРИ — имя, данное эльфам, отказавшимся присоединиться к походу на запад от Куйвиэнен.

АВАТАР — пустынный край на берегу Амана, к югу от залива Эльдамар, между Пелорами и Морем; там Мелькор встретил Унголианту.

АГАРВАЭН — «Запятнанный Кровью», прозвище Турина, которое он дал себе, придя в Нарготронд.

АГЛОН — перевал между Дортонионом и горами к западу от Химринга.

АДАНЕДЕЛЬ — «Человек-Эльф», имя, данное Турину жителями Нарготронда.

АДАНЫ — «Вторые», название людей в Сумеречном Наречии; в Белерианде так называли людей из Трех Домов Друзей Эльфов.

АДУНАХОР — «Владыка Запада», имя, принятое 19-м королем Нуменора — вопреки традиции — на адунаике (нуменорском наречии).

АДРАНТ — шестой, самый южный приток Гелиона в Оссирианде.

АЗАГХАЛ — король гномов Белегоста; в Нирнаэт Арноэдиад ранил Глаурунга и сам был убит им.

АЙГЛОС — см. АЭГЛОС.

АЙНУЛИНДАЛЭ — «Песнь айнуров», название рассказа о сотворении Мира, сочиненного предположительно Румилем из Тириона.

АЙНУРЫ — первые существа, сотворенные Илуватаром прежде, чем был сотворен Эа.

АКАЛЛАБЕТ — «Падшая Земля», название Нуменора после его гибели, а также название рассказа о гибели Нуменора.

АЛЬДАРОН — «Владыка Лесов», одно из имен валара Оромэ на языке квенья.

АЛЬДУДЭНИЕ — «Плач по двум Древам», сочиненный ваниаром Элеммире.

АЛЬКАРИНКВЭ — «Блистательная», название звезды.

АЛЬКАРОНДАС — корабль Ар-Фаразона, на котором он отплыл в Аман, на войну с валарами.

АЛЬМАРЕН — первое жилище валаров в Арде, до нападения Моргота — остров в гигантском озере посреди Средиземья.

АМАН — Благословенный Край, земли на Западе, за Великим Морем, где жили валары, покинув Альмарен.

АМАНДИЛ — последний владетель Андуніэ в Нуменоре, потомок Элроса и отец Элендила; уплыл на поиски Валинора и не вернулся.

АМАНИАРЫ — эльфы Амана.

АМАРИЭ — эльфийская дева из племени ваниаров, возлюбленная Финрода Фелагунда, которая осталась в Валиноре.

АМЛАХ — сын Имлаха, сына Мараха, вождь недовольных в Эстоладе; позднее служил Маэдросу.

АМР АС И АМРОД — близнецы, младшие сыновья Феанора; оба погибли в нападении на подданных Эарендила в устье Сириона.

АНАДУНЭ — «Западный Край», название Нуменора на адунаике.

АНАР — квенийское название Солнца.

АНАРИОН — младший сын Элендила, спасшийся с отцом и братом после гибели Нуменора и вместе с Исилдуром основавший в Средиземье королевство Гондор; владел Минас-Анором; погиб при осаде Барад-дура.

АНАРРИМА — «Солнечная Сеть», название созвездия.

АНАХ — теснина между Криссаэгримом и западными склонами Эред-Горгорот.

АНГАЙНОР — цепь, изготовленная Ауле, которой был дважды скован Моргот.

АНГБАНД — большая крепость-темница Моргота на северо-западе Средиземья. Разрушена войском валаров в Великой Битве.

АНГЛАХЕЛ — меч, выкованный из небесного железа Эолом; был им отдан Тинголу, который отдал его Белегу; затем достался Турину; перекованный, был назван Гуртанг.

АНГРЕНОСТ — «Железная Крепость», нуменорская крепость в долине Нан-Курунир у восточного окончания Мглистых Гор. Была отдана во владение Куруниру. Называлась также Айсенгард.



АНГРИМ — отец Горлима Злосчастливого.

АНГРИСТ — «Рубящий Железо», кинжал работы Телхара из Ногрода; Берен отобрал его у Куруфина и высек им Сильмарил из венца Моргота.

АНГРОД — третий сын Финарфина; см. АЭГНОР.

АНГУИРЕЛ — меч Эола, сделанный из того же металла, что и Англахел.

АНГХАБАР — копи в Окружных Горах, недалеко от Гондолина.

АНДОР — «Дарованная Земля»; см. НУМЕНОР.

АНДРАМ — порог, тянувшийся от Нарготронда в Восточный Белерианд.

АНДРОТ — пещеры в горах Митрима, где Туора воспитывали Сумеречные Эльфы.

АНДУИН — Великая Река к востоку от Мглистого Хребта, начинавшаяся на севере и впадавшая в залив Белфалас.

АНДУНИЭ — город и гавань на западном побережье Нуменора; его владетелями были предки Элендила.

АНКАЛАГОН — величайший из крылатых драконов Моргота; убит Эарендиллом.

АННАЭЛ — Сумеречный Эльф из Митрима, приемный отец Туора.

АННАТАР — «Даритель», имя, которое дал себе Саурон во Второй Эпохе, появляясь в дивном облике среди эльфов.

АННОН-ИН-ГЕЛИД — «Врата Нолдоров», вход в пещеру, по которой текла река под западными горами Дор-Ломина; пещера вела к Кирит-Нинних.

АННУМИНАС — «Башня Запада», древняя столица королей Арнора близ озера Ненуиал.

АНОР — синдарское название Солнца.

АНФАУГЛИР — прозвище волка Кархарота.

АНФАУГЛИТ — или ДОР-НУ-ФАУГЛИТ, название долины Ард-Гален после опустошения ее Морготом в Битве Внезапного Пламени.

АПАНОНАРЫ — «Послерожденные», эльфийское название людей.

АР-ГИМИЛЬЗОР — 22-й король Нуменора, преследователь Верных.

АР-ЗИМРАФЕЛ — см. МИРИЭЛЬ (2).

АР–САКАЛЬТОР — отец Ар–Гимильзора.

АР–ФАРАЗОН — Золотоликий, последний, 24–й король Нуменора; квенийское имя Тар–Калион. Взял в плен Саурана и был склонен им ко злу. Объявил войну валарам.

АР–ФЕЙНИЕЛЬ — см. АРЕДЭЛЬ.

АРАГОРН — 39–й потомок Исилдура по прямой линии, король воссоединенного королевства Арнора и Гондора после Войны за Кольцо, супруг Арвен, дочери Элронда. Назывался также наследником Исилдура.

АРАДАН — синдаринское имя Малаха, сына Мараха.

АРАМАН — пустынные земли на побережье Амана, между Пелорами и Морем, протянувшиеся на север, к Хелкараксе.

АРАНВЭ — эльф из Гондолина, отец Воронвэ.

АРАНЕЛ — прозвание Диора, наследника Тингола.

АРАНРУТ — «Гнев Короля», меч Тингола. Уцелел после гибели Дориата и принадлежал королям Нуменора.

АРАТАН — второй сын Исилдура, вместе с ним погибший в Ирисной Низине.

АРАТАРЫ — «Высшие», наименование восьми высших валаров.

АРАТОРН — отец Арагорна.

АРВЕРНИЕН — побережье к северу от устья Сириона.

АРГОНАТ — «Врата Королей», громадные каменные статуи Исилдура и Анариона, стоявшие на берегах Андуина, на северной границе Гондора.

АРД–ГАЛЕН — большая травянистая равнина к северу от Дортониона.

АРДА — название Земли, Королевства Манвэ.

АРЕДЭЛЬ — прозванная Ар–Фейниэль, сестра Тургона Гондолинского; в Нан–Эльмоте попала во власть Эола и родила ему сына Маэглина.

АРИЭН — майа, избранная валарами, чтобы вести солнечную ладью.

АРМИНАС — см. ГЕЛМИР (2).

АРМЕНЕЛОС — город королей Нуменора.

АРНОР — «Земля Короля», северное королевство нуменорцев в Средиземье, основанное Элендиллом после его спасения.

АРОС — река, с юга обегавшая Дориат.

АРОССИАХ — брод на Аросе, недалеко от северо-восточной границы Дориата.

АРТАД — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

АСЕНГАРД — см. АНГРЕНОСТ.

АСКАР — самый северный приток Гелиона в Оссирианде; позднее назывался Ратлориэл.

АСТАЛЬДО — «Доблестный», прозвание валара Тулкаса.

АТАЛАНТЭ — перевод на квенья слова АКАЛЛАБЕТ

АТАНАГАРИ — «Отцы Людей».

АТАНИ — «Вторые», название людей на языке квенья.

АУЛЕ — вал ар из аратаров, кузнец и ремесленник, супруг Йаванны, создатель гномов.

АЭГЛОС, АЙГЛОС — копье Гил-Гэлада.

АЭГНОР — четвертый сын Финарфина, вместе с братом Ангродом владел северными склонами Дортониона. Оба убиты в Дагор Браголлах.

АЭЛИН-УИАЛ — Полусветные Воды, озеро при впадении Ароса в Сирион.

АЭРАНДИР — один из трех спутников Эарендила.

АЭРИН — родственница Хурина, жившая в Дор-Ломине; была насильно взята в жены изменником Броддой; помогала Морвен.

БАЛАН — имя Веера Старого до того, как он пошел на службу к Финроду.

БАЛАР — большой залив на юге Белерианда, в который впадал Сирион, а также остров, где после Нирнаэт Арноэдиад жили Кирдан и Гил-Гэлад.

БАЛРОГИ — демоны огня, служившие Морготу; они же ВАЛАРАУКАРЫ.

БАР-ЭН-ДАНВЕД — «Жилище-Выкупа», так назвал Мим свое жилище на Эмон-Руд, отдавая его Турину.

БАРАГУНД — отец Морвен, жены Хурина; племянник Барахира и один из его спутников в Дортонионе.

БАРАД-ДУР — «Черная Башня», замок Саурона в Мордоре.

БАРАД-НИМРАС — «Белая Башня», построенная Финродом на мысу к западу от Эглареста.

БАРАД-ЭЙТЕЛЬ — крепость нолдоров при Эйтель-Сирион.

БАРАН — старший сын Беора Старого.

БАРАХИР — отец Берена; спас Финрода в Дагор Браголлах и получил от него кольцо; убит в Дортонионе. Его кольцо стало реликвией дома ИсилДУРа.

БАУГЛИР — «Душитель», прозвище Моргота.

БЕЛЕГ — искусный лучник и командир пограничной стражи Дориата по прозвищу Куталион; друг и соратник Турина, был им убит по несчастной случайности.

БЕЛЕГАЭР — «Великое Море» на западе между Средиземьем и Аманом. Называлось также Море, Западное Море.

БЕЛЕГОСТ — Велиград, один из двух гномьих городов в Синих Горах, он же Габилгатхол.

БЕЛЕГУНД — отец Риан, жены Хуора, племянник Барахира и один из спутников его в Дортонионе.

БЕЛЕРИАНД — вначале так назывались земли близ устья Сириона, обращенные к острову Балар; позднее это название распространилось на все древнее северо-западное побережье Средиземья южнее залива Дренгист, все внутренние земли южнее Хитлума и к востоку до Синих Гор. Сирион разделял Белерианд на Западный и Восточный.

БОРОМИР — правнук Беора Старого, дед Барахира, отца Берена; первый владыка Ладроса.

БОРОН — отец БОРОМИРА.

БОРТХАНД — сын Бора.

БРАНДИР — по прозвищу Хромой, правил племенем Халет после смерти своего отца Хандира; любил Ниэнор; убит Турином.

БРЕГОЛАС — отец Барагунда и Белегунда; убит в Дагор Браголлах.

БРЕГОР — отец Барахира и Бреголаса.

БРЕТИЛ — лес между реками Тейглии и Сирион, где жили халадины.

БРИЛТОР — четвертый приток Гелиона в Оссирианде.

БРИТИАХ — брод через Сирион севернее леса Бретил.

БРИТОМБАР — северная из гаваней Фаласа.

БРИТОН — река, впадавшая в Море у Бритомбара.

БРОДДА — изменник, убитый в Хитлуме Турином.

БРОДЫ АРОСА — см. АРОССИАХ.

ВАЙРЭ — вала, супруга Намо Мандоса.

ВАЛАКИРКА — «Серп валаров», название созвездия из семи ярких звезд (Большая Медведица).

ВАЛАНДИЛ — младший сын Исилдура и третий король Арнора.

ВАЛАРОМА — рог валара Оромэ.

ВАЛАРЫ — айнуры, пришедшие в Эа; Мир Сущий, в начале времен правители и хранители Арды.

ВАЛИМАР, ВАЛМАР — город валаров в Валиноре.

ВАЛИНОР — край валаров в Амане за горами Пелорами.

ВАНА — Вечноюная, вала, сестра Йаванны и супруга Оромэ.

ВАНИАРЫ — первая дружина эльфов на пути из Куйвиэнен; ее вел Ингвэ.

ВАРДА — первая среди вал, супруга Манвэ, Создательница Звезд.

ВАСА — так нолдоры называли Солнце.

ВЕЛИГРАД — см. БЕЛЕГОСТ.

ВЕЛИКАЯ РЕКА — см. АНДУИН.

ВЕЛИКОЕ ЗЕЛЕНОЛЕСЬЕ — громадный лес к востоку от Мглистых Гор, позднее названный Лихолесьем.

ВЕНЕЦ ЛЕТА — праздник летнего солнцестояния.

ВЕРНЫЕ — см. ЭЛЕНДИЛИ.

ВИЛЬВАРИН — «Бабочка», название созвездия, вероятно, Кассиопеи.

ВИЛЬЯ — одно из Трех Колец эльфов, Кольцо Воздуха, Синее Кольцо (с сапфиром); хранилось Гил-Гэладом, затем Элрондом.

ВИНГИЛОТ — «Пенный Цветок», имя корабля Эарендила.

ВИНИАМАР — жилище Тургона в Неврасте.

ВЛАДЫКА ВОД — см. УЛЬМО.

ВЛАДЫЧИЦА ДОР-ЛОМИНА — см. МОРВЕН.

ВНЕШНЕЕ МОРЕ — см. ЭККАЙА.

ВОЛК АНГБАНДА — см. КАРХАРОТ.

ВОРОНВЭ — эльф из Гондолина, мореход. Ему единственному удалось выжить. Все остальные моряки — а Тургон отправил на Запад семь кораблей — погибли.

ВРАГ — так называли Моргота, а затем Саурана.

ВРАТА ЛЕТА — праздник в Гондолине, в канун которого город подвергся нападению Моргота.

ВРАТА КОРОЛЕЙ — см. АРГОНАТ.

ВРАТА НОЛДОРОВ — см. АННОН-ИН-ГЕЛИД.

ВСЕВИДЯЩИЕ КАМНИ — см. ПАЛАНТИРЫ.

ВТОРЫЕ — название людей.

ВЫСШИЕ ЭЛЬФЫ — см. ЭЛЬДАРЫ.

ГАБИЛГАТХОЛ — см. БЕЛЕГОСТ.

ГАВАНИ — 1. Бритомбар и Эгларест. 2. Гавани в устье Сириона.

ГАЛАДРИЭЛЬ — дочь Финарфина и сестра Фннрода; была среди главных мятежников-нолдоров; стала женой Келеборна из Дориата и с ним правила Лотлориэном; хранила Нэнья — Кольцо Воды.

ГАЛАТИЛИОН — Белое Древо Тириона, подобие Тельперiona, сотворенное Йаванной для ваниаров и нолдоров.

ГАЛДОР — прозванный Высоким, сын Хадора Лориндола, после него владел Дор-Ломином; отец Хурина и Хуора; убит у Эйтель-Сирион.

ГАЛВОРН — «черный блеск», металл, созданный Эолом.

ГВАЙТ-И-МИРДАЙН — название братства камнеделов Эрегиона, возглавляемого Келебримбором.

ГВИНДОР — эльф из Нарготронда, брат Гелмира; был рабом в Ангбанде, но бежал и помог Белегу найти Турина; привел Турина в Нарготронд; убит в битве при Тумхаладе.

ГИЛ-ГЭЛАД — имя, под которым был известен Эрейнион, сын Фингона. После смерти Тургона стал последним верховным королем нолдоров в Средиземье; в начале Второй Эпохи поселился в Линдоне; вместе с Элендиллом возглавил Последний Союз и погиб в сражении с Сауроном.

ГИЛДОР — один из двенадцати спутников Барахира.

ГИЛТОНИЭЛЬ — «Возжигательница Звезд», одно из обращений эльфов к Варде.

ГИМИЛХАД — младший сын Ар-Гимильзора, отец Ар-Фаразона.

ГИЙГЛИТ — река в Западном Белерианде, впадавшая в Нарог выше Нарготронда.

ГЛИНГАЛ — подобие Лаурелина, созданное Тургоном в Гондолине.

ГЛИРХУИН — певец из Бретиля.

ГЛОРЕДЭЛЬ — дочь Хадора Лориндола, сестра Галдора; жена Хальдира Бретильского.

ГЛОРФИНДЕЛ — «Золотоволосый», эльф из Гондолина, погибший в единоборстве с балрогом при бегстве из города.

ГНОМИЙ ТРАКТ — тракт, что вел в Белерианд из городов Ногрода и Белегоста и пересекал Гелион у брода Сарн–Атрад.

ГНОМЫ — племя, по легендам, сотворенное Ауле, рудокопы и рудознатцы, искусные камнерезы, ювелиры и кузнецы. Были немногочисленны и медленно размножались; говорили, что, умирая, они превращаются в камень. Вспыльчивы, алчны, упрямы, но всегда воевали с Врагом. В Предначальную Эпоху, кроме главного гномьего царства Кхзад–Дум, существовали еще города в Эред–Линдон — Ногрод и Белегост; позднее гномы селились под Эребором и Железистым Кряжем.

ГНОМЬЕ ЦАРСТВО — см. КАЗАД–ДУМ.

ГНОМЬИ ПЕЩЕРЫ — см. НОГРОД.

ГОД СКОРБИ И СЛЕЗ — год битвы Нирнаэт Арноэдиад.

ГОЛОДРИМЫ — синдаринское название нолдоров.

ГОЛЬ–ЭСТЕЛЬ — «Звезда Надежды», синдаринское название звезды Эарендила, несущего Сильмарил на своем корабле Вингилот.

ГОНДОЛИН — потаенный город короля Тургона в Окружных Горах.

ГОНДОР — южное нуменорское королевство в Средиземье, основанное Исилдуром и Анарионом.

ГОННХИРРИМЫ — «Владыки Камня», синдаринское название гномов.

ГОРГОРОТ — плато в Мордоре, между Горами Тьмы и Изгарными Горами.

ГОРЛИМ ЗЛОСЧАСТНЫЙ — один из двенадцати спутников Барахира; околдованный призраком своей жены Эйлинэль, выдал Саурону местонахождение Барахира.

ГОРТХАУР — см. САУРОН.

ГОРТОЛ — прозвище Турина, когда он был одним из Двоих Вождей в Дор–Куартоле.

ГОРЫ АМАНА — см. ПЕЛОРЫ.

ГОРЫ ВОСТОКА — см. ОРОКАРНИ.

ГОРЫ ТЬМЫ — см. ЭФЕЛ–ДУАТ

ГОРЫ УЖАСА — см. ЭРЕД–ГОРГОРОТ.

ГОТМОГ — вождь балрогов, военачальник Ангбанда, убийца Феанора, Фингона, Эктелиона.

ГРОНД — молот Моргота, которым он сражался с Финголфином; назывался еще Молот Подземного Мира.

ГУИЛИН — эльф из Нарготронда, отец Гелмира и Гвиндора.

ГУНДОР — младший сын Хадора Лориндола, вместе с ним погибший у Эйтель–Сириона.

ГУРТАНГ — «Смертное Железо», имя меча Англахель после того, как он был перекован в Нарготронде.

ГЕЛИОН — большая река Восточного Белерианда, начинавшаяся на Химринге и горе Рерир; питаясь реками Оссирианда, впадала в Море.

ГЕЛМИР — 1. Эльф из Нарготронда, брат Гвиндора; взятый в плен в Дагор Браголлах, был замучен перед Эйтель–Сирионом в начале Нирнаэт Арноэдиад. 2. Эльф из подданных Ангрода, который пришел с Арминасом в Нарготронд, чтобы предостеречь Ородрета.

ГЭНДАЛЬФ — имя МИТРАНДИРА на языке северян.

ДАГНИР — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

ДАГНИР ГЛАУРУНГА — «Проклятие Глаурунга», надпись на могиле Турина.

ДАГОР АГЛАРЕБ — третья из великих битв в войнах Белерианда, с которой началась Осада Ангбанда; означает «Достославная Битва».

ДАГОР БРАГОЛЛАХ — «Битва Внезапного Пламени», четвертая великая битва в войнах Белерианда.

ДАГОРЛАД — «Ратное Поле», поле битвы к северу от Мордора, где в конце Второй Эпохи Саурон бился с войсками Последнего Союза.

ДАГОР–НУИН–ГИЛИАТ — «Битва–под–Звездами», вторая великая битва в войнах Белерианда, происшедшая в Митриме, после высадки Феанора, еще до появления Луны.

ДАИРУИН — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

ДАР ИЛУВАТАРА ЛЮДЯМ — смерть, уход из Круга Мира.

ДАРИМ — царь гномов Кхазад–Дума.



ДАЭРОН ПЕСНОПЕВЕЦ — певец и главный мудрец короля Тингола, создатель рун Кирт; был влюблен в Лютиэн и дважды предал ее.

ДАЭРОНОВЫ РУНЫ — см. КИРТ.

ДВА ДРЕВА — Белое и Золотое, созданные Йаванной и освещавшие Валинор; уничтожены Морготом и Унголиантой.

ДВА ПЛЕМЕНИ — эльфы и люди.

ДЕЛЬДУВАТ — «Тень ужаса и мрака», одно из позднейших названий Дортониона.

ДЕНЕТОР — сын Ленвэ; вождь нандоров, приведший их в Белерианд; пал на Эмон–Эреб в первой битве Белерианда.

ДЕТИ ИЛУВАГАРА, ДЕТИ ЭРУ — эльфы и люди.

ДИМБАР — земля между реками Сирион и Миндеб.

ДИМРОСТ — «Дождливая Лестница», водопад на Келебросе, в лесу Бретил. Позднее звался Нен–Гирит.

ДИОР — по прозванию Аранел и Элухил, сын Берена и Лютиэн, отец Эльвинг, матери Элронда и Элроса; после смерти Тингола правил Дориатом; убит в Менегроте сыновьями Феанора.

ДНИ БЕГСТВА — см. ЧЕРНЫЕ ГОДЫ.

ДОЛ–ГУЛДУР — крепость Чародея (Саурона) в южном Лихолесье в Третью Эпоху.

ДОЛМЕД — высокая гора в Эред–Луин, недалеко от гномьих городов Ногрода и Белегоста.

ДОР–ДАЭДЕЛОС — край на севере, которым владел Моргот.

ДОР–ДИНЕН — пустынный край меж верховьями Эсгалдуина и Ароса.

ДОР–КАРАНТИР — см. ТАРГЕЛИОН.

ДОР–КУАРТОЛ — «Земля Лука и Шлема», край, который защищали Белег и Турин из своего жилища на Эмон–Руд.

ДОР–ЛОМИН — край на юге Хитлума, принадлежавший Фингону и данный им во владение Дому Хадора; там жили Хурин и Морвен.

ДОР–НУ–ФАУГЛИТ — второе название Анфауглита.

ДОР–ФИРН–И–ГУИНАР — «Земля Живущих Мертвых», название места в Оссирианде, где после возвращения жили Берен и Лютиэн.

ДОРИАТ — «Огражденный Край», королевство Тингола и Мелиан в лесах Нелдорет и Регион, огражденное Завесой Мелиан.

ДОРЛАС — халадин из Бретиля; с Турином и Гунтором отправился на бой с Глаурунгом, но струсил; убит Брандиром Хромым.

ДОРТОНИОН — лесистое плоскогорье на северной границе Белерианда.

ДРАКОНИЙ ШЛЕМ ДОР-ЛОМИНА — родовая святыня Дома Хадора, шлем, который носил Турин; назывался также Шлем Хадора.

ДРАКОНЫ — пресмыкающиеся огнедышащие твари, выведенные, по всей вероятности, Морготом; их праотцем считался Глаурунг, а первым крылатым драконом был Анкалагон. Были непомерно алчны и обладали гипнотическим даром.

ДРАУГЛУИН — гигантский волколак, убитый Хуаном на Тол-ин-Гаурхоте; в его облике Берен пробрался в Ангбанд.

ДРУЗЬЯ ЭЛЬФОВ — люди из Трех Домов — Беора, Халет и Хадора, то есть аданы; так же в Нуменоре называли Верных.

ДРЕНГИСТ — длинный и узкий залив, вдававшийся в Эред-Ломин; западная граница Хитлума.

ДУИЛВЕН — пятый приток Гелиона в Оссирианде.

ДУНАДАНЫ — см. НУМЕНОРЦЫ.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕНЕЦ — корона Моргота, в которую были вставлены Сильмарилы.

ЗАБЫТЫЙ НАРОД — см. ЭГЛАФ.

ЗАПАДНЫЕ ВЛАДЫКИ — одно из названий валаров.

ЗАЧАРОВАННЫЕ ОСТРОВА — острова, созданные валарами в Великом Море, к востоку от Тол-Эрессеа во времена Сокрытия Валинора.

ЗЕЛЕННЫЕ ЭЛЬФЫ — см. ЛАЙКВЕНДИ.

ЗЕМЛЯ ЖИВУЩИХ МЕРТВЫХ — см. ДОРФИРН-И-ГУИНАР.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО — см. ЛАУРЕЛИН.

ИАНТ ИАУР — Мост через Эсгалдуин на северной границе Дориата.

ИБУН — один из сыновей Мима Карлика.

ИВРИН — озеро и водопад у подножия Эред-Ветрин, где начиналась река Нарог.

ИДРИЛЬ — по прозвищу Келебриндал или Среброножка, дочь Тургона и Эленве; жена Туора и мать Эарендила; вместе с Туором уплыла на Запад.

ИЗГОИ — прозвание нолдоров, ушедших в Средиземье.

ИЛЛУИН — один из Светильников валаров, созданных Ауле. Стоял в северной части Средиземья, был обрушен Морготом. На его месте образовалось море Хелкар.

ИЛУВАТАР — Отец Всего, создатель Эа — Мира Сущего; он же Эру — Единый.

ИЛЬМАРИН — чертоги Манвэ и Варды на Таникветиле.

ИЛЬМАРЭ — майа, приближенная Варды.

ИЛЬМЕН — область неба, в которой находятся звезды.

ИМЛАДРИС — Раздол, владение Элронда в долине, в Мглистых Горах.

ИМЛАХ — отец Амлаха.

ИНГВЭ — вождь ваниаров; в Амане жил на Таникветиле и считался Верховным Королем всех эльфов.

ИНДИС — эльфа из ваниаров, родственница Ингвэ и вторая жена Финвэ, мать Финголфина и Финарфина.

ИНЗИЛАДУН — старший сын Ар-Гимильзора и Инзилбет, позднее принял имя Тар-Палантира.

ИНЗИЛБЕТ — жена Ар-Гимильзора, из рода владетелей Андуние.

ИРИСНАЯ НИЗИНА — или Лоэг-Нинглорон, громадные заросли камыша и ирисов на берегу и в прибрежной воде Андуйна, где был убит Исилдур и потеряно Единое Кольцо.

ИРМО — валар, один из Феантури, называвшийся также Лоризн — по месту обитания.

ИТИЛ — квенийское название Луны.

ИСИЛДУР — старший сын Элендила; вместе с отцом и братом Анарионом спасся после гибели Нуменора и основал нуменорские королевства в Средиземье; владел Минас-Итилом; сорвал Единое Кольцо с руки Саурона; убит орками в Ирисной Низине.

ИСТАРИ — маги, майары, посланные в Третью Эпоху из Амана для противостояния Саурону.

ИТИЛ — синдаринское название Луны.

ЙАВАННА — вала из аратаров; супруга Ауле; звалась также Кементари и покровительствовала всему, что живет и растет.

КАБЕД НАЭРАМАРТ — см. КАБЕД–ЭН–АРАС.

КАБЕД–ЭН–АРАС — место на обрывистом берегу Тейглина, где Турин убил Глаурунга и откуда бросилась Ниэнор; после ее смерти было названо Кабед Наэрамарт — «Прыжок Ужасной Судьбы».

КАЗАД — самоназвание гномов.

КАЛАКВЕНДИ — Эльфы Света, Высшие Эльфы, которые жили в Амане.

КАЛАКИРИЯ — ущелье в горах Пелорах, где был зеленый холм Туна.

КАЛЕНАРДОН — название Рохана, когда он еще был провинцией Гондора.

КАМЕНИСТЫЙ БРОД — см. САРН–АТРАД.

КАМЛОСТ — «Пустая Рука», прозвание Берена.

КАРАГДУР — уступ на северном склоне Эмон–Гварет, откуда был сброшен Эол.

КАРАНТИР — четвертый сын Феанора, прозванный Мрачным; самый суровый и гневливый из братьев; правил в Таргелионе; погиб при нападении на Дориат.

КАРДОЛАН — край на юге Эриадора, часть королевства Арнор.

КАРНИЛ — «Красная Звезда», имя звезды.

КАРХАРОТ — он же АНФАУГЛИР, гигантский волк Ангбанда; откусил руку Берена, сжимавшую Сильмарил; убит Хуаном в Дориате.

КВЕНДИ — «Говорящие», самоназвание всех эльфийских племен.

КВЕНТА СИЛЬМАРИЛЛИОН — «История Сильмариллов».

КВЕНЬЯ — древнее наречие эльфов, сложившееся в Валиноре; в Средиземье его принесли нолдоры, но в повседневной жизни оно не употреблялось, став языком науки, искусства и магии.

КЕЛЕБОРН — «Серебряное Дерево». 1. Имя дерева на Тол–Эрессеа, отпрыска Галатилиона. 2. Эльф из Дориата, родич Тингола и супруг Галадриэли.

КЕЛЕБРАНТ — Серебрянка, река, вытекавшая из озера Зеркального, протекавшая через Лориэн и впадавшая в Андуин.

КЕЛЕБРИМБОР — сын Куруфина, после изгнания отца оставшийся в Нарготронде; во Второй Эпохе — искуснейший из камнеделов Эрегиона, создатель Трех Колец эльфов; убит Сауроном.

КЕЛЕБРИНДАЛ — см. ИДРИЛЬ.

КЕЛЕБРОС — речка в лесу Бретил, впадавшая в Тейглин у Перекрестья.

КЕЛЕГОРМ — третий сын Феанора, прозванный Красивым; до Дагор Браголлах вместе с братом Куруфином владел Химладом; потом они жили в Нарготронде; держали в плену Лютиэн. Хозяин Хуана. Убит Диором в Менегроте.

КЕЛОН — река, текущая на юг с Холма Химринг, приток Ароса.

КЕЛВАР — эльфийское слово, обозначающее животных, то есть «движущиеся живые существа».

КЕМЕНТАРИ — «Земная Королева», титул Йаванны.

КИРДАН — эльф из тэлери, владыка Фаласа; после разорения Гаваней бежал с Гил-Гэладом на остров Балар; во Второй и Третьей Эпохе владел Серебристой Гаванью; передал Митрандиру кольцо Нарья.

КИРИОН — третий сын Исилдура, погибший вместе с ним в Ирисной Низине.

КИРИТ-НИННИАХ — ущелье, по которому Туор пришел к Западному Морю; см. АННОН-ИН-ГЕЛИД.

КИРИТ-ТОРОНАТ — перевал в горах к северу от Гондолина, где Глорфиндел сражался с балрогом.

КИРТ — руны, созданные Даэроном из Дориата; назывались также Даэроновы Руны.

КОЛЬЦА ВЛАСТИ — волшебные кольца, выкованные эльфами Эрегиона по наущению Саурона, а также Единое Кольцо, выкованное им самим.

КОЛЬЦО СУДЬБЫ — см. МАХАНАКСАР.

КОРОЛЛАЙРЭ — «Зеленый Холм» в Валиноре, на котором росли Два Древа; назывался также Эзеллохар.

КРАСНОЕ КОЛЬЦО — см. НАРЬЯ.

КРИССАЭГРИМ — горы к югу от Гондолина, где были гнездовья Торондора, Владыки Орлов.

КУЙВИЭНЕН — озеро на северо-востоке Средиземья, где проснулись эльфы и где нашел их Оромэ; в переводе означает «Воды

Пробуждения».

КУЛУРИЭН — «Красно-золотая» — одно из имен Лаурелина.

КУРУНИР — он же Саруман Белый, глава Истари и Совета Мудрых; пытался завладеть Кольцом Всевластья; подпал под власть Саурона и погиб бесславно.

КУРУФИН — пятый сын Феанора, прозванный Искусником, отец Келебримбора; его история — см. КЕЛЕГОРМ.

КУРУФИНВЭ — «Острый Ум», см. ФЕАНОР.

КУТАЛИОН — «Могучий Лук», см. БЕЛЕГ.

КХАЗАД-ДУМ — громадное подгорное королевство гномов Даринова племени в Мглистых Горах; эльфы называли его Хадходронд.

КХИМ — сын Мима Карлика, убитый одним из людей Турина.

ЛАДРОС — земли на северо-востоке Дортониона, пожалованные нолдорскими королями людям из Дома Беора.

ЛАИКВЕНДИ — «Зеленые Эльфы», название нандоров Оссирианда.

ЛАЛАЙТ — прозвание дочери Хурина, умершей в детстве.

ЛАММОТ — край к северу от залива Дренгист, где Моргот сражался с Унголиантой.

ЛАНТИР-ЛАМАТ — водопад, у которого было жилище Диора в Оссирианде.

ЛАУРЕЛИН — «Золотозвездная», Золотое Древо Валинора; называлось также Малинальда, Кулуриэн.

ЛАЭР КУ БЕЛЕГ — название песни, сложенной Туринном у Эйтель-Иврин в память о Белеге Куталионе.

ЛЕБЕДИНАЯ ГАВАНЬ — Аלקвалондэ.

ЛЕГОЛИН — третий из притоков Гелиона в Оссирианде.

ЛЕДЯНЫЕ ЧЕЛЮСТИ — см. ХЕЛКАРАКСЭ.

ЛЕМБАС — синдаринское название дорожного хлеба эльфов.

ЛЕНВЭ — вождь эльфов из отряда тэлери, которые отказались переходить Мглистые Горы; отец Денетора.

ЛЕСНОЙ ДИКАРЬ — так назвал себя Турин при встрече с людьми Бретила.

ЛЕСНЫЕ ЭЛЬФЫ — видимо, происходили от нандоров, живших в верховьях Андуина; населяли Великую Зеленую Пущу.

ЛИНАЭВЕН — «Птичье Озеро» в Неврасте.

ЛИНДОН — название Оссирианда в Предначальной Эпохе; позднее так назывались все земли к западу от Синих Гор, что еще оставались над водой.

ЛИНДОРИЕ — мать Инзилбет.

ЛИХОЛЕСЬЕ — см. ВЕЛИКОЕ ЗЕЛЕНОЛЕСЬЕ.

ЛОМИОН — «Сын Сумерек»; см. МАЭГЛИН.

ЛОРГАН — вождь смуглолицых, после Нирнает Арноэдиад захвативших Хитлум; у него в рабстве был Туор.

ЛОРЕЛЛИН — озеро в Лориэне (1), где днем отдыхает вала Эсте.

ЛОРИЭН — 1. Название садов и жилища валара Ирмо, которого иногда называли так же. 2. Край между Келебрантом и Андуином, которым правили Галадриэль и Келеборн.

ЛОРИНДОЛ — «Златовлас»; см. ХАДОР.

ЛОСГАР — место в устье залива Дренгист, где после высадки по приказу Феанора были сожжены корабли.

ЛОТЛАНН — большая пустынная равнина к северу от Предела Маэдроса.

ЛОЭГ–НИНГЛОРОН — см. ИРИСНАЯ НИЗИНА.

ЛУИНИЛ — «Голубая Звезда», имя звезды.

ЛАМБАР — имя звезды.

ЛЮТИЭН ТИНУВИЭЛЬ — «Дева–Цветок», «Соловей» ; дочь короля Тингола и Майи Мелиан, которая помогла Берену добыть Сильмарил; вернула Берена из мертвых и, став его женой, избрала судьбу смертных.

ЛЕЙТИАН — «Освобождение от Оков»; название баллады о Берене и Лютиэн.

ЛЮДИ — Дети Илуватара, аданы и. т. д., создания Эру, пробудившиеся в Хилдориэне, на дальнем востоке Средиземья, при первом восходе Солнца. По замыслу Илуватара, они смертны, то есть не возрождаются в этом Круге Мира. Ближе всего к эльфам были Три Дома аданов, разделившие Жребий нолдоров.

ЛЮДИ КОРОЛЯ — нуменорцы, враждебные эльдарам и Верным.

МАГИ — см. ИСТАРИ.

МАГЛОР — второй сын Феанора, певец; владел землей, называвшейся Маглоровы Врата; в конце Предначальной Эпохи вместе с Маэдросом похитил Сильмарилы, взял один из них и бросил в Море.

МАГЛОРОВЫ ВРАТА — край между северными рукавами Гелиона, где не было холмов, защищающих от удара с Севера.

МАГОР — сын Малаха Арадана, уведший людей племени Мараха к подножиям Эред–Ветрин.

МАЙАРЫ–аинуры, ступенью ниже валаров.

МАЛАХ — сын Мараха, прозванный эльфами Арадан, Король.

МАЛДУИН — приток Тейглина.

МАЛИНАЛЬДА — «Золотое Древо», см. ЛАУРЕЛИН.

МАЛЫЙ ГЕЛИОН — одна из двух рек, образовавших Гелион; брала начало на Холме Химринг.

МАНВЭ — глава валаров, называвшийся также Сулимо, Старейшина, Правитель Арды.

МАНДОС — место обитания в Амане валара Намо, которого обычно так и звали

МАРАХ — вождь третьего племени людей, пришедших в Белерианд; предок Хадора Лориндола.

МАРДИЛ — прозванный Верным, первый Князь–Наместник Гондора.

МАР–НУ–ФАЛМАР — «Земля–под–Волнами», название Нуменора после того, как он затонул.

МАХАЛ — так гномы называли Ауле.

МАХАНАКСАР — Кольцо Судьбы у врат Валмара, в котором были троны валаров и куда они собирались для совета.

МАХТАН — искусный кузнец–нолдор, отец Нерданэли, жены Феанора.

МАЭГЛИН — сын Эола и Аредэль, родившийся в Нан–Эльмоте; мать звала его Ломион; предал Гондолин Морготу и был убит Туором.

МАЭДРОС — старший сын Феанора, звавшийся Высоким; Фингон спас его в Тангородрине; владел Холмом Химринг и землями вокруг; создал Союз Маэдроса, которому пришел конец в Нирнаэт Арноэдиад; в конце Предначальной Эпохи унес с собой один из Сильмариллов и с ним погиб.

МГЛИСТЫЕ ГОРЫ — горная гряда, с севера на юг пролежавшая через Средиземье.

МЕЛИАН — майа, покинувшая Валинор ради Средиземья; супруга Тингола и мать Лютиэн; создала вокруг Дориата зачарованную Завесу Мелиан.



**МЕЛЬКОР** — мятежный валар, по происхождению могущественнейший из них, прародитель зла; позднее назывался Моргот Бауглир, Черный Властелин, Враг.

**МЕНЕГРОТ** — потаенные чертоги Тингола и Мелиан у реки Эсгалдуин в Дориате; в переводе означает «Тысяча Пещер».

**МЕРЕТ АДЕРТАД** — Праздник Воссоединения, устроенный Финголфином у озера Иврин.

**МИМ** — карлик, в чьем жилище на Эмон–Руд жил Турин со своей шайкой; предал Турина оркам; убит Хурином в Нарготронде.

**МИНАС–АНОР** — Крепость Восходящего Солнца, город Анариона у подножия горы Миндоллуин.

**МИНАС–ИТИЛ** — Крепость Восходящей Луны, город Исилдура на склоне Эфел–Дуат.

**МИНАС–МОРГУЛ** — Крепость Злых Чар, название Минас–Итил после того, как она была захвачена назгулами.

**МИНАС–ТИРИТ** — Крепость–Страж. 1. Крепость, выстроенная Финродом на острове Тол–Сирион. 2. Название Минас–Анор после захвата Врагом Минас–Итил.

**МИНДЕБ** — приток Сириона между Димбаром и лесом Нелдорет.

**МИНДОЛЛУИН** — гора, у подножия которой был возведен Минас–Анор.

**МИНДОН ЭЛЬДАЛИЭВА** — башня Ингвэ в Тирионе; называлась также просто Миндон.

**МИРИЛЬ** — 1. Первая жена Финвэ, мать Феанора; умерла после рождения сына. Прозывалась Сериндэ. 2. Дочь Тар–Палантира, которую насильно взял в жены Ар–Фаразон. Носила имя Ар–Зимрафел или Тар–Мириэль.

**МИТЛОНД** — гавани эльфов на берегу Синего залива; назывались Серебристыми Гаванями или просто Гаванями.

**МИТРАНДИР** — «Серебристый Странник», один из истари (магов); был Хранителем Красного Кольца. Северяне звали его Гэндальф, а его имя в Валиноре было Олорин.

**МИТРИМ** — большое озеро на востоке Хитлума, а также земли вокруг озера и горы, на западе отделявшие Митрим от Дор–Ломина.

**МОРВЕН** — дочь Барагунда, жена Хурина и мать Турина и Ниэнор; звалась Эледвен и Владычица Дор–Ломина.

МОРГОТ — «Черный Враг», имя, которое дал Мелькору Феанор после похищения Сильмариллов.

МОРДОР — Черный Край, владения Саурона к востоку от Эфел-Дуат.

МОРИКВЕНДИ — «Эльфы Тьмы», см. ТЕМНЫЕ ЭЛЬФЫ.

МОРИЯ — «Черная Бездна», см. КХАЗАД-ДУМ.

МОРМЕГИЛЬ — «Черный Меч», имя, данное Турину в Нарготронде.

МОСТ ЧЕРЕЗ ЭСГАЛДУИН — см. ИАНТ ИАУР.

МУДРЫЕ — маги и величайшие эльдары Средиземья; см. БЕЛЫЙ СОВЕТ.

МЕНЕЛЬ — высшее небо, область звезд.

МЕНЕЛЬМАКАР — Небесный Меченосец, созвездие Ориона.

МЕНЕЛЬДИЛ — сын Анариона, король Гондора.

МЕНЕЛЬГАРМА — «Небесный Стан», гора посреди Нуменора; на ее вершине была святыня Эру.

НАЗГУЛЫ — см. ПРИЗРАКИ КОЛЬЦА.

НАМО — валар, один из аратаров, обычно назывался Мандос, владетель Палат Мертвых.

НАН-ДУНГОРТЕБ — долина между Эред-Горгорот и Завесой Мелиан.

НАН-ТАТРЕН — Край Ив, долина при впадении Нарога в Сирион.

НАН-ЭЛЬМОТ — лес к востоку от Келона, где Эльвэ встретил Мелиан; позднее там жил Эол.

НАНДОРЫ — эльфы, которые остались с Ленвэ в верховьях Андуина; часть их Денетор привел в Оссирианд.

НАРГОТРОНД — подземная твердыня у реки Нарог, созданная Финродом и разрушенная Глаурунгом, а также владения Финрода к востоку и северу от Нарога.

НАРН И ХИН ХУРИН — Повесть о Детях Хурина, приписываемая поэту Дирхавелу, человеку, жившему в Сирионских Гаванях во времена Эарендила и погибшему при нападении сыновей Феанора.

НАРОГ — самая крупная река Западного Белерианда, вытекавшая из-под Эред-Ветрин у Иврина и впадавшая в Сирион в Нан-Татрене.

НАРСИЛ — меч Элендила, выкованный Телхаром из Ногрода; сломался, когда погиб Элендил, и обломки хранились в Имладрисе; был перекован для Арагорна и назван Андрил.

НАРСИЛИОН — название песни о Луне и Солнце.

НАРЬЯ — одно из Трех Колец эльфов. Кольцо Огня, или Красное Кольцо; его хранил Кирдан, а потом передал Митрандиру.

НАУГЛАМИР — Ожерелье Гномов, сделанное для Финрода; Хурин принес его из Нарготронда Тинголу; в него был вставлен Сильмарил.

НАУГРИМЫ — синдарийское название гномов.

НАХАР — конь валара Оромэ.

НЕРДАНЭЛЬ — по прозванию Мудрая, дочь Махтана—кузнеца и жена Феанора.

НИВРИМ — часть Дориата на западном берегу Сириона.

НИМБРЕТИЛ — березовые леса в Арверниен, на юге Белерианда.

НИМЛОТ — 1. Белое Древо Нуменора, плод которого был похищен Исилдуром и вырос в Белое Древо Минас—Итиля; сожжено по велению Саурона. 2. Эльфа из Дориата, жена Диора и мать Элуред, Элурина и Эльвинг; погибла при нападении сыновей Феанора на Дориат.

НИМФЕЛОС — крупная жемчужина, которую Тингол подарил царю Белегоста.

НИНИЭЛЬ — «Дева—Слеза», имя, которое Турин дал своей сестре Ниэнор.

НИНКВЕЛОТЭ — «Белый Цветок», одно из имен Тельперииона.

НИРНАЭТ АРНОЭДИАД — «Бессчетные Слезы», имя, данное Пятой Битве в войнах Белерианда.

НИФРЕДИЛ — белый цветок, расцветший в Дориате, когда родилась Лютиэн; эти цветы росли также на Керин—Амрос в Лориэне.

НИЭННА — вала, входившая в число аратаров; владычица скорби и плача, сестра Мандоса и Лориэна.

НИЭНОР НИНИЭЛЬ — дочь Хурина и Морвен, сестра Турина; околдованная Глаурунгом, стала женой Турина в Бретиле; бросилась в Тейглин.

НОГРОД — один из двух гномьих городов в Синих Горах; гномы называли его Тумунзахар.

НОЛДОЛАНТЭ — «Падение Нолдоров», плач, сочиненный Маглором.

НОЛДОРЫ — Премудрые Эльфы, второй отряд эльдаров, вышедший от Куйвиэнен под предводительством Финвэ.

НОМ, НОМИН — «Мудрый», «Мудрые»; имена, которые люди Беора дали Финроду и его соплеменникам.

НОЭГИТ НИБИН — карлики, родственное гномам племя, жившее в пещерах у Нарога до прихода нолдоров.

НУЛУККИЗДИН — гномье название Нарготронда.

НУМЕНОР — Западный Край; остров, созданный валарами для аданов после окончания Предначальной Эпохи; звался Также Анадунэ, Андор, Эленна, Звездная Земля.

НУМЕНОРЦЫ — жители Нуменора, которые назывались еще дунаданами — «людьми Запада».

НУРТАЛЭ ВАЛИНОРЕВА — «Сокрытие Валинора», произошедшее после ухода нолдоров, когда валары закрыли для мятежников путь на Запад.

НЕВРАСТ — край к западу от Дор–Ломина, где жил Тургон до того, как ушел в Гондолин.

НЕИТАН — «Несправедливо Обиженный», имя, которое Турин дал себе среди отверженных.

НЕЛДОРЕТ — большой буковый лес, северная часть Дориата.

НЕН–ГИРИТ — «Содрогающаяся Вода», см. ДИМ–РОСТ.

НЕНАР — имя звезды.

НЕННИНГ — река в Западном Белерианде, впадавшая в Море у Эглареста.

НЕНУИАЛ — «Озеро Сумерек» в Эриадоре, из которого вытекала река Барандуин и возле которого был построен Аннуминас.

НЕНЬЯ — одно из Трех Колец эльдаров, Белое Кольцо с адамантом, Кольцо Воды, хранимое Галадриэлью.

НЕССА — вала, сестра Оромэ и супруга Тулкаса.

ОДИНОКИЙ ОСТРОВ — см. ТОЛ–ЭРЕССЕА.

ОЖЕРЕЛЬЕ ГНОМОВ — см. НАУГЛАМИР.

ОЙЛОССЭ — «Вечноснежная», так эльдары обычно называли Таникветиль.

ОЙОМУРЭ — туманный край недалеко от Хелкараксе.

ОКРУЖНОЕ МОРЕ — см. ЭККАЙА.

ОКРУЖНЫЕ ГОРЫ — см. ЭККОРИАТ.

ОЛОРИН — см. МИТРАНДИР.

ОЛВАР — эльфийское слово, обозначающее растения.

ОЛЬВЭ — вместе с братом Эльвэ вел отряд тэлери на Запад; владыка Альквалондэ, отец Эарвен, жены Финарфина.

ОРКИ — творения Моргота, предположительно искаженные и извращенные авари; уродливы, злобны, враги красоты и порядка, поедатели падали и каннибалы.

ОРЛЫ МАНВЭ — гигантские орлы, гнездившиеся в Криссаэгриме; исполняли веления Манвэ.

ОРМАЛ — Светильник валаров, стоявший на юге Средиземья.

ОРОДРЕТ — второй сын Финарфина, держал крепость Минас-Тирит на Тол-Сирионе; после смерти Финрода был королем Нарготронда; отец Финдуилас; погиб в битве при Тумхаладе.

ОРОДРУИН — Огненная Гора в Мордоре, где Саурон сковал Кольцо Всевластья; называлась также Эмон-Амарт — Роковая Гора.

ОРОКАРНИ — горы на востоке Средиземья.

ОРОМЭ — валар из аратаров, охотник; вел эльфов от Куйвиенен; супруг Ваны.

ОРОМЕТ — гора недалеко от гавани Андуниз на западе Нуменора, на которой была построена башня Тар-Минастира.

ОРТХАНК — нуменорская башня в Кольце Айсенгарда.

ОРФАЛК-ЭККОР — расселина в Окружных Горах, ведущая в Гондолин.

ОСГИЛИАТ — «Звездная Цитадель», главный город древнего Гондора, расположенный по обоим берегам Андуйна.

ОССЕ — майар, вассал Ульмо, владыка морей; друг тэлери.

ОССИРИАНД — Край Семи Рек, где протекали Гелион и шесть его притоков; там жили Зеленые Эльфы.

ОСТ-ИН-ЭДХИЛЬ — эльфийский город в Эрегионе.

ОТЛУЧЕННЫЕ — прозвание Дома Феанора.

ОХРАННЫЕ ГОРЫ — см. ПЕЛОРЫ.

ОХТАР — оруженосец Исилдура, принесший в Имладрис обломки меча Элендила.

ПАЛАНТИРЫ — «Видящие Издалека», семь Всевидящих Камней, которые привезли из Нуменора Элендил и его сыновья; были сделаны в Аманы Феанором.

ПАСТЫРИ ДРЕВ — энты

ПЕЛАРГИР — нуменорская гавань и город в дельте Андуина; позднее принадлежал Гондору.

ПЕЛОРЫ — они же Горы Амана, Охранные Горы; возведены валарами после разрушения их жилища на Альмарене; тянулись с севера на юг по восточному побережью Амана.

ПЕРВОРОЖДЕННЫЕ — см. ЭЛЬФЫ.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ ТЕЙГЛИНА — в юго-западной части леса Бретил, где старый тракт, шедший на юг от Теснины Сириона, пересекал Тейглин.

ПЕРИАНЫ — Полурослики.

ПЛЕМЯ ХАЛЕТ — см. ХАЛАДИНЫ.

ПОДГОРНОЕ ЦАРСТВО — см. КХАЗАД-ДУМ.

ПОКИНУТЫЕ ЗЕМЛИ — см. СРЕДИЗЕМЬЕ.

ПОЛУСВЕТНЫЕ ВОДЫ — см. АЭЛИН-УИАЛ.

ПОСЛЕДНИЙ СОЮЗ — союз, заключенный в конце Второй Эпохи между Элендиллом и Гил-Гэладом против Саурона.

ПОТАЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО — см. ДОРИАТ.

ПРИЗРАКИ КОЛЬЦА — они же назгулы, улайры; рабы Девяти Колец и слуги Саурона.

ПРОРОЧЕСТВО СЕВЕРА — Жребий нолдоров, произнесенный Мандосом на берегу Арамана.

ПРЯМОЙ ПУТЬ — тропа над Морем, ведущая на Истинный Запад, которой эльфы могли воспользоваться после гибели Нуменора.

РАГНОР — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

РАДАГАСТ — один из истари (магов).

РАДРУИН — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

РАЗДЕЛЯЮЩИЕ МОРЯ — моря между Аманом и Средиземьем.

РАМДАЛ — восточный конец Андрама.

РАНА — «Бродяга», нолдорское имя Луны.

РАТЛОРИЭЛ — новое название Аскара после того, как в нем были утоплены сокровища Дориата.

РАТНОЕ ПОЛЕ — см. ДАГОРЛАД.

РАУРОС — большой водопад на реке Андуин.

РЕЗНЯ — убийство тэлери нолдорами в Альквалондэ.

РИАН — дочь Белегунда, жена Хуора и мать Туора; после гибели Хуора умерла с горя у Ход-эн-Нденгин.

РИВИЛ — ручей, сбегавший на севере с Дортониона и впадавший в Сирион в Топях Серех..

РИНГВИЛ — ручей, впадавший в Нарог у Нарготронда.

РИНГИЛ — «Льдистая Звезда», меч Финголфина.

РОАНДИИЦЫ — жители Рохана, вассального Гондору.

РОВАНИОН — Глухоманье, пустынный край к востоку от Мглистых Гор.

РОКОВАЯ ГОРА — см. ОРОДРУИН.

РОМЕННА — гавань на восточном побережье Нуменора.

РОТИНЗИЛ — название Вингилота на адунаике.

РОХАЛЛОР — конь Финголфина.

РОХАН — «Земля Коней»; новое название большой травянистой равнины Каленардон после того, как она была отдана во владение роандийцам.

РУДАУР — край на северо-западе Эриадора.

РУМИЛ — нолдорский мудрец из Тириона, изобретатель первых рун.

РЕГИОН — густой лес, покрывающий южную часть Дориата.

РЕРИР — гора к северу от озера Хелеворн, где начинался большой из двух рукавов Гелиона.

САЛМАР — майар, пришедший в Арду с Ульмо, создатель Улумури.

САРН-АГРАД — Каменистый Брод, где Гномий Тракт пересекал Гелион.

САРУМАН — так северяне называли Курунира.

САУРОН — он же Гортхаур; майар Ауле, позднее могущественнейший слуга Моргота, после его падения стал Черным Властелином; отковал Кольцо Всевластья и сгинул, когда оно было уничтожено.

САЗРОС — нандор, один из советников Тингола; оскорбил Турина в Менегроте и погиб, преследуемый им.

СЕМЬ ПРАОТЦЕВ ГНОМОВ — семь гномов, первыми созданные Ауле.

СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ — см. МИТЛОНД.

СЕРЕБРИСТЫЙ ПЛАЦ — см. ТИНГОЛ.

СЕРЕГОН — «кровь камня», растение с темно-красными цветами, росшее на Эмон Руд.

СЕРЕХ — топи на севере Теснины Сириона, где река Ривил, стекая с Дортониона, впадала в Сирион.

СЕРИНДЭ — «Вышивальщица»; см. МИРИЭЛЬ (1).

СЕРП ВАЛАРОВ — см. ВАЛАКИРКА.

СИЛЬМАРИЭН — дочь Тар-Элендила, четвертого короля Нуменора; мать первого владетеля Андуние.

СИЛЬМАРИЛЫ — три алмаза, сотворенные Феанором и наполненные светом Двух Древ; были похищены Морготом. С ними связана вся история Предначальной Эпохи.

СИНГОЛЛО — см. ТИНГОЛ.

СИНДАРИН — наречие Белерианда, произошедшее от эльфийского праязыка, но сильно отличавшееся от квенья.

СИНДАРЫ — Сумеречные Эльфы; тэлери, жившие в Белерианде (кроме Зеленых Эльфов).

СИНЕЕ КОЛЬЦО — см. ВИЛЬЯ.

СИНИЕ ГОРЫ — см. ЭРЕД-ЛУИН.

СИНИЙ ЗАЛИВ — залив на западе Эриадора; в месте, где в залив впадала река Синяя, был построен Митлонд.

СИНЯЯ РЕКА — река в Эриадоре, впадавшая в Синий Залив.

СИРИОН — громадная река, протекавшая с севера на юг и разделявшая Западный и Восточный Белерианд.

СМУГЛОЛИЦЫЕ — люди с Востока, в Белерианде появились после Дагор Браголлах и сражались на обеих сторонах в Нирнаэт Арноэдиад.

СОВЕТ МУДРЫХ — см. БЕЛЫЙ СОВЕТ.

СОРОНУМЭ — название созвездия.

СОЮЗ МАЭДРОСА — союз, созданный Маэдросом для борьбы с Морготом и распавшийся при Нирнаэт Арноэдиад.

СРЕДИЗЕМЬЕ — земли к востоку от Великого моря; назывались также Покинутые Земли, Внешние Земли, Великие Земли, Эндор, Эннор.

СТАРЕЙШИНА — см. МАНВЭ.

СУМЕРЕЧНОЕ НАРЕЧИЕ — синдарин.

СУМЕРЕЧНЫЕ ЭЛЬФЫ — см. СИНДАРЫ.



СУХАЯ РЕКА — река, некогда протекавшая под Окружными Горами из озера, на месте которого возникла долина Тумладен.

СЫНОВЬЯ ФЕАНОРА — Маэдрос, Маглор, Келегорм, Карантир, Куруфин, Амрод, Амрас.

ТАЙНЫЙ ПЛАМЕНЬ — Суть Жизни Мира, хранимая Илуватаром.

ТАЛАТ–ДИРНЕН — Хранимая Равнина на севере Нарготронда.

ТАЛАТ–РУНЕН — прежнее название Таргелиона.

ТАЛИОН — см. ХУРИН.

ТАЛОС — второй из притоков Гелиона в Оссирианде.

ТАНГОРОДРИМ — горная цепь, возведенная Морготом перед Ангбандом; обрушена в Великой Битве в конце Предначальной Эпохи.

ТАНИКВЕТИЛЬ — самая высокая гора Пелоров и всей Арды; на вершине ее находится Ильмарин; другие имена — Ойолоссе, Эмон Уилос.

ТАР–АНКАЛИМОН — четырнадцатый король Нуменора, при котором нуменорцы разделились на две враждующие партии.

ТАР–АТАНАМИР — тринадцатый король Нуменора, к которому явились посланцы валаров.

ТАР–КАЛИОН — см. АР–ФАРАЗОН.

ТАР–КИРИАТАН — по прозвищу Корабел, двенадцатый король Нуменора.

ТАР–МИНАСТИР — одиннадцатый король Нуменора, который помог Гил–Гэладу в борьбе с Сауроном.

ТАР–МИНИАТУР — см. ЭЛЬРОС.

ТАР–МИРИЭЛЬ — см. МИРИЭЛЬ (2).

ТАР–ПАЛАНТИР — двадцать третий король Нуменора, отрекшийся от деяний своих предшественников; отец Мириэль (2); см. ИНЗИЛАДУН.

ТАР–ЭЛЕНДИЛ — четвертый король Нуменора, отец Сильмариэн.

ТАРАС — гора на оконечности Невраста; у ее подножия был Виниамар, прежнее жилище Тургона.

ТАРГЕЛИОН — «Край за Гелионом», между горой Рерир и рекой Аскар, где жил Карантир; назывался также Дор–Карантир — «Земля Карантира».

ТАРН–АЭЛУИЛ — озеро в Дортонионе, у которого погибли Барахир и его спутники.

ТАУР–ИМ–ДУИНАТ — «Лес–меж–Реками», название дикого края южнее Андрама, между Сирионом и Гелионом.

ТАУР–НУ–ФУИН — позднейшее название Дортониона.

ТАУРОН — «Владыка Лесов», имя Оромэ среди синдаров.

ТАУР–ЭН–ФАРОТ — лесистые нагорья на западном берегу реки Нарог выше Нарготронда; назывались также Большой Фарос.

ТЕЙГЛИН — приток Сириона, начинавшийся в Эред–Ветрин и протекавший на юге леса Бретил.

ТЕЛЕМНАР — двадцать шестой король Гондора.

ТЕЛЬПЕРИОН — Белое Древо, старшее из Двух Древ Валинора; называлось также Сильпион, Нинквелотэ.

ТЕЛУМЕНДИЛ — имя созвездия.

ТЕЛХАР — самый знаменитый кузнец Ногрода, создатель Ангрита и Нарсиля.

ТЕМНЫЕ ЭЛЬФЫ — Мориквенди; в Амানে так назывались все эльфы, не переплывавшие Великое Море. Во времена изгнания нолдоров так называли всех прочих эльфов, кроме нолдоров и синдаров (смешивая мориквенди и авари).

ТЕНЕВОЙ ХРЕБЕТ — см. ЭРЕД–ВЕТРИН.

ТЕНЬ — иносказательное название Черной Власти.

ТИЛИОН — майар, управляющий Луной.

ТИНГОЛ (СИНГОЛЛО) - имя, под которым Эльвэ, брат Ольвэ, был (известен в Белерианде; означает «Серебристый Плащ». Вместе с Мелиан правил в Дориате и был владыкой всех синдаров Белерианда. Отец Лютиэн. По воле случая на него пало Проклятие Нолдоров, и его убили гномы из–за Сильмарила.

ТИНТАЛЛЭ — «Возжигательница Звезд», имя Варды.

ТИНУВИЭЛЬ — см. ЛЮТИЭН.

ТИРИОН — город эльфов на холме Туна в Амানে.

ТОЛ–ГАЛЕН — Зеленый Остров посреди реки Адурент, где, вернувшись из мертвых, жили Берен и Лютиэн.

ТОЛ–ИН–ГАУРХОТ — см. ТОЛ–СИРИОН.

ТОЛ–МОРВЕН — остров в море после затопления Белерианда, на котором стоял могильный камень Турина, Низнор и Морвен.

ТОЛ–СИРИОН — остров посреди реки в Теснине Сириона, на котором Финрод построил Минас–Тирит; был захвачен Сауроном и назван Тол–ин–Гаурхот — Остров Волколаков.

ТОЛ–ЭРЕССЕА — Одинокий Остров, куда Ульмо перевез через океан ваниров и нолдоров, а позднее тэлери и который остался в заливе Эльдамар. Тэлери жили там, пока не переселились в Альквалондэ; после окончания Предначальной Эпохи там жили многие нолдоры и синдары.

ТОРОНДОР — владыка Орлов, гнездившихся в Криссаэгриме.

ТРАНДУИЛ — синдар, король Лесных Эльфов северной Зеленой Пуши.

ТУЛКАС — валар, последним пришедший в Арду; звался также Астальдо — Доблестный.

ТУМЛАДЕН — потаенная долина в Окружных Горах, посреди которой стоял город Гондолин.

ТУМУНЗАХАР — см. НОГРОД.

ТУМХАЛАД — долина в краю меж деками Гинглит и Нарог, где было разбито войско Нарготронда.

ТУНА — зеленый холм в Калакирии, на котором стоял Тирион.

ТУОР — сын Хуора и Риан; усыновлен эльфами Митрима; принес в Гондолин послание Ульмо; муж Идриль и отец Эарендила; спасся после гибели Гондолина; на корабле Эарраме уплыл на Запад.

ТУРАМБАР — «Властелин Судьбы», имя, принятое Турином в Бретиле.

ТУРГОН — прозванный Мудрым; второй сын Финголфина; жил в Неврасте, потом возвел Гондолин; погиб вместе с городом; отец Идриль.

ТУРИН — сын Хурина Талиона и Морвен Эледвен; был доблестным воином, но над ним тяготело проклятие Моргота. Он убил Глаурунга.

ТУР ХАРЕТА — Ход–эн–Арвен.

ТУРИНГВЕТИЛЬ — посланница Саурона в облике гигантской летучей мыши; в ее обличье Лютиэн пробралась в Дориат.

ТЫСЯЧА ПЕЩЕР — см. МЕНЕГРОТ.

ТЭЛЕРИ — третий и самый большой из отрядов эльфов, вышедших на запад; вожди — Эльвэ и Ольвэ; тэлери, не покинувшие Средиземья, разделялись на синдаров и нандоров.

УИНЕН — майа, владычица Морей, супруга Оссе.

УЛАЙРЫ — см. ПРИЗРАКИ КОЛЫЦА.

УЛЬДОР — по прозванию Проклятый, сын Ульфанга Черного, убит Маглором в Нирнаэт Арноэдиад.

УЛУМУРИ — огромные поющие рога–раковины, сделанные для Ульмо майаром Салмаром.

УЛЬФАНГ ЧЕРНЫЙ — вождь Смуглолицых, со своими тремя сыновьями служивший Карантиру и предавший его в Нирнаэт Арноэдиад.

УЛЬФАСТ — сын Ульфанга Черного, убит сыновьями Бора в Нирнаэт Арноэдиад.

УЛЬВАРТ — сын Ульфанга Черного, убитый сыновьями Бора в Нирнаэт Арноэдиад.

УЛЬМО — валар из аратаров, звался Владыка Вод и Морской Король.

УМАНИАРЫ — эльфы, не бывшие в Амане.

УМБАР — большая природная гавань и крепость нуменорцев к югу от залива Белфалас.

УНГОЛИАНТА — гигантская паучиха; вместе с Морготом убила Два Древа.

УРТЕЛ — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

УТУМНО — первая большая цитадель Мелькора на севере Средиземья, разрушенная валарами.

ФАЭЛИВРИН — «Солнечный Блик на Водах Иврита»; см. ФИНДУИЛАС.

ФЕАНОР — старший сын Финвэ, единственный сын Мириэль (1), сводный брат Финголфина и Финарфина. Его прежнее имя было Куруфинвэ; «Феанор» означает «Пламенный Дух». Вдохновитель мятежа нолдоров; создатель Сильмариллов и Феаноровых Рун; погиб в Митриме при Дагор–нуин–Гилят.

ФЕАНТУРИ — «Владыки Духа», валары Намо и Ирмо.

ФЕЛАГУНД — прозвище Финрода.

ФИНАРФИН — младший сын Финвэ и Индис; остался в Амане после Исхода нолдоров и правил теми, кто остался в Тирионе. Он и его потомки были золотоволосы.

ФИНВЭ — вождь нолдоров в походе на запад от Куйвиэнэн, король нолдоров в Амане; отец Феанора, Финголфина и Финарфина,

убит Морготом в Форменосе.

**ФИНГОЛФИН** — старший сын Финвэ и Индис, верховный король нолдоров в Белерианде, жил в Хитлуме. Убит Морготом в единоборстве.

**ФИНГОН** — старший сын Финголфина, прозванный Доблестным; спас Маэдроса в Тангородрине; после смерти отца был верховным королем нолдоров; убит Готмогом в Нирнаэт Арноэдиад.

**ФИНДУИЛАС** — дочь Ородрета, которую любил Гвиндор и назвал Фаэливрин; любила Турина; была убита орками у Перекрестья Тейплина.

**ФИНРОД** — старший сын Финарфина, прозванный Верным и Другом Людей; основатель и король Нарготронда, сопровождал Берена и погиб, защищая его, в темнице Тол-ин-Гаурхота.

**ФИРИМАРЫ** — Смертные, так эльфы называли людей.

**ФОРМЕНОС** — крепость Феанора и его сыновей на севере Валинора, построенная после изгнания Феанора из Туны.

**ФОРНОСТ** — нуменорский город на Северных Нагорьях в Эриадоре.

**ФРОДО** — хафлинг, Хранитель Кольца Всевластия.

**ФУИНУР** — нуменорец-изменник, возвысившийся среди харадримцев в конце Второй Эпохи.

**ХАДОР** — прозванный Лориндол, владыка Дор-Ломина и вассал Финголфина, отец Галдора; погиб при Эйтель-Сирион.

**ХАДХОДРОНД** — см. КХАЗАД-ДУМ.

**ХАЛАДИНЫ** — второе племя людей, пришедших в Белерианд; позднее назывались племя Халет; жили в лесу Бретил.

**ХАЛЕТ** — звалась Владычицей Халет, увела халадинов из Таргелиона в земли к западу от Сириона.

**ХАЛДАД** — вождь халадинов, командовал ими в сражении с орками в Таргелионе и погиб; отец Халет.

**ХАЛДАН** — сын Халдара, вождь халадинов после смерти Халет.

**ХАЛДАР** — сын Халдада и брат Халет; погиб вместе с отцом.

**ХАЛДИР** — сын Халмира Бретильского, супруг Глоредэль; убит в Нирнаэт Арноэдиад.

**ХАЛМИР** — вождь халадинов, сын Халдана; вместе с Белегом разбил орков, проникших через теснину Сириона после Дагор Браголлах.

**ХАНДИР** — сын Халдира и Глоредэль, отец Брандира Хромого; вождь халадинов после смерти Халдира; погиб в Бретиле, в сражении с орками.

**ХАРАДРИМЦЫ** — жители Харада, земель к югу от Мордора.

**ХАРЕТ** — дочь Халмира Бретильского, жена Галдора и мать Хурина и Хуора.

**ХАТАЛДИР ЮНЫЙ** — один из двенадцати спутников Барахира.

**ХАТОЛ** — отец Хадора Лориндола.

**ХОД-ЭН-АРВЕН** — «Могила Владычицы», погребальный курган Халет в лесу Бретил.

**ХОД-ЭН-НДЕНГИН** — «Курган Мертвецов» в пустыне Анфауглит, сложенный из тел людей и эльфов, погибших в Нирнаэт Арноэдиад. Назывался также Ход-эн-Нирнаэт.

**ХОД-ЭН-ЭЛЛЕТ** — курган, в котором погребли Финдуилас близ Перекрестья Тейглина.

**ХЕЛЕВОРН** — «Черное Стекло», озеро на севере Таргелиона, близ горы Рерир, где жил Карантир.

**ХЕЛКАР** — внутреннее море на северо-востоке Средиземья, на месте которого стоял столп Светильника Иллуин; озеро Куйвиэнен считалось заливом этого моря.

**ХЕЛКАРАКСЭ** — пролив между Араманом и Средиземьем, назывался также Взыбленный Лед и Ледяные Челюсти.

**ХЕЛЛУИН** — звезда Сириус.

**ХИАРМЕНТИР** — самая высокая гора на юге Валинора.

**ХИЛДОРИЭН** — край на востоке Средиземья, где пробудились первые люди.

**ХИЛДОРЫ** — Последыши, эльфийское название людей.

**ХИМЛАД** — край к югу от Аглона, где жили Келегорм и Куруфин.

**ХИМРИНГ** — огромный холм на западе от Маглоровых Врат, где была твердыня Маэдроса.

**ХИРИЛОРН** — огромный бук в Дориате, где была заключена Лютиэн.

**ХИСИЛОМЭ** — см. ХИТЛУМ.

**ХИТЛУМ** — край, с юга и востока окаймленный Эред-Ветрин, а с запада — Эред-Ломин; квенийское название — Хисиломэ.

**ХИТАЭГЛИР** — Мглистый Хребет.

ХОЛЛИН — см. ЭРЕГИОН.

ХРАНИМАЯ РАВНИНА — см. ТАЛАТ–ДИРНЕН.

ХРАНИМЫЙ КРАЙ — название Валинора.

ХУАН — громадный пес–волкодав из Валинора, которого Оромэ подарил Келегорму; друг и помощник Берена и Лютиэн; погиб в схватке с Кархаротом.

ХУНТОР — халадин из Бретила, сопровождавший Турина на бой с Глаурунгом; был убит упавшим камнем.

ХУРИН ТАЛИОН — сын Галдора из Дор–Ломина, муж Морвен и отец Турина и Ниэнор; был с Хуором в Гондолине; в Нирнаэт Арноэдиад попал в плен к Морготу; был освобожден; принес Тинголу Наугламир.

ХЭРУМОР — нуменорец–предатель, возвысившийся среди харадримцев в конце Второй Эпохи.

ХЭРУНУМЕН — см. АР–АДУНАХОР.

ЧЕРНЫЕ ГОДЫ — годы владычества Саурана во Второй Эпохе, которые эльфы называли Днями Бегства.

ЧЕРНЫЙ ВЛАСТЕЛИН — так называли Моргота, а позднее Саурана.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ — см. МОРМЕГИЛЬ.

ЧЕРТОГИ ОЖИДАНИЯ — Чертоги Мандоса, где умершие ждут своей участи.

ЭА — Мир Суций; слово Илуватара, с которого началось существование мира.

ЭАРВЕН — дочь Ольвэ, владыки Альквалондэ, жена Финарфина, мать Финрода, Ородрета, Ангрода, Аэгнора и Галадриэль.

ЭАРЕНДИЛ — прозванный Полуэльф, Благословенный, Ясный, Мореход; сын Туора и Идриль; спасся после гибели Гондолина; стал мужем Эльвинг и жил близ устья Сириона; с нею отплыл в Аман и просил помощи валаров против Моргота; вознесен на небеса вместе с кораблем Вингилотом и Сильмарилом.

ЭАРЕНДУР — 1. Владетель Андуииэ в Нуменоре. 2. Десятый король Арнора.

ЭАРНИЛ — тридцать второй король Гондора.

ЭАРНУР — сын Эарнила, последний король Гондора, с которым пресеклась линия Анариона.

ЭАРРАМЕ — «Крыло Моря», название корабля Туора.

ЭГЛАДОР — прежнее название Дориата.

ЭГЛАРЕСТ — южная гавань Фаласа на побережье Белерианда.

ЭГЛАТ — Забытый Народ; так называли себя тэлери, оставшиеся в Белерианде, чтобы отыскать Эльвэ Тингола.

ЭДРАХИЛ — предводитель эльфов Нарготронда, которые пошли за Финродом и Береном и погибли в темницах Тол-ин-Гаурхота.

ЭЗЕЛЛОХАР — см. КОРОЛЛАЙРЭ.

ЭЙЛИНЭЛЬ — жена Горлима Злосчастливого.

ЭЙТЕЛЬ-ИВРИН — исток реки Нарог у Эред-Ветрин.

ЭЙТЕЛЬ-СИРИОН — исток Сириона на восточных склонах Эред-Ветрин, где была крепость Финголфина и Фингона.

ЭККАЙА — Внешнее Море, окружающее Арду; также — Внешний Океан, Окружное Море.

ЭКТЕЛИОН — Владыка Источников, воин из Гондолина, который во время падения города убил Готмога и пал сам.

ЭЛЕДВЕН — «Эльфийское Сияние»; см. МОРВЕН.

ЭЛЕММИРЕ — 1. Имя звезды. 2. Ваниар, создатель Альдудениэ.

ЭЛЕНВЕ — жена Тургона, погибшая при переходе через Хелкараксэ.

ЭЛЕНДИЛ — прозванный Высоким; сын Амандила, последнего владетеля Андуние, потомка Эарендила и Эльвинга, с сыновьями Исилдуром и Анарионом бежал после гибели Нуменора и основал в Средиземье нуменорские королевства; вместе с Гил-Гэладом погиб в битве с Сауроном.

ЭЛЕНДИЛИ — Верные; имя, данное нуменорцам, которые остались верны эльдарам и валарам.

ЭЛЕНДУР — старший сын Исилдура, погибший в Ирисной Низине.

ЭЛЕНДЕ — то же, что ЭЛЬДАМАР.

ЭЛЕННА — см. НУМЕНОР.

ЭЛЕНТАРИ — «Королева Звезд», одно из имен Варды.

ЭЛЕРРИНА — «Увенчанная Звездами», одно из имен Таникветиль.

ЭЛОСТИРИОН — самая высокая из башен Эмин-Берайда, в которой хранился палантир.

ЭЛРОНД ПОЛУЭЛЬФ — сын Эарендила и Эльвинга, в конце Предначальной Эпохи избравший судьбу Первороденных и



оставшийся в Средиземье до конца Третьей Эпохи; владыка Имладриса и Хранитель Вильи, Кольца Воздуха, полученного им от Гил–Гэлада; отец Арвен, Элладана и Элрохира.

ЭЛРОС — сын Эарендила и Эльвинг, избравший людскую судьбу; первый король Нуменора под именем Тар–Миниатур.

ЭЛУ — синдаринский вариант имени Эльве.

ЭЛУРЕД И ЭЛУРИН — сыновья Диора, сгинувшие при падении Дориата.

ЭЛУХИЛ — «Наследник Элу»; см. ДИОР.

ЭЛБЕРЕТ — «Звездная Королева», имя Варды на синдарине.

ЭЛЬВЭ — брат Ольвэ, один из вождей похода на Запад; очарованный Мелиан, остался в Белерианде и был известен под именем Тингола;

ЭЛЬВИНГ — дочь Диора, спасаемая из Дориата с Сильмарилом; жена Эарендила, с ним уплыла на Запад; мать Элронда и Элроса.

ЭЛЬДАЛИЭ — то же, что ЭЛЬДАРЫ.

ЭЛЬДАМАР — край в Амане, где жили эльфы, залив того же названия.

ЭЛЬДАРЫ — согласно легенде, имя, которое Оромэ дал всем эльфам, но обычно означало лишь эльфов трех племен (нолдоры, ваниары, тэлери), вышедших в поход от Куйвиэнен, независимо от того, пришли они в Аман или нет. Эльфы Амана звались еще тар–эльдары — Высшие Эльфы, и Эльфы Света — калаквенди. Имя означало «Звездный Народ».

ЭЛЬФЫ — Перворожденные, Старшие Дети Эру, первыми пришедшие в мир. Считалось, что эльфы бессмертны; они жили долго и были вечно юны, а умирая, не уходили из Круга Мира, но возрождались.

ЭМЕЛДИР — жена Барахира, по прозвищу Мужественное Сердце; после Дагор Браголлах вывела из Дортониона детей и женщин Дома Беора.

ЭМИН–БЕРАЙД — Башенные Холмы на западе Эриадора.

ЭМОН–АМАРТ — «Роковая Гора», имя, данное Ородруину после возвращения Саурона из Нуменора.

ЭМОН–ГВАРЕТ — холм посреди долины Тумладен, на котором был возведен Гондоллн.

ЭМОН–ОБЕЛ — холм посреди леса Бретил, где была построена Эфел–Брандир.

ЭМОН–РУД — одинокая гора в землях к югу от Бретиля; там жил карлик Мим и скрывалась шайка Турина.

ЭМОН–СУЛ — «Гора Ветров» в королевстве Арнор (во «Властелине Колец» — Заверть).

ЭМОН–УИЛОС — название Ойолоссео на синдарине.

ЭМОН–ЭРЕБ — гора между Рамдалом и рекой Гелион в Восточном Белерианде.

ЭМОН–ЭТИР — холм, насыпанный Фелагундом к востоку от врат Нарготронда.

ЭНГВАРЫ — Слабые, так эльфы называли людей.

ЭНДОР — см. СРЕДИЗЕМЬЕ.

ЭОЛ — по прозванию Темный Эльф, искусный кузнец, живший в Нан–Эльмоте; взял в жены Аредэль, сестру Тургона; дружил с гномами; сковал мечи Ангуирел и Англахел; отец Маэглина; казнен в Гондолине.

ЭОНВЭ — один из могущественнейших майаров, вестник Манвэ; в конце Предначальной Эпохи вел войско валаров против Моргота.

ЭРЕГИОН — Холлин, нолдорское владение у западного подножия Мглистых Гор, где во Второй Эпохе были выкованы Три Кольца.

ЭРЕД ВЕТРИН — Теневой Хребет, с запада окаймлявший Дорну–Фауглит и разделявший Хитлум и Западный Белерианд.

ЭРЕД–ГОРГОРОТ — Горы Ужаса к северу от Нан–Дунгорфеб.

ЭРЕД–ЛИНДОН — «Горы Поющей Земли», второе название Эред–Луин.

ЭРЕД–ЛОМИН — Зычные Горы, с запада ограждавшие Хитлум.

ЭРЕД–ЛУИН — Синие Горы, после гибели Белерианда стали северо–западным приморским горным хребтом Средиземья.

ЭРЕД–ЭНГРИН — Железные Горы далеко на севере, где были владения Моргота.

ЭРЕЙНИОН — «Потомок Королей», прежнее имя Гил–Гэлада.

ЭРЕЛЛОТ — один из трех мореходов, спутников Эарендила.

ЭРЕХ — гора на западе Гондора, где стоял Камень Исилдура.

ЭРИАДОР — земли между Мглистыми и Синими Горами, где было королевство Арнор.

ЭРУ — Единый, Илуватар.

ЭРХАМИОН — «Однорукий»; см. БЕРЕН.

ЭСГАЛДУИН — река в Дориате, которая разделяла леса Нелдорет и Регион; впадала в Сирион.

ЭСТЕ — вала, супруга Ирмо Лориэна.

ЭСТОЛАД — край к югу от Нан-Эльмота, где жили люди из племен Беора и Мараха после того, как пришли в Белерианд.

ЭФЕЛ-БРАНДИР — поселения людей в Бретиле, на Эмон-Обель.

ЭФЕЛ-ДУ АТ — Горы Тьмы, хребет между Гондором и Мордором.

ЭККОРИАТ — Окружные Горы вокруг долины, в которой лежал Гондолин.

# ПРИЛОЖЕНИЕ

## СЛОВАРЬ КВЕНИЙСКИХ И СИНДАРИНСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ИМЕНАХ И НАЗВАНИЯХ

АГЛАР — «слава, роскошь, великолепие» в ДАГОР АГЛАРЕБ, АГЛАРОНД, квенийская форма АЛКАР характеризуется перестановкой согласных; синдаринскому АГЛАРЕБ соответствует АЛКАРИНКВЭ. Корень — КАЛ — «сиять».

АДАН — мн. ч. ЭДАЙН; в АДАНЕДЕЛ, АРАДАН, ДУНАДАН. Значение см. СЛОВАРЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ, АДАНЫ.

АЙНА — «святой» в АЙНУР, АЙНУЛИНДАЛЭ.

АЛДА — «дерево» (квенья) в АЛДАРОН, АЛДУДЕНИЭ, МАЛИНАЛЬДА; соответствует синдаринскому ГАЛАД (в КАРАС ГАЛАДОН, ГАЛАДРИМЫ).

АЛКВА — «лебедь» (синдаринское АЛЬФ) в АЛКВАЛОНДЭ; от того же корня АЛАК — «порыв, движение» — АНКАЛАГОН.

АМАРТ — «рок» в ЭМОН–АМАРТ, КАБЕД НАЭРАМАРТ, УМАРТ и в синдаринской форме одного из прозвищ Турина — ТУРАМАРТ — «Властелин Судьбы». Ионийская форма слова встречается в ТУРАМБАР.

ЭМОН — «холм, гора»; синдаринское слово, являющееся первым элементом многих названий; мн. ч. ЭМИН в ЭМИН–БЕРАЙД.

АН(Д) - «длинный» в АНДРАМ, АНДУИН.

АНГА — «железо», синдаринский вариант АНГ — в АНГАЙНОР, АНГБАНД, АНГХАБАР, АНГЛАХЕЛ, АНГРИСТ, АНГРОД, АНГУИРЕЛ, ГУРТАНГ.

АНДУНЕ — «закат, запад» в АНДУНИЭ; синдаринское АННУН см. в АННУМИНАС, ХЕННЕТ АННУН. Древний корень этого слова НДУ — «опускаться» — присутствует также в квенийском НУМЕН — «закат, запад»; и в синдаринском ДУН — «запад»: ср. ДУНАДАНЫ. Слово АДУН в адунаике происходит из эльфийских языков.

АНГРЕН — «железный» в АНГРЕНОСТ; мн. ч. ЭНГРИН в ЭРЕД–ЭНГРИН.

АНКА — «челюсти» в АНКАЛАГОН.

АННА — «дар» в АННАТАР, МЕЛИАН, ЙАВАННА; тот же корень в АНДОР.

АННОН — «большая дверь, ворота», мн. ч. ЭННИН в АННОН-ИН-ГЕЛИД; ср. МОРАННОН — «Черные ворота» и СИРАННОН — «Привратная Река».

АР — «рядом, снаружи» (кроме того, в квенья АР — «и») в АРМАН — «Вне Амана»; ср. АРНОЭДИАД — «Бессчетные Слезы».

АР(А) — «высокий, благородный, величавый», элемент, появляющийся во многих именах: АРАДАН, АРЕДЭЛЬ, АРГОНАТ, АРНОР и т. д. Расширенный корень АРАТ — появляется в АРАТАР и в АРАТО — «вождь, выдающийся», напр. АНГРОД из АНГАРАТО, ФИПРОД из ФИНАРАТО; также АРАН «король» в АРАНРУТ, мн. ч. ЭРЕЙН в ЭРЕЙНИОН. Префикс «ар» — в именах нуменорских королей — того же происхождения.

АТАР — «отец» в АТАНАТАРИ, ИЛУВАТАР.

АЭЛИН — «озеро, пруд» в АЭЛИН-УИАЛ; ср. ЛИН (1).

БАНД — «темница» в АНГБАНД; от первоначального МБАНДО, квенийская форма которого употреблена в слове МАНДОС (АНГБАНД = АНГАМАНДО).

БАР — «жилище» в БАР-ЭН-ДАНВЕД. Древнее слово МБ АР (МАР — в квенья, БАР — в синдарине) означало и отдельный дом, и место обитания целых народов, а потому появлялось во многих названиях: ДИМБАР, БРИТОМБАР, ЭЛЬДАМАР, ВАЛИМАР, ВИНИАМАР, МАР-НУ-ФАЛ-МАР, МАРДИЛ — имя первого Князя-Наместника Гондора, означавшее «Верный Дому» (Королей).

БАРАД — «башня, крепость» в БАРАД-ДУР, БАРАД-ЭЙФЕЛЬ, БАРАД-НИМРАС; мн. ч. в ЭМИН-БЕРАЙД.

БЕЛИТ — «могучий» в БЕЛЕГ, БЕЛЕГАЭР, БЕЛЕГОСТ, ЛАЭР КУ БЕЛЕГ.

БРАГОЛ — «внезапный» в ДАГОР БРАГОЛЛАХ.

БРЕТИЛЬ — означает, вероятно, «серебряная береза»; ср. НИМБРЕТИЛ, березовые леса в Арверниен, и ФИМБРЕТИЛЬ, имя энтийки.

БРИТ — «песок» в БРИТИАХ, БРИТОМБАР, БРИТОМ.

ВАЛ — «власть, могущество» в ВАЛАР, ВАЛАКИРКА, ВАЛАРОМА, ВАЛАРАУКАР, ВАЛАКВЕНТА, ВАЛИМАР, ВАЛИНОР.

Первоначальный корень — БАЛ — сохранился в синдаринском БАЛАМ, мн. ч. БЭЛАЙН «валары» и в БАЛРОГ.

ВЕН — «дева», традиционное окончание женских имен, напр. ЭАРВЕН, МОРВЕН.

ВИНГ — «пена, брызги» в ЭЛЬВИНГ, ВИНГИЛОТ.

ГАУР — «волколак» (от корня НГВАУ — «выть») в ТОЛ–НИ–ГАУРХОТ.

ГАЭР — «море» в БЕЛЕГАЭР (и в ГАЭРИС, синдаринском имени ОССЕ). Происходит, вероятно, от корня ГАЙА — ужас, трепет. Это название морю было дано эльфами, когда они увидели его впервые.

ГВАЙТ — «народ, племя» в ГВАЙТ–И–МИРДАЙН; ср. ЭНЕДВАЙТ — «Срединный Народ».

ГВАТ, ВАТ — «тень» в ДЕЛЬДУВАТ, ГВАТЛО. Производные формы в ЭРЕД–ВЕТРИН, ТХУРИН–ГВЕТИЛЬ. (Это синдаринское слово означало тусклый свет, а не тени, отбрасываемые предметами, — для них было слово МОРХАЙНТ.)

ГИЛ — «звезда» в ДАГОР–НУИН–ГИЛИАТ, ОСГИЛИАТ (ГИЛИАТ — «множество звезд»); ГИЛ–ЭСТЕЛ, ГИЛ–ГЭЛАД.

ГИРИТ — «содрогающийся» в НЕН–ГИРИТ.

ГЛИН — «блеск» (применительно к глазам) в МАЭГЛИН.

ГОЛОД — синдаринская форма квенийского НОЛДО; см. ГУЛ. Мн. ч. ГОЛОДРИМ и ГЕЛИД (в АННОН–ИН–ГЕЛИД).

ГОНД — «камень» в ГОНДОЛИН, ГОНДОР, ГОННХИРРИМ, АРГОНАТ, СЕРЕГОН. Название для потаенного города Тургон первоначально взято из квенийского наречия (ОНДО–ГОНД и ЛИНДЭ — «петь») — ОНДОЛИНДЭ; но в легендах была более известна синдаринская форма названия ГОНДОЛИН (ГОНД–ДОЛЕН — «Потаенный Камень»).

ГОР — «ужас, страх» в ГОРТАУР, ГОРТОЛ; слово ГО РОТ того же значения вместе с ГОР встречается в ГОРГОРОТ.

ГРОТ (ГРАД) — «пещера, подземное жилище» в МЕНЕГРОТ, НОГРОД.

ГУЛ — «чары» в ДОЛ–ГУЛДУР, МИНАС–МОРГУЛ. Это слово происходит от того же корня, что и НГОЛ-, появляющееся в НОЛДОР; ср. квенийское НОЛЕ — «мудрость, знание». Однако синдаринская форма использовалась чаще с явно отрицательным оттенком, в сочетании МОРГУЛ — «черные чары».

ДАГОР — «битва»; корень НДАК-, ср. ХАУДЭН–НДЕНГИН. Другое производное — ДАГНИР (ДАГНИР ГЛАКРУНГА — «Погибель Глаурунга»),

ДАЭ — «тьма» в ДОР–ДАЭДЕЛОС и, вероятно, в ДАЭРОН.

ДИН — «безмолвный» в ДОР–ДИНЕН; ср. РАТДИНЕН и ЭМОН–ДИН в Гондоре.

ДОЛ — «голова» в ЛОРИНДОЛ; часто применялось для названия гор и холмов ДОЛ ГУЛДУР, ДОЛМЕД, МИНДОЛЛУИН (также НАРДОЛ, маяк в Гондоре, и ФАНУИДОЛ, гора Мглистого Хребта).

ДОР — «земля» (суша), производное от НДОР-, встречается во многих синдаринских названиях: ДОРИАТ, ДОРТОНИОН, ЭРИАДОР, МОРДОР, и т.д. В квенья этот корень часто смешивался с НОРЕ «народ, племя»; вначале ВАЛИНОР означало попросту «племя валаров», а «Земля валаров» — это ВАЛАНДОР; так же НУМЕНОРЕ означает «племя Запада», а «земля Запада» — НУМЕНДОР. Квенийское ЭНДОР произошло от ЭНЭД — «середина» и НДОР; в синдарине это ЭННОР (ср. ЭННОРАТ в песне «А ЭЛБЕРЕТ ГИЛТОНИЭЛЬ»).

ДРАУГ — «волк» в ДРАУГЛУИН.

ДУ — «ночь, тьма» в ДЕЛДУВАТ, ЭФЕЛ–ДУАТ. Производное от древнего ДОМЕ, квенийский вариант ЛОМЕ; таким образом, синдаринское ДУЛИН — «соловей» соответствует ЛОМЕЛИНДИ.

ДУИН — «длинная река» в АНДУИН, БЕРЕНДУИН, ЭСГАЛДУИН, МАЛДУИН, ТАУР–ИМ–ДУИНАФ.

ДУР — «черный» в БАРАД–ДУР, КАРАГДУР, ДОЛ–ГУЛДУР, а также ДУРТАНГ (замок в Мордоре).

ДЕЛЬ — «ужас» в ДЕЛЬДУВАТ; ДЭЛОТ — «отвращение» в ДОР–ДАЭДЕЛОС.

ИА — «бездна» в МОРИА.

ИАНТ — «мост» в ИАНТ ИАУР.

ИАТ — «изгородь» в ДОРИАТ.

ИЛУВЕ — «весь, целый» в ИЛУВАТАР.

ИЛМ — корень, появляющийся в ИЛМЕН, ИЛМАРЕ, а также ИЛМАРИН — «Небесное Жилище».

ЙАВЕ — «плод» (квенья) в ЙАВЛННА; ср. ЙАВАННИЕ — квенийское название сентября, н ЙАВИЕ — осень.

ИАУР — «древний» в ИАНТ ИАУР; ср. эльфийское имя Тома Бомбадила ИАРВАЙН.

КАЛ (ГАЛ-) — этот корень со значением «сиять» встречается в КАЛАКИРИЯ, КАЛАКВЕНДИ, ТАРКАЛИОН; ГАЛВОРН, ГИЛ-ГЭЛАД, ГАЛАДРИЭЛЬ. Последние два имени не имеют никакой связи с синдаринским ГАЛАД «дерево». Квенийское имя Галадриэли — АЛ(А)ТИРИЭЛЬ от АЛАТА «сияние» и РИЕЛЬ «увенчанная дева». КАЛЕН (ГАЛКИ) «зеленый» этимологически скорее означает «ясный, светлый» и происходит от этого же корня; см. также АГЛАР.

КАЛЕН (ГАЛЕН) — обычное синдаринское слово «зеленый» в АРД-ГАЛЕН, ТОЛ-ГАЛЕН, КАЛЕНАРДОН; также в ПАРТ-ГАЛЕН «Зеленая Лужайка», ПИННАТ-ГЕЛИН «Зеленые Холмы».

КАМ (от КАМБА) — «рука», обозначение руки, сложенной в форме чаши для принятия какого-либо предмета, в КАМЛОСТ, ЭРХАМИОН.

КАНО — «вождь», от этого квенийского слова происходит второй элемент имен ФИНГОН и ТУРГОН.

КАРАК — этот корень просматривается в квенийском КАРКА — «клык», синдаринская форма которого КАРХ использована в КАРХАРОТ и КАРХОСТ «Крепость — Клык» в Моранноне. Ср. КАРАГДУР, КАРАХ АНГРЕН и ХЕЛКАРАКСЭ.

КАРАН — «красный», квенийское КАРНЕ в КАРАНТИР, КАРНИЛЬ, ОРОКАРНИ; также в КАРАДРАС — от КАРАН-РАСС — «Красный Пик» и КАРНИМИРИЭ — «красные алмазы», рябина в песне Древобрада. Перевод КАРАХАРОТ как «Красная Пасть», вероятно, связан с этим корнем.

КВЕН (КВЕТ-) - «говорить, сказать» в КВЕНДИ, КВЕНЬЯ, ВАЛАКВЕНТА. В синдарине сочетание КВ сменяется на П или Б; напр., ПЕДО в надписи на Вратах Марии соответствует квенийскому корню КВЕТ-; слово во фразе Гэндальфа ЛАСТО БЕТ ЛАММЕН — «внемли моим словам» — соответствует квенийскому КВЕТТА.

КЕЛЕБ — «серебро» (квенийское ТЕЛЕП, ТЕЛПЕ, как в ТЕЛЬПЕРИОН). Корень КЕЛЕБ встречается в КЕЛЕБРАНТ, КЕЛЕБОРН, КЕЛЕБРОС, КЕЛЕБРИМБОР — «Горсть Серебра», КЕЛЕБРИНДАЛ — «Среброножка», КЕЛЕБРИН — не «сделанный из



серебра», но «схожий с серебром ценностью или видом». БОР — ПАУР (квенийское КВАРЕ — «кулак»), ДАЛ (ТАЛ) — «нога».

КЕЛЬ — «убегать», «течь» (о воде) в КЕЛОН; от ЭТ–КЕЛЕ «источник» произошло квенийское ЭХТЕЛЕ и синдаринское ЭЙТЕЛЬ, где видна обычная перестановка согласных.

КЕМЕН — «земля» (почва) в КЕМЕНТАРИ; квенийское слово, антоним слова МЕНЕЛЬ «небеса».

КИР — «резать, рубить» в КАЛАКИРИЯ, КИРТ, АНГЕРТАС, КИРИТ (НИННИАХ, ТОРОНАТ). От значения «быстро проходить насквозь» произошло квенийское КИРИА — «корабль с острым носом»; то же значение в именах КИРДАН (см. объяснение в КЕЛЕБ), ТАР–КИРИ–АТАН и, без сомнения, в имени сына Исилдура — КИРИОН.

КОРОН — «курган» в КОРОЛЛАЙРЭ (называлось также КОРОН ОЙОЛАЙРЭ, где последнее слово означало «вечно летний», ср. ОЙЛОССЭ), ср. также КЕРИН–АМРОС — курган в Лотлоризне.

КУ — «лук» в КУТАЛИОН, ДОР–КУАРТОЛ, ЛАЭР–КУ–БЕЛЕГ.

КУЙВИЭ — «пробуждение» в КУЙВИЭНЕН (синдаринское НЕН ЕКУИ). Другие производные от того же корня — ДОР–ФИРН–И–ГУИНАР, КОЙРЕ — «первый день весны», в синдарине ЭКУИР, и КОЙМАС, «хлеб жизни» — квенийское название для ЛЕМБАС.

КУЛ — «красно–золотой» в КУЛУРИЭН.

КУРУ — «ум, хитрость, искусность» в КУРУФИНВЭ, КУРУНИР.

ЛАД — «долина» в ДАГОРЛАД, ХИМЛАД; ИМЛАД — «узкая долина с крутыми склонами» в ИМЛАДРИС (ср. также ИМЛАД МОРГУЛ в Эфел–Дуат).

ЛАУРЕ — «золотой» (по цвету и яркости, но не по материалу) в ЛАУРЕЛИН; синдаринские формы этого слова в ГЛОРЕДЭЛЬ, ГЛОРФИНДЕЛ, ЛОЭГ НИНГЛОРОН, РАТЛОРИЭЛЬ.

ЛАХ — «вспышка пламени» в ДАГОР БРАГОЛЛАХ и, вероятно, в АНГЛАХЕЛЬ (мече, сделанном из метеоритного железа).

ЛИН (1) - «озеро, болото» в ЛИНАЭВЕН (включающем АЭВ (квенийское АЙВЕ) — «небольшая птица»), ТЕЙГЛИН; ср. АЭЛИН.

ЛИН (2) — этот корень, означающий «петь, издавать музыкальный звук», встречается в АЙНУЛИНДАЛЭ, ЛАУРЕЛИН, ЛИНДАР, ЭРЕД–ЛИНДОН, ЛОМЕЛИНДИ.

ЛИТ — «пепел» в АНФАУГЛИТ, ДОР–НУ–ФАУГЛИТ, также в ЭРЕД–ЛИТУИ — Изгарные Горы и ЛИТЛАД — Равнина Пепла.

ЛОК — «петля, изгиб» в УРУЛОКИ (квенийское (X)ЛОКЕ — «земля», синдарнское Л'УГ).

ЛОМ — «эхо» в ДОР–ЛОМИН, ЭРЕД–ЛОМИН; родственные слова — ЛАММОТ, ЛАНТИР ЛАМАТ.

ЛОМЕ — «сумерки» в ЛОМИОН, ЛОМЕЛИНДИ; см. ДУ-.

ЛОНДЕ — «гавань» в АЛЬКВАЛОНДЭ, ср. синдаринскую форму ЛОНД (ЛОНН) в МИТЛОНД.

ЛОС — «снег» в ОЙОЛОССЭ (квенийское ОЙО — «вечно» и ЛОССЕ — «снег, снежно–белый»); синдарнское ЛОСС в ЭМОН–УЙЛОС и АЭГЛОС.

ЛОТ — «цветок» в ЛОТЛОРИЭН, НИМЛОТ; квенийское ЛОТЕ в НИНКВЕЛОТЕ, ВИНГИЛОТЕ.

МАЭГ — «острый, пронзающий» (квенийское МАЙКА) в МАЭГЛИН.

МАЛ- - «золотой» в МАЛДУИН, МАЛИНАЛЬДА; также в МАЛЛОРН и в «ЛУГА КОРМАЛЛЕН», что означает «золотой круг» названо по росшим там деревьям КУЛУМАЛЬДА (см. КУЛ-).

МАН — «добрый, благословенный, неизвращенный» в АМАН, МАНВЭ; производные от АМАН — АМАНДИЛЬ, АРАМАН, УМАНИАР.

МЕЛ — «любовь» в МЕЛИАН (от МЕЛИАН-

НА — «милый дар»); тот же корень виден в синдаринском слове МЕЛЛОН — «друг» в надписи на Вратах Мории.

МЕН — «дорога» в НУМЕН, ХИАРМЕН, РОМЕН, ФОРМЕН.

МЕРЕТ — «праздник» в МЕРЕТ АДЕРТАД; также в МЕРЕТРОНД — «Праздничный Чертог» в Минас–Тирите.

МИНАС — «башня, крепость» в АННУМИНАС, МИНАС–АНОР, МИНАС–ТИРИТ и т. д. Тот же корень появляется в словах, обозначающих уединенно стоящие предметы, напр. МИНДОЛЛУИН, МИНДОН; вероятно, родственен кенийскому МИНИА — «первый»: ср. ТАР–МИНИАТУР — имя первого короля Нуменора.

МИР — «алмаз, драгоценность» (в квенья — МИРЕ) в ЭЛЕМИРЕ, ГВАЙТ–И–МИРДАЙН, МИРИЭЛЬ, НАУГЛАМИР, ТАР–АТАНАМИР.

МИТ — «серебристо–серый» в МИТЛОНД, МИТРАНДИР, МИТРИМ, МИТЭЙТЕЛЬ.

МОР — «темный, черный» в МОРДОР, МОРГОТ, МОРИА, МОРИКВЕНДИ, МОРМЕГИЛ, МОРВЕН и т. д.

МОТ — «сумерки» в НАН–ЭЛЬМОТ.

НАН(Д) - «долина» в НАН–ДУНГОРТЕБ, НАН–ЭЛЬМОТ, НАН–ТАТРЕН.

НАР — «огонь, пламя» в НАРСИЛ, НАРЬЯ; присутствует также и в первоначальной форме имени АЭГНОР (АЙКАНАРО «Жгучее Пламя» или «Яростное пламя») и ФЕАНОР ФЕАНОРО («Пламенный Дух»), Синдаринская форма НАУР употреблена в САММАТ НАУР — «Палаты Огня» в Ородруине. От того же древнего корня (А)НАР произошло название Солнца, квенийское АНАР (см. АНАРИОН) и синдаринское АНОР (см. МИНАС–АНОР, АНОРИЕН).

НАУГ — «гном» в НАУГРИМ; см. также НОГРОД. Родственно ему синдаринское название карликов НОЭГИТ НИБИН («гном» — НАГОТ, мн. ч. НОЭГИТ и НОГОТРИМ).

— (Н)ДИЛ — весьма частое окончание личных имен АМАНДИЛ, ЭЛЕНДИЛ и т. д.; означало «преданность», «бескорыстную любовь».

— (Н)ДУР — в таких именах, как ЭАРЕНДУР, ЭАРНУР, означало то же, что -(Н)ДИЛЬ.

НИМ — «белый» (от первоначального НИМФ, НИМП) в НИМБРЕТИЛ, НИМЛОТ, НИМФЕЛОС, НИФРЕДИЛ (НИФРЕД — «бледный»), БАРАД–НИМРАС, ЭРЕД–НИМРАЙС. Квеньская форма — НИНКВЕЛОТЭ, отсюда НИНКВЕЛОТЭ — НИМЛОТ. Ср. также ТАНИКВЕТИЛЬ

НЕЛЬДОР — «бук» в НЕЛДОРЕТ; однако, скорее всего, это было первоначальное название ХИРИЛОРНА — «бук с тремя стволами» (НЕЛДЕ — «три» и ОРН).

ОРН — «дерево» в КЕЛЕБОРН, ХИРИЛОРН; ср. ФАНГОРН — «Древобрад» и МАЛЛОРН, мн. ч. МЕЛЛИРН.

ОРОД — «гора» в ОРОДРУИН, ТАНГОРОДРИМ, ОРОКАРНИ, ОРОМЕТ. Мн. ч. ЭРЕД в ЭРЕДЭНГРИН и т. д.

ОС(Т) - «крепость» в АНГРЕНОСТ, БЕЛЕГОСТ, ФОРМЕНОС, ФОРНОСТ, МАНДОС, НАРГОТРОНД (от НАРОГ–ОСТ–РОНД) ОС(Т)ГИЛИАТ, ОСТ–ИН–ЭДХИЛЬ.

ПАЛАН — «далеко и широко» (квенья) в ПАЛАНТИР, ТАР–ПАЛАНТИР.

ПЕЛ — «вокруг, окружать» в ПЕЛАРГИР, ПЕЛОРЫ и в ПЕЛЕННОР — «Огражденная Земля» в Минас–Тирите; а также в ЭФЕЛ–БРАНДИР, ЭФЕЛ–ДУАТ (где ЭФЕЛ происходит от ЭТ–ПЕЛ) — «внешняя ограда».

РАМ — «стена» (квенийское РАМБА) в АНДРАМ, РАМДАЛ; также РАММАС ЭХОР — стена вокруг полей Пеленнора в Минас–Тирите.

РА(Э)Н — «бродить, странствовать» в РАНА — Луна и МИТРАНДИР, АЭРАНДИР; также в названии реки ГИЛЬРАЭН в Гондоре.

РАНТ — «поток» в названиях рек АДУРАНТ (где АДУ — «двойной»), КЕЛЕБРАНТ (Серебрянка).

РАС — «рог, пик» в БАРАД–НИМРАС, также в КАРАДРАС — «Багровый Рог» и МЕТЕДРАС — «Последний Пик» в Мглистых Горах; мн. ч. РАЙС в ЭРЕД–НИМРАЙС.

РАУКО — «демон» в ВАЛАРАУКАР; в синдарине РАУГ, РОГ в БАЛРОГ.

РИЛ — «сияние, сверкание» в ИДРИЛЬ, СИЛЬМАРИЛ; также в АНДУРИЛ (меч Арагорна) и МИТРИЛ (морийское серебро). Квенийская форма имени ИДРИЛЬ–ИТАРИЛЛЕ (или ИТАРИЛДЕ), от корня ИТА — «искра».

РИМ — «большое количество, племя» (квенийское РИМБЕ), использовалось обычно для образования собирательного множественного числа: ГОЛОДРИМ, МИТРИМ, НАУГРИМ, ТАНГОРОДРИМ и т.д.

РИНГ — «холод, лед» в РИНГИЛ, РИГВИЛ, ХИМРИНГ и т. д.; также в названии реки в Гондоре РИНГЛО и в РИНГАРЕ, квенийском названии декабря.

РИС — «рубить, резать»; часто смешивается с корнем КРИС-, имеющим подобное же значение (производное от корня КИР — см.), отсюда АНГРИСТ, ОРКРИСТ, КРИССАЭГРИМ, ИМЛАДРИС.

РОМ — корень, обозначающий звук трубы, рога; используется в ОРОМЕ и ВАЛАРОМА.

РОМЕН — «восход, восток» (квенья) в РОМЕННА. Того же происхождения синдаринские слова РУН и АМРУН (в ТАЛАТ–РУНЕН) - «восход, восток».

РОНД — обозначает куполообразную или аркообразную крышу, а также зал, чертог с такой крышей, напр. НАРГОТРОНД, ХАДХОДРОНД, АГЛАРОНД. Может употребляться применительно к небесам, напр. ЭЛРОНД — «Звездный Купол».

РОС — «пена, брызги» в КЕЛЕБРОС, ЭЛРОС, РАУРОС; также КАЙР АНДРОС — остров на Андуйне.

РОХ — «конь» (квенийское РОККО) в РОХАЛЛОС, РОХЛИ (от РОХАНД — «Земля Коней»). РОХИРРИМ; также в РОХАРИН — «Конь Владычицы» (см. ХАРУ), имя коня, который подарила Арагорну Арвен.

РУИН — «красное пламя» (квенийское РУИИА) в ОРОДРУИН.

РУТ — «гнев» в АРАНРУТ.

САРН — «мелкий камень» в САРН-АТРАД и САРН-ГЕБИР (Брод САРН на Брендидуиме — частичный перевод); ГЕБИР — от КЕБЕР «пик, выступ», мн. ч. КЕБИР. Производное СЕРНИ, река в Гондоре.

СЕРЕГ — «кровь» в СЕРЕГОН (квенийское СЕРКЕ).

СИЛЬ (ТИЛЬ) — «сиять» (белым или серебристым светом) в БЕЛЬТИЛЬ, ГАЛАТИЛИОН, СИЛЬПИОН; также в квенийском ИСИЛЬ и синдаринском ИТИЛЬ — Луна (отсюда ИСИЛДУС, НАРСИЛЬ, МИНАС-ИТИЛ, ИТИЛИЕН). Квенийское СИЛЬМАРИЛЫ происходит, вероятно, от СИЛИМА, названия, которое Феанор дал веществу, из коего они были созданы.

СИР — «река» от корня СИР — «течь», в ОССИРИАНД (где первый элемент происходит от числительного «семь» — ОТСО в квенья и ОДО в синдарине), СИРИОН; также в СИРАННОН — «Приврать Река» в Мории, и СИРИТ — «текущий» (как ТИРИТ — «стерегущий» от ТИР), река в Гондоре. С замещением «С» на «Х» в середине слов этот корень встречается в МИНХИРИАТ — «Между Реками», НАНДУХИРИОН — «долина тенистой реки» и в ЭТИР-АНДУИН — «устье или дельта» Андуйна, от ЭТ-СИР.

СУЛ — «ветер» в ЭМОН-СУЛ, СУЛИМО; ср. СУЛИМЕ, квенийское название марта.

ТАЛ (ДАЛ) - «нога» в КЕЛЕБРИНДАЛ и в значении «конец» в РАМДАЛ.

ТАЛАТ — «ровная земля, равнина» в ТАЛАТ-ДИРНЕН, ТАЛАТ-РУНЕН.

ТАЛИОН — «сильный, негибаемый» в КУТАЛИОН.

ТАНГ — «подавление, насилие» в ТАНГОРОДРИМ и также в ДУРТАНГ (замок в Мордоре). Квенийское САНГА означает «давить, душить», отсюда имя человека в Гондоре САНГАХИАНДО.

ТАР (1) — «высший» (квенийское ТАРА), префикс квенийских имен нуменорских королей; женский род ТАРИ — «высшая» в ЭЛЕНТАРИ, КЕМЕНТАРИ. Ср. ТАРМА — «столп» в МЕНЕЛТАРМА.

ТАР (ТАРА) (2) - «через» в САРН–АТРАД, ТАРГЕЛИОН; также в ТАРБАД (от ТАРА–ПАТА — «перекресток»), где древний тракт из Арнора в Гондор пересекал Блекму.

ТАТАР — «ива»; прилагательное ТАТРЕН. в НАН–ТАТРЕН; квенийское ТАСАРЕ в ТАСАРИНАН, Нан–тасарион (то же, что Нан–татрен).

ТАУР — «лес» (квенийское ТАУРЕ) в ТАУРОН, ТАУР–ИМ–ДУИНАТ, ТАУР–НУ–ФУИН.

ТХАУР — «отвратительный» в САУРОН (от ТХАУРОН), ГОРТХАУР.

ТИЛЬ — «острие, рог» в ТАНИКВЕТИЛЬ, ТИЛИОН («Рогатый»), также в КЕЛЕБДИЛЬ — «серебристый пик», гора в Мглистых Горах.

ТИН — «искра» (квенийское ТИНТА — «порождать искры», ТИНВЕ — «искра») в ТИНТАЛЛЕ, также в ТИН ДОМЕ — «звездные сумерки», отсюда ТИНДОМЕРЕЛЬ — «дочь сумерек», поэтическое название соловья (синдарнское ТИНУВИЭЛЬ). Тот же корень присутствует в синдаринском ИТИЛЬДИН — «лунное сияние», вещества из которого были сделаны надписи на воротах Мории.

ТИН(Д) — «серый, серебристо–серый» в ТИНГОЛ; квенийский вариант СИНДА в словах СИНДАРЫ, СИНГОЛЛО (от СИНДАКОЛЛО, где КОЛЛО — «плащ»).

ТИР — «смотреть, сторожить» в МИНАС–ТИРИТ, ПАЛАНТИРИ, ТАР–ПАЛАНТИР, ТИРИОН.

ТОЛ (1) — «остров» (отвесно поднимающийся из моря или реки) в ТОЛ–ЭРЕССЕА, ТОЛ–ГАЛЕН И т.д.

ТОЛ (2) - «шлем» в ДОР–КУАРТОЛ, ГОРТОЛ.

ТОН — «сосна» в ДОРТОНИОН.

ТОРОН — «орел» в ТОРОНДОР (квенийское СОРОНТАР), КИРИТ ТОРОНАТ. Квенийская форма предположительно присутствует в названии созвездия СОРОНУМЕ.

ТУМ — «долина» в ТУМХАЛАД, ТУМЛАДЕН; ср. слово, употребленное Древобрадом, — ТУМБА–ЛЕМОРНА — «черная глубокая долина». Ср. также УТУМНО, синдаринское УДУН (Гэндальф в Мории называет балрога — «Пламя Удуна»), название, которое использовалось впоследствии для обозначения межгорной долины в Мордоре, между Моранноном и Лъдистоустьем.

ТУР — «власть, могущество» в ТУРАМБАР, ТУРГОН, ТУРИН, ФЕАНТУРИ, ТАР–МИНИАТУР.

ТЭЛЬ — «конец, последний» в ТЭЛЕРИ.

УИАЛ — «сумерки» в АЭЛИН–УИАЛ, НЕНУИАЛ.

УР — «жара, жаркий» в УРУЛОКИ; ср. УРИМЕ и УРУИ, квенийское и синдаринское названия августа. Родственное слово — квенийское АУРЕ «свет солнца, день» (см. клич Фингона перед Нирнаэт Арноэдиад), синдаринское АУР (или вариант ОР, использующийся в качестве префикса в названиях дней недели).

ФАЛАС — «берег, побережье» (квенийское ФАЛАССЕ) в ФАЛАС, БЕЛЬФАЛАС, также АНФАЛАС в Гондоре. Ср. также ФАЛАТРИМЫ, ФАЛАТАР. Другое производное от этого корня — квенийское ФАЛМА — «волна»; отсюда МАР–НУ–ФАЛМАР, ФАЛМАРИ.

ФАРОТ — происходит от корня, означающего «охота, погоня»; в балладе ЛЕЙТИАН название «Нагорья Охотников» носит ТАУР–ЭН–ФАРОТ.

ФАУГ — «зев» в АНФАУГЛИР, АНФАУГЛИТ, ДОР–НУ–ФАУГЛИТ.

ФЕА — «дух» в ФЕАНОР, ФЕАНТУРИ.

ФИН — «волосы» в ФИНДУИЛАС, ФИНГОН, ФИНРОД, ГЛОРФИНДЕЛ.

ФОРМЕН — «север» (квенья) в ФОРМЕНОС; синдаринская форма ФОРН (также ФОР, ФОРОД) в ФОРНОСТ.

ФУИН — «мрак, тьма» (квенийское КУИНЕ) в ФУИНУР, ТАУР–НУ–ФУИН.

ХАДХОД — в ХАДХОДРОНД попытка передать звуками синдарина гномье КХАЗАД (ХАДХОДРОНД КХАЗАД–ДУМ).

ХОД — «могильный курган» в ХОД–ЭН–АРВЕН, ХОД–ЭН–ЭЛЛЕТ и т. д.

ХЕЛЕК — «лед» в ХЕЛКАР, ХЕЛКАРАКСЭ (в квенья «ледяной, льдистый» — ХЕЛКА). Но в ХЕЛЕВОРН употреблено синдаринское ХЕЛЕД — «стекло», заимствованное из гномьего языка, где оно звучит как КЕЛЕД (ср. КЕЛЕДЗАРАМ «Зер-кальцое»); ХЕЛЕВОРН означает «черное стекло» (ср. ГАЛВОРН).

ХИАРМЕН — «юг» (квенья) в ХИАРМЕНТИР; синдаринская форма — ХАР, ХАРН, ХАРАД.

ХИЛ — «следовать» в ХИЛДОР, ХИЛДОРИЭН, ЭЛУХИЛ.

ХИМ — «холод» в ХИМЛАД (и, вероятно, в ХИМРИНГ).

ХИНИ — «дети» в ЭРУ ХИНИ — «Дети Эру»; НАРН И ХИН ХУРИН.

ХИТ — «туман» в ХИТАЭГЛИР, ХИТЛУМ (также в НЭН ХИТОЭЛЬ, озеро в Андуине), ХИТЛУМ — синдаринская форма квенийского названия ХИСИЛОМЭ, которое нолдоры дали этому краю (квеньяское ХИСИЕ — «туман» см. в ХИСИМЕ, названии ноября).

ХОТ — «племя, орда» (почти всегда с отрицательным оттенком) в ТОЛ-ИН-ГАУРХОТ; также в ЛОСС(Х)ОТ, Снежные Люди Форохеля, и ГЛАМХОТ — «шумная орда», синдаринское название орков.

ХЭРУ — «вождь, владыка» в ХЭРУМОР, ХЭРУНУМЕН; синдаринское ХИР в ГОННХИРРИМ, РОХИРРИМ, БАРАХИР; ХИРИЛ — «владычица» — в ХИРИЛОРН.

ЭАР — «море» (квенья) в ЭАРЕНДИЛ, ЭАРРАМЕ и др. Синдаринское слово ГА ЭР происходит, вероятно, от того же корня.

ЭДЕЛЬ — «эльф» (синдарин) в АДАНЕДЕЛ, АРЕДЭЛЬ, ГЛОРЕДЭЛЬ, ОСТ-НИ-ЭДИЛЬ; также в ПЕРЭДИЛЬ — полуэльфы.

ЭЙТЕЛЬ — «источник» в ЭЙТЕЛЬ-ИВРИН, ЭЙТЕЛЬ-СИРИОН, БАРАД-ЭЙТЕЛЬ, а также в МИТ-ЭЙТЕЛЬ, названии реки в Эриадоре, см. КЕЛЬ.

ЭЛЬ, ЭЛЕН — «звезда». Согласно легенде, «ЭЛЕ» означало простое восклицание типа «гляди!», вырвавшееся у эльфов, когда они впервые увидели звезды. От этого корня произошли слова ЭЛЬ,

ЭЛЕМ — «звезда» и ЭЛЬДА, ЭЛЕНА — «звездный». О позднейшем использовании слова ЭЛЬДАР см. «Словарь имен и названий». Синдаринским эквивалентом слову ЭЛЬДА было ЭДЕЛЬ (мн. ч. ЭДИЛЬ), но более соответствует слово ЭЛЕД, встречающееся в ЭЛЕДВЕН.



ЭР — «один, одинокий, единый» в ЭМОН–ЭРЕБ (ср. ЭРЕБОР «Одинокая Гора»), ЭРХАМИОН, ЭРЕССЕА, ЭРУ.

ЭРЕГ — «Холлин» в ЭРЕГИОН, РЕГИОН, см. Словарь.

ЭСГАЛ — «тайный» в ЭСГАЛДУИН.

ЭХОР — в ЭХОРИАТ «Окружные Горы», ОРФАЛЬК ЭХОР; ср. РАММАС ЭХОР — «Большая Окружная Стена» вокруг полей Пеленнора в Минас–Тирите.